

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Е. В. РИХТЕР

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ

(ОЧЕРКИ ИСТОРИИ, МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ)

«ВАЛГУС» ТАЛЛИН 1976

Ответственный редактор Л. М. Сабурова

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Эстонской ССР.

РИСО № 1131

Художник-оформитель О. Херодес

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сектор археологии и этнографии Института истории АН ЭССР на протяжении многих лет работает над проблемой славяно-прибалтийско-финских отношений. В этом плане выполнена и данная работа, в которой рассматривается традиционная культура русского населения западного побережья Чудского озера, живущего в пределах Йыгеваского и Тартуского районов Эстонской ССР, от деревни Лохусуу до деревни Варнья, включая и два небольших города — Муствез и Калласте.

Русское старожильческое население Причудья представляет сравнительно позднюю группу, основу которой составили выходцы из соседних губерний России, по конфессиональной принадлежности большей частью старообрядцы (староверы, раскольники). Длительное время русские находились в иноэтническом окружении, и поэтому в задачу исследования входит выяснение того, как отразились межэтнические связи на культуре местного населения.

При изучении истории и быта этой гетерогенной по происхождению группы основное внимание уделялось следующим вопросам: из кого сложилось население Причудья; каковы были этнические традиции, принесенные в Причудье пришлым русским населением и как они трансформировались под воздействием экономических и этнических факторов; какое влияние в данных конкретных условиях оказала старообрядческая идеология на развитие культуры местного русского населения; сходен ли уклад жизни у русских различной религиозной принадлежности (староверы, православные), можно ли говорить об этнографическом единстве населения Причудья; русские Причудья в буржуазной Эстонии; преобразование их культуры и быта в советское время.

Исследование хозяйственной деятельности, жилища, одежды, пищи, семьи, общественного быта и духовной культуры русских Причудья помогает раскрыть специфические черты культуры этой этнической группы и своеобразие ее общественно-экономического быта.

Основное внимание в книге уделяется материальной культуре и в несколько меньшей мере (из-за недостаточной изученности) — другим вопросам.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Изучению окраинных групп русского населения, в том числе и русских Лифляндской губернии, в дореволюционный период почти не уделялось внимания. Русские западного Причудья становятся объектом серьезного научного исследования лишь в 1950—1960-е годы. Причина этого в том, что становление этнографии как науки в Эстонии приходится на начало 1920-х годов и связано с деятельностью Эстонского народного музея (теперь Государственный этнографический музей ЭССР) в Тарту, который в те годы занимался сбором вещевого и документального материала по этнографии эстонцев¹. Русский материал при этом, как правило, не учитывался. Лишь в начале 1930-х годов, когда в этнографии ведущим становится историко-сравнительный метод, исследователи начинают привлекать и русский материал. В этом плане была составлена монография Г. Рянк о рыболовстве на Чудском озере, в которой содержатся детальные сведения по орудиям и способам лова, переработки рыбы, приводятся соответствующая эстонская и русская терминология². Во введении к своему тщательному исследованию автор дает характеристику этнического состава этого региона, краткий обзор истории заселения эстонского побережья Чудско-Псковского водоема, излагает историю возникновения и развития деревень западного Причудья.

В 1920—1930-е годы к собирательской деятельности в качестве фольклористов были привлечены русские студенты Тартуского университета. Собранный ими в деревнях западного Причудья материал по народному творчеству, обрядам и верованиям хранится в Тарту, в Русском фонде фольклорного архива Государственного литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда (т. 1 и 2)³.

¹ Подробнее см.: Viires, A. Etnograafilise mõtte arengu põhi-jooni. — Rmt.: Leninlik etapp ajalooteaduses. Historiograafilisi artikleid. Tallinn, 1970, lk. 351, 352.

² Ränk, G. Peipsi kalastusest. Tartu, 1934. XVIII + 216 lk.

³ Мурникова Т. Ф. Русские фольклорные и диалектологические материалы в Государственном литературном музее им. Фр. Р. Крейцвальда в Тарту. — В кн.: Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970, с. 229.

В 1940 г. Эстонским народным музеем было запланировано этнографическое изучение русских Причудья, осуществлению которого помешала начавшаяся в 1941 г. война.

В послевоенные годы в освобожденных Прибалтийских республиках широко развернулась этнографическая работа. Для разработки вопросов этногенеза народов Прибалтики и изучения этнических связей между соседними народами в Институте этнографии АН СССР была создана Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция, включавшая прибалтийских и московских специалистов (всего 50 участников). При сборе этнографического материала члены отрядов руководствовались методической инструкцией, разработанной начальником Балтийской экспедиции профессором Н. Н. Чебоксаровым. В инструкции особое внимание экспедиционных отрядов обращалось на выявление этнической специфики локальных групп Прибалтики, в том числе и русских. В связи с этим исследовались главным образом восточные пограничные районы всех трех республик. Так, летом 1952 г. отряд под руководством К. И. Козловой провел сбор этнографического материала в Калластеском и Муствезском районах Эстонской ССР, т. е. в деревнях Причудья⁴. В том же году эстонский отряд под руководством А. Х. Моора собирал материал среди населения северного Причудья и Принаровья⁵.

В отчетном докладе, прочитанном в 1953 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР, профессор Н. Н. Чебоксаров отметил в качестве одного из результатов экспедиционных исследований выявление давних контактов и взаимовлияний между русскими старожилыми и коренным населением Прибалтики. Новые данные показали, что господствующее некогда в науке представление об изолированности староверов не соответствует действительности⁶.

Совместная работа отрядов Балтийской и Русской экспедиций была плодотворной и заложила основы изучения этих ранее мало исследованных русских групп старожильческого населения Прибалтики⁷.

⁴ Козлова К. И. Русские западного побережья Чудского озера. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). — «Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР, (в дальнейшем ТИЭ), нов. серия, т. XXIII», М., 1954, с. 152—158.

⁵ Моора А. Х. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. — Там же, с. 138—151.

⁶ Чебоксаров Н. Н. Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических данных. — Там же, с. 9.

⁷ Ганцкая О. А. Некоторые материалы по этнографии старожильческого русского населения Литовской ССР. — Там же, с. 78—88; Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей евро-

Многолетние исследования Прибалтийской экспедиции проводились на высоком теоретическом уровне. Обширна литература по результатам работ этой экспедиции⁸. Принципиальное значение для нашей темы имеет совместная статья Х. А. и А. Х. Моора «К вопросу об историко-культурных под-областях и районах Прибалтики», в которой дано районирование Прибалтики по комплексу культурно-хозяйственных признаков. Эстонское Причудье по особенностям хозяйственной жизни, быта и культуры, которым в этой статье дана емкая характеристика, выделено как район протяженной под-области, промежуточной полосы между Прибалтикой и областями, примыкающими к ней с востока⁹. В 1964 г. А. Х. Моора опубликовала монографию «Очерки этнической истории Причудья»¹⁰, в которой рассматриваются вопросы заселения Причудья, особенности хозяйственной жизни населения северного и частично западного Причудья.

В 1950-е годы в республиках Прибалтики развернулась работа по изучению диалектов местного русского населения. В Эстонии сбором диалектологических материалов в районах с русским населением, в частности в деревнях Причудья, занимаются студенты Тартуского университета¹¹. Собранные ими материалы, особенно относящиеся к области лексики, имеют существенное значение при исследовании некоторых сторон быта и культуры русских старожилых данного района.

Таким образом, население западного Причудья в послевоенные десятилетия неоднократно привлекало к себе внимание различных исследователей, хотя многие стороны культуры и быта этой группы остались еще не изученными.

пейской части СССР. — ТИЭ, нов. серия, т. VII, М., 1960, с. 5—71; Заварина А. А. Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955. 15 с.; Zavarina A. Latgales krievutautiņas iedzīvotāju materiālā kultūra XIX gs. Otrajā pusē un XX gs. sākumā. — «Археология и этнография, VIII», Рига, 1968, с. 171—188. Заварина А. А. Из истории поселений старообрядцев Латгалии. — В кн.: Атеизм и религия. Рига, 1969, с. 153—172.

⁸ Терентьева Л. Н. О работе комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году. — «Советская этнография» (в дальнейшем СЭ), 1953, 1, с. 182—190; Терентьева Л. Н. Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года. — СЭ, 1954, 3, с. 106—111; Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). — ТИЭ, т. XXIII, М., 1954; Балтийский этнографический сборник. — ТИЭ, т. XXXII, М., 1956; «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959.

⁹ Моора Х. А. и А. Х. К вопросу об историко-культурных под-областях и районах Прибалтики. — СЭ, 3, М., 1960, с. 41—43.

¹⁰ Моора, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964. 367 lk.

¹¹ Мурникова Т. Ф. Русские говоры Эстонии. — Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», т. 36. Филологические науки. Сб. кафедры русского языка, вып. 6А. Рига, 1960, с. 61.

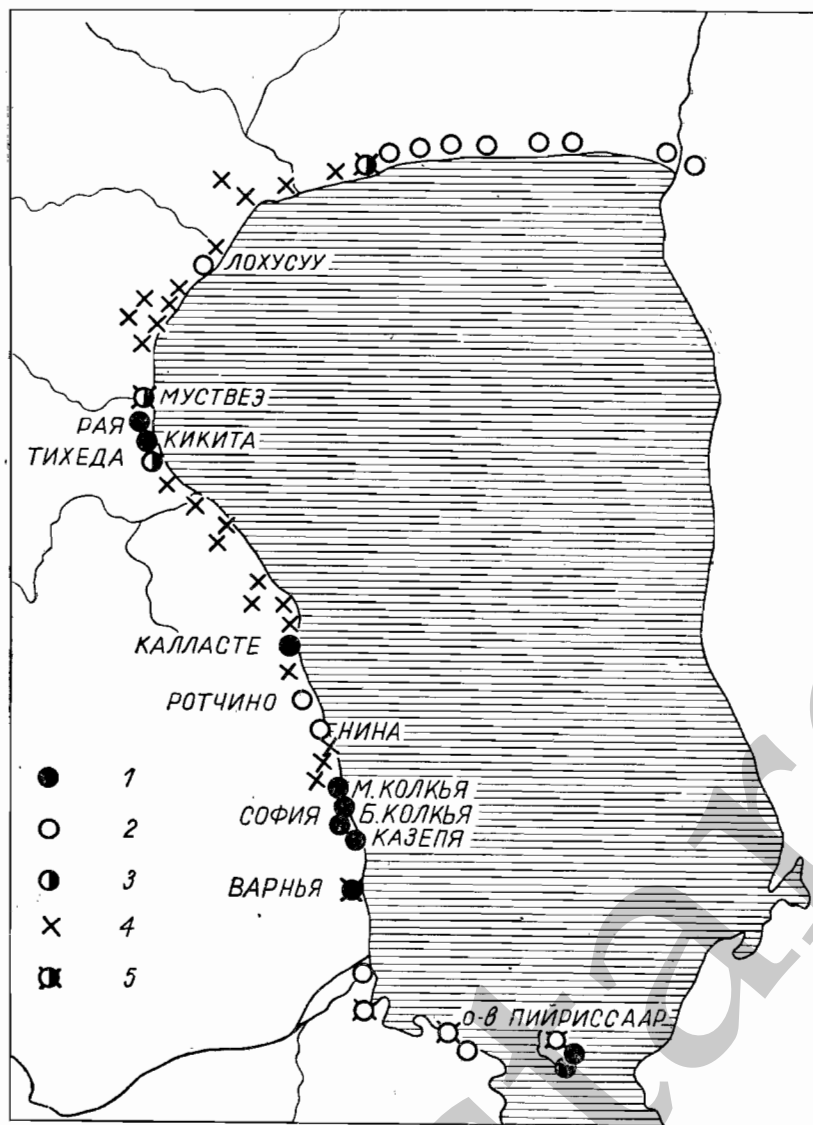

Рис. 1. Этнический состав деревень западного Причудья.
Население: 1 — старообрядческое; 2 — православное; 3 — православное и старообрядческое; 4 — эстонское; 5 — эстонское и русское.

Примечание: на рис. 1 Б. Колкья и М. Колкья даются в старом написании, в тексте — М. и Б. Колкья.

В качестве самостоятельной темы этнографическое исследование старожильского населения Причудья в 1962 г. было включено в научный план Института истории Академии наук ЭССР.

Основной материал по теме был получен в экспедициях по западному Причудью (деревни Лохусуу, Рая, Тихеда, Кикита, Нина, Б. и М. Колкья, Варнья, города Муствез и Калласте; см. рис. 1). Кроме того были привлечены литературные и архивные источники.

В дореволюционной литературе о населении интересующего нас района имеются всего две публикации. В книге К. А. Авдеевой находим описание быта, занятий, отчасти материальной культуры жителей Причудья в 1830-е годы¹². Основная ценность этой короткой зарисовки состоит в том, что в ней зафиксирован период, не сохранившийся в памяти жителей Причудья старшего поколения.

Приблизительно на тех же вопросах, что и Авдеева, останавливается автор статьи «Деревня Варнья», опубликованной в 1898 г. на эстонском языке¹³.

Основную часть русского населения Причудья в первой половине XIX в. составляли староверы беспоповцы-федосеевцы, однако данных о времени заселения староверами западного побережья Чудского озера в многочисленных сочинениях по истории раскола обнаружить не удалось. В них мы находим лишь сведения о появлении первых раскольников в северо-восточной Эстонии, о поездке к ним известного «расколоучителя» Феодосия, об основании последователями Феодосия обители в юго-восточной Эстонии в конце XVII — начале XVIII в.¹⁴. Упоминание о раскольниках Причудья относится к середине XIX в. и включено в сборник В. Кельсиева («дело Куткина»)¹⁵. В условиях николаевской реакции, когда

¹² К. А. Авдеева, сестра петербургского литератора Н. Полевого, в 1830-е годы, жившая у своего зятя, профессора Дерптского университета, описала жизнь современных ей г. Тарту и Причудья в книге «Записки о старом и новом русском быте» (СПб, 1842), страницы 42—52 которой посвящены описанию поездки в д. Колкья (Колкья).

¹³ Газ. «Postimees», 1898, № 155, 156.

¹⁴ Иоаннов [Журавлев] Андрей. Полное историческое известие о древних строгольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, в 4-х частях. Изд. 5-е (изд. 1-е вышло в 1794 г.). СПб, 1855, с. 14—15 и 68—71; Макарий, епископ Винницкий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб, 1858, с. 290—295; Есипов Т. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной разыскных дел канцелярии. Изд-е Д. Е. Кожанчикова. СПб, 1861, с. 87—103; Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольничьего учения о браке. Вып. 1 и 2. СПб, 1869, с. 92, 94—97, 108—111, 323.

¹⁵ Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. I—III. Лондон, 1861—1862, с. 114.

правительство принялось снова активно искоренять раскол в России, сочинения о староверах, как научные, так и публицистические, по цензурным соображениям не публиковались. Однако Министерство внутренних дел стремилось выяснить число раскольников и характер многочисленных сект России. Из канцелярии министерства губернаторам рассылались циркуляры с запросами о местных раскольниках. В ответ на местах составлялись секретные докладные записки. Собранные впоследствии В. Кельсиевым, они были изданы при содействии А. Герцена и Н. Огарева в Лондоне.

Не увидела свет и обстоятельная «Записка» Н. Лескова о положении старообрядческих школ в Лифляндии¹⁶, в которой содержатся детальные сведения об общественной жизни староверов Причудья середины XIX в.

Публикация В. Кельсиева и очерки Н. Лескова отражают взаимоотношения между правительством и церковью, с одной стороны, и старообрядцами — с другой.

Эти взаимоотношения фрагментарно проступают и в официальных сводках губернских властей о «раскольниках Дерптского уезда Лифляндской губернии», но еще отчетливее в многочисленных судебных делах, хранящихся в фонде Департамента общих дел по расколу Министерства внутренних дел (ЦГИА СССР, ф. 1284) и до сих пор еще никем не использованных.

Некоторые материалы о процессах миграции населения Причудья, его численного и сословного состава и демографии содержатся в делах фондов Тартуского (Дерптского, позднее Юрьевского) городского полицейского управления (ЦГИА ЭССР, ф. 325) и Дерптской управы благочиния (там же, ф. 1880), Дерптской уездной полиции (ф. 332), волостной управы Алатскиви (ф. 3110) и др., а также в книгах записей рождений, смертей и заключения браков (хранятся в Архиве республиканского бюро ЗАГСа), которые с 1913 г. велись старообрядческими наставниками.

Из рукописных источников важный материал дают летописи местных православных церквей (в Муствез, быв. посаде Черном, и в д. Нина, быв. д. Нос)¹⁷, в которых излагается история заселения края, охарактеризованы занятия и нравы

¹⁶ Лесков Н. О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам [СПб, 1863]. Записка была отпечатана в количестве 60 экземпляров для раздачи министрам и членам Государственного совета. «Куда делась и где находится — неизвестно», — писал сам Лесков. В настоящее время один экземпляр «Записки» хранится в Научной библиотеке АН ЭССР.

¹⁷ Летопись Черносельской православной церкви и прихода (в дальнейшем — Черносельская летопись); Летопись Носовской Покровской церкви (в дальнейшем — Носовская летопись). Светокопия последней хранится в Институте истории АН ЭССР. Местонахождение Черносельской летописи неизвестно.

населения, деятельность школ, описаны события, произошедшие в деревнях Причудья с конца XIX в. по 1920-е годы. При пользовании летописями учитывалась их неизбежная тенденциозность.

При исследовании русской культуры Причудья большую помощь оказывают данные диалектологии. Поэтому в настоящей работе широко используются материалы регионального словаря¹⁸ и богатая картотека Псковского областного словаря, хранящиеся в межфакультетском словарном кабинете Ленинградского государственного университета, а также специальные статьи диалектологов¹⁹.

Как уже отмечалось, многие сведения, касающиеся быта населения, были получены от жителей деревень западного Причудья; они обычно приводятся в тексте в кавычках, но без сносок. Все полевые материалы, собранные в экспедициях, а также фотографии, выполненные автором, хранятся в секторе археологии и этнографии Института истории АН ЭССР.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ

Точные данные о времени основания самых первых русских поселений на западном берегу Чудского озера отсутствуют. Как выяснили эстонские ученые, в XIII и XIV вв. здесь еще не было постоянного населения, и русские рыбаки, наезжавшие сюда с восточного берега, вели лишь сезонный лов. Значительное число русских поселенцев появилось в западном Причудье в начале XVII в. Хотя многие из них впоследствии обэстонились, д. Нос (эст. Нина) все же осталась чисто русской²⁰. Почти все русские деревни западного Причудья возникли позднее, жители их ведут свое происхождение от переселенцев-раскольников конца XVIII — на-

¹⁸ Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1863.

¹⁹ См. Псковские говоры I. — В кн.: Труды Первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962, в которых опубликованы статьи Богородского Б. Л., с. 179—192, Глускиной С. М., с. 28—50 и др.; Псковские говоры II. — В кн.: Труды Второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. Псков, 1968: Лутвинова И. С., с. 200—212 и др.; Мурникова Т. Ф. Русские говоры Эстонии, с. 61; Murnikova, Tatjana. Venõ murdeuurimine Eestis. — «Keel ja Kirjandus», 1970, nr. 12, lk. 745—747. Семенов М. Ф. О региональном атласе русских старожильческих говоров Прибалтики. Диалектологический сборник (Материалы II диалектологической конференции). — «Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», Рига, 1968, т. 92, с. 5—9.

²⁰ Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 51—56; Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 16—28.

чала XIX в. (в других районах Эстонии первые небольшие группы раскольников появились в конце XVII в.).

Раскол русской церкви на официальную православную и старообрядческую произошел после 1666 г., в связи с реформами патриарха Никона. Преобразования Никона, ставившие своей целью централизацию церковного управления и единообразие вероучения, выразились в исправлении церковных книг от множества накопившихся в них с веками ошибок, во введении культовых новшеств, приближении некоторых обрядов к принятым в греческой церкви. Приверженцы старой, «древнеправославной» веры настаивали на сохранении «истинно русского» православного культа. Борьба между никонианцами и старообрядцами достигла особой остроты, когда в нее включились угнетенное крестьянство и городская беднота. Массовое народное движение против усиливающейся феодальной эксплуатации и обострившаяся во второй половине XVII в. классовая борьба приобрели религиозную форму. Число приверженцев старой, «истинной» веры неудержимо росло и достигло в конце XVII и в XVIII веке сотни тысяч, а район распространения раскола охватил огромную территорию, в том числе и на Северо-Западе России — города Псков и Новгород с их окрестностями. Церковный собор 1767 года объявил сторонников старой веры «раскольниками» и отлучил их от церкви. На них обрушиваются гонения и преследования, один за другим следуют царские указы, направленные против старообрядцев²¹. Широко распространенной формой пассивного сопротивления царским и духовным властям у раскольников явилось бегство на окраины России и за тогдашний рубеж — в польскую Лифляндию, в Польшу, Курляндию, Пруссию, в шведские владения (современная Северная Эстония).

На территорию Эстонии «за шведский рубеж первым из расколуучителей пришел, сколь известно, какой-то Тимошка с пятьюдесятью или более человек крестьян, которых он перекрестил и увлек с целыми семействами за собой; потом, в 1684—1685 гг. туда же бежали многие другие крестьяне и бобыли из разных волостей и погостов новгородских, увлеченные расколом»²². Поселившись неподалеку от р. Наровы, дни «не прерывали сношений с новгородскими своими братьями и поддерживали друг друга»²³. Переход через русско-шведский рубеж для раскольников не представлял особых затруднений — район Принаровья и северного Причудья

²¹ Равнозначные по смыслу названия использовались по-разному: расколуучители — в официальных документах XVIII—XIX вв., старообрядцы — в документах и сочинениях исследователей, староверы — в разговорной речи. Последнее название наиболее часто употребляется в Причудье. В данной книге встречаются все три названия.

²² Макарий. История русского раскола, с. 291.

(Алутагузе) был в этническом отношении территорией со смешанным населением, и отдельные русские поселенцы поддерживали связи с населением, живущим по ту сторону р. Наровы. Вызывает удивление другое обстоятельство — каким образом такая значительная по численности группа новых пришельцев, насчитывающая более ста человек, осталась незамеченной местными властями и появление ее не нашло отражения в документах. Очевидно, права А. Моора, которая пишет, что раскольники, поселившиеся в д. Мустайэ (русское название — Черная), жили изолированно²⁴; понятно, что они укрывались от властей, однако вряд ли это была немногочисленная группа. Во-первых, нет причин не доверять архивному документу, приведенному Макарием, а, во-вторых, о значительной численности зарубежных староверов может до некоторой степени свидетельствовать пристальное внимание к ним новгородского центра раскола. В 1692 г. до Новгорода доходит весть, что за шведским рубежом, «на Черной мызе за Ругодивом» некто Иван Коломенский уговаривает раскольников вернуться на родину и присоединиться к православной церкви. Специально по этому поводу созывается «сходбище», составляется грамота²⁵, с которой посылаются Феодосий Васильев «с товарищами за Нарву в некоторое селение, называемое ныне Солдина мыза и находящееся от Нарвы в пяти или шести верстах при Черной речке», где он, как говорилось в грамоте, «обо всем нашем, и отцов наших Новгородцев учении и духовных творении ответ учинил, и в правду уста их заградил, и лжу их обличил»²⁶.

Неизвестно, чем окончились разоблачения Феодосия, сильного и убежденного проповедника, основателя беспоповщинского старообрядческого толка, получившего по его имени название фодосеевского, который избличал Ивана Коломенского со товарищи в том, что они «пьют горелое вино хмельное и женятся глаголют людям несть греха, в питии и ядении пищей и сообщения с неверными Никонианы»²⁷. В 1694 г., когда Феодосий вернулся из-за шведского рубежа, на новом сходбище в отношении «зарубежных учителей» было постановлено: «И с таковыми, нам Новгородским учителям и православным христианам, отпадшим, ни пити, ни ясти, ни на молитве стояти, и ни в чем сообщения не имети...»²⁸.

О дальнейшей судьбе староверов, поселившихся близ Нар-

²³ Там же.

²⁴ Моора, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 49.

²⁵ Иоаннов. Полное историческое известие..., с. 68; автор — один из историков-раскольников приводит и текст грамоты «писанной новгородскими перекрещенцами на сходбище, бывшем в лето 7200 (1692) июля в 1 день», с. 69—71.

²⁶ Там же, с. 71.

²⁷ Там же, с. 70.

²⁸ Там же.

вы, имеются очень скудные данные, собранные историком О. Лийвом. Упоминает о них в 1700 г. пастор прихода Вайвара. О сожженной деревне Мустыйэ (Черная), об убитых и повешенных раскольниках в ходе военных действий близ Нарвы писал в 1702 г. генерал Б. Шереметьев. А в документах ревизии 1726 г. снова отмечается, что в деревне Мустыйэ живут только раскольники²⁹. Возможно, что со временем потомки первых переселенцев-раскольников уходили на новые места жительства, ближе к берегу Чудского озера, и лишь часть их уцелела здесь же, являя собой единственный остров староверов среди русского православного населения деревень Принаровья и северного Причудья³⁰.

Появление на территории Эстонии следующей по времени волны переселенцев-раскольников связано с деятельностью Феодосия. В 1699 г. Феодосий со своими последователями уходит в Польшу, а спустя девять лет возвращается и устраивает в Вязовской волости Великолуцкого уезда два общежительства фодосеевского толка (в 1706 г. состоялся его разрыв с Выговской поморской общиной). После эпидемии «смертоносной язвы», истребившей почти всех людей общины, Феодосий испрашивает у А. Д. Меньшикова «мызу Ряпино в уезде Юрьева Ливонского», где и поселяются в 1710 г. его сын и брат с братией, пришедшей из Польши (сам Феодосий находился в то время в новгородской тюрьме, где и умер в 1711 году)³¹. На р. Выханду ими был основан общежительный монастырь: «... Место оно зело угодно бе и пропитанию многим и рыбные ловли довольно», — как писал автор «Жития Феодосия Васильева»³². Но уже в 1718 г., когда стало известно о том, что в скиту находили прибежище многие беглые солдаты, началось «разорение» монастыря. В Ряпина была послана военная команда, и «братия побегала врозь, кто куда знал». Например, среди тех, кто направился в д. Зазыбень, Псковского уезда, упоминается некто Калина Михайлов, который избрал себе путь через д. Воронью. В 1722 г. ряпинские скиты были уничтожены окончательно: «... В Ряпиной обители ... и следу обрестися, ... староверста невозможне»³³. По данным ревизий, однако, и в 1721, и в 1731 г. в окрестностях Ряпина, по течению р. Выханду и неподалеку от Псковского озера значилось русских жителей: в д. Нульга — 5 семей, в Тоосте — 10, в Б. и М. Вээрксу — 6, в Куукси, Йыэпере, Выыпсу — по 3 семьи, в Ме-

²⁹ Liiv, O. Vene asustusest Alutagusel kuni XVIII sajandi esimese veerandini. Tartu, 1929, lk. 36.

³⁰ Там же, с. 35.

³¹ Макарий. История русского раскола ..., с. 294.

³² Цитировано по Заволоко И. Н. Ряпино. — «Родная старина», Рига, 1930, № 9, с. 9.

³³ Там же, с. 10.

хикорма и Араву — по 2 семьи. Всего 34 семьи русских с пометой «раскольники». После 1731 г. бдльшая часть имен раскольников из списков исчезает, появляются новые имена пришельцев из Польши, Новгорода, Псковского уезда и других мест³⁴. Можно предположить, что часть ряпинских староверов после разорения монастыря и преследований ушла на север, выбрав новым местожительством удобный для рыболовства берег, простирающийся к северу от устья р. Эмайыги. Из Обозерья в Причудье староверы могли перебраться на лодках (вдоль берега до первой причудской деревни Вороньи насчитывается примерно 40 км). Деревня Воронья, где еще в начале XVII в. 1/6 часть населения составляли русские жители³⁵, была известна ряпинским староверам: именно через нее бежал от преследования солдат Калина Михайлов. Неслучайным кажется и такой факт: в списках имен раскольников, проживающих на землях Ряпинской мызы, значится фамилия Никитиных; в 1811 г. из Новгорода сюда прибыл Арист Никитин, его имя значится и в перечне жителей д. Тоосте за 1738—1741 гг., а в д. Араву в те же годы проживал Омельян Никитин, в Мехикорма — Емельян Кикитин, в д. Наха — Иван Никитин³⁶. В Причудье же старообрядческая община возникла в конце 1730-х гг. Основателем и деревни Кикита (Никитовка), и моленной, построенной в 1740 г., считают купца Никитина, прибывшего из Новгорода³⁷. В первой половине XIX в. в д. Воронья наиболее влиятельная семья потомственных старообрядческих наставников-фодосеевцев также носила фамилию Никитиных (подробнее о них см. в главе «Общественная жизнь», с. 236). Неизвестно, состояли ли в родстве Никитины Обозерья, деревень Кикита и Воронья, но это пока единственное обнаруженное совпадение фамилий у двух групп ранних переселенцев в Лифляндии. Следует отметить, что староверы, прибывающие на западный берег Чудского озера с юга, т. е. из окрестностей мызы Ряпина или через ее земли, были отнюдь не прямые выходцы из ближайших уездов. Согласно ревизии 1731 г., из 126 русских семей, проживавших в ряпинских деревнях, 20 прибыли (в разное время) из Новгорода, 14 — из Польши, 8 — из Печорской волости и т. д.³⁸.

³⁴ Annist, S. Vene asustusest Rāpinas XVIII sajandi I poolal. — Rmt.: Eesti Geograafia Seltsi aastafaamat 1973. Tallinn, 1974, lk. 232, 244.

³⁵ Murel, V. Vene asustusest Peipsi läänerannikul XVII sajandil. — «Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik 128. Geograafia-alaseid töid», 1962, lk. 147.

³⁶ ЦГАДА, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 241, л. 178—188; ЦГИА ЭССР, ф. 567, оп. 3, ед. хр. 190, л. 121.

³⁷ Малышев К. А. Краткая летопись Кикитовской общины в Причудском крае. — «Родная старина», Рига, 1929, № 7, с. 27.

³⁸ Annist, S. Vene asustusest Rāpinas..., lk. 238.

«Южный» путь был не единственным, которым проникали старoverы-федосеевцы в Причудье из Псковской и более дальних русских губерний. Одним из перевалочных пунктов для них мог быть о-в Пийриссаар (Межа), где, по данным начала XIX в., также жили старoverы. От гдовского берега, с «той стороны», беглецы приплывали на лодках, а зимой переходили по льду. Так, по преданию, в 1720 г. возникло Калласте³⁹: переехавшие через озеро рыбаки высадились в Разлоге, на пологом месте берега, между крутыми уступами, образованными красным песчаником, и основали здесь деревню, получившую название Красные Горы (теперь г. Калласте).

Третий путь, «северный», пролегал через леса северо-восточной окраины Эстляндии. В XVIII в., как и раньше, этим путем эстонские крестьяне пробирались на восток, а русские беглецы — на запад. Ю. Какк; описывая случаи облав в пограничных районах, предпринимаемых губернскими властями для поимки беглых крестьян на севере, вдоль р. Наровы и к западу от нее, приводит такой факт. В Раннапунгерья, небольшой эстонской деревне, от которой далее к югу простирается цепочка русских деревень Причудья, держал корчму «русский по фамилии Порфильев». Жена корчмаря во время ночевки в корчме воинского отряда (ноябрь 1806 г.) пыталась помочь бежать эстонскому крестьянину, арестованному во время облавы по деревням северного Причудья⁴⁰. Эта корчма, видимо, служила пристанищем для беглых крестьян, прибывавших сюда с востока. От Раннапунгерья до первых русских деревень — Логозы (Лохусуу) и Черная (Муствез) — добраться было уже несложно, их разделяло расстояние лишь в несколько верст.

Времени и обстоятельство возникновения деревень западного Причудья народная память не сохранила. Рассказы, дошедшие от дедов-прадедов, всюду одинаковы: небольшая вначале деревенька, окруженная лесом «густяругой», из которой зимой волки подходили под самые окна домов, затем быстро, при жизни одного поколения, превращается в многодворную. Действительно, на топографической карте 1824 г. видно, что лес близко подходил к побережью, оставляя вдоль него лишь небольшую полосу. Относительно же величины деревень можно сказать, что в первой четверти XIX в. многие из них по числу дворов отличались не только от эстонских поселений, но и от небольших псковских деревень: судя по архивным данным, на семь деревень Причудья приходилось

³⁹ Kröger A. v. Verkehrs- und Adressbuch für 1892/93. Bd II. Riga, 1892, S. 151.

⁴⁰ Какк Ю. Крестьянское движение в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. Таллин, 1962, с. 117.

в среднем 83 двора (в Северной Эстонии среднее число дворов на деревню 9,6—12,5; деревни в 11—20 дворов составляли здесь менее 1/3 всех поселений⁴¹). По данным архива Географического общества СССР, в середине XIX в. многие деревни Псковской губернии насчитывали не более двух—четырёх дворов⁴².

На вопрос: «из кого составилось население деревень?» — старики отвечают: «Говорят, старoverы боле с того берега перебежали, спасались от властей», или: «Сюда набегло разного народу, а все боле с того берега». Рассказы о прадедах, бежавших с той стороны и «прибывшихся» в дом к старoverам, а затем основавших здесь семьи, можно услышать в каждой деревне.

Об «естественном заселении» западного побережья с востока пишет и А. Ф. Риттих⁴³. Да и архивные материалы подтверждают наличие тесных связей — торговых, брачных, культовых, соединяющих жителей Причудья, Петербургской и Псковской губерний. В последней, кстати, в XIX в. значилось 15 тыс. раскольников, «большой частью из секты беспововщины»⁴⁴.

В донесениях управляющему Министерством внутренних дел из канцелярии Рижского военного губернатора от 1821 г.⁴⁵ по поводу старoverов Причудья сказано: здесь «первоначально поселялись многие беглые, которые достигли свободы разными случаями и на основании манифестов, и в позднейшие времена укрывались там беглецы, находившие пристанища у раскольников как по промыслу рыбной ловлей, так и по удобству местоположения к скрыватьству, ибо там соединяются посредством Чудского озера четыре губернии: Лифляндская, Эстляндская, Псковская и Санктпетербургская»⁴⁶.

Причудье в качестве прибежища для беглецов имело ряд преимуществ. Причудские деревни размещались на окраинных неплодородных землях северо-восточной части Тартуского уезда. Наиболее крупное имение — Алатскиви принадлежало барону Штакельбергу. Остальные имения — Кокора,

⁴¹ Троска Г. Деревни северной Эстонии в XIX в. — В кн.: Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1971, с. 95, 96.

⁴² Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения..., с. 16, сноска 4.

⁴³ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. Т. XV, XVI, XVII. СПб, 1837, с. 11.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 198, 1840 г., ед. хр. 110, л. 2.

⁴⁵ В 1762 г. Екатериной II был издан манифест, по которому бежавших за границу старoverов призывали вернуться домой, обещая им льготы.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 1. В дальнейшем — Донесение 1821 г.

Кавасту, Пала, Кастер и др. были невелики и нередко переходили из рук в руки, либо попадали в казну. Казенной мызой во второй половине XIX в. значилось имение Флемминсгоф, на землях которого и располагался Муствез; мыза Кастер была лесничеством; береговые участки его арендовали жители д. Варнья. Помещики, сдавая новопоселенцам в аренду небольшие участки земли под дома и огороды, получали от них денежный оброк за землю, за право рыбной ловли в озере.

В архивных документах начала XIX в. почти не встречается дел о розыске и возвращении беглых крестьян их владельцам — русским помещикам. Уездным властям Лифляндии, несмотря на все предпринятые меры, было нелегко обнаружить беглецов в Причудье. Причины этого изложил в записке на имя управляющего Министерства внутренних дел губернатор Остзейских провинций маркиз Пауллуччи в 1827 г.: «Секта считает обязанностью, если может помочь кому-либо из сочленов оной — беглому или дезертиру, и все изыскания по делам сомнительного и подозрительного происхождения остаются тщетными, ибо все таковые люди, кои либо учинили побег от своих помещиков, либо укрываются от наказания за преступления, находят убежище у раскольников и по ложному показанию принадлежащих к оной секте избегают всех поисков»⁴⁷.

Третьим, не менее важным обстоятельством, привлекавшим людей на земли Тартуского уезда, была возможность уберечь свои религиозные устои, так как и помещики, и эстонские крестьяне лютеранского вероисповедания были достаточно индифферентны к различиям в «русской вере», а надзор священников, наезжавших иногда из Тарту или из Пскова к местным православным жителям, не мог осуществляться регулярно. Именно на XVIII век, точнее на период с 1740 по 1790 г. приходится строительство моленных в деревнях Варнья, Колкья, Казепель, Красные Горы (Калласте) и в посаде Черном (Муствез)⁴⁸, что свидетельствует об организационно сложившихся религиозных общинах в каждой из этих деревень.

Правительственный надзор за староверами Причудья был установлен в конце второго десятилетия XIX в. В 1818 г. исправникам было приказано составить по деревням списки, и к 1820 г. определилось более или менее точно их число. В цитированном уже донесении отмечалось: «К прекращению скрывательства беглых губернское начальство принимало всякие меры, особенно в 1819 году, когда там начались грабежи. Особый чиновник с военной командой выловил много

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1827 г., ед. хр. 38, лл. 2—3.

⁴⁸ Там же, ед. хр. 101, л. 2; устные сведения получены от наставника Ф. Ноева из Калласте.

беглых и преступников. Для искоренения пристанодержательства беглых был учрежден особый надзор, а в деревнях определены и сотники, которые по особо данной им инструкции и под строгой ответственностью следят за порядком. Одному из арендаторов казенной мызы поручено иметь за десятником и сотником присмотр, с тем, чтобы он объявлял ордунгсгерихту о всяком замеченном беспорядке, проверять установленные у живущих в деревне виды. С согласия помещицы графини Штакельберг уничтожены три деревеньки: Сельсте, Карьенде и Ерьеперре, в лесах находившиеся. Порядок восстановлен»⁴⁹.

Однако, как свидетельствует статистика, рост населения Причудья продолжался и дальше (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность русского населения в деревнях Причудья в 1782—1846 гг.

Год	Число жителей
1782	811*
1811	1172**
1820	2700***
1846	4600****

* Моога, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 94.

** ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 1.

*** Там же.

**** Там же, оп. 201, 1846 г., д. 806, лл. 14—15.

Таблица наглядно показывает динамику количественного роста населения. Если с 1782 по 1811 г. население Причудья увеличилось в 1,5 раза, то с 1811 по 1846 г. — почти в четыре раза.

На всей территории Прибалтики в XVIII и в первой половине XIX в. происходила активная «внутренняя» миграция староверов. Как пишет в своем исследовании А. Заварина, массовые переселения происходили из Латгалии (северо-восточные районы уезда Латвии) в Курляндию, Литву, Эстонию и кроме того в Восточную Пруссию и обратно. При этом «многие русские крестьяне в силу различных причин приписывались в свое время к обществам одних губерний, а жили совсем в других. Так, например, крестьяне, приписанные к лифляндским и курляндским городам; жили в деревнях Латгалии, Литвы или Эстонии или наоборот»⁵⁰.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, лл. 2, 3.

⁵⁰ Заварина А. А. Из истории поселений старообрядцев, с. 156, 162.

По всей вероятности, переселенцы, прибывшие на Чудское побережье с запада, обычно уже имели паспорта. Люди же бежавшие из близлежащих русских губерний, заботились в первую очередь о том, как бы приписаться к какому-нибудь городу, поскольку десятникам и сотникам вменялось в обязанность строго проверять у вновь прибывших вид на жительство — «плакатные пашпарта». Тех же, кто получил их, власти оставляли в покое. Именно благодаря этому удалось скрыться от помещицы Опочецкого уезда Осиповой пономарю В. Орлову, который стал мещанином г. Тарту⁵¹. В мещанское сословие г. Выру записался беглый крестьянин Гдовского уезда, прадед ныне умершего Д. И. Домнина, учителя школы д. Тихеда.

По данным переписи в конце XIX в. русских мещан в Тартуском уезде значилось 5430, крестьян — 4496 человек⁵². И в середине XIX в. среди староверов преобладали мещане. Об этом свидетельствует список сословий жителей одной из деревень Причудья и г. Тарту, составленный на основании данных полицейских управ в 1850—1860-х годах.

Из этих данных следует, что мещане составляли свыше 90% староверов данной деревни, а в городе — более 98%.

Таблица 2. Сословная принадлежность староверов д. Казея и г. Тарту

Города и волости приписки	Число староверов д. Казея*		Число староверов г. Тарту**	
	мещан	крестьян	мещан	крестьян
Тарту	35	—	115	—
Пайде	26	—	26	—
Выру	17	—	20	—
Вильянди	11	—	9	—
Валга	9	—	11	—
Раквере	4	—	8	—
Лимбажи	1	—	—	—
Цесис	—	—	4	—
Палдиски	1	—	3	—
Таллин	1	—	1	—
Рига	1	—	—	—
Слока	—	—	6	—
Сольцы	—	—	1	—
Волость Алатскиви	4	4	—	—
„ Кавасту	4	4	3	3
Кастрэ	—	—	1	1

* ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, 1861 г., ед. хр. 1459, лл. 85—103.

** Там же, ф. 3110, оп. 1, 1861 г., ед. хр. 264, лл. 190—200.

⁵¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, 1834 г., ед. хр. 1451, лл. 2, 4.

⁵² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 21, л. XII. СПб, 1905, с. 218.

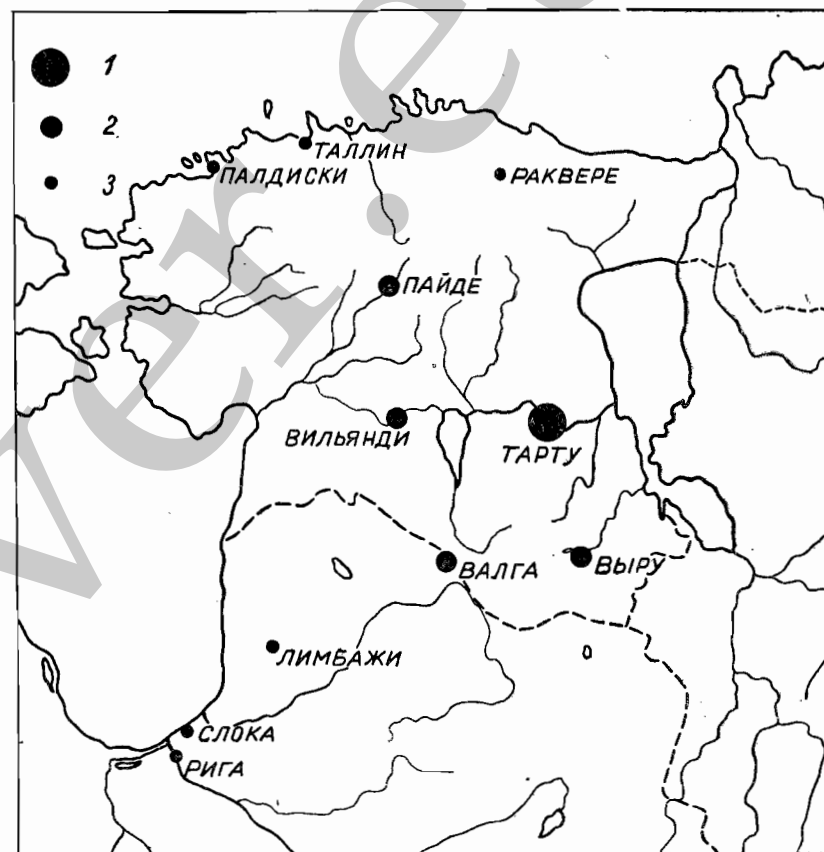

Рис. 2. Города, мещанами которых являлись староверы деревень Причудья и г. Тарту.

1 — свыше 100 человек; 2 — до 100 человек; 3 — несколько человек.

Среди эстонских городов, к мещанам которых приписывались новопоселенцы, на первом месте стоит Тарту (см. рис. 2). Хотя в самом уездном городе староверов было мало (в 1812 г. — 80 человек⁵³, в 1821 — 127, в 1846 — 196⁵⁴), Тарту все же являлся важным центром для староверов этой части Эстонии. Здесь сложилась крепкая религиозная община, а в 1803 г. была открыта и моленная. Старообрядческое купечество, имевшее определенный вес в городе, отрегулировало свои отношения с полицией в такой степени, что могло не только избегать преследований за совершение обрядности,

⁵³ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, ед. хр. 2018, лл. 95—97.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 1451, л. 434.

запрещенной законом, но и оказывать всяческую поддержку староверам, прибывающим в уезд. За согласие перейти в федосеевскую секту получали приют и документы на жительство и православные беглые крестьяне. Очевидно, староверы «по давно усвоенной привычке проводят привязчивую полицию»⁵⁵ отработали точные приемы получения паспортов для беглых. Никаких документов, которые помогли бы пролить свет на эти приемы, обнаружить, естественно, не удалось, но косвенные факты указывают на взятки, которыми купцы подкупали местную полицию.

Официально власти находили, что «в самом Дерпте проживают раскольники более просвещенные... состоят в связи с рижскими старообрядцами»⁵⁶, «многие из рижских раскольников ездят туда для повенчания»⁵⁷. Не менее прочными и постоянными представляются связи (экономические, брачно-родственные, культового порядка) между староверами Тарту и деревень Причудья, и в этом отношении Причудье можно рассматривать как своего рода хинтерланд тартуской старообрядческой общины. В то же время причудские жители держали постоянную связь и с псковскими федосеевцами, представляя собой звено общей цепи староверов, протянувшейся с Северо-Запада России на польские и восточно-прусские земли.

Связь причудских староверов с другими городами, к которым они были приписаны, носила формальный характер. В податное управление они вносили платежи и оттуда же в случае ухода на сезонные работы выбирали паспорта — «виды на жительство»⁵⁸.

⁵⁵ Лесков Н. О раскольниках г. Риги, с. 57.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 2.

⁵⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, 1834 г., ед. хр. 1451, л. 23.

⁵⁸ Этим, до известной степени определяется разница между числом жителей, приписанных к небольшим городам Эстонии, и фактическим числом жителей этих городов (История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 806, 807):

Город	Данные 8-й ревизии (1835 г.)	Данные полиции (1836 г.)
Вильянди	3949 чел.	1405 чел.
Валга	2641 "	813 "
Выру	3439 "	854 "
Пайде	3674 "	ок. 1000 "
Раквере	3566 "	ок. 1000 "

Неизвестно, какую часть вольных людей из приписанных к этим городам 12,5 тыс. человек, составляли староверы, сколько их оставалось в Эстонии и сколько имело местожительством деревни и города Латвии и Витебской губ. Но совершенно очевидна широко распространенная практика приписки людей в мешанский или рабочий оклад этих городов, чем и пользовались прибывшие в Эстонию староверы.

Русское население причудских деревень, сложившееся к середине XIX в., в последующие десятилетия увеличивалось главным образом в результате естественного прироста. Так как миграция староверов в Прибалтике вообще сократилась, ибо их преследовали по всей стране в одинаковой мере, то приток людей в Причудье уменьшился. Помимо того с отменной крепостного права изменились социальные условия и у крестьян появилась возможность переселяться в другие губернии. Наконец, территория Причудья в промысловом отношении была уже освоена и поэтому лишь отдельные из прибывающих сюда ради заработка людей с большим трудом находили себе работу. Чудское озеро обеднело рыбой, основным промыслом стало «каменное» строительство в городах и другие виды отходничества, которыми в одинаковой мере занимались в своих уездах староверы Латгалии и Псковщины.

В то же время развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Прибалтики создало необходимые условия для земледельческого освоения Причудья. Правительственные постановления 1863 и 1868 гг. узаконили миграцию, сняв прежние ограничения в переходе крестьян из волости в волость, из губернии в губернию. В Причудье отмечается приток эстонских крестьян, покупавших здесь хутора.

В русских деревнях в начале XIX в. насчитывалось, согласно данным 1818—1820 гг., лишь 1—3 эстонские семьи, а в Калласте, например, не было ни одной. Лишь в Варнья эстонцы составляли 20% населения и в Муствез — 10%. Спустя 30 лет, в 1851 г., количество эстонцев увеличилось, и в Муствез и Варнья они составляли уже примерно 1/3 часть населения. В других многолюдных русских деревнях число эстонцев колебалось в пределах 10—50 человек. Усилился приток эстонцев в 1860-е годы, в период покупки крестьянами хуторов, поскольку неплодородная земля Причудья оценивалась в 2—2,5 раза дешевле, чем участки в других волостях Тартуского уезда. В конце XIX в. число эстонцев в д. Варнья составило 1/4 часть всего населения — 325 человек⁵⁹. Кроме того, из соседних волостей в Причудские деревни приходили мелкие торговцы, ремесленники, бобыли. В случае удачно складывающейся конъюнктуры, повышенного спроса на изделия или рабочую силу, они оставались жить среди русских. Тенденция постепенного увеличения числа эстонцев прослеживается вплоть до 1920-х годов. Согласно переписи 1922 г., в Муствез значилось 1937 русских и 803 эстонец, в Калласте — 1424 русских и 201 эстонец⁶⁰.

Соседнее эстонское население Чудского побережья состоя-

⁵⁹ Газ. «Postimees», 1898, № 155.

⁶⁰ Моора, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 94—95.

ло из владельцев небольших хуторов, крестьян-арендаторов и бобылей казенных и помещичьих мыз. Занимались они земледелием, рыбным промыслом (в меньшей степени, чем русские), различными ремеслами, торговлей. Связи русских и эстонцев были многообразны и основывались главным образом на экономике.

Население Тартуского уезда к концу XIX в., т. е. за 50 лет, увеличилось на 57%⁶¹. Прирост населения происходил и за счет отходников, часть которых оставалась на постоянное жительство. Об этом свидетельствуют данные, взятые из книги прописки паспортов людей в посаде Черном (Муствез) в 1889 г. (см. табл. 3)⁶².

Таблица 3. Прибывшие в посад Черный в 1889 г.

Сословная принадлежность	Род занятий	Возраст	Откуда прибыл	Особые отметки
Крестьянин	Неизвестен	42 г.	Архангельская губ.	Выбыл в Ригу
Мещанин	Домовладелец	30 л.	Шлокский уезд	Остался в Муствез
Крестьянин	Мурник	41 г.	Гдовский уезд	—
Крестьянин	„	17 л.	То же	—
„	Поденщик	29 л.	Волость Кавасту	—
Мещанин	Сапожник	Неизвестен	Гор. Валк	—
Отставной солдат	Чтец при моленной	45 л.	Москва	Остался в д. Рая
Мещанин	Рабочий	55 л.	Шлокский уезд	—
„	Домохозяин	57 л.	Лемзал (Лимбажи)	—

По всеобщей переписи населения 1897 г., в Тартуском уезде проживало «неместных уроженцев» 1077 человек. Из них родились в Эстляндии 740 человек, в Витебской губернии 38, в Ковенской 48, в Курляндской 49 и в Псковской 202 человека⁶³. Среди переселенцев из западных губерний были и русские, в том числе и староверы.

Местное русское население представляло собой довольно сложную неоднородную по составу группу, поскольку часть

⁶¹ Jung-Stilling, Fr. Ergebnisse der livländischen Volkszählung, Bd 11. Die Zählung in den Städten: Schlock, Lemsal, Wolmar, Wenden, Walk, Dorpat, Werro, Pernau, Fellin und Arensburg, Riga, 1883.

⁶² ЦГИА ЭССР, ф. 332, оп. 1, 1888 г., ед. хр. 287.

⁶³ Первая всеобщая перепись населения 1897 г., т. VII, с. 40.

их принадлежала к официальной православной церкви, а часть — к староверам, раскольникам. Нельзя назвать ни одной деревни, в которой бок о бок не жили бы староверы и православные, но в Лохусуу, Роотсиюла и Нина подавляющее большинство составляли православные, а в остальных деревнях — староверы (см. табл. 4).

Таблица 4. Данные о конфессиональной принадлежности населения Причудья на 1835 год*

Деревни	Количество дворов		Всего
	православных	староверов	
Логозы (Лохусуу)	29	8	37
Пос. Черный (Муствез)	25	146	171
Кюкита (Кикита)	16	64	80
Тигеда (Тихеда)	17	33	50

* ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., д. 106, л. 10.

Таблица 5. Данные о конфессиональной принадлежности населения деревень на 1861 год*

Деревни	Количество		Всего
	православных	староверов	
Ротчина (Роотсиюла)	150	14	164
Нос (Нина)	532	11	543
М. Кольки (М. Колкья)	144	392	536
Б. Кольки (Б. Колкья)	93	347	440
Казапель (Казепа)	89	465	554

* ЦГИА ЭССР, ф. 3110, оп. 1, 1861 г., ед. хр. 264, лл. 133, 134.

Старообрядцев и православных разъединяли обрядность и запрет вступать в брак с инаковерующими. Объединяло же их сознание этнической общности — принадлежности к русскому народу. Каждый раз, когда угрожало нашествие врага, они уходили на восточный берег, в Россию. Так было в 1918 г., во время оккупации немцами Прибалтики и в 1941 г., когда в советский тыл в начале войны эвакуировалась примерно 1/3 русских жителей Причудья (большинству не удалось эвакуироваться из-за быстрого наступления немцев). И в 1920—1930-е годы, когда экономические затруднения у русского населения усугублялись националистической политикой эстонской буржуазии, молодежь видела выход из создавшегося тупика только в бегстве за рубеж, в Советский Союз.

О составе населения Причудья в послевоенные годы дают представление данные по старообрядческому населенному пункту Калласте. В 1965 г. здесь насчитывалось 606 семей, из них 430 семей (плюс 30 одиночек) русских и 126 эстонских. Примерно 72% от общего числа семей составляли старожилы. Основная часть их была представлена потомками староверов (342 семьи), несколько семей православных, переселившихся сюда в конце XIX — начале XX в. из соседних деревень Ротчина и Нина. Местные, давно живущие здесь эстонские семьи составляли примерно 7% от общего числа старожилов. За послевоенные годы (вплоть до 1965-го) Калласте покинуло 188 человек, которые переехали либо в города Эстонии (в Тарту — 47 чел., в Таллин — 30 чел., в сланцевый бассейн — 15 чел. и т. д.), либо в отдаленные края и области РСФСР. Отток деревенского населения в города происходил начиная с 50-х годов. Однако число переехавших на постоянное жительство в города составляло в Причудье 15%, в то время как в среднем по республике доходило до 27%⁶⁴.

Переселенцы направлялись прежде всего в города Эстонии, туда, где жили их родственники или свойственники, в первую очередь в Тарту, культурно-промышленный и административный центр района. Приезд в Тарту на время или на постоянную работу традиционен для населения Причудья. По иному обстояло дело с переездом в Таллин. Столице Эстонии в первые послевоенные годы потребовалось большое число строителей для восстановления пострадавших во время войны зданий. Квалифицированные каменщики, штукатуры, маляры из Причудья здесь всегда находили себе работу на стройках и оставались жить в городе. Со временем сюда потянулась и не имеющая специальности молодежь, которая поступала на работу на завод строительных материалов «Мяннику» и на стройки города. До последнего времени миграция причудского населения происходила в основном в пределах республики, хотя молодежь выезжала и на северо-восток страны, на всеобщие комсомольские стройки.

Усилившиеся в послевоенный период миграционные процессы укрепили межэтнические и культурные связи населения Причудья.

⁶⁴ Kaufmann, V. Peipsi basseini rahvastik. Доклад, прочитанный на совещании в Муствеэ (в сентябре 1961 г.). Материалы совещания хранятся в Центральном научном архиве АН ЭССР, ф. 26, оп. 2, ед. хр. 32. Тезисы доклада, лл. 25—27.

ГЛАВА I. ЗАНЯТИЯ И ХОЗЯЙСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Конец XIX — начало XX в. Пахотной земли у русских жителей Причудья почти не было, и хлебопашеством они не занимались. Это отметила в 1830-е годы и К. А. Авдеева: «Садов по недостатку земли не разводят... земледелием никто не занимается»¹.

Со времени расселения на западном побережье русские арендовали у помещиков под дома и огороды небольшие участки земли, исчисляемые, как и всюду в Прибалтике, по количеству высеваемого зерна. В русских деревнях Причудья участок для посева одной меры (3 пуда, или 66,4 литра) зерна (1/3 га) назывался *пурой*, *пурным местом*². Первоначальный участок земли (грунт) величиной в две пуры, арендуемый новопоселенцами, впоследствии дробился между наследниками, и поэтому в конце XIX в. в деревнях Причудья было немало семей, которые пользовались половиной пурного места (примерно 17 соток). Покупка участков пахотной земли русскими жителями практиковалась редко. В д. Варнья, например, где в конце XIX в. насчитывалось 200 дворов, из которых 50 принадлежали эстонцам, полеводством занимались почти все эстонские крестьяне и только пять русских жителей, да и те постепенно продавали свои участки и переходили к другим занятиям³.

В то же время у эстонских крестьян Причудья в конце XIX в. преобладали хутора примерно в 10 га земли, так назы-

¹ Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте, с. 47.

² В Тартуском уезде за единицу площади пахотной земли был принят «рижский вакамаа» — участок в 0,37 га, на котором высевали одну меру или лукошко (эст. вакк). Название пюра у русских произошло от латышского pürs (mērs) — пюра, мера. Пурное место, pūrvietā — площадь земли около 1/3 га: Latviešu-krievu vārdnīca. Rīga, 1968, с. 583; в литовском языке pūnas, пур — мера сыпучих тел (24 гарнца): Segeiskis, V. Žiėtuviškai-rusiškās Žodinas (Литовско-русский словарь). Kaunas, 1933, s. 771.

³ Газ. «Postimees», 1898, № 156.

ваемые хозяйства «о две лошади». По мере расслоения крестьянства образовались и крупные хутора, размером в 25—35 га земли⁴. Владельцы небольших хуторов не могли прокормиться на своей земле и занимались подсобными промыслами.

Отсутствие хлебопашества отличало русских западного Причудья не только от эстонских крестьян, но и от населения северного и восточного побережья Чудского озера, Обозерья (западное побережье Псковского озера) и Принаровья. Население этих районов также добывало средства к существованию главным образом отходничеством, однако имело земельные наделы и занималось хозяйством.

Рыболовство играло важную роль в занятиях русского населения Причудья. Места лова также арендовали у помещиков, которым принадлежало озеро на три версты от берега. Так, владельцы имения Алатскиви в 1870-х годах за право ловли в озере «взимали в год с каждого дворохозяина сига весом в 8—10 фунтов (3,5—4 кг), леща или судака в 15—20 фунтов (6—8 кг), а если судак не будет пойман, то — 1 р. 50 коп.»⁵. Во второй половине XIX в., по мере того, как истощались рыбные запасы озера в результате хищнического лова, промысловым бассейном для рыбаков Причудья стали морское побережье и озера Эстонии, а также Ладожское озеро.

Наряду с рыболовством здесь был развит отход на строительные работы — в города, помещичьи мызы и крестьянские хутора. Женщины занимались выращиванием на продажу огородных культур, главным образом лука.

Совмещение таких занятий, как рыболовство, отхожий промысел, огородничество, было характерно почти для каждой семьи. Вместе с тем прослеживается и некоторая специализация хозяйств.

Так, некоторые семьи, получавшие основной доход от рыболовства, назывались природными, или вековыми, рыбаками. В таких семьях ежегодно пополнялся запас, т. е. набор разнообразных сетей (*сиговиков, ладожских, окуневых, ершовых*); кроме того каждая семья вывязывала свою часть большого невода (мутника) и снетковых ризцов, которыми владела на паях с другими семьями. Сетки вязали и облаживали дома. В этой работе участвовала вся семья, включая малолетних детей. Постоянного ремонта требовали лодки и остальной припас, в том числе и промысловая одежда. Дети обоего пола лет с десяти начинали ходить в озеро с отцом, а в 15—17 лет нанимались уже «к людям» на Ладогу. По выходе замуж молодая женщина принимала участие в летней сезон-

⁴ Газ. Postimees, 1898, № 156.

⁵ Носовская летопись, л. 5 об.

Рис. 3. Семья рыбаков. Калласте, 1938 г. Ф. 822 : 42.

ной ловле вместе с другими членами семьи, а после рождения ребенка выезжала ежедневно с сетками на свое озеро, зимой помогала мужу в подледном лове. Таким образом, в промысел были активно включены и женщины, и дети (рис. 3). В конце XIX в. рыболовство назвали своим главным занятием 598 человек. Вместе с членами семьи они составляли примерно 25% всего русского населения Тартуского уезда⁶.

Вековые рыбаки занимались ловом почти круглый год — зимой на своем озере, летом в дальних водоемах, куда отправлялись сразу после короткого периода снеткового лова в мае месяце. Промышляли рыбу вплоть до осени на эстонских озерах Вьртсьярв и Вильянди, в Финском заливе около Кронштадта, на Ладожском озере. Главной промысловой рыбой Ладожского озера был сиг, которым причудские рыбаки снабжали Петербург. Больше всего рыбаков «ходило в Ладогу» из Калласте⁷. Как рассказывают, в годы, предшествующие первой мировой войне, отсюда весной отправлялось

⁶ Подсчитано по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., т. XXII, с. 184.

⁷ Здесь речь идет о рыбаках западного Причудья. Кроме них и местных ладожских рыбаков в Ладожском озере активно занимались сезонной ловлей рыбаки о-ва Пийриссаар и д. Педаспя (Räpnk, G. Peipsi kalastusest, lk. 30). С восточного берега Чудского озера на промысел в Ладожское озеро ездили лишь отдельные семьи из некоторых деревень, с северного берега никто не ездил (Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajalooist, lk. 171).

на ловлю до 60 лодий, т. е. 200—240 человек. Из других деревень Причудья на лов выходило лишь по 2—3 лодьи, да отдельные парни и девушки нанимались на сезон к какому-нибудь из калластеских рыбаков «четвертым в лодку». Дело в том, что для ловли в Ладожском озере наличие четырех рыбаков в лодке было обязательным. По-возможности собирались своей семьей (рис. 3) — отец с детьми, братья с женами, а если своего человека не было, нанимали работника со стороны.

Начало и конец сезонной ловли определялись по святцам. Сезон *летник* начинался с троицы и заканчивался к покрову (1 окт. ст. ст.), но обычно работников нанимали не на весь летник, а на два срока: первый — с мая до *середней* (рождество богородицы, 8 сент. ст. ст.); второй — со *середней* до покрова. За первый срок платили 45 руб., за второй — 30 руб. В последний месяц лова — сентябрь, когда сиг идет в *луду*⁸, *наростует*, ловить его было особенно трудно и опасно из-за штормов. На ловле в это время оставалась лишь пятая часть калластеских рыбаков (10—15 лодок), соответственно повышалась и цена на работников. Было и другое деление в оплате: девушки и молодые парни шли в *бабьей цене*, за пять месяцев лова они получали около 70 руб. Парни в 18—19 лет считались уже полными работниками, им платили за летник 100 руб. и больше.

Местные жители старшего поколения считают добычу рыбы в Ладоге исконным промыслом: «Еще наши предки приспособились к Ладожскому озеру, там заработок хороший был». «Выезжали на Ладогу до никола (9 мая ст. ст.) или сразу же после никола. С собой брали от 100 до 160 сеток — *запасин* (каждая длиной метров в 20 с небольшим, с ячейми в 2 пальца). На каждого человека полагался *нор*⁹ — 20—30 сеток, связанных вместе. *Трубки* (поплавки из бересты) привязывали к сеткам дома, а *камешки* (грузила) обычно мы на ладожском берегу оставляли и по приезде весной *настягивали*. Когда выезжали с места, то продукты брали с собой, а другие, кто бедный, до Питера ждали, немного брали, лишь на первую дорогу. Время переезда было разным — если *поветерь*¹⁰, то за неделю добирались, а если

⁸ Луда — подводные или надводные плоские камни, мели (арх.) Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. II, с. 271 (в дальнейшем — Даль В. И., т. . .).

⁹ Слово «нор» в Калласте имеет два значения: 1 — ряд сеток, связанных клячами (кляч — толстая веревка, твр. Даль В. И., т. II, с. 124), которые берут с собой на озеро; 2 — облаженные для Ладоги сетки. В д. Береговая Луневщина, Гдовского района, «нор» означает ряд сеток из 20—25 штук.

¹⁰ Поветерь — попутный ветер. Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб, 1860, с. 131.

востер против, то дольше. Дома ждали подходящего ветра. На лодках с парусом добирались до Сыренца (Васкнарва). Когда начинал дуть встречный ветер, то приближались к берегу и ждали погоды. Из Сыренца спускались до Нарвы, тут 60 верст делали за два часа. А на порогах лодку перевозили на телегах, нагружать и разгружать лодку помогали друг другу, народу было много. 5 верст вели лодьи на лошадях, этим промышляли жители из с. Скамья. Потом с моста спускали лодьи. От порога до Нарвского устья 12 верст вниз по реке, тут и Финский залив. Но шли не всегда заливом, если не было попутного ветра, то спускались по Рассоне и Луге. Если попутный ветер, то скоро и Кронштадт. Капорской губой ехали до Питера, с Невы въезжали в Фонтанку, приставали к садкам. Знаменитые были садки: Лебедев, Киров, Капорский. Они снабжали весь город рыбой — живой и сонной. Останавливались мы обычно у тех скупщиков, кому рыбу поставляли, денек проживем, к этому времени у многих домашний продукт кончается, берем под рыбу у скупщиков хлеба, чаю, сахару, круп разных и двигаемся дальше. По Неве нас вверх тянули буксиром, 10 лодий брал буксир. На Неве страшный водобег, лодью так и вздымает. . . От Шлиссельбурга (мы называли Шлюшино) до Морья было 25 верст. Морье — небольшая деревенька, жителей в ней всего 50 было, но всем рыбакам находилось место. Расселялись по хозяевам, обычно у одних и тех же. У одного хозяина по шести—семи лодий останавливалось, а бывало, что и более десяти на квартиру встанет.

На Ладоге места рыбные нам были известны, все глубокие. Ловили ставными сетками, вечером поставишь, утром вытягаешь. Иной раз 500 и более сегов попадало. Неделю на якоре в озере стояли. На лодках у нас с собой подушки были, одеяла ватные, *горон*¹¹ сделан в корме, на нем варили еду. Ночь придет, большим брезентом покроемся, *забугеримся*¹². Приставали к морьинскому берегу только в субботу, мылись в деревенских банях, рыбаки смолили сетки, женщины стирали. В воскресенье вечером снова уходили в озеро.

Мы сами рыбу не продавали, нам некогда было ездить, морьинские ездили; они для нас и лед припасали, ледники делали, копилки для сеток. Если хозяин возил рыбу в Питер, то и не платили ему за квартиру, он же барыш получал. А то за ситами из Питера скупщики прямо в озеро ходили, заби-

¹¹ Горон — горн (беломор.) — камбуз, печь на карабасах. Даль В. И., т. I, с. 380.

¹² Рассказывают и так: «Из брезента бугры устроим, на рожнях его развесим, устроим как бы палатку». По Далю бугры — землянки рыбаков и зверовщиков (арх.-мез.). Даль В. И., т. I, с. 135.

рали тут же рыбу. У них большие лодки, *соймами*¹³ назывались. Они приедут, обьякорятся, а мы вокруг них, как пчелы... Скупщик всего привезет — ситного, водки, баранков. Деньги от скупщиков получали сразу или через две недели. Рыба шла по 5 копеек фунт, а к праздникам доходила до 80 копеек и даже до рубля. Большими праздниками были для Питера ильинская пятница и пост перед успеньем (15 авг. ст. ст.). Мы и для себя сигов заготавливали, но мало, бочку одну на три пуда, а так всё в Питер отправляли. Были и в Калласте люди, что в Онежское озеро ездили, несколько семей, большинство все же в Морье. Ладога — туда как домой ездили, и как родных дожидались нас там. Зарабатывали на Ладоге хорошо, оттуда привезем и 100 и 150 рублей за сезон, на обратном пути в Питере все покупали, что нужно».

В описании ладожского лова следует отметить слова, известные на русском Севере: *луда* (арх. и карел.), *горн-горон* (беломор.), *буеры* (арх.), *сойма* (арх., белоз.), *лодьа* (арх.) и др. Распространение этих терминов у рыбаков Причудья связано с расширением промыслового ареала, но может свидетельствовать и о давних генетических связях жителей Причудья с населением Поморья. Вопрос этот требует дополнительного исследования с привлечением лексических материалов по рыболовству у рыбаков восточного побережья Чудского озера — гдовских и псковских.

Рыбаки Калласте выделялись особой приверженностью к своему промыслу. В других деревнях со временем число природных рыбаков сократилось, и поэтому в конце XIX — в первые два десятилетия XX века доля специализированного рыболовного промысла среди прочих промыслов населения Причудья в целом была уже не так велика: 25% по сравнению с 32,7% населения, занятого в строительстве.¹⁴

В Причудье массовый характер носило сезонное рыболовство. Различались три сезонные ловли: осенняя, зимняя и весенняя¹⁵.

Осенью (сентябрь, октябрь), по возвращении домой с промыслов, рыбаки ходили в озеро с неводом-*мутником* на окуня.

¹³ Сойма — одномачтовое палубное суденко на Ладоге и Онеге. Даль В. И., т. IV, с. 246.

¹⁴ Вычислено по данным Первой Всеобщей переписи населения..., 1897, с. 184, табл. XII.

¹⁵ Описание способов ловли и орудий лова здесь не дается. Исследования по рыболовству в Чудском озере ведутся уже более ста лет. За это время накопилась обширная литература на русском и эстонском языках. В обобщающих трудах можно найти списки основных исследований и материалов. Детальный этнографический обзор рыболовства содержится в монографии А. Х. Моора (Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajalooist, lk. 328—339). Рыболовству на Чудском озере посвящена также работа Г. Рянкя (Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. IX—XIV).

Рис. 4. Зимний лов неводом. 1931 г. Ф. 588:317.

Ловили на лодках — *четверенке*, *пятерне*¹⁶, либо своей семьей, либо с соседями, иногда и с наемным работником.

Зимой, обычно после январских морозов, когда окончательно установится лед («иначе ловли всю зиму не будет»), рыбаки *выводили* сетки артелями (по 12—16 человек; см. рис. 4). От каждой деревни на озере делали *веховые* дороги — расчищали лед и по обеим сторонам ставили вехи, елочки — привязанными к ним цветными лоскутьями. В северной части озера, где шел лов, сходились дороги из Муствеэ, Калласте и Гдова, в южной части, примерно на середине озера, встречались веховые дороги из Вороньи, с о-ва Пийриссаар и с Талабских островов (о-в Залит). Ловили вдали от дома и брали с собой для ночлега лубы — небольшие дощатые (а первоначально лубяные) домики на полозьях. Для перевозки луба и тяжелых зимних неводов каждая артель имела четыре лошади. Артель возглавлял старший — жердник. Кроме дальнего артельного лова был и близкий лов, которым ежедневно занимались 2—3 члена одной семьи. В этом лове (ставными сетками) всегда участвовали жены и дочери рыбаков. Ловили и в одиночку на блесну-*сикушку*, большей частью старики и мальчики: «В одном месте скапливается до

¹⁶ *Троенки*, *четверки-четверенки*, *пятерни* — псковское название лодок по количеству сидящих в ней рыбаков. См. также Якушкин П. Путевые письма..., с. 136.

120 удцов и больше... Целые часы, целые дни просиживают удцы, прикрытые заставой от ветра (см. рис. 15). При удачном лове им удается наловить на полтора-два рубля, а иногда и ничего. Скапливаются массы бедных людей, которые вылавливают довольно значительное количество окуней, плотвы, язей, ершей, сига»¹⁷.

В марте зимняя ловля заканчивалась: примерно в конце месяца на берег привозили последние лубы, мутники и невода и только удцы ходили на ловлю плотвы до тех пор, пока держал лед.

В первой половине апреля, когда озеро освобождалось ото льда, начинался весенний лов. Ловили в основном снеток. Псково-Чудской водоем издавна известен своим снетковым промыслом. Благодаря распространению крупных вентерей-ризов и заколов, в конце XIX — начале XX в. добыча снетка особенно возросла, и ежегодный вывоз сушеного снетка во Псков достигал сотен тысяч пудов.

Благоприятные условия лова близ западного берега Чудского озера привлекали сюда и псковских рыбаков. В начале 1880-х гг. очевидец из д. Нина сообщил: «... Жители обратились к своему барону помещику с просьбой, чтобы он запретил посторонним с того берега ловить весной снеты... так как этот лов составляет для них годовой хлеб, а чужестранные, собираясь в большом количестве к их берегу, отбивают его у них... А нужно сказать, что весной исключительно только около Носовского берега и ловится снет... больно уж густо его в Носу, и приедут так неводов сто»¹⁸. На весенний лов, продолжительность которого составляла полторы-две недели, то есть пока шел нерест снетка, выходили все трудоспособные мужчины деревни. По окончании снеткового лова, летом, в свое озеро выезжали только женщины и старики.

Специализация русского населения в области рыболовства способствовала интенсивному развитию орудий лова, способов хранения и консервации рыбы (сушка снетка в специальных печах, копчение рыбы), передача многих навыков и терминов, связанных с ловлей, эстонским малоземельным и безземельным крестьянам, занимающимся сезонным рыболовством¹⁹. Закономерным было также и то, что с развитием спе-

¹⁷ Кузнецов И. Д. Зимнее рыболовство на Псковском водоеме в начале 1912 года. — «Труды Промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема (бассейн Псковского, Теплого и Чудского озер)», отд. 1, вып. 3. Псков, 1913, с. 8, 9.

¹⁸ Носовская летопись.

¹⁹ Sopits — сопец, руль; piterna — пятерня, лодка; korup — короб, дровни для перевозки мороженой рыбы (Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 36, 37); artell — артель; meresed, mereskid — мережа, мережка; mutt, mutnikk — мутник (Mooga, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 176, 196, 198).

циализации рыболовства шло социальное расслоение в русских деревнях Причудья, как в области сбыта рыбы, так и в организации рыболовческих артелей.

Рыбу, выловленную артелью, своей семьей или индивидуально, рыбаки редко продавали сами. Уже в первой половине XIX в., а возможно, и раньше, с самого начала основания здесь деревень, безземельное население которых занималось рыболовством, выделились посредники между рыбаками и рынком — скупщики рыбы, которых различали по количеству скупаемой рыбы и дальности ее транспортировки на продажу.

Самые мелкие скупщики забирали рыбу одного-двух уловов соседа или родственников, ведущих лов неподалеку от деревни («отец матери обычно забирал рыбу, которую мы с сестрой за день вылавливали, торговались оба, матери хотелось продать подороже, ему — купить подешевле, каждую рыбку на безмене вешали»). Зимой скупленную рыбу эти скупщики развозили по ближайшим хуторам, а с рыбаками расплачивались или деньгами, или зерном, выменянным на рыбу у эстонских крестьян.

К категории более крупных относились скупщики, которые закупали уловы сразу у 7—8 рыбаков, расплачивались с ними на месте, а рыбу везли в Тарту или еще дальше. Они выезжали на места зимнего лова, где «ледяной покров озера не является пустыней, а степью, которую из конца в конец использовали человек-рыбак, преследующий рыбу, и купец, скупающий его улов». Прямо с места лова «расходится мороженная рыба гужом до железной дороги, до Пскова, Юрьева и Нарвы, а затем по чугунке в Варшаву, Санкт-Петербург и пр.»²⁰. В группу крупных скупщиков входили и те скупщики, которые держали снеткосушильные заводы, скупали снеток у рыбаков своей и соседних деревень, привозили из-под Пскова артели «печников» (мастеров по сушке снетка) по 20—30 человек, отправляли сушеный снеток сотнями пудов на баржах в Псков.

Наивысшего подъема торговля сушеным снетком достигла в конце XIX — начале XX в. За период с середины XIX до начала XX в. число сушильных печей возросло в десять раз. Больше всего снеткосушильных заводов было в следующих деревнях: в Калласте — 15, Нина — 18, Рая — 23, Колкья — 24 (известно, что в больших сушилках было по 35—40 печей). В 1909 г. с западного берега Чудского озера и с острова Пийриссаар на рынок поступило 70 787 пудов сушеного снетка²¹.

²⁰ Кузнецов И. Д. Зимнее рыболовство на Псковском водоеме... с. 4, 26.

²¹ Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 176, 177.

Скупка и перепродажа рыбы приносили изрядный доход даже мелким купцам, недаром в Калласте говорят: «...те, кто булыничать привыкли, каменные дома поставили»²². Скупщик «средней руки» считал нормой прибыли 50% от продажи рыбы. Торговец из Калласте, перечисляя сколько и у кого он купил рыбы, писал: «Воз моей рыбы стоил 241 руб., и прибыль считаю в 120 рублей»²³.

Развитие капиталистических отношений в рыболовецких артелях привело к тому, что в конце XIX в. в Причудье было уже немало артелей, в которых не все рыбаки были совладельцами невода, а лишь 2—5 человек, остальных же работников для подледного лова нанимали. В дележе добычи участвовали только владельцы невода и лошадей, а работники получали по договору плату за весь сезон. Появились, наконец, предприниматели, владевшие неводами и ризцами, но в ловле уже не участвовавшие. Старожилы из д. Ротчина рассказывают: «Со снастями было так: на хозяина полагалось 5 ризцов, а у сильного бывало и 15, и 20, и больше ризцов. Такой хозяин отдавал снасти исполу — 5 ризцов отдаст бедному, и улов пополам делят. А то нанимал на весну работника, недели на две-три. Если рыбак слабоватый, каменщик, например, то ему платят 30 рублей за сезон. А кто за старшего ловит, рыбак настоящий, тому прибавляли рублей 20».

Скупка и перепродажа рыбы, эксплуатация наемных сезонных рыбаков приносили прибыль; часть скупщиков пускала капитал в оборот — открывала лавки в деревнях Причудья. В каждой деревне насчитывалось от 5 до 10 и более лавок.

Формы закабаления и эксплуатации рыбаков были разнообразными. Особенно усилились капиталистические тенденции в рыболовстве на грани XIX—XX вв. Это и покупка скупщиками рыбы по устанавливаемым ими ценам, и кабальная зависимость рыбаков от скупщиков, с которыми они за долги расплачивались рыбой, и снабжение «под рыбу» товарами, необходимыми для промысла сетями и, наконец, наем на сезонную ловлю рыбаков, не имеющих своих сетей. Исследователь И. Д. Кузнецов, описывая «поселки» из лубьев, возникающих посередине Чудского озера, отметил: «Появляются здесь и более богато обставленные лубья скупщиков рыбы, подвижные лавочки, торгующие всем необходимым в обиходе рыбака»²⁴.

²² В Причудье булыничать означало скупать рыбу. В Гдовском районе скупщиков рыбы называли булынями. Булыничать вообще — скупать лен и перепродавать его (пск.; Даль В. И., т. 1, с. 141).

²³ ЦГАОР ЭССР, ф. Р — 1301, оп. 1, ед. хр. 1070, лл. 2, 3.

²⁴ Кузнецов И. Д. Зимнее рыболовство на Псковском водоеме..., с. 5.

В Калласте всем был известен купец Осип Маргус. К нему рыбаки всю зиму ходили в лавку за товаром, а весной — за деньгами. Расплачивались с ним уловом. Летом, в августе Маргус приезжал в д. Морье (у Ладожского озера), и «там был расчет — сегов ему много давали...»²⁵.

С распространением капиталистических форм организации производства в среде русских Причудья развивалась имущественная дифференциация. Рядовые рыбаки были опутаны долгами, зависели от цен, складывающихся на рынке, и от произвола скупщиков. Денег, заработанных тяжелым трудом, хватало ненадолго, недаром местная пословица говорит: «Рыбак сыт, пока он не просох».

Отходничество. В Причудье специализация жителей деревень на строительных работах развивалась довольно рано. В 1830-е годы, например, почти половину жителей д. Колкья составляли каменщики, штукатуры, плотники, маляры, уходившие из деревни на все лето. Священник из Муствеэ в 1890 г. писал, что главным занятием в прежнее время была рыбная ловля... В последнее же время, лет 15—20 тому назад, по причине незначительного улова рыбы, рыбный промысел упал, вследствие чего жители прихода стали искать средств к жизни на стороне или нанимались на лето на заводы, или же занимались постройками на окрестных помещичьих мызах». Священник из д. Нина в 1895 г. назвал мурную работу главной для мужчин этой деревни, указав, что ею они заняты более полугода.

Развитое строительное мастерство было характерно для населения северо-западных районов России (Псковская и Новгородская губернии) и для староверов Прибалтики (Латгалия)²⁶. Так, новгородцы-отходники и в последней четверти XIX в. больше всего занимались строительными работами (староверов-беспоповцев в эти годы в Новгородской губернии насчитывалось около 34,5 тыс.)²⁷. Строительным мастерством владели и жители Причудья, среди которых были потомки переселенцев из указанных районов. Переселение в

²⁵ Следует отметить, что по данным 1897 г. (Первая всеобщая перепись населения, 1897 г., с. 218, табл. XXIX) в уезде значилось лишь три русских купца, в уездном же городе Тарту — 53. Объясняется это тем, что разбогатевшие лавочники переезжали в Тарту, строили себе дома и нередко продолжали торговать рыбой или дровами, которые им привозили из деревень Причудья. Характерны, например, старые названия улиц, прилегающих к р. Эмайыги: Дровяная, Людейная, а также расположение в заречной части рыбного рынка и дровяного склада, за которыми шли улицы с домами, принадлежавшими староверам.

²⁶ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей..., с. 14, 15.

²⁷ Рихтер Д. И. Новгородская губерния. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXI. СПб, с. 238, 239.

Причудье специалистов-строителей происходило вплоть до конца XIX в. Например, за один только 1889 год в Муствее полицией были зарегистрированы среди приехавших на работу и жительство людей один печник и четыре мурника (два из них, отец и сын, — из Гдовского уезда Псковской губ.)²⁸.

Причудские жители, уходя из дома на строительные или на другие работы, так же, как и повсюду на русском Севере и у староверов Витебской области, говорили, что *идут в бурлаки* («Деревня делилась — здесь кучка рыбаков; там кучка каменщиков, бурлаки звали их». — Калласте).

Во второй половине XIX в. число мурников непрерывно увеличивалось. Если в первой половине, по свидетельству К. А. Авдеевой, на строительство уходила из деревень половина жителей, то в конце столетия «большинство населения занимается отхожими промыслами... проживая на стороне не менее полугода»²⁹. По данным переписи, среди русского населения Тарту числилось 928 человек, занятых на строительстве, против 546, назвавшихся рыбаками³⁰.

Согласно устным родословным, мурниками становились со временем и потомки природных рыбаков. Примером тому являлась семья Реметсов из д. Варнья: «Дед (1834 г. рожд.) — чистый рыбак, ходил и в Ладогу, и в Ильмень, и на эстонские озера. Отец — строитель и рыбак. Три сына его — мурники, ходили только на подледный лов». В семье Лодейкиных из Калласте дед — рыбак, отец — рыбак, сын — летом на строительстве, зимой рыбачит. Поэтому даже в Калласте в конце XIX в. насчитывалось свыше ста каменщиков.

Ежегодный отход мужчин в бурлаки, в мурну, по мурной части, в каменную работу носил массовый характер. На вопрос о числе каменщиков в деревне отвечают: «Летом только 2—3 рыбака оставалось на лов, остальные мужики уходили на строительные работы» (Варнья). «Из нашей деревни каменщики уходили в города, в летнее время 3—4 семьи оставалось на рыбу» (Ротчино). «В летнее время почти все мужики уходили в мурну и на плотничьи работы» (Нина). «Малая часть мужиков на лето оставалась, а остальные все уходили в города» (Казепа).

Меньшую часть строителей составляли плотники, преимущественно из деревень с православным населением — Лохусуу и Нина. Строители из д. Колкья и соседних с нею деревень славилась как лучшие мастера по каменному делу.

²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 287. Книга для прописки паспортов Тартуской уездной полиции (Муствее).

²⁹ Черносельская летопись, л. 25.

³⁰ Первая всеобщая перепись населения 1897 г., с. 184, табл. XXII.

Причудские каменщики были специалистами по строительству хозяйственных построек — скотных дворов, риг, амбаров из дикого камня и кирпичных зданий. Каменщики работали артелью, компанией, либо в одиночку.

Артели складывались заново на каждый сезон. Мастера строительного дела, которых в каждой деревне бывало около десятка человек, заранее, обычно с зимы, подражались к хозяевам, договаривались об оплате и объеме работ и к началу сезона подбирали («звали к себе в артель») в своей деревне пять-шесть человек. Обычно крестьянин, готовясь к строительству, еще осенью вывозил камни с полей, до этого года два держал известь в яме и поэтому мастер договаривался с хозяином только об очередной подготовительной работе: «рвать» крупный камень и «сбивать пупки с мелких камней, бараньих головок», для кладки стен своей артелью или звать специалистов этого дела, русских каменщиков из Печорского уезда. Мастер (в Причудье его звали также подрядчиком) брал в артель трех-четырех каменщиков и нередко 15—16-летнего ученика, либо собственного сына того же возраста, обязанностью которого было приготовить известковый раствор для крепления камней и подносить раствор каменщикам на «сталажи» (его и звали обычно подносчиком). Работали все одинаково, *посажённо*, то есть в расчете от саженей выложенных стен, однако старший стоял на самых ответственных работах (углы), и «его присмотр во всем был», хотя оплата была здесь у всех, за исключением ученика, равная. Распорядок работы был тот же, что и у крестьян: вставали «на сталажи» с восходом солнца, с 8 до 9 часов был *фрыштык*, в час дня — обед, после которого часа полтора отдыхали, а затем уже работали до заката солнца, до самого ужина, с коротким перерывом на *паужину*, еду, принесенную хозяйкой (чаще всего договаривались работать на «хозяйских харчах»).

Если мастер подражался ставить постройку из кирпича, то приглашал в артель четырех-пятерых человек; работали четвером, пятый (нередко им был ученик) подносил на козе кирпичи (за один раз 30—40 кирпичей). Работу с кирпичом рассчитывали от тысячи. И хотя каждому был «сметён свой участок», дневной нормой считалась тысяча выложенных кирпичей. Были каменщики, что и полторы тысячи «выгоняли», у этих мастеров кирпич сразу, без поправки, ложился на место — «с фурушка летел»³¹, на кирпичах кровавые пятна оставались, утром пальцы в воде размачивали, распрямляли на колене.

По окончании строительства такая артель нанималась на

³¹ У В. И. Даля слово *фурать* (сев.) означает бросать, швырять, кидать (т. IV, с. 539).

работу по-соседству, к другому хуторянину, если звали. «Так все лето и шлялись».

Мелкие артели Причудья представляли собой традиционные объединения строителей, простые по организационным формам, руководствующиеся обычаем и определенными нормами. Составлялись они на короткое время, на один сезон, членов в них бывало немного, обычно люди из одной деревни, близкие знакомые или родственники. Старший артели (мастер первая рука, знатный каменщик, подрядчик), руководивший работой и заключавший сделки на строительство, получал равную с «полными каменщиками» оплату. Все члены артели питались одинаково и жили в одном помещении.

Близок был к этому типу традиционной артели и другой вид объединения строителей — «компания». Если каменщиков заранее не позвали в артель, то весной из них «сбивались компании» в четыре человека, которые сами отправлялись на поиски работы. Закончив одну работу, шли все вместе на другую стройку. Иногда за лето компания успевала поработать в нескольких местах Эстонии и Псковщины. Так, каменщик Ф. В. Землин из Калласте весной 1907 г. поехал во Псков, где «на плацу работали двухэтажный дом от мастера. Сбилась компания в четыре человека, месяца два проработали. Тут же Гусев, знакомый подрядчик, работал церковь, пришли к нему и попросились работать. Потом в уезде, в Изборске, на железной дороге ледник строили. Дальше поехали в Выру, к мастеру Титову, там строили кирпичный завод, холода застали в Рыуге, где ставили стены для пивного завода». На следующий год Землин поехал в Пайде, где строили артелью немецкую школу, оттуда вместе с другими подрядился поставить скотный двор на эстонском хуторе, затем в имении Сараквере обновили фундамент помещичьего дома и печные трубы, а в последние недели сезона ремонтировали вокзал в Тюри. Компания отличалась от артели тем, что нанималась она, как правило, на строительство более крупное, «шла работать дом от мастера», то есть нанималась к чужому подрядчику, бравшему подряд у города, духовного ведомства или у помещика, нанимавшего несколько таких компаний из разных деревень. Каменщики получали поденную плату, а их мастер *первая рука* — еще небольшую прибавку к оплате. Жили эти строители вместе, но питались нередко порознь, особенно если работали в крупных городах. Такие компании легко распадались, иногда добравшись из Причудья до Риги, каменщики тут же расходились кто куда, к знакомым подрядчикам.

Были, наконец, строители, которые не вступали ни в артель, ни в компанию, а взяв себе ученика в помощники, подыскивали работу по ремонту хозяйственных построек у

эстонских крестьян или нанимались на строительство небольших подсобных помещений из кирпича или дикого камня. Заработок такого строителя составлял примерно 75—120 руб. за лето, в зависимости от его мастерства.

В конце XIX — начале XX в. в области традиционного промысла жителей Причудья также развивались капиталистические формы организации труда. Из среды мастеров, ходивших на строительство с небольшой артелью, выделялись подрядчики нового типа. Такой подрядчик заранее снимал подряды на строительство в окрестных мызах (Алатскиви, Кокора, Пала). Зимой же он договаривался с рабочими, «звал в артель», ссужал их деньгами под летний заработок, обязывался и кормить рабочих; с артелью ехала женщина-кухарка, которая варила пищу из заранее запасенной подрядчиком солонины, салаки, купленного в мызе картофеля, молока. Подрядчик, как опытный каменщик, руководил работой, но сам в ней участия не принимал. Деньги, полученные за подряд, шли в его карман, артельщикам же он платил поденно.

В начале XX в. самостоятельные артели каменщиков Причудья с их традиционными формами организации работали только в крестьянских хозяйствах, где объем работ невелик и между заказчиком и исполнителями заключались прямые сделки. Число каменщиков-сезонников, работавших на крупных городских стройках (в Риге, Пскове, Таллине, Тарту) или в помещичьих имениях, с каждым годом возрастало.

Каменщики на своей работе, по воспоминаниям пожилых людей, «не разживались». Это видно и из документа 1912 г., в котором охарактеризовано материальное положение Н. В. Мухина, жителя д. Нина. Он «имеет небольшой об одной комнате дом, стоимостью около 100 руб. ...летом отходит в отхожие промыслы мурником, а зимой ездит ловить рыбу рабочим. Своих снарядов ловли у Мухина нет... летом Мухин уезжает на заработки в г. Ригу, где он зарабатывает довольно приличное жалование (более 2-х рублей в день) ... Сбережений никаких нет»³². Недостаточная материальная обеспеченность характерна и для других каменщиков. Подрядчик в самом Причудье только начал определяться как предприниматель капиталистического типа, однако социальное расслоение шло здесь теми же путями, что и повсюду³³.

Занятия жителей русских деревень Причудья, не уходивших весной на рыбный промысел или на строительство, связанное с каменной кладкой, были разнообразны. В самом

³² ЦГИА ЭССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 231.

³³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 3, с. 531.

Причудье, как рассказывают, не было «решительно никакой работы для мужиков». Мелкие заведения при мызах Алатскиви, Кокора, Пала и Кавасту, хотя и были причислены к заводам³⁴ (сыроваренный, маслобойный, винокуренный, медоваренный, шерсточесальный и др.), фактически обслуживались одним мастером и несколькими постоянными рабочими. Дома оставались главным образом те, у кого в хозяйстве была лошадь — «она кормила». Работы, которые выполнялись владельцами лошадей, были разнообразны. Весной они за плату обрабатывали огороды соседей, летом работали на их сенокосах, вывозили из лесу хворост, грузили на баржи дрова, осенью помогали соседям в уборке урожая (цикория, например), зимой вывозили дрова из леса к берегу озера и сено с покоса. Таких крестьян было немного — несколько в каждой деревне.

Нередко владельцы лошадей занимались и мелкой меновой торговлей. Скупив немного рыбы, везли ее (зимой свежую, летом копченую) на эстонские хутора, осенью брали с собой для обмена и лук. Получив от крестьян зерно и муку (за меру лука давали две меры зерна), продавали их своим же, семьям рыбаков и каменщиков. Мелкие торговцы скупали по хуторам телячьи шкуры, а затем сдавали их на местные кожевенные заводы, брали конский волос и щетину для скупщиков, развозили глиняную посуду в обмен на тряпье и т. д. Такие торговцы «легким товаром» у местного населения уважением не пользовались, о них говорили, что «они ничего не работали, только возили», называли их *ветровозами*. Особенно много было их в Муствеэ и в соседних деревнях. «Ветровозы» обычно ездили в одни и те же районы, в «свои места». И. С. Топкина (1884 г. рожд., Муствеэ) рассказывала, что ее отец всегда возил рыбу в окрестности Пайде, Раквере и Сууре-Яани, где у него были знакомые эстонцы. В поисках незанятых территорий приходилось уезжать и далеко от дома. Отец Н. П. Дегтярева (из Муствеэ) в конце XIX в. несколько раз ездил на о-в Сааремаа, собирал там тряпье по деревням и «возами возил утиль» в Ряпина, на бумажную фабрику.

У жителей Причудья получила развитие и традиционная торговля вразвоз. Ведь именно они были посредниками между эстонским и русским населением, разделенным Чудским озером. Контакты между жителями западного и восточного берега поддерживались постоянно. В Пскове и у псковских крестьян жители Причудья покупали деготь, смолу, дрова, лодки (в д. Подлипые), пеньку и лен для сеток, глиняную посуду и другие гончарные изделия, крашенные дере-

³⁴ Лифляндская губерния. — В кн.: Справочная книга Лифляндской губернии на 1892 г., вып. II. Рига, 1892, с. 18—24.

вянные ложки и т. д. Часть этих товаров расходилась дальше по Эстонии именно благодаря «ветровозам». Приводим слова одного из них в записи К. А. Авдеевой: «Бог даст, поеду в Псков, куплю пеньки, муравленной посуды; посуду отвезу в Юрьев, а пеньку лишь бы была — чистый товар, барышек всегда получишь»³⁵. Постепенно число псковских изделий и сырья, поступающих в Причудье и оттуда в эстонские деревни, сокращалось. В конце XIX в. их вытеснила фабричная продукция, которая распространялась через сеть деревенских лавок и ярмарок. В Эстонии начали открываться свои керамические фабрики (например, в Йыгева), менялись и требования деревни. В результате одни «ветровозы», «помельче», ограничивались торговлей-меной в эстонских деревнях (меняли рыбу и лук на муку и зерно), а другие, имевшие капитал, обратились к аренде садов. Весной, сразу по окончании вспашки огородов, «ветровоз» ехал в Пярну (в Пярнском заливе ловили рыбу причудские рыбаки) и совершал несколько поездок с рыбой по уезду. Выручив деньги, он отправлялся на юг, в район городов Валмиера и Цесис, где брал в аренду у помещика или богатого хуторянина фруктовый сад, давал задаток (1/5 часть арендной платы), нанимал сторожа на все лето. Месяца два арендатор продолжал ездить с рыбой в Пярнском уезде, а осенью снимал урожай и вез яблоки на городские рынки.

Был распространен и лодочный извоз, характерный для жителей всего побережья Псковского и Чудского озер. Например, из д. Раскопель, Гдовского уезда, ходили в Тарту большие лоды-будары³⁶ с дровами (рис. 5 и 6). Из г. Изборска, Псковского уезда, на бударах, поднимающих до 4—6 тысяч пудов, возили в Лифляндию алебастр³⁷. Жители деревень Причудья на больших лодках-бударах возили дрова в Тарту.

Л. М. Сидоров (1864 г. рожд., д. Казепа) начинал промысел так: «Перво маленькая лодка была, с ней ездили в Россию, напротив через озеро. Там около Ямм жгли уголь и смолу, мы ее брали, привозили и продавали в Юрьев. Потом завели будары большие, в них по 200 сажений дров входило. На будары дрова брали ото Гдова, там лес подешевле был. Но и вокруг всего озера ходили за дровами, они на зиму к берегу вывезены были. В баржи загружали специальные рабочие. За дрова платили небольшую сумму —

³⁵ Авдеева К. А. Записки о старом и новом быте, с. 49.

³⁶ «По Нарове и Пейпусу ходят большие будары». Даль В. И., т. I, с. 135.

³⁷ Якушкин. Путевые записки из Новгородской и Псковской губерний, с. 132, 133.

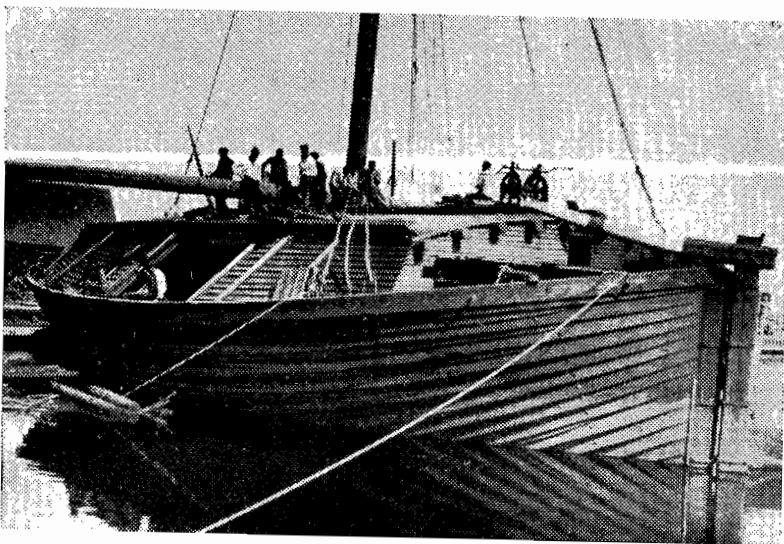

Рис. 5. Лодья-будары для перевозки дров. Муствез, 1928 г. Ф. 437:18.

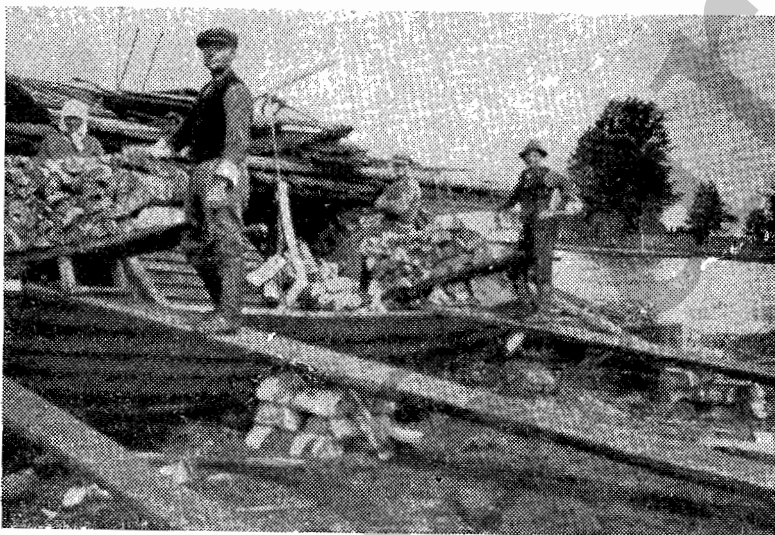

Рис. 6. Погрузка дров в лодью-будару. Омеду, 1928 г. Ф. 473:34.

задаток, остальные деньги возвращали после распродажи дров. На бударах стояли мачты с парусами. Если поветерь, то быстро шли, а так вдоль берега тащили бичевой. Лямку надевали на грудь и шли. С собой лодочка была, когда доходили до реки, переезжали на ней на ту сторону и тащили дальше. И по Эмайыги, когда поднимались, меняли берега, искали, где удобнее идти». В Тарту будары приставали к городскому дровяному складу, который помещался на углу набережной р. Эмайыги и б. Фортунной улицы, заселенной староверами. Владельцам лодок торговля дровами приносила немалый доход. О Сидоровых в деревне говорят: «Они торговали дровами, двух лошадей имели, богачи...».

Перевозкой дров занималась небольшая часть населения. Так, по данным 1910 г., на 247 малых рыбацких лодок приходилось в д. Нина семь лодий-будар, на 200 лодок в Калласте — три будары, «поднимающих» 1000, 700 и 500 пудов³⁸. На каждой из них значилось лишь по два наемных рабочих. Причудские будары уступали по величине псковским, которые поднимали и 6, и 12 тысяч пудов³⁹.

Население Причудья шло и на другие заработки, не требовавшие особого профессионального умения, как, например, отгон гуртов скота, которым занимались муствезские парни. В Муствез издавна происходила «сборка скота», сюда пригоняли скот, который скупщики покупали у крестьян или в имениях уезда, здесь составлялись гурты для отгона в Петербург. Гнали скот с весны до успенья; гонщик получал за день на своих харчах 1 руб. 50 коп. От Муствез до столицы шли 10—12 дней; партию в 30—35 голов скота сопровождали четыре гонщика.

Особенностью промысловой деятельности посадских жителей Муствез являлось отсутствие устойчивой специализации. В поисках заработка они брались за разные работы: молодые нанимались на рыбную ловлю в Ладогу, женившись, старались обзавестись лошадью и становились лошадиниками и ветровозами. Одним из видов отхода была и временная работа на питерских заводах, куда устремлялась молодежь Муствез и соседних деревень. Те из них, кому удавалось получить специальность, становились кадровыми фабричными рабочими Петербурга. Впрочем, их было немного, так как в конце XIX — начале XX в. значительного отлива населения из Причудья в города, характерного, например для Псковской губернии, не происходило. Традиционным был сезонный полугодовой отход (рис. 7).

Деревенские женщины также старались найти заработок

³⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 231.

³⁹ Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, с. 132.

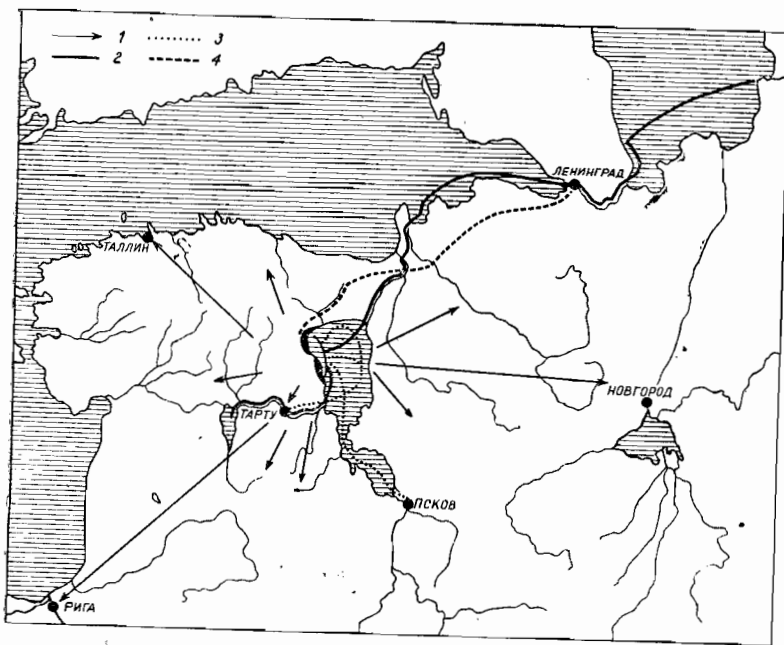

Рис. 7. Виды отходничества у русских Причудья в XIX — начале XX в.
 1 — каменное строительство, садовые и огородные работы; 2 — сезонное рыболовство; 3 — перевозка на баржах дров, на лодках товаров и снетков; 4 — прогон гуртов скота.

на стороне или брали работу на дом. Женщины-отходницы специализировались на резке кирпича, рыбном промысле, садово-огородных работах.

Сообщение о том, что причудские девушки с 14—15 лет работают на резке кирпича, относится к 1860 г.⁴⁰ В конце XIX — начале XX в. многие девушки и женщины из всех деревень Причудья работали резчицами и подносицами кирпича на кирпичных заводах в окрестностях Петербурга (Левашово, Луга), во Пскове и Валга. За лето, на «готовых харчах» (кормил их подрядчик), они зарабатывали 60—70 рублей.

Девушки из рыбацких семей ходили с рыбаками на сезонную ловлю в Финском и Рижском заливах, в озерах Выртсъярв, Вильяндиское и Ладожское. Кормились с семьей рыбака, имели право «бросать» свою сивую сетку; от продажи сига они получали некоторый доход сверх положенной за сезон платы.

⁴⁰ Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, с. 165.

Немало девушек из деревень Нина, Колкья и других нанималось на садово-огородные работы в помещичьи имения южной Эстонии и Латвии (близ г. Валмиера). Они тоже зарабатывали за лето 60—70 руб., но питались за свой счет, а из имения им выдавали лишь молоко и картофель. Уходили на заработки и после выхода замуж, вплоть до рождения первого ребенка.

Оставаясь дома, женщины старались заработать как можно больше денег, используя для этого любую возможность. Ездили по-двое, по-трое в свое озеро и добытую рыбу отдавали мелким скупщикам, в Муствезе и соседних деревнях грузили на баржи дрова и сплавленный по рекам лес; нанимались по-дому к крестьянам и в помещичьи имения ворошить сено, копать картофель; осенью собирали клюкву и сдавали ее скупщикам.

Рано начинали работать на стороне и дети. Они в основном нанимались пастухами на хутора.

Разнообразие промыслов, активное участие в них женщин и детей, сочетание различных занятий в одной семье, дальние районы отхода на заработки, составлявшие главную статью дохода семьи, — все это было характерно для хозяйства населения западного Причудья в дореволюционные годы.

По характеру занятий русское население Причудья значительно отличалось от эстонского крестьянства и близко стояло к крестьянству Петербургской губернии с его «промыслово-земледельческой ориентацией хозяйства»⁴¹.

Огородничество в Причудье было еще одной отраслью хозяйства, приносившей жителям доход. У русских жителей Причудья, как пишет в своей книге А. Моора, огородничество приобрело промысловый характер во второй половине XIX в.⁴² Но, по всей вероятности, выращиванием овощей на продажу здесь стали заниматься раньше. В начале XIX в. деньги, выручаемые за лук, составляли уже значительную статью дохода крестьянской семьи. Побывав в деревнях Колкья и Нина в 30-е годы XIX в., К. А. Авдеева отметила: «Также немаловажный торг ведут здешние жители луком, который они сдают в большом количестве, так, что иногда одно семейство выручает до 500 рублей. Лук развозят по чухонским деревням и переправляют в Дерпт. Иногда продают картофель и капусту, только очень мало; остальные же овощи сдают для домашнего употребления»⁴³.

⁴¹ Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Статистическое отделение С.-Петербургского Губернского земства. Гдовский уезд. СПб, 1914, с. 106.

⁴² Моора, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 293.

⁴³ Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте, с. 42, 46, 47.

Перечисляя товары, привозимые русскими на ежегодную сентябрьскую ярмарку в Тарту, Авдеева ставит их в такой очередности: рыба, лук, картофель, капуста.

Следует отметить, что огородничество и на западном берегу Псковского озера издавна являлось обязательным компонентом хозяйства безземельного населения, занимающегося рыболовством. В этом отношении значительный интерес представляют документы Псково-Печорского монастыря XVI—XVII вв., в которых неоднократно упоминаются огороды. Например, в описи, датированной 1574 г., указано: «... А ныне на том месте две кельи, да огород капустный»⁴⁴. В документах же зафиксирован и хозяйственный уклад жителей исадов: «Исады представляли собой деревни, в которых жили монастырские рыболовы, имевшие при своих дворах огороды. Пахотой исадчики не занимались. С такими исадами встречаемся чаще всего у Псковского озера»⁴⁵. Документы, включающие перечень жителей деревень Печорского монастыря, оканчиваются словами: «... все исадчики с огороды». Навыки в выращивании огородных культур передавались из поколения в поколение. В конце XIX — начале XX в. население деревень Печорского уезда, расположенных близ озера, выращивало огурцы, лук, клубнику для продажи в городах (клубнику, например, возили даже в Петербург).

В русских деревнях западного Причудья, жители которых владели лишь приусадебными участками да небольшими полосками земли за деревней (всего 0,6 или 0,33 га на семью), отводили под огородные культуры половину и более полосы. Огороды размещались в двух местах: близ дома (несколько гряд) и на полосах за деревней. Дальние огороды назывались иногда капустниками, т. е. тем же самым словом, которым обозначались огороды в документах Псковско-Печорского монастыря еще в XVI веке, хотя сажали там картофель и затем «разное слетье» — морковь, брюкву, свеклу, капусту. Но главной огородной культурой был лук, которым особенно занимались в деревнях Колкья, Казеля, Воронья, выращивая его на продажу.

Развитию навыков в огородничестве, особенно в выращивании лука, способствовали и местные природные условия: песчано-торфяниковые почвы, простирающиеся к югу от Калласте, легкие, проницаемые для корней лука. Грунтовая вода под почвой держится на высоте уровня озера, а следовательно, близко от поверхности земли. Испаряемость воды

⁴⁴ Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни на Псковской земле. М., 1908, с. 404—406, 412.

⁴⁵ Там же, с. 449.

⁴⁶ Слетье (стар.) — плоды, овощи, подспорье хлебу. Даль В. И., т. IV, с. 229.

при таких условиях очень велика, и поэтому корни лука полностью обеспечиваются влагой, столь необходимой для них в начальный период роста⁴⁷. Важное значение у населения западного побережья Чудского озера имел и передаваемый из поколения в поколение опыт культивирования лука (жители Припаровья, например, никак не могли добиться таких урожаев и такого качества, какие были характерны для причудского лука⁴⁸).

Чтобы получить высокие урожаи лука, необходимо было тщательно обрабатывать землю и систематически вносить в нее органические удобрения. Ежегодно весной, до разделки огородов, у эстонских крестьян покупали по несколько телег навоза и закладывали его в междурядки. В конце апреля — начале мая приступали к работе на огородах. Гряды копали женщины, если в семье их было мало, то собиралась толока, на помощь приходили соседки или родственницы. Первым делом они *спускали грядки до гребня* (гребень — середина грядки), перекидывая землю на междурядки. Навоз, положенный в междурядки, оказывался под слоем земли (20—30 см), а междурядок прошлогодней грядки становился гребнем новой гряды. Новые междурядки прокладывались на старом гребне. Благодаря этому земля постоянно перемещивалась и почва оказывалась равномерно плодородной. Грядку копали всегда вдвоем: одна женщина *сверху обдελывала*, пятясь назад, *шла на шкипель, гребень раскапывала*, а вторая *шла снизу, наступала*, разделявала междурядок и прибывала грядки с боков. Затем вилами разбивала все комки, а под конец разравнивали поверхность гряды железными граблями — чесали землю. Гряды в Причудье высокие — 50—60 см, т. е. в три раза выше, чем в материковой части Эстонии (20 см), с почти отвесными стенками примерно метровой ширины. Благодаря этому овощи предохраняются от излишней влаги и увеличивается площадь обогрева солнцем.

Поперек гряды, рядами, на расстоянии *пяды* сажали луковицы (по 4—5 в ряд), между ними бросали семена моркови (боркан)⁴⁹. Пололи огороды два раза: в начале лета, когда морковь выбросит первые два листочка, затем в середине июля, когда луковое перо вырастет большое. После того как луковица выбросит стрелки, на высоте 50—70 см натягивали сетку, которая предохраняла их от заваливания

⁴⁷ Jaagus, V. Söögisibul. Tallinn, 1968, lk. 13, 14.

⁴⁸ Специалисты называют местный сорт лука «причудским круглым желтым», но чаще просто «причудским»; ближайшим родственным сортом считают «ростовский».

⁴⁹ Боркан (нвг, пск, твр.) — морковь. Даль В. И., т. I, с. 115.

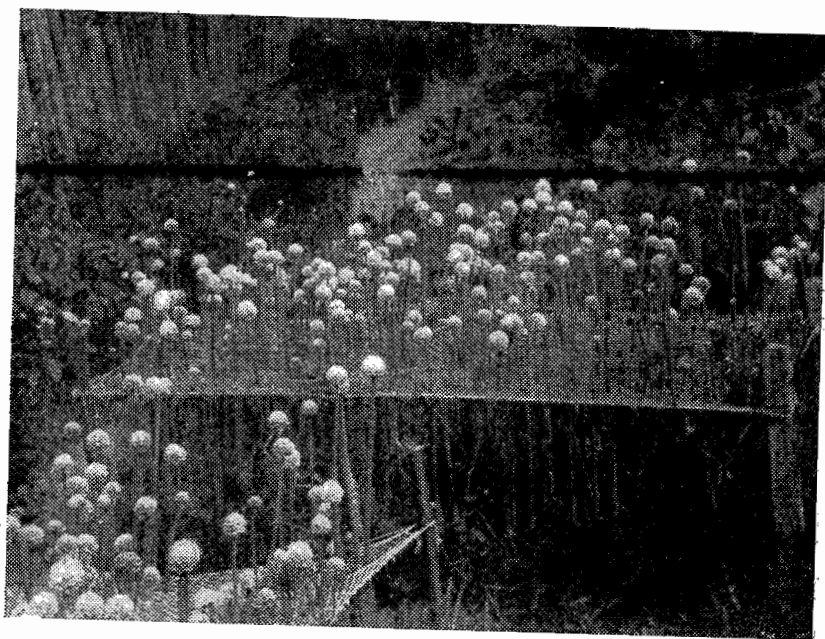

Рис. 8. Высадка лука на семена. Калласте, 1961 г. Фото автора.

(рис. 8). Ежедневно поливали гряды лишь около дома, а на дальних огородах их поливали два раза в лето — они «ждали дождя».

Лук начинали таскать из гряд в августе, когда повалится перо, стараясь закончить эту работу к успению (15 авг. ст.). С огорода его выносили в заплешных корзинах и сваливали в кучу, затем на лошади перевозили во двор. Здесь женщины резали лук, сидя на маленьких скамеечках, чурбаках. Брала на колени из кучи лук, обрезали тину⁵⁰, а луковичи клали в большие корзины из щепы, тут же сортируя их на семенной, второй, третьей и четвертой выборки. Затем лук рассыпали для просушки на полатах перед домом — на широком дощатом помосте полуметровой высоты с бортом. Здесь лук просыхал на солнце в течение 7—8 дней. Время от времени его набирали в деревянную *ночву*, встряхивали и пересыпали, а высохшую шелуху относил в сторону ветер. Затем лук сушили в доме, рассыпая на помосте русской печи, на лежанке, на полатах, устроенных под потолком в кухне.

⁵⁰ Тина (пск.) — картофельная ботва. Даль В. И., т. IV, с. 405. Здесь название пожелтевшего вялого пера.

Сушка продолжалась 2—3 недели, затем лук *шмунили*: (терли, набрав в обе горсти, очищая от лишней шелухи) и переносили его на чердак. Рассыпанный по чердаку лук покрывали сетками, *ризцами*, сеном, а в сильные морозы — парусом или брезентом. Когда становилось тепло, лук открывали, чтобы не проросло перо.

Много стараний прилагали хозяйки, чтобы сохранить семенной лук. Его держали отдельно, обычно в кухне: вешали на стенах в кулях из сеток, держали на полатах под потолком. На семена брали луковицу из гнезда с 10—12 головками. Поздней осенью головки с семенами — высадки обрывали и раскладывали на просушку в кухне. В конце апреля семена лука высевали на гряды, и осенью собирали лук первой выборки, или сявок. Следующий, осенний урожай севка называли второй выборкой. Луковица второй выборки давала осенью третью выборку. «Большинство людей старалось третьей выборкой обойтись, да и лук только четыре земли хочет...». Иногда получали и четвертую выборку — самый крупный и хороший лук.

Готовый лук продавали сами на городских рынках, сдавали понемногу мелким скупщикам или большими партиями крупным скупщикам, которые были в каждой деревне.

Терминология, связанная с выращиванием лука, детальна и разнообразна: *спускать гряды до гребня, межгрядки, шмунить, высадки* — стрелки с созревшими семенами, *сявок* — луковка из семечка, *мычка* — верхняя часть луковицы, из которой растет перо, *тина, полати* — помост для сушки лука на улице и в кухне, *ночва* — долбленная посуда для пересыпки лука, *заплешная с пацонкой* корзина для переноски лука. В значительной степени эта терминология распространена и в псковских говорах.

Второй важной огородной культурой, имевшей промышленное значение, был цикорий. Его начали сажать примерно в 70-х годах XIX в. По мере того как на цикорий увеличивался спрос (в городах, а с конца XIX в. и в эстонских деревнях распространилась мода на кофе, в который обязательно добавляли цикорий), им занималось все большее число жителей Причудья. Специализировались на цикории главным образом деревни, расположенные к югу от Муствеэ.

Вот как происходило выращивание цикория и его дальнейшая обработка по рассказу старейшей жительницы д. Кюкита (1884 г. рожд.): «Грядки делали так же, как и под другие овощи. Семя цикория похоже на морковное, меряли его стаканами. Я всегда говорила: весна придет — несем в кулечке на полосу, а осень придет — возами возим. Из одного фунта семян получалось 30—40 пудов урожая. Семена цикория мешали с семенами моркови и *заплывивали* в

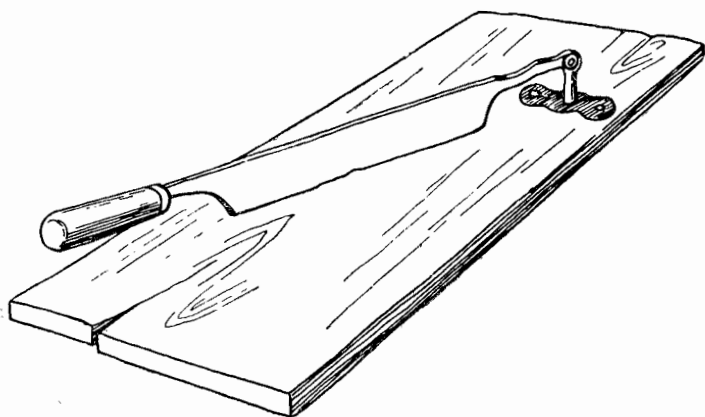

Рис. 9. Машинка для резки цикория. Тихеда, 1970 г.

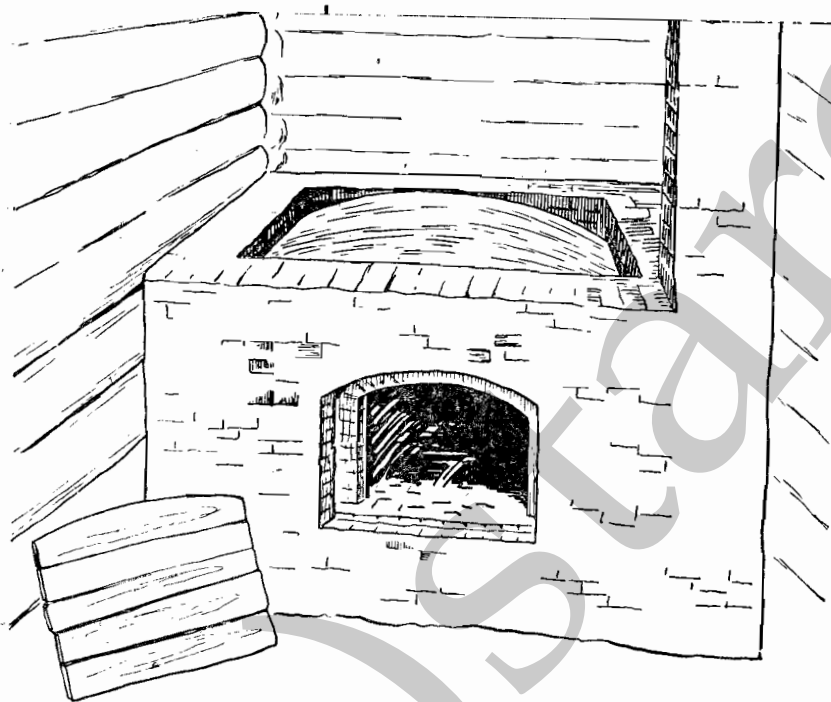

Рис. 10. Печь для сушки цикория. Тихеда, 1970 г.

грядки. Семя его такое едкое, обжигало рот, потом женщины несколько дней только молоко могли пить. После того, как гряды были заплеваны, их забивали *граблями*. В лето пололи дважды. При полке вырывали сорняк и лишние листья цикория, так как ему расстояние нужно, воздух. Осенью, когда картошку копали, начинали и цикорий тягать. Листья обрывали и складывали на грядках. Их потом сушили на ределях или заквашивали в бочках с другой огородной ботвой для коров. Корни цикория в корзинах-*корфиках* несли к ограде, складывали в кучу. Лошадники вилами или вручную забрасывали их на телегу и везли в озеро. В озере на полуметровой глубине стоял ящик, размером 6×6 м. На углах — кольца, вколотые в дно. В ящик опрокидывали цикорий из телеги, метлами и граблями мыли корни, а потом выбрасывали вилами на вымытую телегу чистый цикорий, везли его домой и во дворе раскладывали на соломе или на полотнище. Вечером женщины складывали просохший цикорий в корзины-*люльки* и приносили в кухню. Там вся семья сидит, пластает. Пластали цикорий, разрезая вдоль корня на 4—6 частей. Рядом со столом стояла бочка или кадка, на ней толстая доска и машинка⁵¹ (рис. 9), на которой хозяин быстро резал распластанные корни на кусочки длиной примерно в 1 см. *Хвосты* оставляли для себя, сушили его отдельно. Из бочки кубики перекладывали в мешки и рано утром везли сушить. У кого печки здесь же за двором были, у кого на берегу. Если своей не было, просились к соседям».

Сушильные печи нередко ставили вместе с баней: первое помещение — сушилка, за ней предбанник и затем баня. Печь (3×2,5 м; рис. 10) стояла против двери сушилки; во всю ширину стенки. Топили печи дровами и *кубышами* (связками) хвороста, которые привозили «лошадники» и крестьяне-эстонцы. Печь растапливали ранним утром, протопив, мели помелом под, на который забрасывали цикорий, и время от времени помешивали его, чтобы сох равномерно. На сушку каждой партии цикория уходило двое суток.

Сушка цикория продолжалась до конца декабря. Высушенный белый цикорий хранили в мешках в амбаре, засеке или на чердаке. Следили, чтобы цикорий не плесневел, рассыпали его для просушки. Говорили, что «цикорий — наши деньги». Цены на цикорий колебались — осенью были низкие, а к весне повышались. Тот, кто мог, выжидал. Но большинство жителей начинало продавать цикорий уже в октябре-ноябре. Несли местным лавочникам в обмен на продукты, отдавали ветровозам, купцам в Муствез (у купца Красиль-

⁵¹ Такие машинки повсеместно употреблялись эстонскими крестьянами для резки табака.

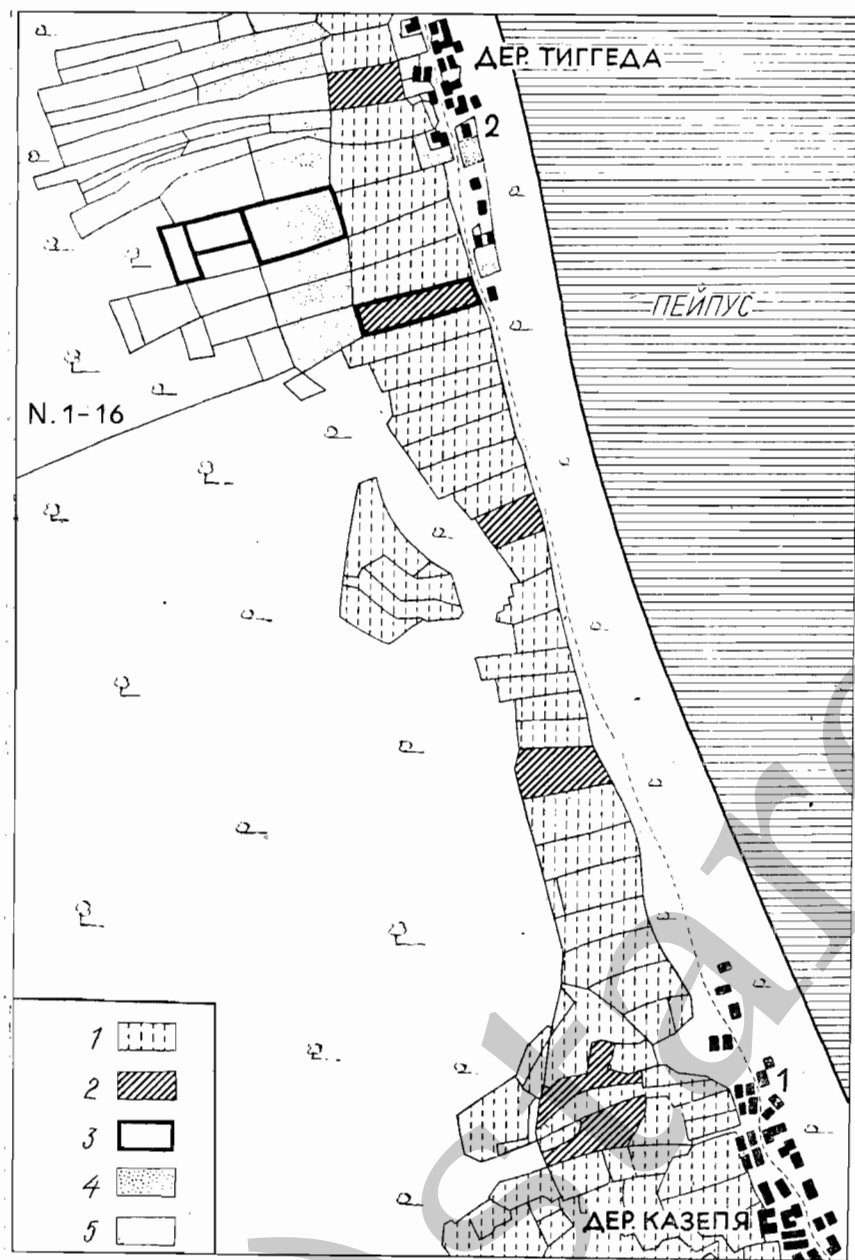

Рис. 11. Земельные угодья деревень Тихеда и Казепя в 1868 г. (ЦГАОР ф. 62, оп. 6, ед. хр. 1235).

1 — пашни крестьян эстонской деревни Казепя; 2 — участки, арендуемые крестьянами д. Казепя; 3 — участки, арендуемые одним из жителей д. Тихеда; 4 — огородные полосы жителей д. Тихеда; 5 — пашни, жителей Тихеда; 1-16 — покос и выгон в общем пользовании жителей Тихеда.

никова до 1000 пудов сухого цикория скапливалось, он вагонами посылал его на сушильные фабрики в Раквере, Тарту и Таллин. Скупщики брали его охотно, так как цикорий давал им при продаже такую же прибыль, как и яблоки.

Полеводство у русского населения западного Причудья в конце XIX — начале XX в. было развито слабо. По данным 1912 г., безземельные составляли здесь 61,4%, и вне земледелия было занято 95,2% трудоспособного населения.

На каждый двор приходилось (в десятинах): пахотной земли 0,30, покоса 0,8, выгона 1,6⁵². Впрочем, это средние показатели, наличие же земли по деревням и семьям варьировало. Некоторые деревни (например, Лохусуу) «обществом» покупали у барона лес или землю (Тихеда), разделяли делянки казенного леса под покос (Муствез), другие кроме огородов имели лишь выгон (Калласте).

По количеству и расположению земель русские жители Причудья отличались от соседних эстонских крестьян, имевших пашни и выгоны в разных местах деревенского массива земли. Примером может служить д. Тихеда, земельные угодья которой показаны на карте 1868 г. (рис. 11). С запада к деревне подходили узкие полоски земли («шнуровые участки») крестьян соседней эстонской деревни Казепя. За этими участками, дальше от берега, одним массивом располагалась земля, арендуемая у помещика жителями д. Тихеда: огороды (картофельные полосы, капустники), затем пашни, по площади нередко равные огородам. Прадед одного из жителей Тихеда, бежавший в начале XIX в. от гдовского помещика, поселился в д. Тихеда, получил звание мещанина г. Выру. Уже тогда «казепельские полосы заходили к берегу, и за их полосами русские стали рубить землю кривыми топорами. Прадед расчистил 3 десятины пашни, кроме того арендовал 4 десятины покоса и выгона. Так много земли из деревенских никто не имел, обычно было 2—3 десятины с покосом». Покосы в некоторых деревнях арендовали сообща, а затем делили по паям между семьями. Площадь сенокосных участков, приходившихся на одну семью, исчислялась «косами», то есть участком, который выкашивает один косец за день⁵³. Коса равнялась примерно $\frac{1}{3}$ га, то есть одному пурному месту.

Далеко не в каждом хозяйстве была лошадь, поэтому для обработки земли нанимали обычно «лошадников», а на покос (если не приходили домой отходники) нанимали эстонцев. Так как обычно, даже при наличии арендуемых участков

⁵² Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 7.

⁵³ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, с. 17, 18.

земли, сельскохозяйственными работами мужчины Причудья занимались мало, то сельскохозяйственные орудия имелись в первую очередь у «лошадников» и «ветровозов».

Для вспашки задерневшей земли здесь редко пользовались резаком. Если разделявали *дровосеку*, корчевали пни, рубили землю, *выглаживали* покосы, то применяли кривой топор — орудие типа кирки. Следует отметить, что термин «кривой топор» кроме деревень западного Причудья зафиксирован в северном Причудье, а также в районах распространения среднепсковских говоров. В деревнях Обозерья (Печорский район) подобное орудие называется копром.

В Причудье были распространены два подтипа сохи. Жители д. Лохусуу и Муствез пахали сохой с прямыми короткими оглоблями-обжами, которую эстонские авторы называют южноэстонской, или русской, сохой. И тут же, рядом, в Калласте, пользовались сохой с длинными оглоблями, разновидностью той сохи, которую в этнографической литературе называют «полесской»⁵⁴. Это старинный тип сохи, распространенный в северных и западных районах Эстонии (соха с «журавцами»). В деревнях Колкья и Варнья бытовали оба подтипа сохи.

В Эстонии, в первую очередь в южных ее районах, традиционная эстонская соха с длинными обжами «журавцами» заменялась легкой «русской» сохой, по мере того, как основным тягловым животным становилась лошадь (а не вол). Но в районе, прилегающем к Чудскому озеру, у эстонских крестьян долгое время были в пользовании оба типа сохи⁵⁵. И те русские, которые имели мало земли (в Калласте, например) и пользовались покупными орудиями, поскольку у них своего леса не было, также пахали старинной эстонской сохой с «журавцами». Наличие у русских этого типа сохи — прямое свидетельство давних контактов их с эстонскими земледельцами.

Терминология же деталей сохи у русских западного Причудья сохранилась русская (*обжи, присох, лемеха, оральные гужи*), та же, что и в соседних областях (см. рис. 12). Вызывает интерес название основной части сохи — *плотиво*, имеющее много вариантов на территории Псковщины⁵⁶. У русских крестьян северного Причудья и Принаровья был распространен термин *сошило*, а в Печорском, Псковском районах и далее к югу — *лемешница*. Термин «плотиво» зафик-

⁵⁴ Моора А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 283—287.

⁵⁵ Моора А. Х. Там же, с. 286, рис. 85.

⁵⁶ Барковский Ю. И. Лексика псковских говоров. Дипломная работа. Л., 1950. Хранится в межкафедральном словарном кабинете филологического факультета Ленинградского госуниверситета.

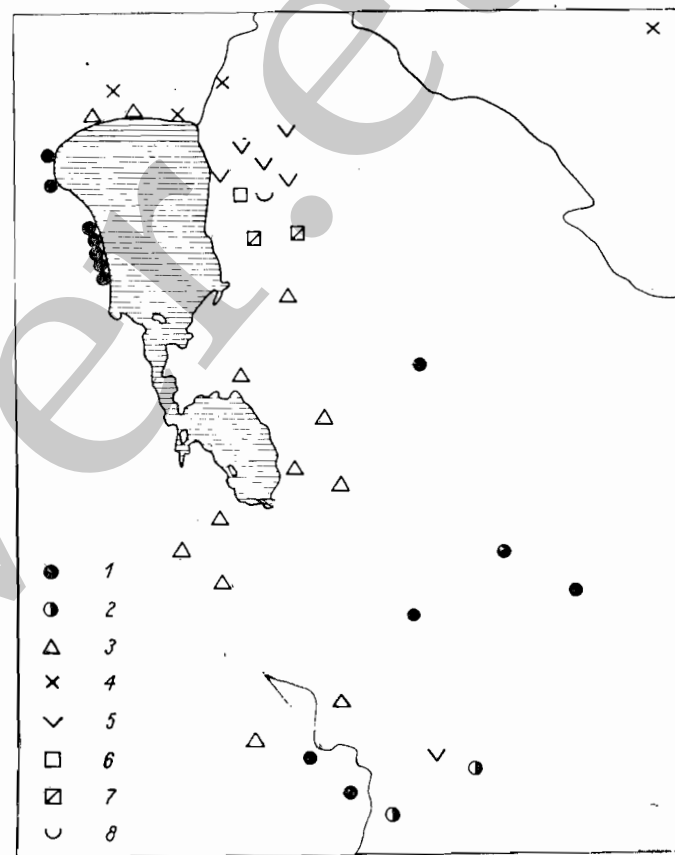

Рис. 12. Название деревянной части сохи. Псковские районы: Ю. И. Барковский, 1950 г. Эстонское Причудье: Е. В. Рихтер 1968—1969 гг.

1 — плотиво; 2 — плотивина, плотина; 3 — лемешница; 4 — сошило; 5 — сошное дерево; 6 — дерево; 7 — дерявина; 8 — кривина.

сирован диалектологами в отдаленных от Причудья районах распространения восточных и среднепсковских говоров. Единство терминов не случайно, это несомненное доказательство этнических связей какой-то группы русских Причудья с населением их исходной территории — юго-восточных районов Псковщины. Но в силу каких причин распространился и удержался именно термин *плотиво*, а не термин, бытующий у населения ближайших районов (Гдовщина, северное Причудье и т. д.), объяснить затруднительно.

В Причудье до начала XX в. пользовались *старцной*

Рис. 13. Эстонский крестьянин и рамная борона с деревянными пульками. Муствез, 1922 г. Ф. 439: 123.

бороной с сучьями (орудие типа суковатки) и находили в ней много преимуществ: легкая, хорошо рыхлит землю, вызывая вибрацию. Но уже в конце XIX в. здесь получили распространение характерные для эстонских крестьян коленчатая борона с деревянными или с железными пульками (рис. 13), а в первое десятилетие XX в. и фабричная железная борона

(пружинка). Название «суковатка» забылось, а в названиях новых видов бароны проступают языковые заимствования: зубья называли пульками (от эст. pulk — колышек, палочка, зубец), а название «пружинка» является калькой с эстонского (vedrü — пружинка, борона).

Жителям Причудья был известен гладкий полевой каток, которым прикатывали полосы, засеянные яровыми. Но, по рассказам местных жителей, катков в деревнях «почти и не было, а к тому же некоторые считали их вредными для земли».

Сеяли из лукошка, вешая его на шею с помощью ремешка чересседельника или обрывка сетки. Круглые лукошки из луба продавались на местных ярмарках, куда их привозили эстонские мастера из Авинурме и русские из лесных деревень Вяльги и Костино. Лукошко называлось здесь *климат* или *матик*⁵⁷. Термины эти распространены только в русских деревнях западного и северного Причудья. В Принаровье и в Печорском районе бытовал термин «лукно». Название «климат» и «матик» — эстонские и у русских Причудья употреблялись главным образом для обозначения мер объема.

Орудия сенокоса, приемы работы и их терминология в Причудье существенно не отличаются от характерных для русского населения соседних областей. Косили косой-литовкой с прямым косовищем и с одной ручкой-вязком. Если у деревни не было покоса и нужно было ежедневно носить траву корове на вечер, то ее жали серпом. Грабли, купленные на ярмарке, имели в нижней части *грабловища* развилки. Сено с ближних покосов перевозили домой и складывали на *верех* во дворе и на чердак. В Муствез и Лохусуу, где сена накашивали много, для перевозки его, использовали специальные корзины или клетки, установленные на телеге или дровнях (рис. 14) и вмещающие по 25 пудов сена (размер клетки: основание 2×3 м, высота 1,5 м). Клетка была своеобразной мерой: считали, что на зиму для коровы надо запастись восемь клеток, т. е. 200 пудов сена. Подобные приспособления для перевозки сена распространены и у эстонских крестьян (heipakogu). Оставленное для зимы сено на дальних покосах *смятывали*, *мятали* в стога. Из хвороста и коротких плашек стлали большой круг — *одонье*, в центре на палках-крестах которого устанавливали длинный шест — *стыр*. Приготовленную для стога основу называли *стожарьем*

⁵⁷ В 1830-е годы «мера, употребляемая в Остзейских губерниях, как и всюду, четверик, четверть, но есть также и местная в Дерпте... как-то: пура, калемат, лезик, матик. Пура четырехугольный ящик, и в него вмещается около трех четвериков или мер; в пуре считается три калемата, а мелочная продажа, особенно овощей, производится матиками...» (Авдеева К. А. Записки о старом и новом быте, с. 116).

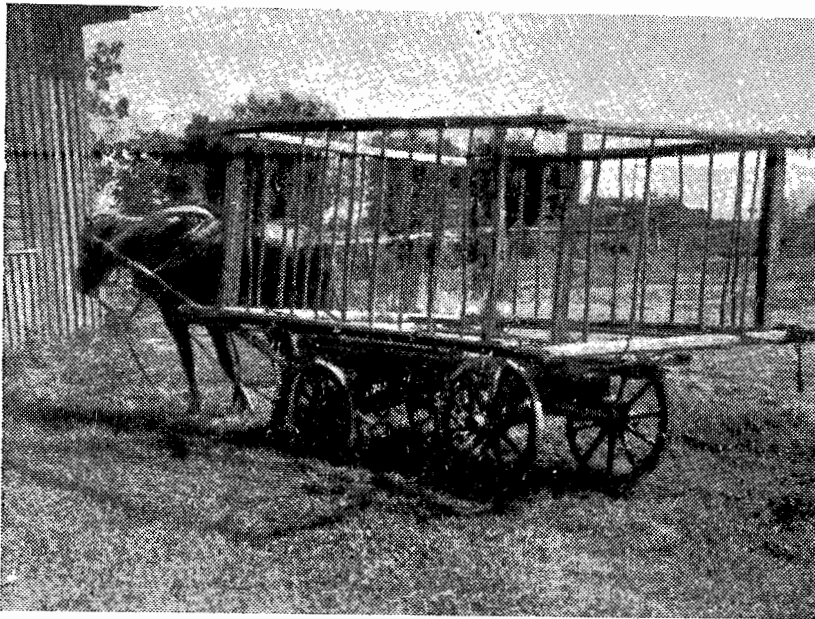

Рис. 14. Корзина, или клетка, для перевозки сена. Муствее, 1961 г.
Фото автора.

(термин зафиксирован в Себежском и Невельском районах б. Великолуцкой области и не бытует в Гдовском районе⁵⁸). Когда стог был сметан, наверх, чтобы ветер не разносил сено, клали толстые березовые ветки — *ометья*.

С уборкой хлеба справлялись всегда женщины-хозяйки. Рожь жали серпом (*сереп*), складывали для просушки в *стоянки с головкой, со шляпой*. Число снопов в стоянках не было постоянным и колебалось в пределах 10—20. «Если обильная рожь, то 10, а бедная, то 20 снопов». Термин «стоянка» («стояночка»), широко распространенный на территории Псковской области, известен и в б. Тверской губернии, а также зафиксирован у староверов Латгалии. Но в северном Причудье и в Принаровье малую укладку снопов русские называют «килосом», на восточном берегу Чудского озера (Гдовский, Лядский, Плюсский и другие районы) — «бабкой». Название «стоянка» более характерно для районов распространения среднепсковских и южнопсковских говоров⁵⁹. Большую укладку ржи в Причудье называют большим

⁵⁸ Картотека Псковского областного словаря.

⁵⁹ Там же.

стогом, число снопов указать не могут, объясняют: «Да такого изобилия и не было, чтобы в стога ставить».

Яровое повсеместно косили обычно косой с прутьяной дужкой. Сушили на поле тем же способом, что и эстонские крестьяне близ Тарту и Нарвы в 30-е гг. XIX в.: «... Сжатый хлеб, пока он не убран с поля, складывают здесь другим манером, нежели у нас: делают клады из жердей и на них кладут снопы так, что воздух проходит свободно, а если хлеб в круглых копнах, то ставят жерди конусом и на них кладут снопы, на четверть от земли»⁶⁰.

Названия приспособлений для сушки ярового у русских Причудья — эстонские: *кярбик* (*kärbis* — стойка из жердей), *редели* (*redel* — рама с перекладинами) и производная от нее *редёлка*. Последние в XIX в. распространились под этими же названиями среди русских крестьян северо-западных уездов Санкт-Петербургской губернии и северных уездов Псковской губернии⁶¹, вытеснив прежние приспособления — островья, жерди, лежащие поперек на воткнутых в землю высоких шестах с сучьями.

В русских деревнях Причудья риг было мало: в Лохусуу — три риги, столько же в Костино, в М. Колкья — одна рига (да и та принадлежала эстонской крестьянке), в деревнях Нина и Б. Колкья не было ни одной риги, и обмолот хлеба производился в риге, принадлежащей кому-либо из ближних эстонских крестьян.

Рига называлась здесь так же, как на Псковщине и у русских Латгалии — *рей, рья*. В Причудье записано: «В рею на парзилах сушили, а на гувне обмолачивали. Там пол с *гнилы* (ток, токовня), должен быть очень чистый. Гувно всегда рядом со рьем, под одной крышей»⁶². Иногда в конце гумна или рядом с ригой отгораживали пелушню для мякины. Снопы, насаженные на *парзилы* (колосники) для одноразовой сушки, назывались *посадам*.

Высохшие снопы обколачивали здесь же в риге о наклонно или горизонтально стоящую скамью. Говорят: «В риге-то и был основной обмолот, здесь вылетало зерна в десять раз больше, чем после молотбы цепами» (Тихеда). Обколоченные снопы уносили в гумно, где их снова хлестали о скамью или молотили цепами. О скамью *стебали* комли снопов, после чего их трясли и распускали. Крупную солому связывали в *кубыши* (большие охапки соломы) и убирали в сторону, а по

⁶⁰ Авдеева К. А. Записки о старом и новом быте ..., с. 41.

⁶¹ Viies, A. Sõnavaralisi paralleele Peipsi-tagustes vene muurakutes ja eesti keeles. — «Keel ja Kirjandus», 1959, nr. 2, lk. 103, 105.

⁶² Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских и старожильческих говоров Прибалтики, с. 73, 74.

мелкой соломе гоняли лошадь, вымолачивали последние зерна (Варнья).

Цепами молотили несколько человек, отбивая (*вытукивая*) определенный такт. Цеп называли *приузом*, *привязем*, *рушником*⁶³. Части его не имеют названий. Цепом, у которого рукоятка соединена с билом — петлей из ремня или веревки, продетой сквозь отверстие в верхней части била, пользовались при молотье в значительной части Эстонии⁶⁴, в Псковской и других западных областях, а также русские крестьяне Латгалии⁶⁵.

Следует отметить и еще один способ молотьи: если снопов было мало и не хотели проситься в чужую ригу, то сушили их в бане, а затем обколачивали о стенку и скамью. «А то еще в мешок большой положат и поверх пральной палкой⁶⁶ побьют и высыпят» (д. Нина, Б. Колкья, Костино).

После обмолота снимали солому редкими граблями и собирали зерно в кучу. Веяли зерно дважды: через редкий грохот, насыпая зерно килматом (лукошком), и через частый грохот, насыпая зерно совком-пелькой. Затем, стоя на коленях, голичком из длинной травы *опахивали* зерно, очищая его от пёла и мусора (Лохусуу), сметали сор соломенной метелочкой (М. Колкья), метлой-голичком с длинным чернем (Тихеда).

Яровой хлеб после просушки в риге «мяли» или «топтали» лошадьми в гумне. Ни телег, груженных камнями, ни молотильных катков здесь не применяли.

В способах обмолота и веяния зерновых у русских западного Причудья можно отметить некоторые специфические черты.

Длительная сохранность таких древних способов, как обколачивание снопов о скамью, о стенку риги, пральной палкой-вальком, сходной с кичигой, была характерна для населения соседних районов, где сеяли мало хлеба: для эстонцев Йизаку, сету Печорского района, русских Обозерья и для населения водских деревень⁶⁷.

Способ веяния пропусканием зерна через редкий и частый грохот, распространенный у эстонских крестьян, вытеснил бросание зерна совком-пелькой.

Опахивание провеянного зерна метлой-голичком практи-

⁶³ «У нас такими рушниками молотили рожь, палки такие, с ремнями, раньше и привязями называли» (эст.). Там же, с. 253.

⁶⁴ Моога, А. Peipsimaa etnilisest ajalooist, lk. 150.

⁶⁵ Гандкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения, с. 11.

⁶⁶ Пральная палка — вале́к для выколачивания белья. «Раньше они с длинным чернем были» (Калласте). Даль приводит для пральника (пск., твр.) и другое значение — кичига (Даль В. И., т. III, с. 412, 382).

⁶⁷ Моога, А. Peipsimaa etnilisest ajalooist, lk. 148.

ковалось у эстонских крестьян Йизаку, Кодавере и в водских деревнях Ленинградской области⁶⁸.

Терминология, связанная с этими работами, общерусская: *ток-токовня*, *посад*, *грохот* и др. и северо-западная, псковская: *приуз-привязь-рушник*, *гуено*, *пелушня*, *пральная палка*, *опахивание голичком*. Но кроме того были в обиходе и давние эстонские заимствования: *рей-рья*, *парзилы*, *пелька*, *кубыши*, распространенные и у населения западных районов Ленинградской и Псковской областей и западного Причудья.

Жители деревень Причудья половину земельного участка обязательно отводили под картофель. Летом ее *подорывали*, проезжали сохой. Убирали картофель женщины своей семьей или собирали толоку, в которой участвовали несколько соседей. Справившись со своим картофелем, женщины нанимались на копку его в соседние помещичьи мызы и к эстонским хutorьянам. Там они освоили специальную приспособленную — копалку вместе с названием *кикса* или *конкус* (*konks* — крюк бытует в северной Эстонии, *kiks* — название копалки у крестьян Кодавере и Тартумаа). Копалка представляет собой небольшие грабли с шестью загнутыми зубцами и с коротким стержнем (50—60 см).

Приведенные материалы показывают, что типы сельскохозяйственных орудий и приемы основных работ у русских западного Причудья были во многом сходны с распространенными у соседнего малоземельного эстонского крестьянства и русского населения северо-западных губерний.

Интересны некоторые особенности местной сельскохозяйственной терминологии. В целом она является общерусской и псковской. Однако отдельные термины — *плотиво*, *кривой топор*, *стожарье*, *стоянки* — совпадают с терминами, бытующими лишь в определенных районах Псковщины (юго-восточные и среднелсковские) и не характерными для ближайших северо-западных районов (Гдовский, Лядский, Струго-Кра́сенский). Можно предположить, что перечисленные термины проникли в западное Причудье вместе с носителями их из южной и юго-восточной части Псковской губернии. Занесен извне и термин *пурное место*, исчисляемое количеством мер высеваемого зерна. Широко известный среди староверов Латвии, он дальше к востоку нигде не встречается, так как в России применялись иные меры земли.

Такие названия, как *рей-рья*, *парзилы*, *кубыши*, *пелька*, *редель*, *кярбики* и другие, представляют собой эстонские заимствования, распространившиеся вместе с реалиями среди русского населения северо-западных районов Псковской и Ленинградской областей. Когда они были усвоены русскими

⁶⁸ Там же, с. 152.

жителями западного Причудья, до или после расселения их на западном берегу Чудского озера — сказать трудно.

Но в сельскохозяйственной лексике имеются термины, более или менее отчетливо отражающие контакты русского населения с эстонским. Термины эти имеют узколокальное распространение. Межа, граница между участками земли, называется *раюша* (эст. *гаја* — граница), общий выгон для скота — *карьяма* (эст. *кагјамаа*), лукошко для сева — *килимат* или *матик* (эст. *külimit, matt*), копалка для картофеля — *кикса* и *конкус* (эст. *kiks, kopks*). Заимствован из эстонского языка и термин *пулька* (эст. *pulk*), входящий в название бороны с пульками. Кальками с эстонского являются названия бороны — *пружинка* (эст. *vedru*) и устройства для перевозки сена — *клетка*, *корзина* (эст. *heinakorv*). Перечисленные термины употреблялись в соответствии с нормами русского языка. Распространению их способствовали тесные контакты с эстонским населением в области земледелия и двуязычие некоторых жителей Причудья, благодаря чему вместе с реалиями появились и языковые кальки с эстонского.

Скотоводство у русских Причудья было развито слабо, уровень его был гораздо ниже высокоразвитого продуктивного скотоводства у эстонских крестьян.

Русское население Причудья держало скот лишь для удовлетворения потребностей своей семьи. В 1830-е гг., например, «из дворового скота держат коров и свиней, которые есть в каждом доме; лошадей не все имеют»⁶⁹.

И в конце XIX в., как рассказывают местные жители, свиньи были у всех, корову держала не каждая семья, а лошадей было мало. По данным 1912 г., лошадь имелась в 32,9% всех хозяйств⁷⁰.

Кроме того здесь существовала и своеобразная форма временного совладения лошадей. Рыбацкие артели не могли вести зимний лов без лошади. Поэтому поздней осенью, когда начинали готовиться к ловле, члены артели стоваривались о покупке лошадей. Обычно покупали вдвоем, а то и втроем: отец с отделившимися сыновьями, дядя с племянником, братья. Лошадей покупали у барышников Муствеэ и на *конёвых* ярмарках. Тут же запасали и корм на зиму: 250—300 пудов сена. Овес покупали понемногу всю зиму. Лошадь стоила 80—160 руб. и примерно в 100 руб. обходился зимний корм. Одному рыбаку эти расходы были не по средствам, поэтому объединялось несколько родственников. Практиковалась и особая форма аренды лошадей. После того как на озере устанавливался лед, а в эстонских деревнях были за-

кончены сельскохозяйственные работы, рыбак договаривался с кем-нибудь из крестьян держать за прокорм всю зиму лошадь (сено покупали здесь же). Весной ее возвращали хозяину. Традиционной была *лошадинская* ярмарка 5 марта в Калласте, куда собирались барышники со всей Эстонии и из соседних русских губерний. Им-то и продавали рыбаки лошадей, отработавших на ловле, которые обычно ценились значительно дешевле, чем осенью.

Количество коров в деревне зависело в первую очередь от наличия покоса. В тех деревнях, где покоса не было (Калласте), и коров держали мало, деревенское стадо паслось на выгоне, принадлежащем деревне или арендуемому помещику. Нанимали пастуха за две-три недели до егорьева дня, из своих же деревенских мальчишек. Пастуха кормили по очереди, а в петров день от получал от хозяев булки, творог, яйца, молоко. И только в Калласте пастуха нанимали со своим хлебом, а на петровщину ему ничего не давали. Срок найма исчислялся по тем же датам, что и в русских деревнях — с егорьева дня (23 апреля) до 1 ноября или месяца спустя после покрова. За летний выпас с пастухом рассчитывались деньгами.

Обычно в хозяйстве держали не больше одной свиньи. Весной у эстонских крестьян или у ветровозов покупали поросят и откармливали их до рождения картофеля и рыбными отходами, а летом — травой.

Значительно меньше в деревнях Причудья было овец, их держали лишь на мясо, а овчину отдавали эстонским крестьянам для выделки шерсти на пряжу и для шитья полушубков.

Итак, своеобразие хозяйственной деятельности русских жителей западного Причудья в рассматриваемый период заключалось в том, что они добывали основные средства к существованию на стороне, вне дома. Следует отметить дальность отходов и гибкость, проявляемую в поисках заработков, разнообразие промыслов и их варьирование (рыбаки, строители и т. д.). Вместе с тем существовала и устойчивая семейная специализация, восходящая, возможно, к основателям рода, которые поселились здесь первыми и уже в то время овладели определенными ремесленными навыками.

Земледелие и животноводство играли незначительную, подсобную роль в хозяйственной деятельности жителей Причудья. Но в этой сфере поддерживались контакты с соседним эстонским населением, в результате чего были заимствованы некоторые земледельческие орудия и соответствующие термины. Уровень развития этих отраслей хозяйства у русских мещан отходников и у эстонских крестьян был разным, и контакты осуществлялись в форме натурального обмена (лук

⁶⁹ Авдеева К. А. Записки о старом и новом быте, с. 47.

⁷⁰ Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 7.

меняли на зерно, рыбу — на хлеб), купли-продажи (эстонцы покупали у русских рыбу, русские у эстонцев — хлеб и поросят), краткосрочной аренды (лошадей арендовали на зимний лов, риги — для обмолота хлеба).

Русские западного Причудья всеми сферами своей деятельности были втянуты в орбиту капиталистических отношений. Об этом говорит роль промыслов, удельный вес денежных отношений, социальное расслоение в их среде.

1920—1940 гг. Установление границы между Советской Россией и Эстонией по Тартускому мирному договору 1920 г. значительно изменило не только социальные условия жизни, но и материальное положение русских жителей Причудья. Они оказались отрезанными от рынков сбыта и районов отходничества и промысла.

Закрылся путь к Ладожскому озеру. Рыбаки, не пожелавшие оставить привычный промысел, уезжали на морское побережье, например близ Локса, где целое лето промышленяли в море угря, либо ловили в своем озере ставными сетями и переметами сига и ряпушку. Процент целиком занятых в рыболовстве в эти годы уменьшился вдвое. В начале XX в. в районе Муствез они составляли 36,1% трудоспособного населения, в 1930-е гг. — 15%; в районе Калласте — соответственно 64,4% и 35%⁷¹.

Из внутренних водоемов Эстонии Чудское озеро по-прежнему оставалось самым крупным районом лова рыбы. В 1931 г. в нем было выловлено 7844 ц. рыбы (из этого количества в Псковском озере — 588 ц., в оз. Вуртсьярв — 1823 ц.). 32,2% добычи составлял окунь, 24,9% — снеток, 15,6% — щука, 4% — сиг⁷². Но снеток, улов которого в 1931 г. составил 195 тонн, или 11 тыс. пудов, больше не имел сбыта, так как русский рынок был закрыт. Эстонское население не покупало снетка. Экспорт его в Советский Союз не был налажен, если не считать единственного заказа на поставку 9 тыс. пудов в 1929 г., который рыбаки Причудья выполнили за несколько месяцев⁷³. Проекты, представленные министру народного хозяйства о переработке снетка в муку и рыбий жир, практического осуществления не получили. Разрушались снетосушильные печи, снеток вялили на солнце и скармливали скоту. Сиг ловился в незначительных количествах, так как запасы его были основательно истощены уже в конце XIX века, а в 1920-е годы хищнический лов не прекращался — больше всего сига ловили в сентябре, во время его нереста. Поэтому, несмотря на сравнительно

⁷¹ Ehrlich, R. Eesti NSV väikelinnaliste asulate arenemisbaasist. — Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat. Tallinn, 1966, lk. 233.

⁷² Eesti Statistika, Tallinn, 1932, nr. 123 (2), lk. 143.

⁷³ Газ. «Вести дня», 1929, 31 октября и 1930, 20 января.

высокие цены, установленные перекупщиками, доход от ловли сига значительного влияния на бюджет рыбацкой семьи оказывать не мог.

Некоторый доход приносил в те годы лов щуки, которая экспортировалась за границу (Польша, Германия, Швеция). Транспортировка щуки в живорыбных садках до Тарту и продажа ее акционерному обществу «Кеск Кала» находились в руках крупных скупщиков. На экспорте щуки наживались и местные купцы, и деятели упомянутого общества. Так, например, щука, купленная у торговцев по 4 кроны за пуд, продавалась за границей (в Варшаве) по 16 крон за пуд⁷⁴.

Вообще, в эти годы особенно возросла зависимость рыбаков от скупщиков. По существующим в Эстонии законам, как разъяснил представитель министерства земледелия А. Крусс на экономическом совещании в Муствез, все озера сдаются в аренду с торгов⁷⁵. Арендаторами были наиболее крупные скупщики, которые, в свою очередь, сдавали более мелкие участки в поднаем рыбакам. Цены на участки озера устанавливались произвольно, причем были более высокими, чем раньше. Рыбу скупали те же скупщики, они же снабжали рыбаков сетями и необходимым оборудованием. Как заявил в 1930 г. на заседании Государственного собрания депутат Смирнов, сети продаются рыбакам нередко вдвое дороже их стоимости, а за рыбу выплачивается скупщиками в 4—5 раз меньше ее рыночной стоимости⁷⁶. Летний лов не окупал затраченных на него усилий, и число профессиональных рыбаков в Причудье с каждым годом сокращалось. Летом в озере ловили рыбу главным образом женщины и старики. Закидными неводами в июне ловили ряпушку, ставными сетками — леща, плотву, окуня, ерша, переметами — сига.

Больше всего ловили рыбу ставными сетками-мережками. Начиная с иванова дня, 24 июня, каждый вечер собирались 2—3 женщины, брали с собой по 15—20 сеток (женский нор) и отправлялись на озеро. Если стояла тихая погода, то, выметав сетки, ложились спать тут же в лодке; утром выжирали сетки и возвращались домой.

Переметы, которые ставили главным образом на сига, доходили в длину до 1 км и имели от 300 до 600 крючков. Наживляля переметы сетками (на сига), плотичкой (на щуку), червяком (на окуня). Рыба, выловленная за три летних месяца, составляла около 25% годового улова.

Осенний и зимний лов на Чудском озере носил массовый характер. Как отмечала местная газета, осенью «на озере от Лохусуу до устья р. Эмайыги промышленяет свыше 600 лодок,

⁷⁴ Газ. «Голос народа», 1928, 15 мая.

⁷⁵ Газ. «Вести дня», 1930, 23 марта.

⁷⁶ Газ. «Вести дня», 1929, 2 апреля.

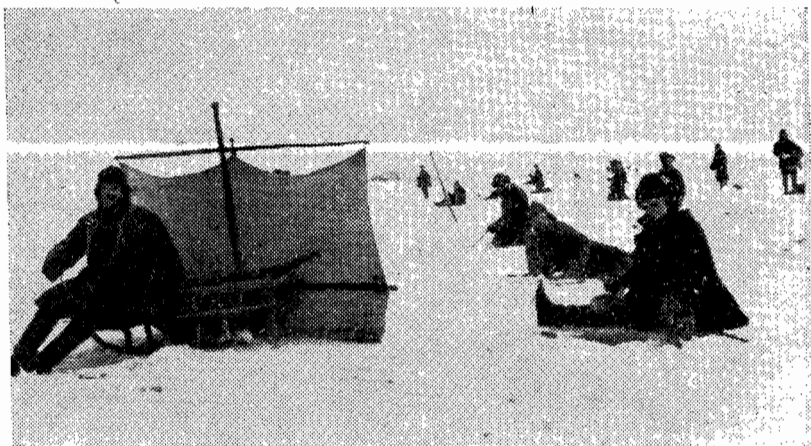

Рис. 15. Зимний лов на сикушку. Слева рыбак на санках-кельках, укрытый от ветра заставой. Устье р. Эмайыги, 1932 г. Ф. 468 : 22.

и в каждой обычно 5 рыбаков. Большая часть их приходит из Муствез и Калласте. Но осенний улов рыбы на Чудском озере давно уже нельзя признать удовлетворительным: в лучшем случае рыбакам удавалось заработать от одной до двух крон в день»⁷⁷.

Более половины выловленной осенью рыбы составлял окунь, на которого ходили с мутником.

Зимой артели попрежнему ловили рыбу неводами или мутниками, а отдельные семьи — ставными сетками. Ловили и индивидуально: «Место на озере называлось удьбище. Компания на льду, удцы сидят и ждут, рыбу удят (рис. 15). Прорубит каждый себе чушку и кивает с сикушей. Саночки поперек, за саночками пешня и на ней заставочка. Окуней и сигов удили, налимов».

Рыбачий запас и всё снаряжение оставались теми же, цены на рыбу падали из-за плохого сбыта и произвола скупщиков. Много убытков несли рыбаки от потери сетей осенью и зимой, в результате этого росла задолженность рыбаков купцам, и семья жила впроголодь всю зиму. Государство в таких случаях не оказывало рыбакам никакой помощи. Лишь в январе 1940 г. начались разговоры о необходимости введения обязательного страхования сетей⁷⁸. За двадцатилетний период (1920—1940 гг.) удельный вес рыболовства в экономике населения в целом сократился и материальный уровень

⁷⁷ Газ. «Вести дня», 1938, 8 сентября.

⁷⁸ Там же, 1940, 20 января.

Рис. 16. Артель причудских каменщиков на строительстве «скотника»; подрядчик из Калласте. Конец 1920-х гг.

рыбаков Причудья очень мало отличался от общего уровня рыбаков всей Эстонии — самой необеспеченной части ее населения⁷⁹.

После 1920 г. для сотен строителей Причудья основным районом отхода становится сельская местность, где на вновь создаваемых хуторах возводились хозяйственные постройки и перестраивались каменные хлевы — скотники в связи со специализацией эстонского крестьянства на товарном животноводстве (рис. 16). Некоторая часть каменщиков работала на строительстве многоэтажных каменных домов в Таллине и Тарту.

Строительный сезон длился с начала мая до октября-ноября. Работали большими и малыми артелями, одни питались у хозяев, другие готовили пищу сами. Работа оплачивалась, как и прежде, от сажени (если клали постройку из камня-дикаря) или от тысячи выложенных кирпичей. В городах была распространена почасовая оплата, и в зависимости от квалификации строители получали от 35 до 50 центов в час. Работали строители от рассвета до заката солнца, часов до 11-ти. Однако каменщики мирились с любыми условиями и предпочитали свою работу любой другой, главным образом из-за высоких заработков. Квалифицированный каменщик зарабатывал 5—6 крон в день, что значительно превышало, скажем, заработок сельскохозяйственного рабо-

⁷⁹ Лутс А. Эстонское морское рыболовство в XIX—XX вв. — «Советская этнография», 1959, № 3, с. 28, 29.

чего. Именно в 1920-е годы каменщиками становятся многие рыбаки Причудья. Интенсивный отход на строительные работы продолжался вплоть до 1929 г. Экономический кризис в Эстонии (1929—1933 гг.) привел к застою в строительстве и к безработице среди каменщиков. Мелкие причудские подрядчики не могли конкурировать с горожанами: «... не обладая умением достаточно хорошо читать чертежи, не могут, например, быть «рядчиками» и находятся в очень зависимом положении»⁸⁰.

Нужда заставляла людей браться за любую низкооплачиваемую работу. Уходили в мостовщики, на торфоразработки, работали на постройке узкоколейной ветки Муствее—Раквере—Сонда, на лесопильнях (за работу платили 1 крону 67 центов в день), на сплаве леса, где за 14—15-часовой рабочий день женщина получала около 1 кроны, а сплавщик немногим больше⁸¹. Молодежь нанималась на сезонные работы к крестьянам. В 1933 г. батрачка получала за месяц 15, а батрак — 20—25 крон. Именно в эти годы значительно возросла доля детских заработков в бюджете семьи. Детей с 7-летнего возраста отдавали в пастухи к эстонским крестьянам. К 12 годам пастух зарабатывал за сезон 110—120 крон. С 15 лет мальчики и девочки становились батраками. Они-то и являлись иногда основными кормильцами семьи, так как приносили в дом не только деньги, но и хлеб, и картофель, заработанные у эстонских крестьян.

Изменились виды женского отходничества. Резко сократилось число резниц кирпича, так как в годы кризиса кирпичные заводы закрывались. Не работали больше девушки в садах Латвии. Они либо оставались дома и нанимались на случайные работы — чистку больших партий рыбы для копчения, на сплав леса, шли батрачками к крестьянам, либо уезжали в города, где нанимались в прислуги или на огородные работы, устраивались чернорабочими.

Промысел «лошадников» в эти годы не изменился. Всю зиму они вывозили распиленный лес к берегу. Весной обрабатывали свой участок и полоски земли соседей, затем, по окончании весеннего паводка, работали всей семьей на погрузке дров на баржи. Осенью занимались всевозможными перевозками на сельскохозяйственных и огородных работах.

Не оставили своего промысла и «ветровозы», которыми был известен Муствее. Так, по данным статистики, в 1934 г. из 1469 работающих 347, т. е. почти 24%, занимались торговлей⁸². В экономической зависимости от купцов и крупных

⁸⁰ Газ. «Вести дня», 1930, 3 марта.

⁸¹ Там же, 23 апреля.

⁸² Matteus, A. Mustvee linna üldplaan. Üldseletuskiri. Рукопись хранится в Горисполкоме г. Муствее.

скупщиков находилось немало «ветровозов», которые забирали лавочный товар, развозили его по деревням, а по возвращении сдавали хозяину партии скупленного у эстонских крестьян сырья (шкуры, щетина, волос и т. д.) и у русских — лука или цикория. Трудно перечислить все виды «легкого товара», которые перевозили «ветровозы» в зависимости от складывающейся обстановки. Как говорят, «эти не брезговали ничем». Более постоянные товары и клиентура были у тех, кто продавал или менял рыбу. Зимой они разъезжали в санях с коробом, развозили мороженую рыбу, а летом на телегах — копченую. Крупную рыбу, нанизанную на проволоку по 25—30 штук, укладывали рядами на чистый брезент и покрывали брезентом же. Рыбу продавали в корзинах из щепы. Рыбу продавали хutorьянам, а кроме того ездили в места больших сборищ — на конфирмацию, ярмарки, в канун иванова дня около населенных пунктов торговали рыбой всю ночь. У таких «ветровозов» были печи-коптилки⁸³, рыбу они коптили сами. Жизнь этого «кочующего племени» была беспокойной, они находились постоянно в разъездах, но лошадь кормила и «ветровоза», и его семью. Более крупные скупщики в Муствее имели большие коптильные печи. Закупив улов от нескольких рыбаков, они нанимали девушек и женщин, которые чистили сразу по 7—10 пудов рыбы (иногда в качестве платы за работу женщины получали икру и внутренности), приглашали мастеров коптить рыбу. Партии копченой рыбы затем отправляли в город.

Скупщики рыбы различных категорий были во всех деревнях Причудья, и всюду они держали в кабале рыбаков. О методах, которыми они пользовались, рассказывают старые женщины Калласте: «Наших мужиков скупщики рыбы спаивали. Бывало они едут в озеро, а мать скупщика бежит за ними, да каждому в кошель норовит засунуть бутылку с водкой. Рыбаки рады, а пройдет неделя и получать нечего — копейки на руки...». Об этом же писала и газета того времени: «За 15—20 верст от берега целый день артель рыбаков на ловле. Возвращаются домой голодные, усталые, замерзшие, и их уже ждут перекупщики, которые скупают за гроши весь улов. У всех литры в карманах, и к ним тянутся рыбаки... Рыбаков преднамеренно спаивают»⁸⁴.

Для создания видимости внимания к нуждам русских жителей в 1929 г. в Муствее состоялось экономическое совещание, на котором были сделаны попытки наметить перспективы для улучшения экономического положения жителей. Были выработаны следующие рекомендации: прирезать жи-

⁸³ Об устройстве печей и способах копчения см. Ränk, G. Peipsi kalastusest, lk. 171, 172.

⁸⁴ Газ. «Вести дня», 1930, 18 апреля.

телям земли, произвести осушку земель, переселить безземельных внутрь страны (12 семей рыбаков от Псковского озера уже до этого были переселены на побережье в Палдиски), разводить свиней и коров, организовать кооперативы по сбыту рыбы, молока, овощей, чтобы защитить рыбаков и огородников от скупщиков⁸⁵.

Эти рекомендации были претворены в жизнь лишь частично. И в дальнейшем, в 1930-е годы, положение населения Причудья оставалось тяжелым: обесценивалась крона, повышались цены, не было работы. «Нужда ужасающая...», — писала газета «Вести дня», — Причудье наиболее голодный край...». Трудности населения усугубляло отсутствие земли и скота.

Аграрная реформа, проведенная в буржуазной Эстонии в 1920-е годы, мало что изменила в характере землевладения русского населения Причудья. В 1924 г. пострадавшим от ледохода жителям д. Нина были выделены участки под новые дома и по пуре земли. По два гектара на хозяйство получили жители деревень Колкья, Казепя, Варнья, дома которых были разрушены наводнением в 1927 и 1928 гг. Жители д. Костино в 1927 г. купили в рассрочку земельные участки (2,5—4 га), которые до 1917 г. они арендовали у владельца мызы Алатскиви. Деревне Кикита была прирезана земля, причем на каждый двор пришлось по 2,5 га. В 1933 г. эта же деревня получила 450 га выгона из Тормаского лесничества. По 2 га земли досталось жителям д. Варнья, которые сообща купили и разделили участок крупного хуторянина. Калласте по-прежнему не имел земли.

Однако даже там, где имелась земля, участки ее были невелики. Так, богатая неразделенная семья в д. Тихеда владела 3 десятинами пахотной земли и 5 десятинами сенокосных угодий и выгона. Хозяйство с двумя десятинами земли считалось состоятельным.

По данным переписи населения 1929 г., в Казепельской волости на 515 хозяйств приходилось всего 422 га пахотной земли, т. е. средний участок земли на хозяйство был меньше 1 га. В Причудской волости на 494 хозяйства приходилось 45 га пахотной земли; малоземельные хозяйства составляли в ней 99,8 %⁸⁶. В общем, как писал очевидец: «Собственные земли в руках причудского крестьянина — редкое исключение. Размер земли, приходящейся на двор — ничтожен. Наиболее распространенными является нарез в 4 пурных места на хозяйство. Из них одна пура (0,3 дес.) — под огородами, часто поделенная между братьями, 2 пуры — под

⁸⁵ Там же, 1929, 2 апреля.

⁸⁶ 1929. а. Põllumajandusliku üleskirjutuse andmed. Vihk I. Tallinn, 1930, lk. 26.

заболоченным покосом и одна пура — в общем выгоне. Всего 4 пуры, или 1,3 десятины»⁸⁷.

Русские Причудья не имели возможности следовать экономическому курсу интенсификации сельского хозяйства, принятому правительством буржуазной Эстонии. Хлебопашеству здесь не способствовали ни размеры земельных владений, ни исторически сложившиеся традиции. Оно и в дальнейшем не стало основным занятием русского населения.

Землю использовали в основном под кормовые культуры: 68% всей разделяваемой земли у русских было занято корнеплодами, из них под картофелем — 26,7%. Лишь небольшие полосы засеивали зерновыми, и потому даже в тех семьях Причудской волости, где, как говорили, было «хорошо с землей», своего хлеба едва хватало до конца декабря. У соседних эстонских крестьян площади, отведенные под зерновые, были значительно больше. Об этом говорят данные по Кокораской и Алатскивиской волостям (см. табл. 6).

Таблица 6. Распределение посевов по волостям*

Волости	Количество хозяйств	Рожь		Пшеница яровая		Овес		Ячмень		Картофель	
		га	%	га	%	га	%	га	%	га	%
Причудская	494	5	11,1	6	15,6	4	8,9	2	4,4	21	26,7
Кокораская	293	217	10,0	90	5,9	384	24,7	176	11,3	65	4,2
Алатскивиская	396	397	13,1	172	5,9	588	22,7	328	10,8	21	3,6

* 1929. а. Põllumajandusliku üleskirjutuse andmed, lk. 72—74.

Сельскохозяйственных орудий в русских деревнях было мало, далеко не у каждого хозяина. В Причудской волости, например, по сельскохозяйственной переписи 1929 г. числилось всего лишь 26 сох, 5 плугов и 31 борона⁸⁸. Сохранились примитивные способы обработки новой земли. Жители д. Муравьевка, получившие в 1928 г. по 2 га неудобной земли, рассказывают: «...Здесь были только кусты и клоья. Кривыми топорами всё срубили, всё своими руками». Сохой и бороной разделявали картофельные полосы, окучивать картофель летом нанимали «лошадника». Рожь жали серпами, яровые хлеба косили. Примерно с начала 1920-х годов в деревнях Причудья и озимые, и яровые за плату обмолачивали молотилками эстонские хуторяне. По сельскохозяйственной

⁸⁷ «Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии». Таллин, 1929, № 20—22, с. 319.

⁸⁸ 1929. а. Põllumajandusliku üleskirjutuse andmed, lk. 168—170.

переписи 1929 г. в Муствез, Калласте и Причудской волости не значилось ни одной молотилки⁸⁹.

На неплодородных песчаных почвах («наши поля на 80% были песком») без крупных затрат, которые были не под силу жителям Причудья, невозможно было развивать ни зерновое, ни животноводческое направление хозяйства.

В 1920-е годы Причудье, даже несмотря на то, что некоторые деревни получили покосы, представляло наименее обеспеченный скотом район Эстонии (см. табл. 7).

Таблица 7. Количество домашнего скота на одно хозяйство*

Районы	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней
Причудье	0,3	0,6	0,2	0,5
Принаровье	0,3	2,0	1,2	0,5
Печорский край	0,7	2,3	2,3	0,7
По Эстонии в среднем	1,5	4,4	3,4	2,0

* 1929. a. Põllumajandusliku üleskirjutuse andmed, табл. на с. 168—170.

Таким образом, в это время в волостях с русским населением, особенно в Причудье, отмечается наименьшая обеспеченность скотом. Возможностей для увеличения поголовья скота здесь не было: «Мало пастбищ, мало лугов... земельные участки не позволяют держать даже одной коровы...», — писала русская газета того времени. Призывы обзавестись новым скотом, обратить больше внимания на уход и кормление коров в условиях острого земельного голода повисали в воздухе⁹⁰. Лишь в конце 1930-х гг. в русских деревнях Причудья, так же, как в Печорском уезде и в Принаровье, увеличилось поголовье скота. В хозяйстве откармливали картофелем и рыбными отходами одну-две свиньи и сдавали их скупщикам для экспорта, что приносило семье некоторый доход.

Огородничество же в этот период не только сократилось, но интенсивно развивалось во всех деревнях Причудья. Больше всего сажали лук. Так, в Причудской волости под луком было занято 57% всей площади, отведенной под огородные овощи и картофель⁹¹. На юге (от д. Нина до д. Варнья) в конце 1920-х годов собирали «около 60 тысяч пудов лука в год. Но местные старожилы общий годовой сбор лука

⁸⁹ «Вестник Союза...», 1931, № 3—7, с. 75.

⁹⁰ Газ. «Вести дня», 1929, 15 января, 2 и 7 апреля.

⁹¹ Вычислено по данным Сельскохозяйственной переписи 1929 г. (с. 95, 96).

определяют в 100 тысяч пудов»⁹². В середине 1930-х гг. был налажен экспорт причудского лука за границу. Так, в Финляндию в 1934—1935 гг. было отправлено 500—550 т лука⁹³.

Тщательно возделанная огородная земля использовалась максимально. Для посадки использовали не только площадь гряды, но и ее боковые поверхности. На гряде сажали рядами луковицы. Между рядами (на расстоянии «пяды») сеяли морковь, бока высоких гряд обсаживали рассадой брюквы (калики), капусты и свеклы. Когда летом овощи разрастались — «руки было не пробить». Общий урожай овощей при этом достигал 450—500 ц с гектара⁹⁴.

Не утратил своего промыслового значения и цикорий. В 1920—30-е гг. в Причудье выращивали цикорий не только для внутреннего рынка, но и на экспорт в Финляндию. По данным печати тех лет, «северный куст деревень (Рая, Кикита, Тихеда) при среднем урожае цикория выбрасывает на рынок 17—20 тысяч пудов»⁹⁵. Но постепенно посевы его, в связи с уменьшением экспорта в Финляндию, сокращались, и, как рассказывают, цикорием бросили «заниматься» в 1939—1940 гг.

Итак, в условиях буржуазной республики традиционные промыслы населения Причудья хирели: рыболовство из-за скудости уловов и неупорядоченности сбыта рыбы, строительное дело — из-за того, что в пределах небольшой республики далеко не все строители были обеспечены работой. Природные рыбаки и квалифицированные строители были вынуждены заниматься случайной низкооплачиваемой работой или идти в сезонные батраки к крестьянам. В бюджете семьи резко возросла доля заработков детей. Огородничество не сократилось, но сбыт овощей долго не был налажен, находился в руках посредников-скупщиков, которые скупали овощи по низким ценам. Для развития земледелия и животноводства здесь не было условий: земля была неплодородная, к тому же ее не хватало. Для этого периода характерно развитие мелкого торгового капитала. Произволу скупщиков помимо многих общих факторов способствовали разрозненность рыбаков Причудья, отсутствие здесь кооперации по реализации рыбы и овощей.

1940—1941—1945—1970 гг. Сразу же после восстановления Советской власти в Эстонии был осуществлен ряд мероприятий, направленных на улучшение экономического положения трудящихся, в том числе и населения Причудья.

23 июля 1940 г. правительством Эстонской ССР была

⁹² «Вестник Союза...», 1929, № 20—22, с. 320.

⁹³ Jaagus, V. Sõõgisibul, lk. 5.

⁹⁴ Там же. Данные А. Томисте.

⁹⁵ «Вестник Союза...», 1929, № 20—22, с. 320.

принята декларация, по которой земля, леса и воды объявлялись собственностью государства⁹⁶. Тем самым рыбаки были избавлены от необходимости арендовать участки берега Чудского озера.

В 1940 г. были аннулированы долги рыбаков со времен буржуазной Эстонии⁹⁷.

Рыбоприемные пункты, открывшиеся повсюду на побережье, принимали рыбу в неограниченном количестве. Таким образом, рыбаки больше не зависели от скупщиков-спекулянтов; им был обеспечен стабильный заработок⁹⁸.

В январе 1941 г. в Калласте открылось отделение Госстраха, где производилось страхование сетей и другого инвентаря рыбаков. В случае стихийных бедствий, потери орудий лова рыбакам уже не грозило полное разорение⁹⁹.

В ноябре 1940 г. деревням Причудской волости за счет фонда лесничеств и государственных угодий было прирезано 200 га земли под покосы и выгоны¹⁰⁰.

Благодаря этим мероприятиям хозяйственная деятельность жителей активизировалась, в первую очередь в области рыболовства. Получили развитие кооперативы. Под руководством Центрального Союза обществ эстонских рыбаков организовались рыболовецкие общества и артели. В 1940 г. рыболовецкие кооперативы возникли в Калласте, Варнья, Казеля, Мехикорма, в рыбацких деревнях Кулейского уезда на побережье Псковского озера — всего 15 объединений. Каждый рыбак — член кооператива или товарищества ловил своими орудиями лова, на собственной лодке, а добытую рыбу сдавал в кооператив. Товариществам спускался план добычи, членам его государство продавало орудия лова и необходимый инвентарь. Более высокой формой производственного объединения является коллективное хозяйство, в котором обобществлены средства производства. Такое хозяйство — колхоз им. 21 июня — сложилось в сентябре 1940 г. в Калласте. Это был первый рыболовецкий колхоз и один из первых колхозов в Эстонии вообще.

Первоначально имущество этого колхоза состояло из сетей, нескольких мутников, парусных и гребных лодок и четырех моторных лодок. Затем, по мере того как в артель вступали новые члены (в феврале 1941 г. их насчитывалось 107 человек), приобретались новые сети, лошади, был построен склад для рыбы. Весной 1941 г. из Пярну в Калласте

⁹⁶ Schneider, H. Kalurite kooperatsiooni arengu ja kalurikolhoo-side õigusliku seisundi küsimus Eesti NSV-s. Tallinn, 1965, lk. 59. Хранится в Центральном научном архиве АН ЭССР в Таллине, с. 59.

⁹⁷ Газ. «Советская деревня», 1941, 11 января.

⁹⁸ Там же, 3 февраля.

⁹⁹ Там же, 24 января.

¹⁰⁰ Газ. «Советская Эстония», 1910, 4 ноября.

были доставлены заказанные правлением колхоза десять моторных лодок.

В 1945 г. в Причудье вновь стали создаваться рыболовецкие товарищества — кооперативные организации по снабжению сетями и по реализации рыбы. В послевоенные годы рыбаки через товарищества получали сети, моторные лодки, горючее, а в магазинах Рыболовпотребкооперации — нормированные в то время продукты. Осенью 1948 г. в Причудье начали вновь организовываться колхозы. В Калласте 18 октября 1948 г. был восстановлен колхоз им. 21 июня.

Со времени появления колхозов в Причудье минуло более четверти века. В первые же годы за колхозами были закреплены сравнительно большие земельные массивы (350—450 га) из конфискованных у кулаков излишков земельных участков и расположенных по соседству лесничеств. Колхозы состояли из двух бригад: рыболовецкой и полеводческой. Однако соединение в одном хозяйстве двух отраслей — рыболовства и полеводства далеко не всегда было рациональным. Тенденция к образованию чисто рыболовецких колхозов — не местное явление, оно характерно также для районов всей Эстонии и Латвии¹⁰¹.

На протяжении 1950-х годов шли поиски оптимальных форм колхозного производства. К началу 1960-х годов на западном побережье Чудского озера сложились стабильные и сильные коллективные хозяйства, в которых ведущей отраслью стало рыболовство. Это — колхозы им. 21 июня (Калласте), «Заря» (д. Колкья), «Победа» (д. Варнья). К северу от д. Лохусуу простирается территория колхоза «Пейпсилайне», к югу — колхоза им. В. И. Ленина, объединяющего население побережья Теплого и Псковского озер и острова Пийриссаар. Трудоспособное население деревень Рая, Тихеда, Кюкита вошло в бригаду «Пейпси» полеводческого совхоза «Торма», а в д. Нина — в бригаду колхоза им. 8 марта.

Изменения, происшедшие за время существования колхозов, в рыболовстве — традиционном промысле населения Причудья, — многообразны. Это и техническая оснащенность современными рыболовецкими судами и орудиями лова, и новая организация людей во время лова, и возросшая производительность труда рыбаков, и реализация рыбы государственными организациями, ведущими прямые расчеты с колхозом.

Рост технической оснащенности колхозов происходил по-

¹⁰¹ Ефремова Л. С., Лутс А. А., Чивкуль Э. П. Изменения в технике рыболовства, в культуре и в быту рыбаков Советской Латвии и Эстонии. М., 1964, с. 3—4.

степенно. Можно наметить три этапа в распространении новой рыболовной техники на Чудском озере.

1. 1948—1953 гг. Первичная техническая база колхозов составлялась из общественных орудий лова — частых и редких сеток, неводов, мутников, ризцов. Флот колхозов состоял из гребных и маломощных моторных лодок. Рыболовный инвентарь и флот требовали непрерывного обновления. Закупленным сетематериалом чинили старый запас, справляли новый, на лодках меняли моторы. Но так как доходы колхоза в эти годы были сравнительно невелики, то возможности для коренного улучшения рыболовной техники еще отсутствовали.

2. 1953—1959 гг. В число мероприятий, намеченных сентябрьским Пленумом ЦК КПСС в 1953 г. для подъема сельского хозяйства, предусматривалось увеличение бюджетных ассигнований на развитие рыболовецкой техники. Для снабжения колхозов усовершенствованными орудиями лова и моторным флотом были организованы моторно-рыболовные станции (МРС). В 1953—1954 гг. причудские колхозы стала обслуживать Тартуская МРС, располагавшая мощными моторными лодками, фелюгами, мотоботами. В 1954 г. на Чудском озере для лова стали применять тралы. Специалисты и механизаторы — капитаны траулеров, инженеры и механики — состояли в штате МРС, бригадир траловой бригады колхоза получал заработную плату также от МРС, члены же бригады — колхозники (их называли тралмастерами) назначались правлением колхоза и утверждались дирекцией МРС. Использование тралов привело к резкому увеличению добычи рыбы. Повысились заработки рыбаков, начался приток людей в колхозы. Об этом свидетельствуют и показатели, приведенные в нижеследующей таблице.

Таблица 8. Показатели по рыболовному промыслу колхоза им. 21 июня

Показатели	Годы					
	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Число рыбаков	71	51	60	64	91	90
Средний улов на одного рыбака в центнерах	40,2	96,0	109,45	102,76	108,58	106,15
Средний заработок одного рыбака в рублях (в денежном исчислении 1961 г.)	157,6	394,4	533,16	836,0	548,1	1612,1

Как видно из таблицы, рост улова и заработная плата значительно определили рост числа колхозников, участвующих в добыче рыбы. В то время как число рыбаков за пять лет увеличилось менее чем на $\frac{1}{3}$, количество выловленной

рыбы на одного работника возросло более чем в 2,5 раза, а заработная плата повысилась более чем в десять раз.

Лов тралами привел к быстрому истощению рыбных запасов озера: «Эстрыбакколхозсоюз всей пятерней (пять рыболовецких колхозов) выгребал (имеем в виду траловый лов) ценную рыбу из чудского котла. При этом погубили много молодежи»¹⁰². Калластеский райком партии серьезно занялся этим вопросом. Запрет на использование тралов предполагалось ввести одновременно для всех колхозов. Представители Калластеского райкома и райисполкома ездили в Псков, Гдов и в Васкнарву договариваться с местными руководителями о полном запрещении тралового лова. В 1957 г. тралы на Чудском озере были запрещены.

После ликвидации тралов перед колхозами встала серьезная задача. Выполнение планов, составленных в соответствии с выловами предыдущих лет, не могло быть обеспечено техникой, имеющейся в колхозах. Традиционные орудия лова надлежало усовершенствовать таким образом, чтобы с их помощью можно было резко увеличить вылов на каждого рыбака. Некоторым шагом вперед в этом направлении можно считать применение механизированных лебедок, установленных на моторных лодках в 1958 г. Это позволило переоборудовать невода и мутники — увеличить длину крыльев и гужей. Однако серьезных сдвигов в оснащении техникой и повышении производительности труда колхозы Причудья добились лишь на следующем этапе.

3. 1960—1968 гг. Колхозы выкупили у МРС моторные и парусно-гребные лодки, рыболовный инвентарь. Звенья были переведены на хозрасчет. Благодаря новым закупочным ценам на рыбу (с 1. I 1961 г. цены возросли вдвое) повысилась и заинтересованность рыбаков в расширении колхозного производства. В эти годы колхозы непрерывно обновляли свой флот, заменяя маломощные лодки (моторы в 7 и 10 л. с.) мотоботами в 20 л. с. (рис. 17). Сейчас такими моторными лодками в колхозах обеспечено каждое звено. Были заказаны и новые гребные лодки. В таблице приводятся данные годо-

Таблица 9. Оснащенность колхозов водным и гужевым транспортом

Наименование колхоза	Звеньев	Моторных лодок	Гребных лодок	Рабочих лошадей
Им. 21 июня	15	20	18	22
«Заря»	14	13	17	19
«Победа»	9	10	20	13

¹⁰² Газ. «Советская Эстония», 1968, 8 декабря.

Рис. 17. Гавань колхоза им. 21 июня на ручье Торила. Калласте, 1965 г.
Фото автора.

вых отчетов за 1968 г. о наличии в колхозах Причудья транспортных средств.

Колхозы были обеспечены тракторами и грузовыми машинами. Были освоены некоторые новые орудия лова. Все это привело к значительному увеличению добычи рыбы, то есть к повышению производительности труда рыбаков.

Изменения, происшедшие в технике и организации лова, наглядно можно проследить по сезонам ловли. Обзор их можно начать с зимы или с I квартала по годовым отчетам колхозов.

Подледный лов начинается примерно с середины января. Ловят рыбу обычно близ северного и северо-восточного берегов, где зимуют лещ, судак, щука, окунь и другие виды рыб. Поэтому причудские рыбаки отправляются на ловлю к Ранна-Пунгерья, Васкнарва или к Гдовскому берегу, т. е. за 40—50 км от дома. С наступлением морозов каждое зимнее звено, состоящее из четырех человек, получает из колхоза лошадь и корм для нее, из расчета 8 кг клевера и столько же овса на день. В сани-кресла погружают пешни, сетки, иногда фанерный домик — луб. Путь к месту лова лежит по занесенному снегом льду, добираться туда на лошади трудно и долго и поэтому колхозы стремятся обзавестись более современными средствами передвижения. Когда лед становится достаточно прочным (февраль, март), по озеру

идут тракторы. На большие сани усаживаются рыбаки двух звеньев, на них же складывают рыболовный инвентарь. В колхозе им. 21 июня работают два трактора. Для передвижения на далекое расстояние тракторы неудобны — тяжелы, неуклюжи, езда занимает много времени. Значительно больше преимуществ у «вездехода» — транспорта ГАЗ-47А, выпускаемого Горьковским автозаводом для труднопроходимых районов страны. В любую метель и при любых заносах эта машина проходит 25 км в час; в просторной и теплой кабине ее умещается 12 человек, то есть три звена со всем снаряжением. Такой вездеход был приобретен калластеским колхозом в канун 1966 года.

Трудовые операции при подледном лове остались теми же. Пеклецы рубят пешнями проруби-тюшки. Звеньевой энергичным ударом жерсти (жердь с насаженной на нее вилкой) посылает сеть к следующей проруби, где ее вылавливают багром-сошилом, привязывают к ней новую сетку и затем посылают их к следующей проруби. Раньше, когда подледный лов велся зимними мутниками, сперва вырубали большую продолговатую прорубь-пóток. От нее в обе стороны, образуя удлиненный овал (длиной 1—1,5 км), расходились тюшки. Выемка мутника производилась через другую, бо́льшую прорубь — *вытягальное корыто*. Примерно с середины 50-х годов колхозники Причудья перешли к иному способу лова — ставными сетями. Каждый рыбак звена получает 20—50 капроновых сеток, т. е. звено ставит сразу 80—200 сеток. «Гонят» сетки по прямой линии, достигающей 5 км. В первой половине зимы, когда рыба может долго «стоять», на выемку сетей отправляются через несколько дней. Во второй половине зимы нарастает лед, скапливается много снега, рыба засыпает уже через два дня. В это время рыбаки выбирают сетки через день.

В колхозах Причудья зимой лов дает примерно 5—7% всей годовой добычи, т. е. почти втрое меньше, чем, например, в 1932 г., когда он составлял 16% от годового улова¹⁰³. Различие в процентных показателях (речь идет не о количестве выловленной рыбы) отражает сдвиги, происшедшие в занятиях населения Причудья за годы Советской власти. Раньше на подледный лов с целью заработка шли не только рыбаки, но и каменщики, занимавшиеся сезонным отходничеством. Теперь же лов ведется только членами рыболовецкого колхоза, и основными сезонами добычи являются II и III кварталы.

В марте, когда еще продолжают выходить в озеро, колхозники начинают готовиться к весеннему лову. Звенья по очереди остаются дома и занимаются ремонтом сетковых

¹⁰³ «Eesti Statistika», 1932, nr. 123 (2), lk. 143.

Рис. 18. Шитье нового ризца. Калласте, 1965 г. Фото Я. Варунина.

риццов. В апреле же, когда лед становится тонким и больше «не держит рыбаков», все звенья занимаются ремонтом флота, орудий лова, шьют новый запас (рис. 18).

Моторные лодки ремонтируют и приводят в порядок сами мотористы-рыбаки. Ведь за то время, когда колхозники-мотористы состояли в штатах МРС, они приобрели необходимые технические знания и квалификацию. Но проверкой моторов и основательным ремонтом их занимаются механик и слесари ремонтной мастерской колхоза.

Ремонт гребных лодок находится в руках пожилых колхозников. Ремонтируют лодки так же, как в старину чинили их в Причудье. Разошедшиеся пазы лодок затыкают паклей, вымоченной в смоле. Затем паз покрывают длинной узкой (шириной около 3 см), планкой — *дорбжиной*, которую прикрепляют ко дну лодки железными скобочками. Это называется дорбжить лодку (рис. 19). После заделки всех щелей лодку смолят и оставляют сохнуть.

Весенние звенья в колхозах состоят из девяти рыбаков. Каждое звено должно быть обеспечено девятью снетковыми ризцами. В целом число снетковых ризцов в колхозе соответствует числу колхозников-рыбаков или даже превышает его.

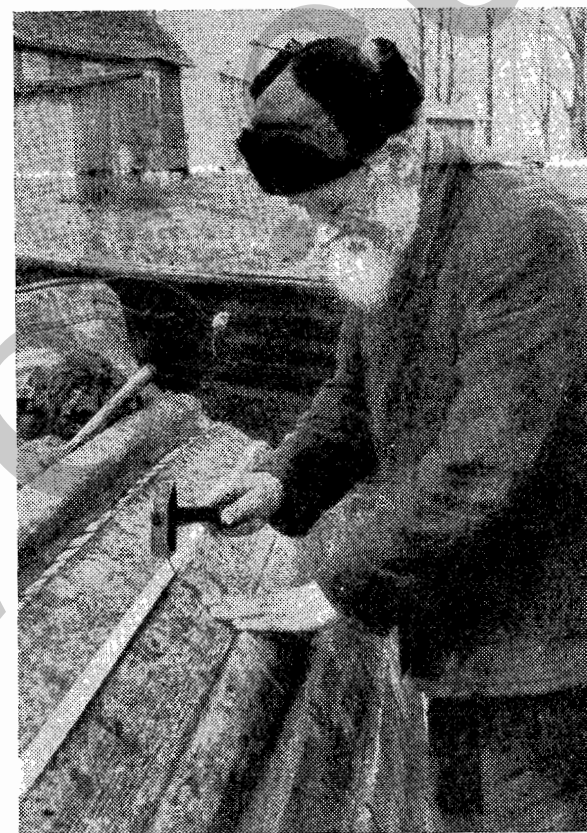

Рис. 19. Старый рыбак дорбжит гребную лодку. Калласте, 1965 г. Фото Я. Варунина.

Ризец — это конусообразная сетная ловушка с двумя воронкообразными сетевыми горлами, поддерживаемая в расправленном состоянии деревянными обручами (от 12 до 16 шт.). К последнему обручу прикреплен мешок из частой сетки — куток, куда попадает рыба. От ризца (его называют еще бочкой) отходят крылья и подкрылки. Устанавливают его при помощи поплавок и якорей.

В Причудье, где лов снетка велся очень широко, всегда старались наладить побольше ризцов («у каждого хозяина по пять ризцов, а у других и больше»). Но ризцы, которые шьют теперь колхозники, отличаются от прежних размерами деталей. Например, длина крыльев прежних ризцов составляла 25 м, с современных — 49 м, длина кутка была 10 м,

теперь куток из капроновой дели шьют длиной в 20 м. К тому же их и устанавливают теперь по-другому. Раньше рыбаки ставили ризцы перпендикулярно линии берега, и в раскрытое горло ризца попадала рыба, идущая от берега в озеро. Теперь же ставят спаренные ризцы, или закол, и систему двух ризцов располагают параллельно берегу. Бочки закола по их местоположению называются *теплицкой* и *северицкой*, их соединяет сетная стенка. Рыба в поисках корма идет из озера к берегу, затем возвращается в озеро, идет вдоль крыла и попадает в одну из бочек.

Время лова снетка короткое — неделя или полторы — и очень напряженное для рыбаков. Ежедневно утром звено выезжает проверять ризцы. Если закол стоит на удачном месте, по ходу косяков снетка, то из них выбирают улов. Если же снетка попадает мало, то приходится переставлять всю систему ризцов на другое место. А у звена девять ризцов, работы рыбакам хватает на целый день, до позднего вечера.

Снеток — рыба «периодическая», и уловы его варьируют по годам. С 1949 по 1962 год, т. е. за 14 лет, только в течение шести сезонов снеток ловился отлично, и улов II квартала был наибольшим, а в последующие годы в том же квартале улов был ниже осеннего (IV квартал), когда идут окунь и щука. Так, например, в 1960 г. снетка было много, и калластеские колхозники выловили его 350 тонн, а в следующем 1961 г. — всего лишь 97 тонн. Весной 1967 г. колхоз им. 21 июня выставил 94 ризца и получил самый высокий за время своего существования улов — 1000 тонн снетка¹⁰⁴.

Кроме снетка ловят ряпушку, ценную рыбу семейства лососевых. Промысловый лов ее в Эстонской ССР ведется только в Чудском озере. Ряпушка предпочитает прохладную воду и поэтому в конце июня она подходит к западным берегам Чудского озера, где благодаря господствующим северо-западным ветрам вода более холодная. Лов ряпушки не лимитирован, но до 20 июня, пока не кончится нерест, запрещен. К сезону ряпушки на западный берег съезжаются и рыбаки из Псковской области — гдовские и талабские (о-в Залит). Они останавливаются у Пунгерья, Муствез, Калласте, Колькья (рис. 20).

Ряпушку в Причудье издавна ловили тягловыми, или *закидными*, неводами. Рыба эта — ночная, весь день держится в глубине, а к вечеру поднимается и идет кормиться к берегам. Вплоть до 1960 г. звенья выходили в озеро вечером и до 5—6 часов утра «тягали» невода, закидывая их девять—десять раз в озеро. Добыча была неплохая, звено привозило иногда по тонне рыбы, но эти уловы не давали того коли-

¹⁰⁴ Газ. «Советская Эстония», 1967, 12 мая.

Рис. 20. Стоянка судов псковских (талабских) рыбаков, пришедших на сезонный лов ряпушки. Калласте, 1961 г. Фото автора.

чества рыбы, которое вылавливали гдовские или талабские рыбаки, промышленявшие ряпушку ставными неводами. Калластеские рыбаки применяли ставные невода и раньше, в 1956 и 1957 гг., когда они ловили салаку в Финском заливе. Однако их нельзя было приспособить для ловли в озере. Не окупили затрат на них и ставные невода для ловли снетка, которыми колхоз им. 21 июня обзавелся в 1959 г.

В 1960 г. звеньевой колхоза «Залит» Иван Митяев помог рыбакам колхоза «Заря» сшить ставной невод по схеме ставников, применяемых на Азовском море. Изготовление невода — дело сложное и дорогое, но преимущества его настолько очевидны, что в 1961 г. и соседние колхозы сами взялись за изготовление ставников. Так, колхоз им. 21 июня при ловле в 1961 г. использовал уже 9 ряпушковых ставников, в 1962 г. — 10 и в 1968 — 18. На ряпушку каждое звено ставит одновременно и заклы из ризцов.

Каждое утро звено выходит в озеро на двух моторных лодках, за которыми на буксире идут две лодки-гребка. К заколам идут на гребках (по 4 человека в каждом), поднимают бочку одного ризца, снимают с обруча мешок с рыбой

Рис. 21. Выборка закола, Калласте, 1962 г. Фото автора.

и везут его к моторной лодке (рис. 21). Вторая лодка остается на месте, рыбаки удерживают обручи ризца на плаву до тех пор, пока не вернется первая лодка с пустым мешком. Рыбу из мешка перебрасывают ковшом в засек моторки, последним «здымком» мешка оставшуюся рыбу «выливают» через борт и едут к следующему ризцу. Рыбак, чаще всего моторист, остающийся в лодке, перекладывает рыбу из засека в ящик, затем кидает туда куски льда и накрывает ящики темным брезентом. Вся операция выборки рыбы из ловушки называется тоней. Говорят: «Было сделано 6 тоней». Это значит, что шесть раз взяли из снастей улов и поставили их опять на прежнее место.

Выборка рыбы из ставного невода производится иначе, чем из ризцов. Моторная лодка подходит к одной из сторон ящика или котла ставника и становится на якорь. К противоположной стороне ставника подходит гребная лодка, и шестеро самых сильных и опытных рыбаков (среди них и оба звеньевых) начинают переборку ставного невода (рис. 22). Рыбу отцеживают к тому краю ящика, у которого стоит моторная лодка, и из ящика ее черпают через борт моторной лодки. Разовая добыча из ставника бывает очень боль-

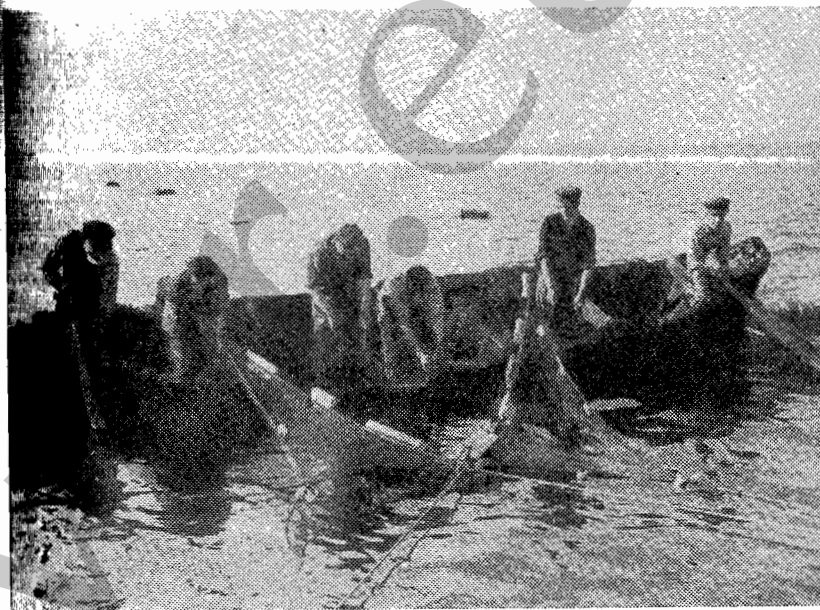

Рис. 22. Выборка ставника. Калласте, 1962 г. Фото автора.

шая — до 5 т ряпушки. Иногда же в него попадает рыбы меньше, чем в мешок ризца. Рыбаки считают, что ставник только в том случае оправдывает затраченные на него труд и деньги (5 тыс. руб.), если ежедневно из него будут вынимать по 1,5—2 т ряпушки. Но несмотря на опыт звеньевых и старых рыбаков, несмотря на то, что им хорошо известны ряпушковые места, все же добыча ее — дело рыбацкого счастья. Звено может добыть за один день 5 т ряпушки (заработок на каждого рыбака 73 руб.), а может привезти и немногим более полутонны. Однако в целом вылов ряпушки колхозами Причудья начиная с 1962 г. резко увеличился. И если в 1961 г. рыбаки колхоза «Заря» закидными неводами добыли 28 т ряпушки, то в 1962 г. благодаря ставникам улов ряпушки увеличился втрое. Превышение выловов предыдущих лет не могло не сказаться на общем количестве рыбы в озере. С 1963 года, когда вдоль западного берега Чудского озера ставные невода начали ставить в шахматном порядке и причудские, и псковские рыбаки, запасы ряпушки стали истощаться, и добыча ее снизилась.

Главное преимущество ставного невода заключается в том, что благодаря ему рыбаки освободились от тяжелого

ночного труда. Выходят они в озеро утром, возвращаются за светом, и у них остается время и для отдыха, и для развлечений. Как говорит Д. Кроманов: «Теперь рыбакам на 90% облегчение — гребля ушла, вручную не тягаем». Увеличились и заработки рыбаков. В некоторые годы наиболее высокий средний доход рыбаки получали в III квартале, т. е. в сезон ловли ряпушки.

Лов ряпушки заканчивается в конце июля, когда она расходится по всему озеру. С 25 июля снимается запрет на ловлю сига. Запасы сига, наиболее ценной рыбы Чудско-Псковского бассейна, были основательно подрваны траловым ловом. В 1960 г. Управлением Государственной инспекции по охране и воспроизводству рыбных запасов внутренних водоемов при Совете Министров ЭССР был введен строгий лимит на ловлю сига. У эстонских берегов Чудского озера разрешается вылавливать ежегодно лишь до 400 центнеров сига. Этот лимит раскладывается на все причудские колхозы и оказывается исчерпанным за несколько дней.

В настоящее время лов сетками и переметами не практикуется. Сиговые сетки высотой в 2,5 м под давлением массы воды укорачиваются до 1 м. Для того чтобы сетка удерживалась на дне (сиг — рыба глубоководная), берестяные трубочки делают тонкими (диаметром в 1 см), чтобы камешки тянули сеть вниз и она стояла на нужной глубине. Поскольку сиг — рыба нежная, быстро засыпает, *заливается*, сетки-сиговики проверяют каждый день, иногда через день. Выбрав рыбу, рыбаки несут сетки на носилках, везут на багажниках велосипедов в ящиках. Сразу же по приходе рыбаков с лова сетки разбираются. Этим занимаются обычно вдвоем — жена и мать рыбака, иногда и сам рыбак помогает им. Тетивку с берестяными трубками вешают на гвоздь, камешки-грузила по порядку кладут на стул или прямо на землю. Когда сетки распутаны, их развешивают близ дома на просушку. В холодную погоду и поздно вечером сетки собирают в сенях или на полу в кухне. В этом случае одна женщина садится к одному концу сетки — на камушки, другая к другому — на трубки и, перебирая сетку, они укладывают ее так, чтобы она в озере легко разматывалась, бежала без путаницы. Высохшую сетку заворачивают в обрывок старой сети, складывают вдоль, затем скатывают в трубку и перевязывают. Утром рыбак, отправляясь на пристань, прикрепляет ее к багажнику велосипеда.

В августе в лове наступает некоторое затишье, рыбаки проверяют заклы и ставники, вытаскивают их на просушку, ремонтируют мутники.

Мутниковый лов начинается с конца августа, когда добывают мелкого и крупного частика, в том числе и «сорную»

рыбу — окуня и ерша, подрывающих продуктивность озера. Количество центнеров выловленной рыбы и средний заработок рыбаков в четвертом квартале немногим меньше, чем в третьем.

Благодаря моторным лодкам и механизированным лебедкам, приводимым в действие мотором, намазывающим гужи на барабан от грузовой машины, были усовершенствованы и мутники. В прошлом длина мутника была 12 м, теперь же 16—18 м. В два раза длиннее стали гужи — веревки, к которым чалят (привязывают) старые сетки и всякие обрывки для вздымания со дна ила (раньше 150 м, теперь 300 м.). Тем самым увеличивается охват площади озера и количество попадаемой в сети рыбы. Рыбаки ходят в озеро до последней декады ноября. Конец осеннего сезона приходится на время, когда на озере появляется *шерень* — лед со снегом. Позже по озеру идут *плашки льда, сплошные плашки*, а затем озеро становится.

Осенью сперва вынимают из воды ставные невода, затем заклы, под конец заводят в гавань и вытаскивают трактором на сушу все гребные и моторные лодки. Когда наступает перерыв в ловле, рыбаки отдыхают и готовятся к зимнему лову, который начинается «по погоде». Когда лед достаточно укрепит на озере, колхозы начинают прокладывать *веховые* дороги. На эту работу выходят все звенья. Для оплаты такой работы колхоз выделяет 50—60 руб. Дорога протяженностью в 25 км пролегает на северо-восток, т. е. к традиционным местам зимнего лова. По обе стороны дороги через 50—100 м ставят *вешки-елушки*. На вешки каждое звено вешает свои метки — цветные лоскутья. По этим ориентирам рыбаки, возвращаясь домой с места лова, находят свою дорогу.

Количество выловленной рыбы варьирует по кварталам. Ниже приводятся данные по колхозам Причудья за 1968 год.

Таблица 10. Добыча рыбы колхозами Причудья в 1968 году

Колхоз	Отчетные показатели	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	План	Фактически
Им. 21 июня	На добычу рыбы хоздоло рыбаков	75	75	64	62	64	69
	Добыто рыбы, ц	25	10 171	2751	3844	10 444	16 791
«Заря»	На добычу рыбы хоздоло рыбаков	56	56	56	56	56	56
	Добыто рыбы, ц	103	7 268	1802	2196	7 300	11 387
«Победа»	На добычу рыбы хоздоло рыбаков	44	44	36	36	44	40
	Добыто рыбы, ц	89	4 997	864	1511	5 300	7 461

Как показывает таблица, наименьший улов по всем колхозам приходится на первый квартал, наивысший — на второй и четвертый. В третьем квартале добывают рыбы в десять раз больше, чем в первом, хотя и меньше, чем во втором и четвертом. Средний показатель улова на одного рыбака по колхозу 21 июня — 223 центнера, т. е. более чем в два раза превышает соответствующий показатель 1957 г.

Число рыбаков более или менее стабильно и свидетельствует об устойчивой специализации этой части колхозников. Все они — местные жители, потомственные рыбаки, которые рыбачат в колхозе со времени его основания. Рабочей силой рыболовецкие бригады колхозов Причудья обеспечены.

За годы Советской власти существенно изменилась организация людей во время лова по сравнению с прошлым, когда в озеро выходили либо лодкой (семья с наемным работником), либо собиралась артель в 12—16 человек для зимнего лова.

В настоящее время основной производственной единицей в рыболовецком колхозе является звено (иногда его называют по-старому *лодка* или *лбдьа*). Число рыбаков в звене варьирует по сезонам. В зимнем звене — 4 человека, в весеннем, на сетковых ризцах, и в осеннем, на мутниках — по 9 человек, в летнем — 16 и 10. Кроме того в озеро ходят и так называемые стариковские звенья, каждое из шести человек.

Звено получает от правления колхоза план добычи рыбы на квартал. Обеспечить выполнение плана — задача звеньевых. В работе звеньевых проступают черты традиционных навыков жердников; некоторые опытные жердники и стали звеньевыми (например, Дмитрий Кроманов). Выдвинутый рыбаками на эту должность за опыт и умение звеньевой, как правило, бесспорно руководит звеном. Он выбирает место лова и расставляет рыбаков на рабочие места. Звено беспрекословно подчиняется его распоряжениям. При этом сам звеньевой работает с рыбаками во время лова в полную силу. Сохранилась даже традиция прежних артелей, согласно которой жердник получал заработную плату наравне с членами артели. Звеньевой делит поровну между членами звена 25% начисления к своему заработку. В правлении колхоза им. 21 июня рыбакам не раз предлагали начислять всем одинаковый заработок, но они отказывались: «Нам эти деньги, как подарок...». Этот подарок рыбаки редко приносят домой, обычно деньги идут на то, чтобы «посидеть своим звеном».

В то же время круг обязанностей звеньевых в условиях колхозного производства шире, чем у жердника, который был посредником между артелью и скупщиками и руководил ар-

телью только зимой. Перед звеньевым стоит задача обеспечить выполнение квартального и годового планов. За находящимся на хозрасчете звеном закреплен определенный инвентарь, моторные лодки. Памятуя о том, что чем лучше «запас», тем больше будет улов, звеньевой постоянно заботится об исправности орудий лова и флота.

На протяжении многих лет сложился наиболее удачный состав звеньев. Раньше артели по окончании зимнего лова распадались. Теперь же звенья — малые или большие — ловят в озере круглый год. Изменилось и отношение к старым людям, которые теперь также принимают участие в лове. Колхоз снабжает их сетками, моторными лодками — «вот они и ездят потихоньку, выполняют свой небольшой план».

Можно отметить и такой сдвиг в психологии рыбаков. Раньше рыболовные места хранили в секрете. «Кажинный рыбак свою горюшку знал. Один рыбак другого обязательно караулил, чтобы узнать приметы, воровали приметы». А сейчас звеньевые делятся опытом, выбирают совместно лучшие места лова. Идет постоянный обмен мнениями — одни ловили на песках, другие в тине, одно звено ходило под Лактовицу, другое — к «русскому» берегу. Вопрос о том, где лучше или хуже идет лов, рыбаки обсуждают и в помещении правления колхоза, и на пристани перед выходом в озеро.

В настоящее время восстановлены связи между рыбаками «эстонского» и «русского» берегов, прерванные в 1920 г. Рыбаки встречаются в общих местах лова и кроме того помогают друг другу в своем промысле. Так, сксовичи помогли наладить причудским рыбакам ставной ряпушковый невод; опытных рыбаков колхоза Причудья приглашают колхозники Гдовского района, с тем чтобы те научили их шить мутники; рыбаки Калласте, Колкья, Варнья, как и до отделения Эстонии в 1920 г., приобретают в д. Подлилье Псковской области лодки-гребки, изготовленные местными мастерами.

Изменения в производственном быту отразились и в разделении труда. Женщины на рыбную ловлю, как это было в прошлом, не ходят. Правда, семья помогает рыбаку дома. Жена, мать и дети летом ежедневно разбирают и складывают сети. Зимой, когда рыбаки возвращаются с озера на санях, полных замерзшего запаса, женщины топят баню, оттаивают сетки и затем дома разбирают их.

В результате технической оснащенности колхозов и удачной организации звеньев в последние годы значительно повысилась производительность труда. Так, характеризуя положение рыболовецких колхозов в 1963 г., начальник Главного управления рыбной промышленности Западного бассейна И. П. Шинкарев отметил: «В некоторых колхозах вылов рыбы

не превышает 25—30 центнеров на человека. Между тем в колхозе 21 июня, расположенном на берегах того же Чудского озера, вылавливается 160 центнеров на рыбака»¹⁰⁵.

А через пять лет, в 1968 г., в причудских колхозах по вылову рыбы на одного человека были получены следующие показатели (в центнерах): им. 21 июня — 243, «Заря» — 203, «Победа» — 181¹⁰⁶.

В свое время колхоз им. 21 июня по уловам значительно обгонял соседей. Но в 1967 г. на первое место среди причудских колхозов вышел колхоз «Заря»¹⁰⁷, а в конце 1969 г. колхоз «Победа» за лучшие показатели по выполнению годового плана занял первое место среди всех 26 рыболовецких колхозов Эстонии¹⁰⁸.

В эти годы растет прибыль колхозов, соответственно увеличивается и средний заработок одного рыбака, который в 1968 г. составил в колхозах им. 21 июня 1545 руб., «Заря» — 1583 руб., «Победа» — 1091 руб. в год¹⁰⁹.

В июне 1971 г. три причудских колхоза были объединены в колхоз «Пейпси калур», что принесло свои экономические выгоды: возможность равномерно маневрировать техникой, централизовать ремонт оборудования и т. д. Правление и контора колхоза помещаются в Калласте, отделения — в деревнях Колкья и Варнья.

Колхозники-рыбаки составляют в Причудье сравнительно небольшую часть работоспособного населения. В середине 1960-х годов их было, например, в Калласте 16% всех работающих, а в целом по Причудью — 10—15%¹¹⁰. Устойчивые группы рыбаков определились уже со времени создания колхозов.

Другие традиционные промыслы и занятия жителей Причудья развивались не так прямолинейно, как рыболовство. Перестройка экономики и специализации населения происходила постепенно, да и сейчас еще рано считать этот процесс законченным.

В первое послевоенное десятилетие жители Причудья из всех сил стремились наладить свое хозяйство, пострадавшее от войны. Люди, в прошлом не занятые рыболовством, и теперь предпочитали строительное дело и огородничество.

Сначала строителям хватало работы на месте. Заново отстраивались Муствез (в годы войны было уничтожено 70% его жилого фонда), сожженная д. Лохусуу, ремонтировались

жилые дома в Калласте и соседних деревнях. В Калласте и Муствез в 1950 г., когда они стали районными центрами, по составленным генеральным планам строились каменные здания для учреждений, магазинов, Дома культуры, школ и т. д. Работали строители и от районной межколхозной строительной конторы и частным образом — небольшими артелями по 3—4 человека (получали они по 25 руб. в день каждый и кормили их хозяева). Однако постепенно объем строительных работ на месте сокращался. Профессиональные строители уезжали на стройки в города, устраивались там каменщиками, штукатурами, малярами и становились городскими жителями. Всего, по словам председателя Муствезского горисполкома Э. Петерсона, до середины 1950-х годов из Муствез выехало примерно 300 и из Калласте 150 человек. Те, кто остались дома, работали от строительной конторы в колхозах, куда их отвозили или каждое утро, или на целую неделю.

Можно сказать, что традиционное отходничество жителей Причудья окончилось. Ведь число строителей, работавших частным образом, даже, если оно достигало сотни человек, нельзя сравнить с тем количеством людей, которые каждую весну уходили на работы в 1920—1930-е годы. Подсчитано, что прибрежные деревни Чудско-Псковского бассейна Эстонии ежегодно давали 3—4 тыс. отходников¹¹¹. Приблизительно половину этого количества составляли отходники западного Причудья.

В послевоенные годы отток в города причудского населения был более слабым (15%), чем в среднем по республике (27,6%)¹¹², и здесь постепенно образовался избыток рабочей силы. Подрастала молодежь, которой надо было устраиваться на работу. Часть молодых людей уезжала из дома в город учиться, к родственникам, вербовалась на фабрики, заводы и стройки республики, часть же оставалась дома. Незанятыми оказались и женщины, у которых подрасли дети, а хозяйство было небольшим.

В конце 50-х — начале 60-х годов проблема трудоустройства в Причудье стала особенно острой. Демограф В. Кауфман, специально изучавший этот вопрос, писал, что в г. Муствез и соседних с ним деревнях насчитывается 900—1200 трудоспособных людей, которых можно было бы занять общественно полезным трудом, а в Калласте их было несколько меньше — 700—900 человек¹¹³.

Проблема трудоустройства усложнялась и тем, что в этом

¹⁰⁵ Газ. «Советская Эстония», 1964, 21 января.

¹⁰⁶ Данные получены в республиканском Эстрыбакколхозсоюзе.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Murel, V. Asustuse arenemisest Peipsi järve läänerannikul, lk. 142.

¹¹¹ Kaufmann, V. Peipsi basseini rahvastik, lk. 3.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

Рис. 23. Переборка лука перед поездкой в Ленинград. Калласте, 1962 г. Фото автора.

районе раньше не было никакой промышленности и ее нужно было создать заново.

Небольшие предприятия легкой промышленности, открывшиеся в конце 1950-х годов: в Муствез — промкомбинат «Авангард», цех коврового производства, в д. Рая — цех массового пошива (56 работниц), в Калласте — промкомбинат «Калев» с вязальным цехом — не могли еще разрешить вопрос трудоустройства. Желавших поступить на работу было значительно больше, чем рабочих мест. В эти годы население, занятое в промышленности в Калласте и Муствез, составляло 22,9 и 13,3% от общего числа жителей этих городов, т. е. меньше, чем в среднем по городам и поселкам Эстонской ССР (41,1%)¹¹⁴.

В середине 1960-х годов, когда вступил в строй цех трикотажного белья фабрики «Марат» (347 чел.) на окраине Муствез, был расширен промкомбинат «Калев» (141 чел.), в Калласте открылись рыбоконтильный цех Тартуского рыбокомбината (53 чел.) и цех Тартуской гребеночной фабрики

¹¹⁴ P.aalberg, H. Eesti linnade ja alevite funktsionaalne struktuur. Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 1966. Tallinn, 1968, lk. 184, 185, tab. 1.

Рис. 24. На рынок в Ленинград. Калласте, 1962 г. Фото автора.

(40 чел.), молодежь и домохозяйки получили хорошо оплачиваемую работу на дому. Процент занятого в промышленности населения повысился.

Не оставило население Причудья и такое традиционное занятие, как огородничество. В послевоенные годы огородники Причудья впервые стали продавать в городах (Тарту, Ленинград) зеленый лук (зеленку). Заметив, что горожане особенно ценят свежий лук темно-зеленого цвета, они научились выращивать «черное перо», для чего весной посыпают гряды селитрой.

В конце июня — начале июля лук начинают вытаскивать из грядок. С этого времени ежедневно из Причудья в Ленинград отправляется 20 и более колхозных грузовых машин с луком и ранними овощами.

Женщины уже с вечера готовятся к поездке — договариваются о машине, о времени отъезда. Рано утром в корзинах-люльках приносят вырванный из гряд лук. Около дома его перебирают, чистят и моют (рис. 23). Иногда зовут на помощь соседку, иногда собирается толока из 5—6 женщин. Работа эта трудоемкая, для того чтобы заполнить один ящик чистым луком, две женщины работают 5—6 часов.

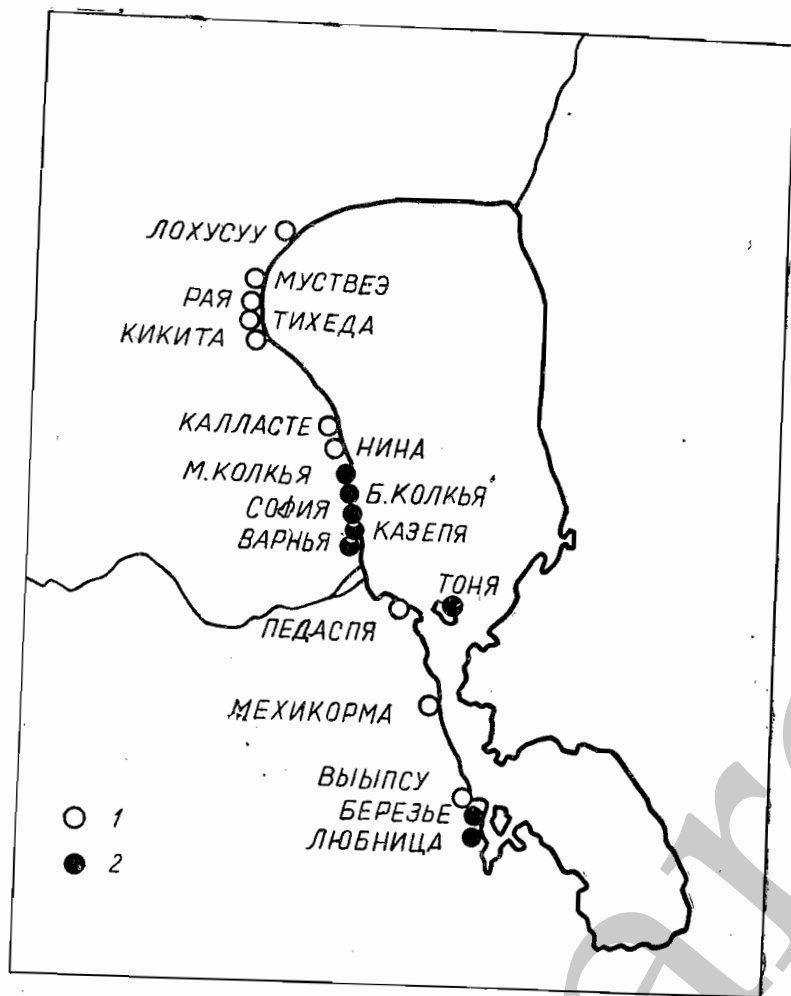

Рис. 25. Выращивание лука в Причудье (по V. Jaagus. Sõõgisibul, 1968, с. 9).
 1 — деревни, где под лук занято до 50% огородной площади или где лук составляет основную культуру лишь у некоторых огородников; 2 — деревни, где лук является главной огородной культурой.

Лук укладывают в большие, метровой высоты ящики, выставив их предварительно сетью, сверху закрывают его листьями лопуха, накрывают сетью, и ящик заколачивают. В ящик входит примерно 100—115 кг зеленого лука. В машину грузят по 14—15 ящиков. Везут кроме того 5—6 меш-

Рис. 26. Весенняя копка грядок: спускают до гребня, закладывая навоз. М. Колкья, 1961 г. Фото Каялина.

ков свежего картофеля, редиску, садовые ягоды. Поверх ящиков набрасывают брезент, а затем крепко увязывают весь груз веревками.

Везут обычно во второй половине дня, а то и под вечер (рис. 24). Поездка длится семь часов, поэтому стараются приурочить приезд на рынок к ночи или к утру. Одеваются в дорогу тепло — в ватники, пальто, плащи, накрываются шерстяными платками. Рынок в Ленинграде выбирают произвольно.

Огородничеством в Причудье в начале 60-х годов было занято свыше 7 тыс. человек.

Главной огородной культурой, идущей на продажу, является лук (рис. 25), затем морковь и другие огородные овощи. В способах разделявания земли под грядки и в вы-

Рис. 27. Прополка грядок. М. Колкья, 1962 г. Фото автора.

ращивании овощей особых изменений за эти годы не произошло: огороды по-прежнему копают вручную (рис. 26). Сохранялась толока. Иногда это — взаимопомощь соседок и родственников. Впрочем, в сезон «не вылезает из гряд» и вся семья. Работают женщины, мужчины и дети. Подсчет Г. Тынисберга показал, что на внесение удобрений, вскопку гряд и посадку лука затрачивается 32% рабочего времени, на прополку — 24% (рис. 27), на уборку и резку лука — 44%¹¹⁵.

Больше всего дохода лук давал жителям Причудья в 1950-е годы. К началу 60-х годов цены на него упали вдвое и ниже, так как на ленинградские рынки стал поступать лук, выращиваемый в пригородных совхозах и колхозах. Причудцы несколько сократили посевы лука и взялись за выращивание моркови. Лук же они стали возить на рынок весной, когда случаются перебои в его привозе и устанавливаются высокие цены.

Везут на рынок овощи — зеленый лук, редиску, ранний картофель — также из Калласте и Муствез. Весной сдают морковь и лук на приемные пункты Эстсельхозкооперации. В деревнях Причудья по-прежнему культивируется мест-

¹¹⁵ Jaagus, V. Sõõgisibul, lk. 10.

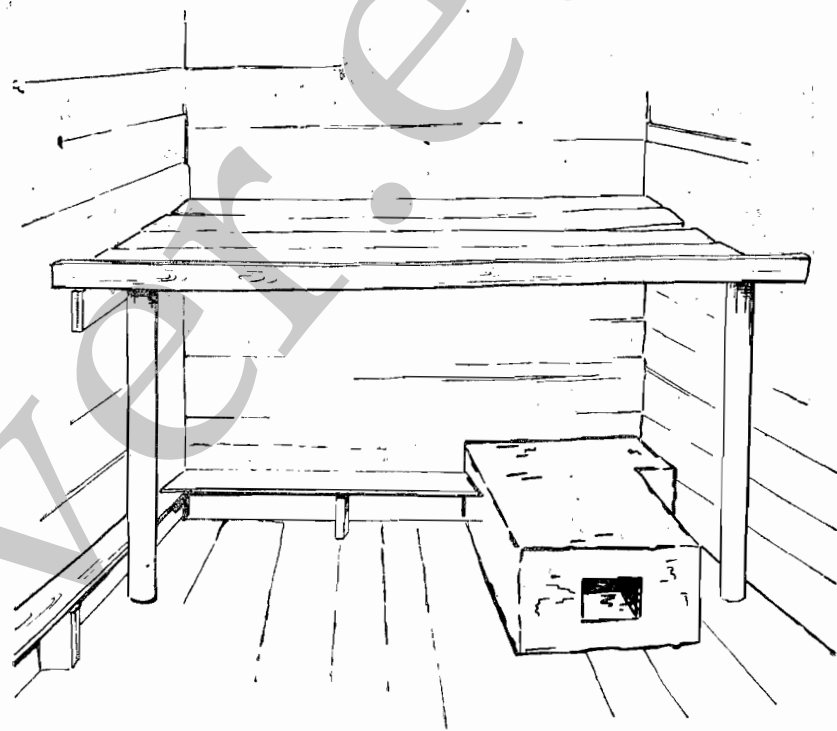

Рис. 28. Печь и полаты для просушки лука в предбаннике. Колкья, 1970 г. Фото автора.

ный сорт лука. Каждая хозяйка заботится о семенах, сажает луковицы на высадку, выращивает «сявок», под который иногда отводят до десяти гряд в огороде. Воспроизводство семян — севка, лука первой выборки не прерывается.

Больше всего забот доставляет огородникам сохранение семенного лука. Несмотря на предпринимаемые меры, лук гниет, и к весне сберегается только половина его количества, оставленного на семена. При подготовке лука к зимнему хранению его подвергают длительной и разнообразной сушке. После того как лук полежит некоторое время на полатах близ дома, его переносят корзинами в баню и рассыпают на полатах, сооруженных под потолком (рис. 28). В деревянных «бани теперь у всех есть. Это ведь для луков, для сушки их» (д. Казепя). За один раз в баню вмещается до тонны лука. Сушка в бане продолжается от 10 до 14 дней, причем баню топят дважды в день, доводя температуру воздуха примерно до 40°. Под конец, когда «мычка» отсохнет, пускают дым,

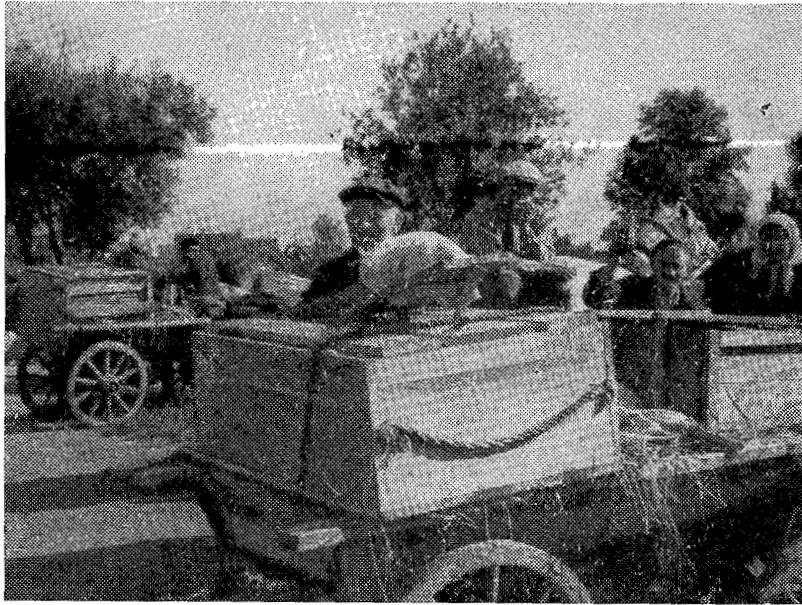

Рис. 29. Торговля поросятами на рынке в Муствез. 1961 г. Фото автора.

чтобы луковицы приобрели золотисто-красный оттенок. Затем лук, очищенный от лишней шелухи, уносят на чердак.

В деревнях, где раньше разводили цикорий (близ Муствез), теперь в большом количестве выращивают морковь. Хранение ее не требует особых забот. Осенью ее зарывают в ямы, которые открывают к весне. Тогда морковь и продают на ленинградских рынках или сдают в сельскохозяйственные закупочные организации.

В личном хозяйстве колхозников имеется домашний скот: коровы, овцы, свиньи. Свиней часто выращивают и на продажу. Начиная с апреля эстонские колхозники из Авинурме и ближних колхозов развозят в клетках месячных поросят по деревням Причудья. Кроме того, по-прежнему важным центром продажи скота остается Муствез (рис. 29). Не только колхозники покупают на откорм поросят, но также рабочие и служащие.

Итак, в условиях советского строя в занятиях причудского населения произошли существенные изменения:

1. Часть населения работает на промышленных предприятиях, которые возникли здесь в годы Советской власти.

2. Широкое развитие получила такая традиционная отрасль производства, как рыболовство, претерпевшее, однако, существенные изменения в обеспеченности рабочей силой, орудиями лова, транспортными средствами.

3. Исчезло традиционное отходничество. Потомственные строители либо переселились в города и стали кадровыми рабочими, либо работают на сельских стройках в своем районе.

4. Традиционное занятие для этих мест — огородничество развивается в подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих.

5. Основные доходы жители Причудья получают от участия в колхозном и общественном производстве. С каждым годом побочные заработки занимают все меньшую долю в бюджетах семей.

Естественно, что смена занятий будет происходить и в дальнейшем, в зависимости от изменений в экономике данного района.

ГЛАВА II. ПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ

ХІХ — начало ХХ в. Деревни Причудья многодворны. Этим они отличаются от соседних эстонских поселений и русских деревень, расположенных на восточном берегу Чудского озера и в Псковской области¹.

Вплоть до конца ХVІІІ — начала ХІХ в., т. е. до расселения в Причудье русских «перебежчиков», западное побережье Чудского озера было, по сравнению с внутренними районами Эстонии, малообитаемо, так как песчаные и заболоченные земли побережья не привлекали сюда земледельцев.

Различно и время возникновения деревень. В документах ревизии конца ХVІ — начала ХVІІ в. значились Лохусуу (Jugowiec), Муствез (Must, Czarne), Кикита (Kikiuta), Кольки (Kolk), Воронья (Warnia)². В 80-е годы ХVІІ в. появилась русская деревня Нос (Нина), в ХVІІІ в. — Красные Горы (Калласте), в первой половине ХІХ в. — деревни Рая, Тихеда, в 1878 г. — София³. Деревни с эстонским населением на протяжении всего ХІХ и первой четверти ХХ в. оставались малодворными. Число дворов в русских деревнях в течение столетия быстро увеличивалось.

Все деревни, кроме Калласте, расположенной на высоком берегу озера, удалены на сотню и более метров от кромки воды. Берег озера здесь низкий и весной периодически затопляется. Еще в 30-х годах ХІХ в. отмечалось: «Озеро мало-помалу оттесняет жителей все далее; старожилы пом-

¹ Небольшие населенные пункты характерны для Псковской области, где и в настоящее время встречаются деревни, состоящие из 9—18 хозяйств (Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей ..., с. 16).

² R ä n k, G. Peipsi kalastusest, lk. 17; Моога, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 53, 56, 57, 90.

³ Деревня названа по имени владелицы мызы Алатскиви (см. Носовскую летопись).

Таблица 11. Динамика численности дворов в деревнях Причудья за 1828—1932 годы*

Название деревни	Число дворов		
	1928 г.	1932 г.	1934 г.
Лохусуу	28	131	—
Муствез	107	—	565
Рая	75	213	—
Кикита	—	89	—
Тихеда	31	101	—
Калласте	80	—	271
Ротчино	14	52	—
Нина	38	153	—
М. Колкья	79	86	—
Б. Колкья	—	66	—
София	—	55	—
Казепя	71	161	—
Варнья	63	151	—
Всего ...	586	1258	836

* Моога, А. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 94—96; Rahvaloendus Eestis, 2, 1934. Tallinn, 1935.

нят еще, что, где теперь вода, там стояло селение»⁴. «Потопным» был назван 1844 год, затопляло берег и в 1899, 1922, 1928, 1929 и 1956 годах⁵. Значительные бедствия причинял и лед, надвигавшийся при вскрытии озера на берег (рис. 30). В 1922 г. очевидец записал: «Весенний разлив был невиданный. Озерный лед двинулся на посад Черный, но посад устоял благодаря дамбе. Зато пострадала Раюша, где были снесены два дома, снетковые печи и много бань, стоявших на берегу. Ледоход многократно повреждал постройки деревень Нина и расположенных от нее к югу: «Мы вечно были в страхе. Каждой весной, когда начинался ледоход, лед подходил под самые стены домов. К празднику во всех домах убираются, а мы вещи складываем, боимся, что заломает. Мужики пешнями обламывали лед, вал так и хлестал. Брали икону и ходили вокруг дома. Вода поднималась так высоко, что заливала и крыльцо, и подвал. Огороды копали по досочкам, всю весну они в воде». Жители обвалившихся домов переселялись дальше от озера, однако не заходили на земли, арендуемые у помещика под картофельные полосы и выгон. Деревни вытягивались в длину. Улицы, идущие перпенди-

⁴ Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте, с. 45.

⁵ Eipre, T. Peipsi—Pihkva järve veeseisund. Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 1963. Tallinn, 1964, lk. 52.

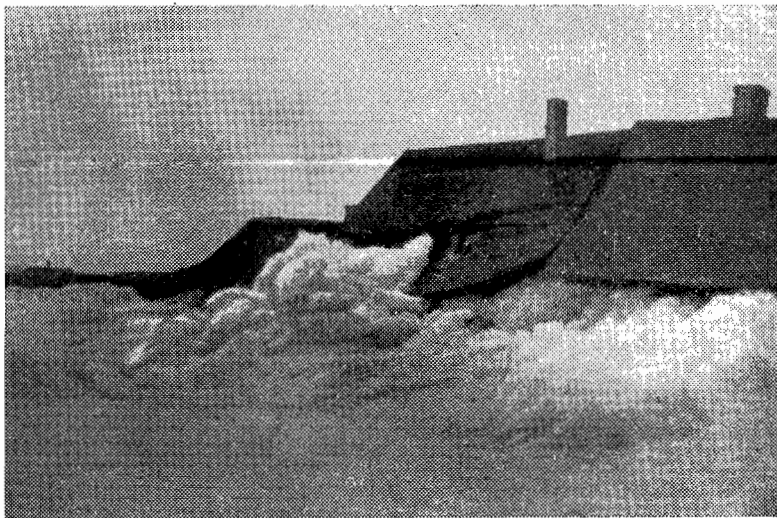

Рис. 30. Весенний ледоход в д. Нина. 1926 г. Ф. 468:24.

кулярно к берегу, не застраивались дальше границы огоро- дов. Несколько изменилось положение в конце 1920-х годов. В результате многочисленных ходатайств в связи с сильными разрушениями, причиненными наводнениями 1924, 1928 и 1929 гг., прибрежным жителям южных деревень правительство выделило массив земли примерно в двух километрах от берега, на который переселились семьи из деревень Колкья, София, Казея, Варнья. Так образовались Первая и Вторая Муравьевки. В 1930 же году 22 двора д. Нина были пере- несены с берега на дальний край деревни. Начиная с 1930 г. велись работы по углублению р. Наровы и снижению уровня Чудского озера. Кроме того, для укрепления берега был посеян тростник (*троста*).

Русские деревни имеют ярко выраженный уличный или прибрежно-рядовой тип планировки (рис. 31). Дома, стоящие по обе стороны дороги, обращены фасадом друг к другу. Дворы и огороды расположены позади домов; у домов од- ного ряда они выходят к озеру, у другого — к полю. Оче- видно, подобный порядок уличных деревень Причудья имела в виду К. А. Авдеева, когда она писала: «... Деревни устрое- ны хорошо и совершенно в русском стиле»⁷. Этот вид дере- вень значительно отличался от соседних эстонских поселений разбросанной планировки, дворовые постройки в которых

⁶ Черносельская летопись, с. 38.

⁷ Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте, с. 47.

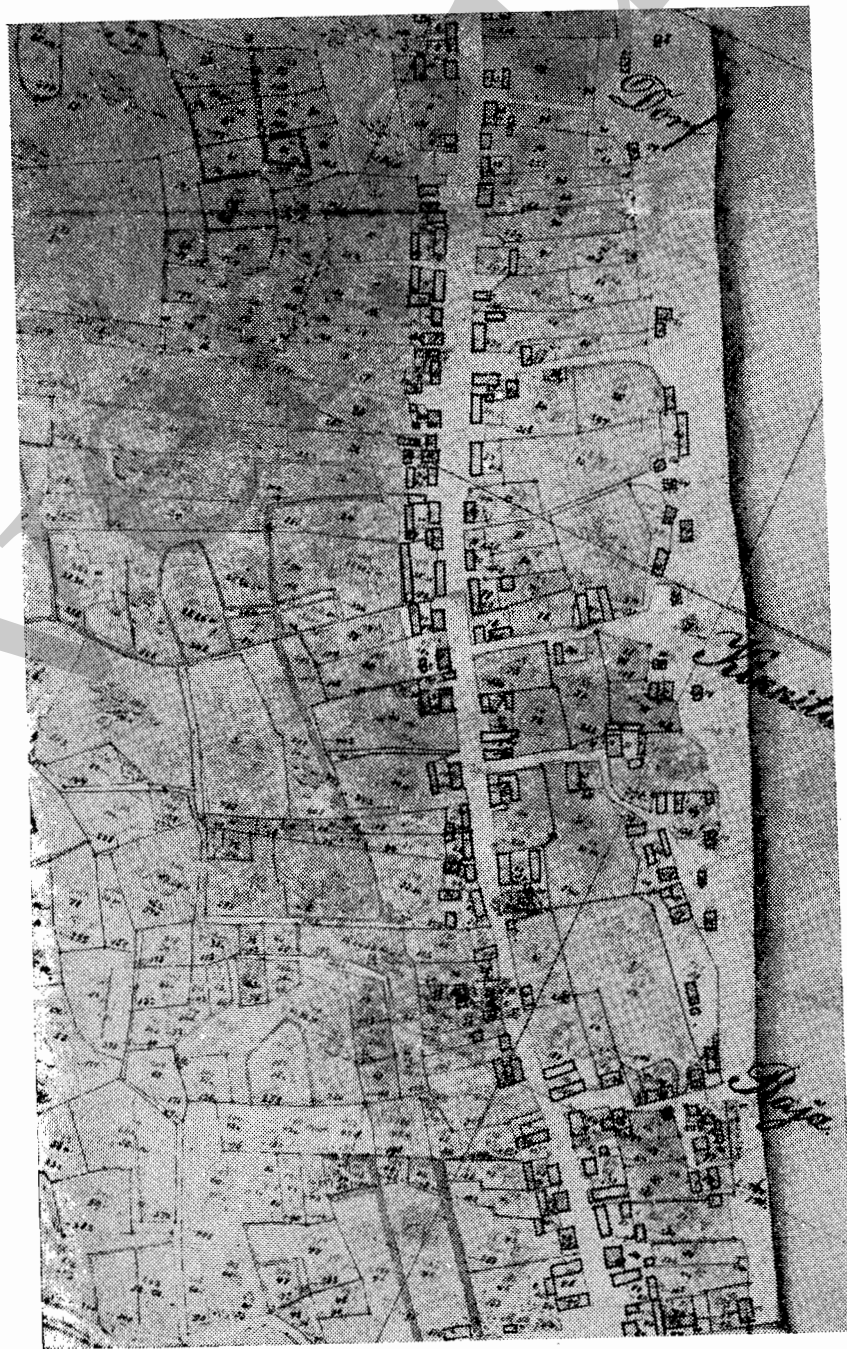

Рис. 31. План деревень Кюкита и Рая. Мыза Тяхквере. 1864 г. (ЦГАОР ЭССР, ф. 62, оп. 6, ед. хр. 1236).

были размещены также иначе, чем в русских деревнях. Линейность планировки возникла у русских под влиянием таких факторов, как связь жителей с озером («тискались один к другому, поближе к воде») и ограниченная возможность проникновения вглубь, на земли, принадлежавшие помещикам и арендуемые эстонскими крестьянами. Деревни растягивались в длину, и те из них, что стояли по соседству, со временем сомкнулись. Так, в настоящее время пять деревень — от Варнья до М. Колкья — представляют собой непрерывное селение, протяженностью в несколько километров. С Муствеэ слились деревни Рая, Кюкита и Тихеда.

Улицы в деревнях двухпорядковые, озелененные, чистые, но вид их все же довольно однообразен. Деревянные моленные в Калласте, Кюкита, Варнья расположены в проулках, поодаль от проезжей части улицы, лишь православные церкви заявляют о себе высокой колокольной, белизной оштукатуренных стен, купами деревьев и оградой, которой обнесено примыкающее к церкви кладбище (деревни Нина, Лохусуу и г. Муствеэ). В конце XIX — начале XX века самым крупным русским поселением была деревня Черная, или посад Черный (Муствеэ). Посадом она стала, по всей вероятности, после постройки православной церкви в 1839 г. Муствеэ был одним из перевалочных пунктов, где перегружались товары, отправляемые из северо-восточных районов Лифляндии в Нарву и дальше. Здесь была построена конно-почтовая станция. На площади, расположенной поблизости от озера, в том месте, где дорога, ведущая на Тарту, сливалась с прибрежной дорогой, стоял трактир, находились торговые ряды. На площади два раза в неделю шла торговля сельскохозяйственными продуктами и четыре раза в год, а в буржуазное время ежемесячно проводились крупные ярмарки. Подобная площадь с трактиром в центре ее была и в Калласте, где также устраивались ярмарки с палатками, каруселью, стояли возы ярмарочников.

В деревнях Причудья нелепая теснота постройки, дома стоят почти вплотную друг к другу»⁸. В случае пожара сразу гибли десятки домов.

Жизнь населения деревни была тесно связана с берегом озера. Здесь стояли бани, сушились сетки, здесь же, на берегу, женщины стирали половики и полоскали белье, чистили песок посуду, в мелкой прибрежной воде мыли цикорий, замачивали разошедшиеся бочки. Озеро близ деревень очень мелко. Лодки вплотную подходят к берегу не могли. Строили деревянные мостки к озеру, но они стояли лишь одно лето, весной их сносил лед. В Муствеэ в начале XX в., после того как было углублено дно озера и построен мол из валунов,

⁸ Черносельская летопись, с. 28. Запись относится к Муствеэ.

открылась пристань, к которой причаливали пароходы, курсирующие между Тарту и Нарвой. В буржуазное время были построены молы в Колкья и в некоторых других деревнях.

В усадьбе и постройках русского населения Причудья нашла отражение специфика производственной жизни этой группы, о чем говорят небольшой размер двора и слабая обеспеченность хозяйственными постройками. Во дворе находились лишь амбар, хлев небольшого размера и навес.

Изба была «неделенная» (более старый тип жилого дома). Старожилы отмечают: «Старина — это неделенная изба, а когда поделено внутри, то — дом».

Избы ставили жителям обычно наемные строители. Квалифицированные каменщики Причудья и сезонные рыбаки предпочитали зарабатывать деньги на стороне и платить строителям-специалистам, чем строить самим. К началу строительства хозяин с помощниками рыли яму для подполья, ставили фундамент. Плотников приглашали из деревень Лохусуу и Нина⁹, а в конце XIX в. в округе рубили избы и плотники-эстонцы. Печников нанимали своих деревенских. В случае, если плотник брался ставить дом только до стропил, то отдельно нанимали *крольщиков* (*крыльщиков*). Толок при сборке сруба здесь не устраивали. Прием строительства клетками-сукромами¹⁰, известный на Псковщине, здесь не практиковался: трудно было разместить сукрома на небольшом участке двора, сам хозяин сруб не собирал, наемные работники ставили его сразу. Первый же венец клали на четыре больших врытых в землю камня, а пространство между ними закладывали камнями поменьше и скрепляли известью с песком, т. е. способом, повсеместно распространенным в областях Западного края и у русского населения Латгалии¹¹, а также у эстонцев. Такой фундамент назывался подводным. Избы ставили низкими, переводины для пола — *верболки* врубали в первый или во второй венец сруба. С третьего или четвертого венца вырезали *просветы*

⁹ «Ерофей Гурьянов из д. Колек ... раскольник в 1825 г. подражал в деревне Нос работников к постройке ...». ЦГИА СССР, ф. 1825, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, л. 2.

¹⁰ Прием строительства клетками-сукромами (Даль В. И., т. IV, с. 358, пск. «сруб вчерне») заключается в том, что обтесанные бревна первоначально складывают в три невысоких сруба: 1-й — от первого венца до окон, 2-й — оконные венцы, 3-й — от венца окон до верха, затем метят их, разбирают и складывают окончательно, прокладывая мхом. В литературе такой сруб называют временным. См. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточно-славянский этнографический сборник. — «Труды Института этнографии», нов. серия, т. XXXI. М., 1956, с. 75, 76.

¹¹ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей ... , с. 18.

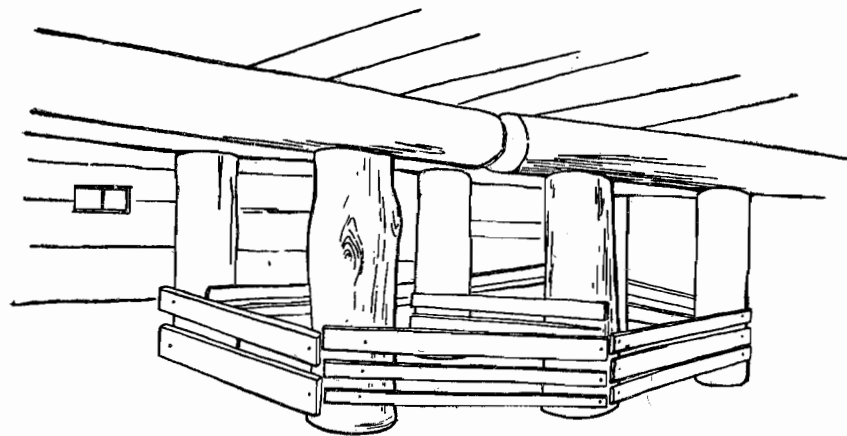

Рис. 32. Стояк (подопечек) в подполье — опора печи. Дер. Яма.

(оконные проемы), делали обсадку из четырех косяков: два вертикальных косяка назывались *дыбьями*, *верхушками*, а нижний косяк — *подушкой*. Косяки — и оконные, и дверные — назывались еще *шленьгой*. В предпоследний венец сруба врубали потолочные балки — *верхние верболки*. Последний венец назывался *мурлатом* или *нахлупной балкой*, реже — *вязанкой*. Стропила крыши (более позднее их название — *шпары*) врубали в последний венец мурлата или в концы верболок; связью для шпар служили пояса — распорки из жердей в верхней части стропил. Шпары ставили с промежутком в 1 м, четыре-пять — над срубом избы и два — над сенями. Поперек шпар наколачивали жерди (*латы*), получалась *обрешотина*, решетка. Крыши изб — двускатные, тесовые или черепичные (из черепы), очень редко соломенные. Фронтон, в старину бревенчатый, а примерно с середины XIX в. обшиваемый досками, называют *евелем*.

Печь в избе ставили после настилки черного пола. Основание печи здесь называют *подпечком* (близко ему название *опечек* в Себежском, Островском и Пушкиногорском районах Псковской области¹². Подопечек ставили на переводины пола — верболки, которые для устойчивости подпирали двумя-тремя парами коротких бревен-стояков (рис. 32). Подобный древний способ устройства подопечка применялся в жилище с подклетом¹³. Кроме северо-западных районов Ленинград-

¹² Там же, с. 26.

¹³ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, с. 258.

ской области жилище с подклетом было характерно для селений теперешних Пушкиногорского, Островского, Печорского и Пыталовского районов Псковской области¹⁴. Традиционно псковским является место печи в избах Причудья: в правом или в левом углу у входа, вплотную к стене, с челом, обращенным к боковой стенке. Старинные печи сбиты из глины, больших размеров, помостные, на верхнем помосте спали до шести взрослых человек. Имеется сообщение из д. Нина, что там в старину в печах даже мыли детей.

Устройство печи и название ее частей общерусские и совпадают с известными повсюду в Западном крае: из кирпичи-сырца клали под, свод печи называли *нёбом*, площадку перед устьем — *шестком*, *ошестком*. Слева от устья на шестке было место, называемое *заногой*, где разводили огонь под таганом. Сбоку печи устраивали неширокий помост — *лянушку*. Над помостом, в стенке печи, делали небольшие ниши — *печурки*, где сушили разные вещи. Внизу печи был подпечек, в котором зимой держали кур. Подвесной котел над шестком, характерная принадлежность русских печей у населения Западного края¹⁵, здесь не имел массового распространения (рис. 33). Помнят о нем только в деревнях Нина и Лохусуу. В староверских же деревнях никто из старожилов не мог вспомнить о наличии его в курной печи. Очевидно, если здесь котел и был в употреблении у некоторой части населения, то от него отказались и заменили таганом значительно раньше, чем в деревнях северного Причудья, Печорского и других районов Псковской области, у русских Латгалии.

Окончательная обладка избы состояла в обтесывании бревен с внутренней стороны, в настилке чистого пола, чистого потолка, в устройстве подполья. Высота подполья была различной: в некоторых домах *подпол* был такой низкий, что за картофелем добирались ползком, в других — достигал роста человека, в общем, «как земля себя покажет». У стенок подполья строили засеки для всякого огородного *слетья* и картофеля. Ход в подполье вел только из избы. Для хранения съестных припасов устраивали каморку, или чулан, отгораживая для этого часть сеней. Рассказывают, что крылец здесь раньше не строили, перед дверью, ведущей в сени, клали большой камень, заменявший лесенку.

В лексике, связанной со строительным делом, у русских Причудья наряду с терминами, общими для всего населения

¹⁴ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения Западных областей ..., с. 43.

¹⁵ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Середина XIX — начало XX века. М., 1967, с. 154 и карта 31.

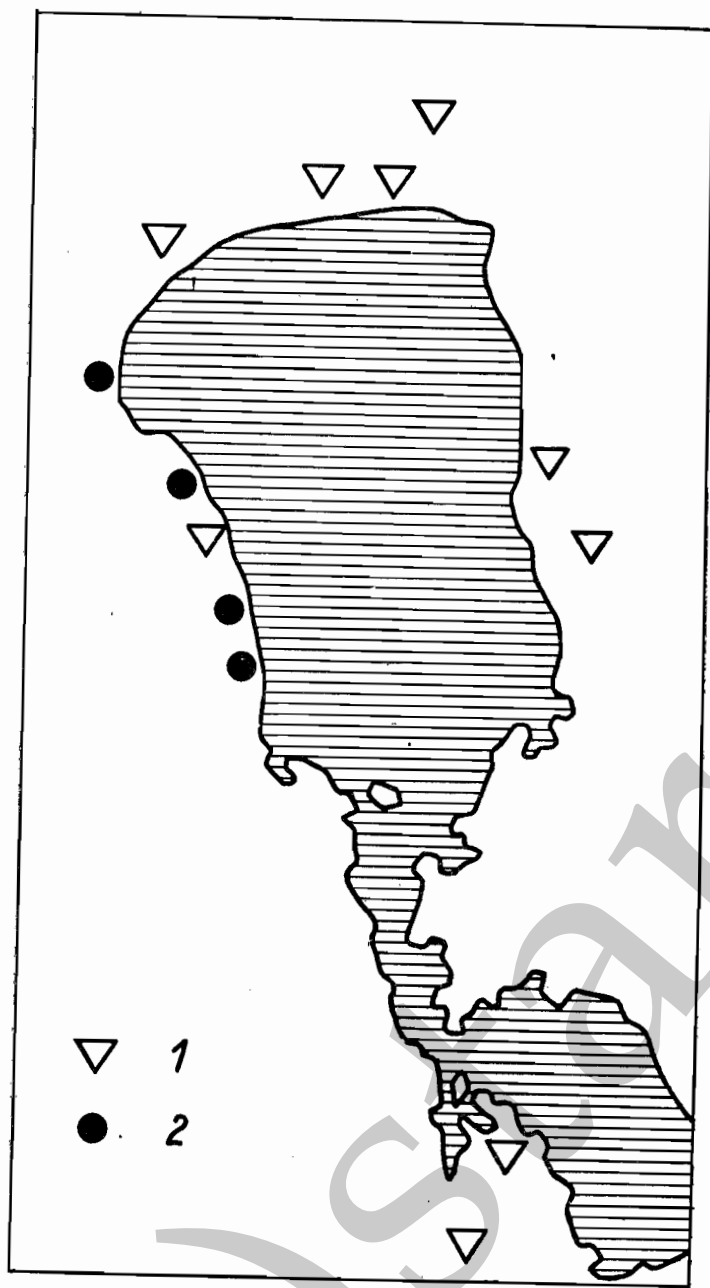

Рис. 33. Наличие подвешного котла в русских печах. Конец XIX — начало XX в.

1 — с подвешным котлом сбоку шестка; 2 — без котла, с таганом.

западнорусских областей, имеются и чисто местные: *мур* — фундамент из валунов; *мурник*, *муричик* — каменщик; *мурна* — каменная работа; *фугровать* — обкладывать сруб кирпичом; *евель* — фронтоны, заделанные досками, *латы* — поперечные жерди обрешотины; *верболки* — потолочные балки и переводины для пола; *шленьги* — дверные и оконные косяки и др. Часть перечисленных терминов бытует лишь у русского населения Прибалтики (например, *евель* в Латгалии, *верболка* у староверов Браславского района Полоцкой области БССР и др.), они представляют заимствования из прибалтийского варианта немецкого языка¹⁶ и известны также местному эстонскому, латышскому и литовскому населению. Совместная работа в городах и мызах русских строителей, в том числе и причудских, с немецкими мастерами¹⁷, способствовала распространению заимствований у последних профессиональной лексики, закрепившейся затем в качестве местных бытовых названий.

Внутренняя планировка «неделенной избы» в деревнях Причудья была типично западнорусской: печь у входа с устьем, обращенным к боковой стенке, большой угол, расположенный по диагонали от печи стол, стоявший против устья печи в простенке между окнами, пристенные лавки, сходящиеся в большом углу, нары для сна, устроенные за печью, или деревянная кровать, отделенные ситцевой занавеской (*завесой*). Убранство избы было простым: местом для сна членам семьи служили печь, лежанка, лавка (для подростков детей стлали на ночь соломенные матрасы-постели). Пол обычно покрывали тряпочными половиками (*полотнищами*), которые ткали по заказу эстонские женщины. Изба освещалась лучиной. В 1840-х годах из мызного леса выдавали за плату в год «на каждый дом по 10 сажень дров, по 1/2 сажени длинных бревешек для лучины, так как в то время еще и не знали о керосине, и освещением служила лучина»¹⁸. Когда лучину заменила лампа, жители не помнят, но есть сведения, что в юго-восточной Эстонии у крестьян керосиновые лампы появились в 1865 г.¹⁹

¹⁶ Подробнее см.: Рихтер Е. В. Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских западного Причудья. — В кн.: Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970, с. 181—183.

¹⁷ В отчете лифляндского губернатора за 1811 г. перечислены: мурники Вестениус, Фрейденталь, Фрибе, Готфрид, плотник Бутте, маляр Пфейфер и подрядчик Павел Шевяков, которые ремонтировали казенный дом губернатора, тюрьму и другие здания. ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, 1811 г., ед. хр. 73, лл. 24, 76, 129.

¹⁸ Носовская летопись, л. 5. Запись 1882 г.

¹⁹ Põldmäe, R. Jakob Jagomann ja tema «Räpina kihelkonna ajakirjat». — «Изв. АН ЭССР. Серия общественных наук», 1957, т. VI, № 1, с. 68.

Рис. 34. Глухой, или крытый, двор. Калласте.

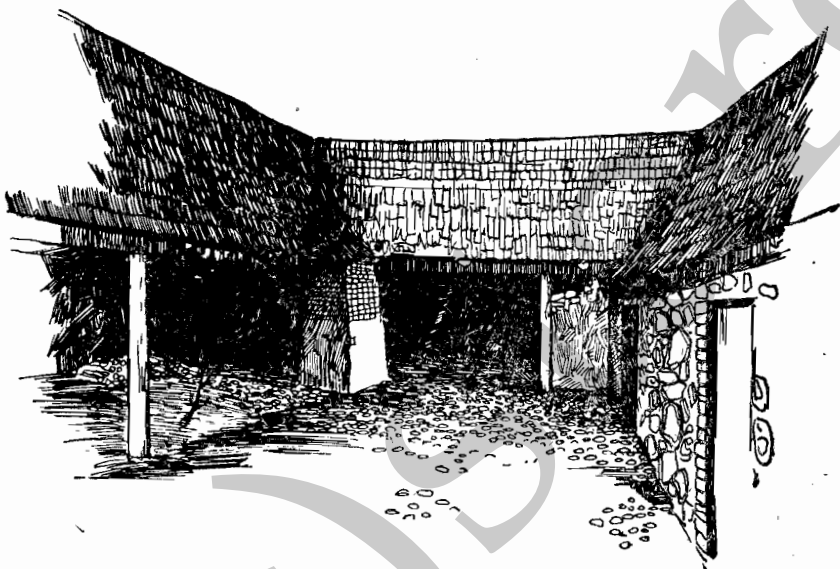

Рис. 35. Вольный двор с поветками. Калласте.

Общность с западнорусским строительством прослеживается и в хозяйственных постройках. Для Причудья характерно компактное расположение жилища и хозяйственных построек, включенных в единый двор. Хозяйственные дворы были здесь *вольные* и *глухие* (рис. 34 и 35). Вольный, или *открытый*, круговой двор, *открытый с поветками* двор называют *старинной* (рис. 36). Дом при таком дворе стоит обычно вдоль улицы, к задней стене дома примыкают две повети. За ним по одну сторону стоят в ряд конюшня и хлев, по другую — амбар. Их соединяет *поветь*, которая и замыкает двор. Так образуется П-образная связь построек, замкнутая линией дома. Расположение построек и поветей варьирует, но отличительной чертой этого типа двора являются открытая площадка внутри двора и веночный, «круглый» в целом комплекс жилища и хозяйственных построек. Внешние стенки дворов, сохранившиеся до нашего времени, складывали из камня, скрепленного известью, встроенные хлев и амбар были или каменными, или срубными. В проеме каменной стенки, рядом с домом, ставили двухстворчатые (*двупольные*)²⁰ ворота. Проем выкладывали кирпичом, на вмурованные сбоку крюки-пятники вешали воротни. Калиток не было, во двор вход вел с сеней. И повети, и постройки покрывали непрерывной двускатной крышей, П-образной в плане. Стропила крыши врубали в прогонные балки, опирающиеся на стены построек и на опорные столбы в углах двора и вдоль поветей. Открытое сверху свободное пространство внутри двора, вымощенное булыжником, называлось *мостовой*. Иногда через весь двор в мостовой прорывалась канава — *стёк* для вывода скапливающейся воды.

Вольный, или круговой с поветками, двор жителей Причудья является одним из вариантов псковской планировки двора. Бытование его зафиксировано на той же территории, где распространен трехрядный тип застройки дворов: у русских в Латгалии, в юго-западных районах Псковской области и в Гдовском районе²¹. Судя по этнографическим описаниям и планам, круглые дворы имели значительные размеры, включали несколько хлевов, сараев. Кроме того, у крестьян постройки, не вмещающиеся во двор (клетки, амбары), стояли отдельными рядами²². У русских жителей Причудья не было

²⁰ Термин *двупольные* — калька с эстонского *kahepoolne*

²¹ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения Западных областей ..., с. 32, 34—37.

²² Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печорском крае (Псковской области). Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. Труды Института этнографии, нов. серия, т. LVII. М., 1960, с. 315.

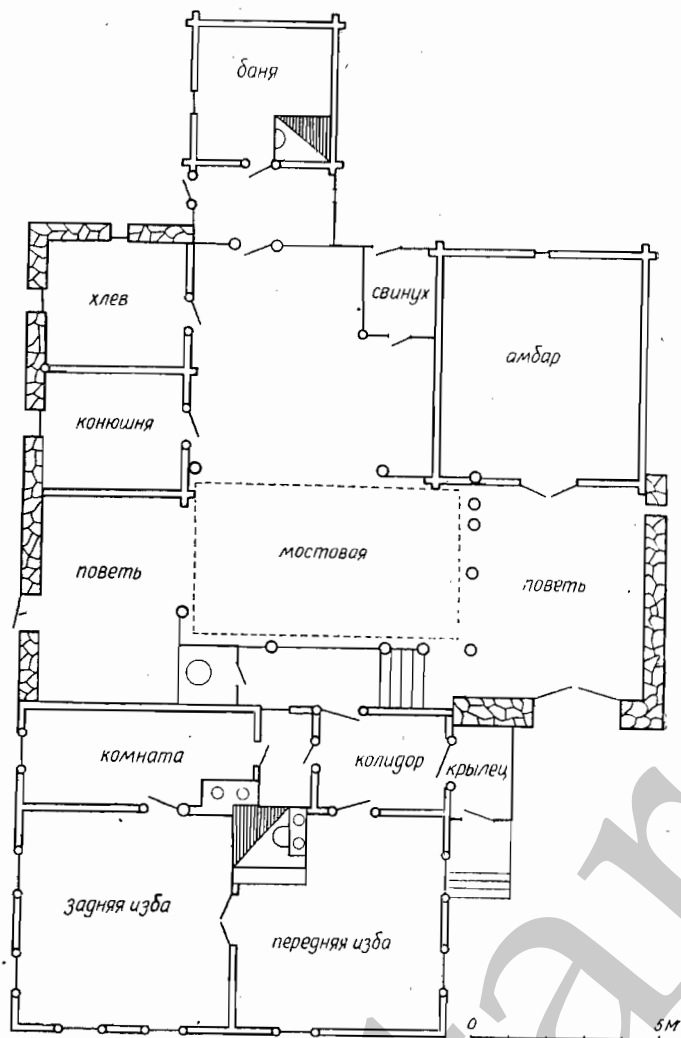

Рис. 36. План вольного двора. Калласте.

необходимости выносить за пределы двора хозяйственные постройки, неземледельческий характер хозяйства позволял им обходиться одним небольшим двором, в котором размещались все подсобные строения.

Вольные дворы сохранились в Причудье значительно дольше, чем, скажем в Печорском, Гдовском или Середкин-

ском районах Псковской области²³. В д. Колоколово, Гдовского района, старики рассказывают, что *круглые дворы на столбах* у них ставили еще при черных избах. В конце 1930-х годов в Печорском районе этот тип дворов был такой редкостью, что Н. Яснецкий, обнаруживший их в деревнях Иваново-Болото и Ключище близ Лавров, высказал предположение, что «Круглый двор — крестьянский двор наиболее старинного планирования»²⁴. В Причудье еще в конце XIX — начале XX в. такие дворы имелись у многих жителей деревень Лохусуу, Муствез, Тихеда и Калласте. В д. Нина вольных дворов было немного, в д. М. Колкья — один двор, в Б. Колкья и Варнья их не помнят. В южных деревнях Причудья был распространен другой тип двора — *глухой*.

По связи с жилищем выделялись два подтипа глухих, или крытых, дворов. Если двор продолжал линию дома, а крыша его являлась продолжением крыши дома, то его называли *под-едино, под одну связь, под едину крышу*. Если двор пристраивался к концу дома под прямым углом, образуя глаголеобразную, или поперечную, связь, про такой двор говорили, что он *за домом, по-задворью*. Двухрядная связь, распространенная в деревнях Гдовского и Печорского районов, в Причудье не встречается.

Ширина глухого двора одинакова с шириной дома, стены его сложены из валунов, или «дикого камня», называемого здесь еще дикарем, реже — из бревен, забранных в вертикальные столбы. Посередине широкой стенки двора находятся двустворчатые ворота. В дальнем конце двора, против сеней, стоят две срубные постройки — *ахлев* и *конюшня*, иногда и *онбар*. Во хлеву или у одной стены двора устроена загородка для поросенка — *свинух, будка, горожник*. Особенностью глухого двора в Причудье является устройство настила из жердей — *верех* — с полым пространством внутри, площадью 9—16 м². Каждая из четырех сторон настила (шириной 3—4 м) использовалась для хозяйственных нужд: над хлевом лежало сено, у боковых стен двора настил клали сетки и другой хозяйственный скарб, на жердях, у стенки, примыкающей к чердаку дома, спали летом. Тут же, на поясе стропил, висели заготовленные на зиму венки, а в мешке — соленый окорок. К этому настилу можно было легко подойти с любой стороны и, подставив переносную лестницу, найти даже впотьмах нужную вещь. Подобное

²³ В Гдовском и Середкинском районах в 1953 г. не было обнаружено ни одного круглого двора (Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальное культурное строительство сельского населения западных областей, с. 37).

²⁴ Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печорском крае, с. 315.

устройство было рациональным, поскольку количество подсобных помещений у русских рыбаков и отходников было ограниченным. Чердак дома тоже иногда носит название *верёх*. На чердаке держали ненужную хозяйственную утварь, рассыпали на зиму лук и клюкву. Попадали на чердак тоже по приставной лестнице, которую называли *редель*, *редёлка*.

Глухие дворы в Причудье считают более новыми по сравнению с вольными дворами. Однако в начале XX в. здесь сосуществовали одновременно и вольный, и глухой дворы, при этом преобладали вольные дворы в северных деревнях (от Муствез до Калласте) и отсутствовали в южных (от д. Нина до Варья).

Жители Причудья вне дворов (обычно на берегу) ставили только бани. Еще в конце XIX в. бань было немного — 2—3 на деревню. Планировка бань та же, что и повсюду в западных районах Европейской части России, т. е. белорусско-украинская, с печью-каменкой у входа (устье печи обращено к продольной стенке) и с полком, пристроенным в ряд печи, т. е. за нею. Предбанников, по рассказам стариков, не было. В этом отношении причудские бани сходны и с древними русскими, и с эстонскими банями²⁵. Предбанники появились поздно: в д. Колкья, например, в начале XX в., а в Нина, где жители еще в конце XIX в. мылись и парились в русской печи, даже в 1930-е годы. Обращает на себя внимание его название: на соседних территориях у русских крестьян его повсюду называли *предбайником* (от слова *байня*), в деревнях же Причудья — *припередком*, словом, которое Даль помечает как архангельское и новгородское²⁶.

Начиная с третьей четверти XIX в., деревенское жилище в Причудье претерпевало изменения и к середине второго десятилетия XX в. в общих чертах приобрело современный облик. Этому способствовали факторы общего порядка, связанные с интенсивным развитием капиталистических отношений, обусловившие широкое распространение отходничества, развитие денежных отношений, распад больших семей.

Жители русских деревень нанимали на постройку домов не только русских, но и эстонских специалистов-плотников, через которых распространялись новые технические приемы и строительные конструкции (обшивка углов сруба, отделка потолков, готовые оконные рамы и др.). Появилась и новая техника: продольные пилы, а затем пилорамы и щеподральные станки на лесопилках в Омеду и Муствез. Расширилась торговля новыми строительными материалами. Небольшие кирпичные заводы в окрестностях помещичьих мыз (близ Калласте и Варья) и производство кафеля в д. Тихеда так-

²⁵ Тихазе К. И. Народное зодчество Эстонии. Л., 1964, с. 124.

²⁶ Даль В. И., т. III, с. 433.

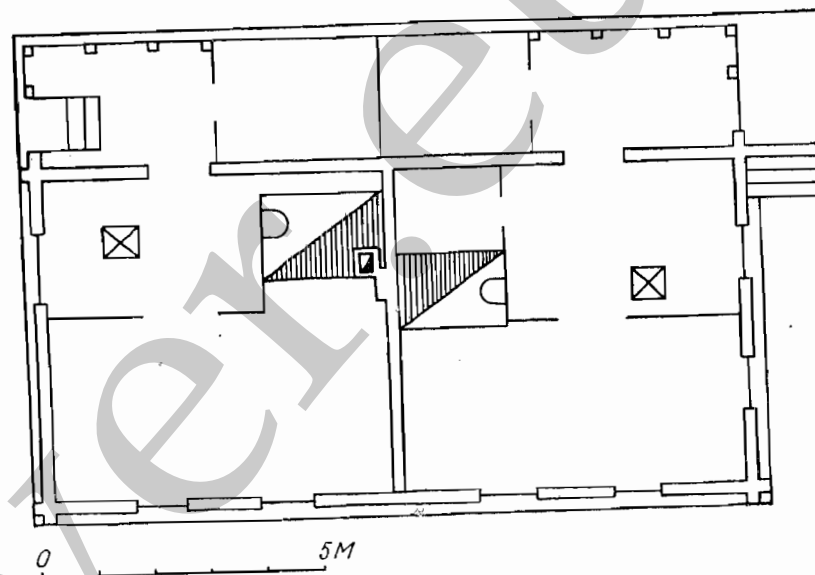

Рис. 37. Схема дома на двоих братьев. Калласте. Тартуское инвентаризационное бюро.

же способствовали изменению облика традиционного жилища. Да и сами отходники Причудья несомненно перенимали у населения западных губерний некоторые новшества в оборудовании и планировке жилища (фундамент, расположение печи, побелка потолков, штукатурка стен и т. д.).

Процесс замены старых форм жилища в условиях социального неравенства развивался неодинаково у разных групп населения. Тем не менее вытеснение «старинны» происходило повсеместно.

Строили главным образом из леса и меньше из кирпича. По данным 1922 г., в Калласте кирпичные дома составляли 6,7%, в Муствез — 3% от общего числа дворов²⁷. Строительство кирпичных домов обходилось значительно дороже, чем деревянных, и было по средствам в основном купцам и подрядчикам.

Ставили дома на одну семью и на две. Строительство дома на две семьи (родственников) — распространенное явление в Причудье — было обусловлено дороговизной земельных участков и нежеланием дробить семью. Отец в одну половину дома отделял женатого сына, в другой поселялся сам с младшим сыном. Дом-двойня, или *дом на двоих братьев*

²⁷ Rahvaloendus Eestis, 2, 1934. Vihk 2. Tallinn, 1935, lk. 64.

Рис. 38. Глухой двор, пристроенный к половине дома. Характерно расположение ворот. Калласте, 1965 г. Фото автора.

(рис. 37), как он здесь назывался, представляет собой пятистенки на две половины. Длинные сени на всю длину дома, пристроенные к стене, удаленной от улицы, также разделены перегородкой и входы в них расположены в боковых стенках. Каждая половина была самостоятельным жилым помещением, но печи имели общую трубу. При постройке дома двойни нередко пристраивался общий вольный двор, но после смерти отца братья делились, и каждый пристраивал к своей половине дома более широкий глухой или вольный двор (рис. 38). Согласно данным 1922 г., в Калласте дома с «двумя квартирами» составляли 13% и в Муствее — 11%²⁸.

Облик жилища менялся в этот период не только при строительстве новых домов, но и при капитальном ремонте старых. Ведь именно дом для безземельного мещанина Причудья являлся основным показателем его общественного положения, его «лицом». Внешнему и внутреннему оформлению дома придавалось особое значение. В этом отношении соседи старались не отставать друг от друга.

²⁸ Rahvaloendus Eestis, 2, 1934. Viik 2. Tallinn 1935, lk. 70.

Изменения, наступившие в строительной технике, коснулись почти всех элементов жилища.

Изменилась техника строительства. Вместо подводного фундамента ставили каменный, с подземной частью — бутом. Обычно этим занимался сам хозяин с семьей, он же нанимал кого-нибудь из соседей-каменщиков. Валунный камень здесь имелся повсюду, специалисты были свои. На строительном участке ставили *трефеля* (колья), натягивали шнур и обозначали площадь будущего дома (каждый угол в нем назывался *винкелем*²⁹). По шнуру выкапывали канаву шириной 70—75 см и глубиной 85—100 см. Если на глубине более одного метра лежала глина, то дно канавы засыпали гравием (*хвержь*³⁰) и поверх гравия закладывали камни, подбирая их так, чтобы плотнее прилегали, не сдвинулись с места. Забуктив канаву ровно с землей, снова натягивали шнуры и складывали фундамент, скрепляя камни известью с песком. Средняя высота фундамента — 80 см. Выкопав подполье, со дна его клали подопечек из камня-дикаря и глины, а затем — наземную часть фундамента (*мур, подмуровка*).

В начале XX в. появились дома, рубленные из гантованных балок с чистым углом (в лапу). Снаружи такие дома обшивали тесом, покрывали масляной краской. Улучшить внешний вид стремились и при очередном ремонте старого дома. Выступающие углы сруба покрывали *коробкой, зашивали тесом*.

Основным кровельным материалом в это время была лучинка. Изготавливали и называли ее по-разному: *лучинка, гонгонт, dranka, шиндарь*³¹ (нем. — Schindel, эст. — sindel, лат. — sinder). В первые десятилетия она стала вытеснять черепицу, о чем свидетельствуют данные переписи 1922 г.³² (см. табл. 12).

Таблица 12. Виды кровельного материала

Города и уезд	Дерево	Черепица	Толь	Жесть	Солома	Другие материалы
Калласте	90,9	3,4	0,4	0,8	3,7	0,8
Муствее	94,0	2,0	—	1,2	2,2	0,6
Тартуский уезд в целом	23,7	10,7	52,8	6,9	0,5	5,4

²⁹ Винкель — нем., угольник, наугольник, угол. Даль В. И., т. I, с. 205.

³⁰ Хвершь — пск. мелкий природный щебень или хрящ. Даль В. И., т. IV, с. 545.

³¹ Гонт делали вручную в д. Лохусуу, лучинку, dranku и шиндарь в начале XX в. — на лесопилке в Омеу.

³² 1929. а. Põllumajandusliku üleskirjutamise andmed, lk. 64.

Из таблицы следует, что соломенные крыши и в то время еще встречались в русских посадах, но сравнительно редко. Значительно больше таких крыш было на домах соседних эстонских крестьян. Так, в Раннаской волости их насчитывалось 40,5%, в Кокораской — 23,7% от всего числа крыш³³. Железные крыши (их называли здесь *цинковыми*) имелись лишь на домах купцов.

Дома построенные в конце XIX в., были разделены дощатыми перегородками-заборками на две половины: на переднюю избу (кухня) и заднюю избу (чистая половина). Дом имел *коллидор*, а не сени, как изба. В коридоре отгораживали помещение для хранения продуктов — *шафрей*, *шафрейка*³⁴.

Вместо плоского камня перед входом в дом пристраивали открытую площадку с лестницей в 2—3 ступеньки (*трепка*)³⁵.

Одновременно совершенствовалась внутренняя отделка жилища. Размеры окон были увеличены, рамы делали теперь из шести переплетов, а не из четырех, как раньше. Стены изнутри оштукатуривали или оклеивали обоями (*обтягивали шпалерами*), потолки оклеивали бумагой и белили. Здесь были распространены гладкие потолки. Потолочные доски соединяли *впритычку* («шпунтобелем выбирали паз вдоль доски, в ребро следующей доски вставляли шпонку, которая входила в паз предыдущей доски»). Полы делали таким же способом, затем их красили.

В последней четверти XIX в. постепенно усовершенствовалась и русская печь — сократилась площадь помоста, а к одной из боковых стенок пристраивали лежанку (шириной 70—80 см и высотой 1 м), благодаря чему площадь обогрева осталась той же. В ошток встраивалась плита с двумя кругами, которая системой дымоходов нагревала и лежанку (последнюю подтапливали, если к вечеру изба остывала). Изменилось место печи в избе, ее ставили не у входа и не вплотную к стене, а отступя от обеих стенок; впрочем, устье печи по-прежнему было обращено к окнам продольной стены. Развитие и усовершенствование печи происходило не без эстонского влияния — печь и лежанка имели каменное основание, а для трубы фундамент ставили отдельно (*бут, подопечек*). Устройство дымовой трубы на отдельном основании сбоку печи было характерно для вновь строящихся домов эстонских крестьян того периода³⁶, в то время как в избах русских крестьян Псковщины и Принаровья печь с лежанкой покоилась на сплошном фундаменте, а труба являлась про-

³³ Там же, с. 168—170.

³⁴ Шафрей (эст. *sahver*, нем. *Schafferei*).

³⁵ Эст. *trepp*, нем. *Trepp*.

³⁶ См. Тихазе К. И. Народное зодчество Эстонии, планы на с. 83 и 90.

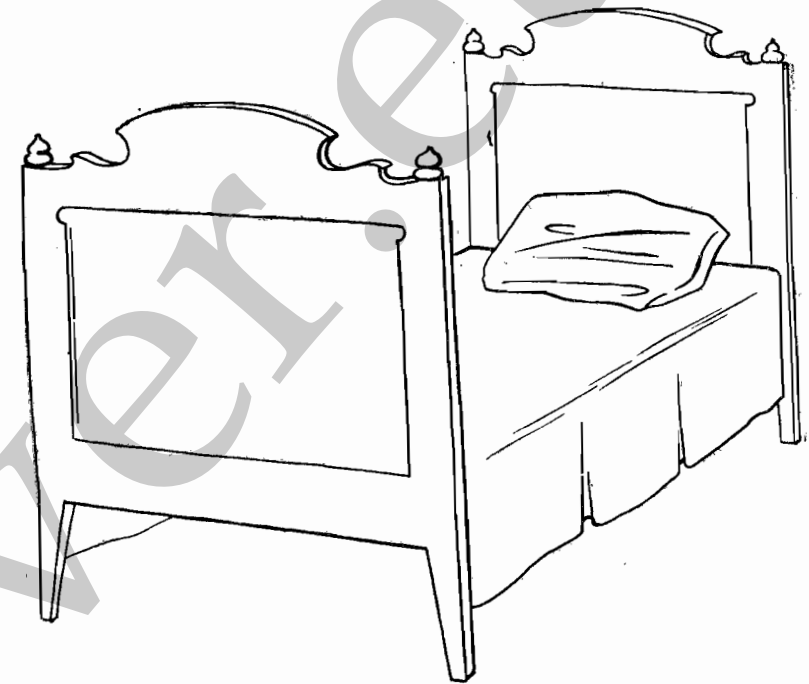

Рис. 39. Кровать местного производства. Калласте.

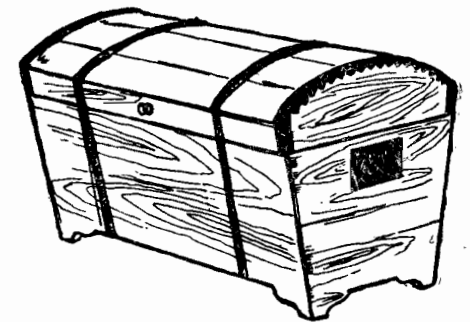
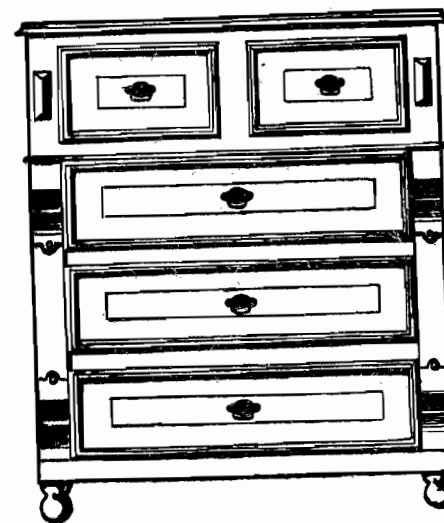

Рис. 40. Приданое невесты: комод и сундук, купленные в конце XIX — начале XX в. в Муствезе. Калласте.

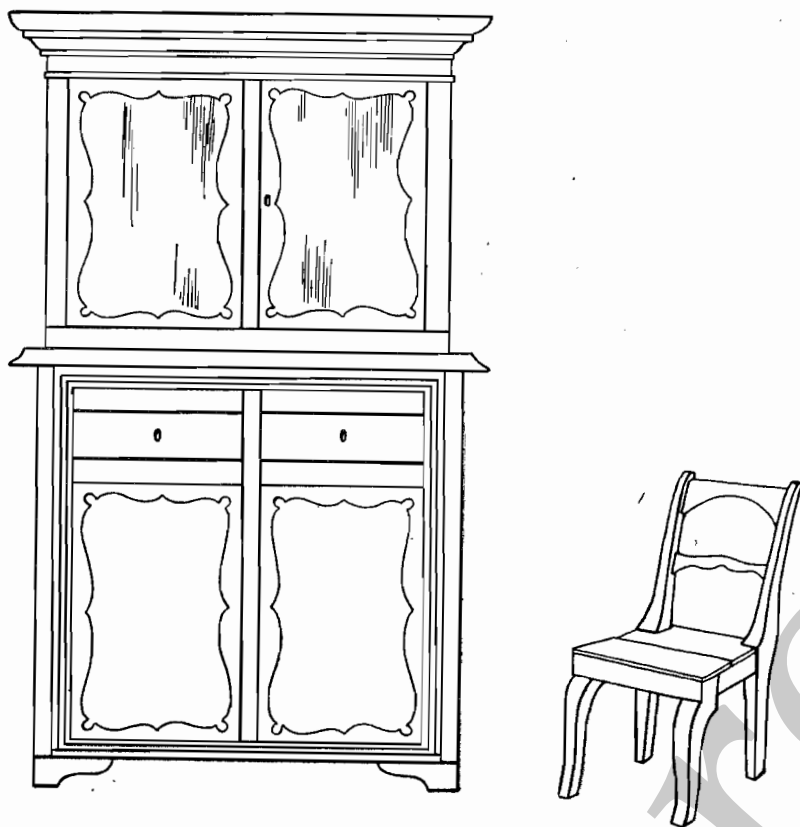

Рис. 41. Мебель местных мастеров начала XX в. Калласте.

долженем корпуса печи. Однако отдельно стоящие плиты у русских Причудья не получили распространения как в домах эстонцев, плиты не имели вмурованного котла, который был характерен для жилищ эстонских крестьян, сету и русского населения Печорского района.

С начала XX в. в домах зажиточных крестьян западного Причудья печи и лежанки стали облицовывать кафелем, или изразцом, коричневого цвета.

В первые десятилетия этого века быстро совершенствовалось внутреннее убранство домов. Деревообделочники из Авинурме — ремесленного центра северо-восточной Эстонии — снабжали своей мебелью все русские деревни. Изделия эстонских столяров: кровати, стулья, столы, комоды, шкафы с то-

ченными деталями, окрашенные в коричневый или в желтый цвет, можно было купить на любой ярмарке в Муствезе и Калласте. Изготавливали мебель на заказ и свои деревенские мастера (рис. 39—41), а также столяры-эстонцы. В домах появились стулья, комоды, столы с полкой (полукруглая крышка, обычно опущенная, ставилась на выдвигаемую ножку, если накрывали стол для гостей). Кровати, сменившие нары, не закрывали *завесью*. На них днем складывали постели — сенные матрасы, которые застилали яркими лоскутными одеялами (*кусочное одеяло, сметочек*). Из-под одеяла выглядывала простыня с кружевами, наверху лежала горка подушек в наволочках с *расшивками* (прошивками). Полы застилали половиками из тряпок (*пологница*). Повсюду в домах появились керосиновые лампы, и светцы с лучиной больше не употреблялись.

Характерной чертой быта местного населения можно считать чистоту и порядок в доме, неустанно поддерживаемые женщинами. Ежедневно убирали обе комнаты: подметали полы, вытряхивали половики, в субботу мыли полы (некрашенные терли голиком с песком, чтобы они были, «как воск»). Девушкам при этом говорили: «Мой порог чище, чтобы сваты любили», или «Мети пол лучше, а то муж будет корявый». Три раза в год, к праздникам усенья, крещенья и пасхи, убирали весь дом: белили стены, печь, потолки (называлось это «мыть потолки»). Стирали, синили, крахмалили занавеси, полотенца, весь «кроватьный набор», выколачивали вальками в озере половики. Так хозяйки поддерживали чистоту на требуемом уровне и этим, по мнению самих жителей западного Причудья, они отличались от псковских крестьянок («женщины у нас очень чистоту поддерживают»).

Русское население, занимавшееся отходом, вкладывало относительно больше средств в устройство жилища, чем крестьяне. Эстонские крестьяне после выкупа хуторов мирились со старым жилищем — ригой до тех пор, пока на хуторе не были отстроены все хозяйственные постройки (хлева, конюшни, сарай для сена, клетки, амбары и пр.). Первоначально улучшение жилища заключалось в том, что в ряд к жилой риге пристраивали «чистую избу» — *камбер*. Название *передняя изба* и *задняя изба* — общие для эстонцев и русских, хотя у первых они обозначают жилую ригу и камбер, а у русских — кухню и чистую половину. Сходна была с русской и планировка жилищ соседних малоземельных эстонских крестьян и ремесленников. Новые дома их имели два помещения: кухню и жилую комнату.

Подавляющая часть местных квалифицированных строителей и печников, занимающаяся отходом, перенимала технические новшества и одновременно лексику, связанную со

строительным ремеслом и деталями построек. Через них в Причудье распространились: каменный бут под печью, каменный подводный фундамент, встроенная в шесток печи плита, кафельная лежанка-лянушка, оштукатуренные стены, крашенные полы.

Новшества в строительстве проникали и через квалифицированных эстонских плотников, ставивших дома, например: чистый угол, обшивка дома тесом, гладкие потолки, готовые «коробки» с рамами.

Население Причудья занималось неземледельческим отходом, который, как говорит В. И. Ленин, прививает населению «культурные привычки и потребности»³⁷. Поэтому в убранстве домов и внимании к чистоте жилища у них кроме деревенских традиций проявлялись элементы городского уклада жизни.

1920—1940 гг. В период буржуазной Эстонии Причудье, лишившееся традиционных экономических и промысловых связей с русскими областями, оказалась в своеобразном тупике. Следствием изоляции от России было снижение экономического уровня русского населения в этот период, что тормозило строительство новых домов. Правда, Муствез, получивший права поселка в 1921 г.³⁸, а затем и города в 1938 г., имел преимущества как транзитный небольшой торгово-ремесленный центр и рос довольно быстро: за 12 лет (1922—1934) в Муствез было выстроено 82 жилых дома.

Калласте (с 1921 г. — поселок, с 1938 г. — город), как и другие причудские деревни, строился медленно, и вплоть до 1940 г. жилищное строительство в нем не поспевало за ростом населения. Дома переделывались, расширялись за счет коридоров, «в то же время, новых построек очень мало и найти квартиру в Калласте не легко»³⁹. За 12 лет здесь было построено всего лишь 20 домов.

Все причудские деревни располагались далеко от казенных лесов, собственных лесных участков у них не было. Участки, выделяемые на вырубку в районе Ранна-Пунгерья (к северу от Лохусуу), продавались с торгов. Один участок выкупало несколько семей, лес валили сообща и сплавляли по озеру. Из-за недостатка денег не каждая семья рыбака или каменщика могла войти в пай. Нередко строительный материал получали за работу у эстонских крестьян, в усадьбах которых имелись участки строевого леса.

В эти годы техника строительства, внутренняя планировка

³⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 3, с. 576.

³⁸ Tartumaa. Eesti I. Tartu 1925, lk. 567, 568.

³⁹ Газ. «Вести дня», 1940, 22 февраля.

домов и их убранство, развитие которых приходится на первое десятилетие XX в., оставались прежними. Правда, появились и некоторые новшества во внутренней отделке. Так, при очередном ремонте стены теперь не штукатурили, а обивали папкой и оклеивали обоями-шпалерами⁴⁰.

Получили распространение шкафы, изготовленные эстонскими мастерами. В 1930-е годы они вместо комодов входили в приданое невесты.

Хозяйственные постройки в деревнях Причудья дальнейшего развития не получили. Площадь дворов и планировка их остались прежними. Сравнение средних площадей построек у эстонских жителей Причудья и у населения русских волостей показывает, что число построек и их размеры были различными (см. табл. 13).⁴¹

Даже эти средние данные показывают, что в эстонских деревнях на одну усадьбу приходилось в 1,5 раза больше построек, чем в русских деревнях. По размерам площади жилых домов обе эти группы населения мало различались. Средняя площадь хлевов в эстонских волостях, где животноводство являлось важной отраслью хозяйства, была в три — пять раз больше, чем в волостях с русским населением (см. таблицу).

Таблица 13. Обеспеченность жильем и хозяйственными постройками в районе Причудья (данные 1929 г.)

Волости	Среднее число построек на усадьбу	Средняя площадь одного жилого дома, м ²	Средняя площадь на одного жильца, м ²	Средняя площадь хлева, м ²
Латсквиская	6,6	89	16	68
Казепяская	4,2	62	11	15
Кавастуская	6,8	85	16	64
Кокораская	7,1	78	13	60
Лохусууская	4,2	61	14	24
Причудская	3,3	61	13	11
Раннаская	5,5	68	13	38
Пос. Муствез	3,6	58	15	13

В 1940—1941 гг. у населения Причудья появилась возможность активизировать строительство. Газета «Советская Эстония» писала: «Бывшие безземельные и малоземельные причудские крестьяне, которые получили землю, готовятся приступить к постройке жилых домов и хозяйственных по-

⁴⁰ Шпалеры — нем. Даль В. И., т. IV, с. 642.

⁴¹ 1929. a. Põllumajandusliku üleskirjutuse andmed. Vihk I, lk. 198—200.

строек. В Алатскивском лесничестве сейчас большой спрос на бревна и лучинные чураки. Крестьянам разрешено покупать материал с рассрочкой платежа»⁴².

Начатое строительство было прервано войной.

1945—1970 гг. В годы Великой Отечественной войны пострадали селения, близ которых проходила линия фронта: пожарами и бомбежками было уничтожено 80% жилого фонда г. Муствез, сгорела большая часть д. Лохусуу, были разрушены дома жителей, угнанных немцами в концлагерь.

В первые же послевоенные годы жители западного Причудья приступили к строительству и ремонту жилых домов. Государство предоставило им ссуду и выделило лесоматериал. Работой были заняты все местные строители-плотники.

После того как в 1950 г. Калласте и Муствез стали районными центрами, были разработаны генеральные планы строительства этих городов на 20 лет.

Расширение земельных владений позволило изменить традиционную планировку русских селений Причудья. Участки под строительство выделялись за деревней, на месте бывших выгонов. Новые улицы прокладывались перпендикулярно берегу озера и направлялись вглубь от берега. Рост деревень в длину (с севера на юг) был приостановлен, и развитие их пошло вширь (с востока на запад).

В районных центрах строились административные здания, школы, магазины, больницы, дома культуры. Кроме того, в Калласте было начато строительство хлебного завода, производственного цеха, дома правления колхоза «Пейпси калур», двухэтажного здания для промкомбината «Калев» и универмага. В Муствез строился цех трикотажной фабрики «Марат». В эти же годы в обоих городах для служащих района строили коммунальные двухэтажные дома, состоящие из 8, 10 и 12 квартир.

И в городах, и в деревнях Причудья за 25 лет, минувших после окончания войны, появилось много новых жилых индивидуальных домов (рис. 42). Они построены по типовым проектам, утвержденным в райисполкоме, и по внешнему облику близки современным домам сельских районов Эстонии. В Причудье в новых домах подобного типа и в заново отремонтированных также проявляется характерная для этой группы населения черта — быстрое восприятие нового в строительном деле.

На новом месте строят дома, как правило, молодые семьи или те жители, у которых пожар уничтожил усадьбу. В последнее десятилетие новые дома строят из белого силикатного кирпича.

⁴² Газ. «Советская Эстония», 1941, 3 февраля.

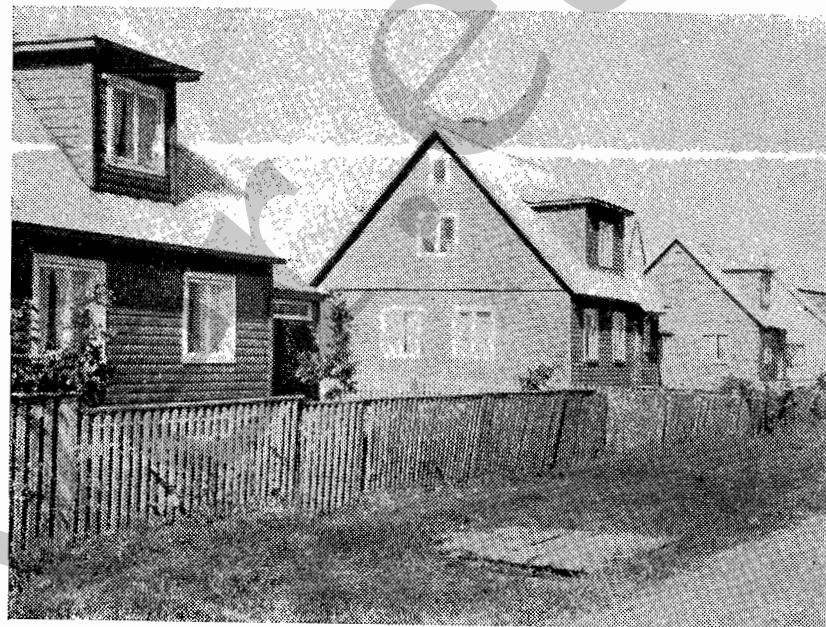

Рис. 42. Новые типовые дома в Калласте. 1965 г. Фото автора.

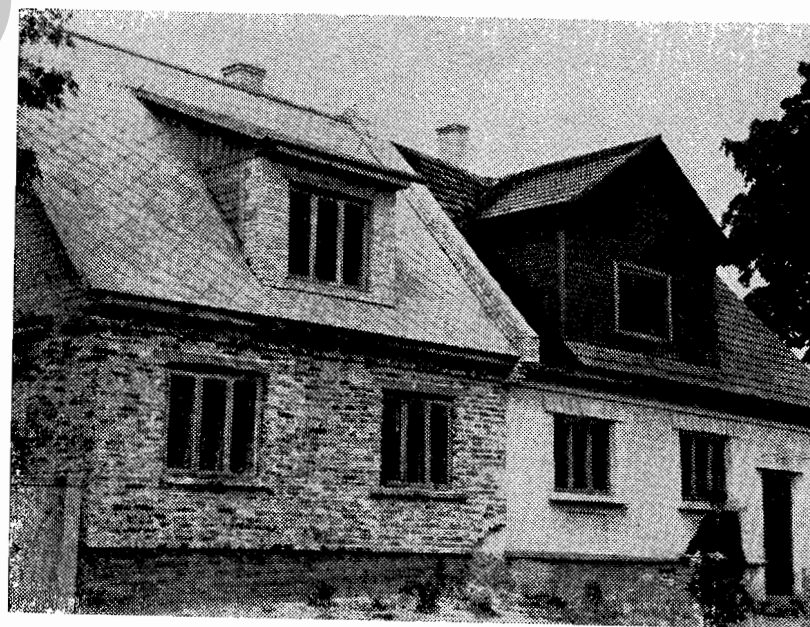

Рис. 43. На месте «старинны» возводятся новые дома. Калласте, 1965 г. Фото автора.

Меняют свой облик и старые дома благодаря ремонту и перестройке (рис. 43). В Причудье издавна получила развитие техника ремонта всего дома или отдельных его частей. Примерно через каждые 30 лет капитально ремонтируют или, как здесь говорят, *подрубают* дом. В случае, если бревна сруба прогнили, а стропила еще крепкие, отдирают тес, обнажают сруб. После этого поднимают крышу несколькими вертикальными жердями-подпорками, которые вколачивают между фундаментами и верхними верболками. Затем вынимают сгнившие бревна — часть их или все («весь верх был скрыт»). При замене бревен рубят новые углы, густо смазывают их смолой, чтобы не гнили. Во время рубки стен строители могут по желанию хозяев изменить их высоту, а также размеры и количество окон (рис. 44). Отремонтированный сруб обшивают тесом-вагонкой и покрывают масляной краской. Иногда утепляют дом силикатным кирпичом. Про такой дом говорят, что он «офутрован с воли». Если стены домов стоят прочно, а крыша осела, протекает и верболки потолка прогнулись, для ремонта крыши приглашают кровельщиков.

В промежутках между капитальными ремонтами производятся различные, более мелкие перестройки. Неумомимость в улучшении жилища выражена местной поговоркой: «Кому троица, а нам все строится».

В последнее десятилетие особое внимание уделяется размеру и форме окон. Сейчас редко можно увидеть старинные окна из шести квадратных стекол, они давно переделаны на трехстекольные: одно стекло — верхнее, вставлено поперек, а два нижних в распахивающихся рамах — в длину. Форточек в окнах нет. Среднее число окон четыре-шесть. Два окна прорезаны в торцовой части дома, три-четыре — в длинной стене постройки. Теперь при ремонте и до него стараются сменить узкие окна на широкие трех- или двухстворчатые. Благодаря этому дом приобретает более современный вид.

Внутренний ремонт — перестилку полов делают одновременно с общим ремонтом дома. Примерно трижды в период между капитальными ремонтами, т. е. через 10—12 лет, перекалдывают печь. При перестройке стремятся сделать ее экономичнее, удобнее и убрать подальше от входной двери. Современная русская печь имеет небольшой помост, благодаря чему сокращается потребление дров (в старинной печи за зиму сжигалось 20 м³ дров). В шестке сделана плита, но без духовки. Печь выдвинута почти на середину дома; ее боковые стенки обогревают переднюю и заднюю комнаты. Устье печи повернуто к передней или боковой стене дома. У большинства печей стенки кафельные. Имеются дома, где

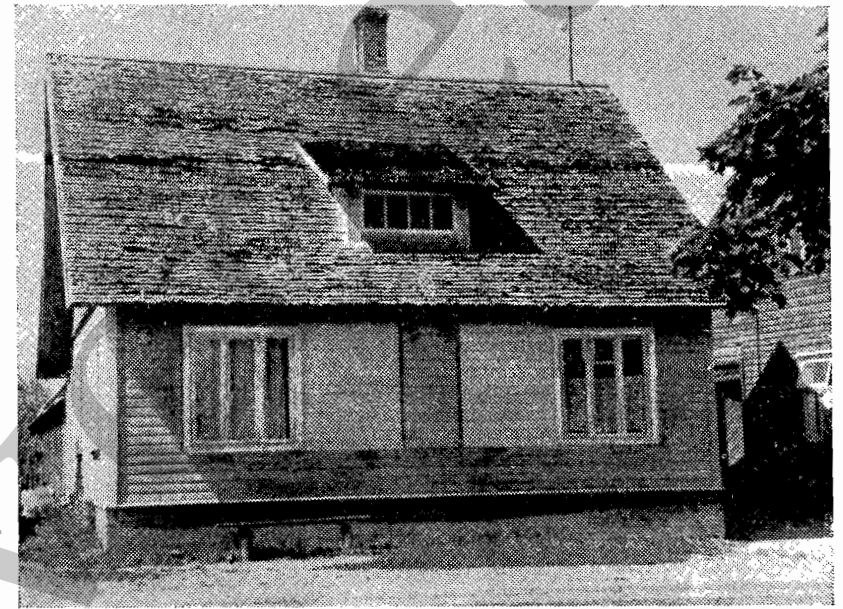

Рис. 44. В старом доме новые окна. Калласте, 1965 г. Фото автора.

русская печь вообще разобрана (скрыта), и вместо нее поставлена плита со щитом и лежанкой. Варят все на плите, а дом обогревается щитом и кафельной лежанкой.

В русских деревнях и городах Причудья подавляющая часть домов старой постройки находится в хорошем состоянии. Семьи, как правило, предпочитают ставить не новый дом, а «подрубить» старый, даже, если для этого надо срыть все до основания и начинать с закладки фундамента.

О внешнем ремонте дома заботится хозяин: достает материал, договаривается с рабочими, по возможности участвует в строительных работах. Хозяйка покупает мебель и размещает ее по своему вкусу в доме.

Общеизвестны достижения в домашнем быту колхозников на широкой территории областей Северо-Запада РСФСР и Прибалтики — улучшение санитарных условий, увеличение жилой площади дома, распространение фабричной мебели. Тем не менее обстановка и убранство домов на этой обширной территории весьма различны. Это объясняется различным уровнем материального благосостояния сельских жителей, удаленностью от городов и связями с ним, развитием

в республике или области производства мебели, снабжением ею деревни и многим другим.

Для домов жителей Причудья характерны исключительная чистота и наличие современной городской мебели.

Приобретение новой фабричной мебели происходило в 1950-е годы одновременно во всех районах Эстонии, в том числе и в Причудье. Получила распространение современная светлая малогабаритная мебель. Она заменила темную массивную мебель местных фабрик, распространенную в городах, и деревянную мебель кустарного производства довоенного времени.

Сначала в приобретении новой мебели у жителей возникли известные трудности, так как выпуск ее в республике не соответствовал спросу. В универмагах Калласте и Муствеэ не было специальных мебельных отделов. Не очень-то легко можно было купить мебель и в ближайшем городе Тарту. Женщины рассказывают о покупках: «Цельную зиму ездили в Тарту за зеркалом и сервантом», «цельную неделю караулили зеркало в Тарту, пока купили». Хозяйки стремились как можно скорее обставиться, довести убранство дома до необходимого, по их мнению, уровня.

В «полный обязательный набор» мебели входит круглый стол со стульями, диван, платяной шкаф, большей частью трехстворчатый (*трехпольный*, как здесь говорят), сервант для посуды, высокое зеркало-туалет, двухспальная деревянная полированная кровать, люстра.

При покупке новой мебели проявились и вкусы людей. В 1959 г. продавец универмага в Калласте рассказывал, что жители не хотят покупать широкие кушетки, просят завезти диваны с тремя подушками и валиками по бокам. Благодаря стараниям торговых работников да и самих женщин, в большинстве домов стоят именно диваны-оттоманки, а кушетки можно увидеть не часто. Значительно дольше, чем в городах, удерживалась здесь мода и на круглые столы.

Наиболее тщательно украшена и обставлена мебелью задняя комната. Однако ее используют не только по назначению — для приема гостей, но и как жилую комнату: в ней спят, если в семье несколько учеников и вечером всем нужно готовить уроки, то дети постарше идут заниматься в заднюю комнату. Но по традиции каждая хозяйка стремится «убрать ее и чтоб стояла». В семье, где много детей, летом заднюю комнату вообще запирают на ключ — «чтоб не топтали».

В убранстве причудского жилища проявляется своеобразие: стены комнат не перегружены рамками с фотографиями или аляповатыми репродукциями. Нет здесь места и дешевым поделкам кустарей. Зато белоснежно, подсинено и накрахмалено все тканое убранство — длинные тюлевые занавеси,

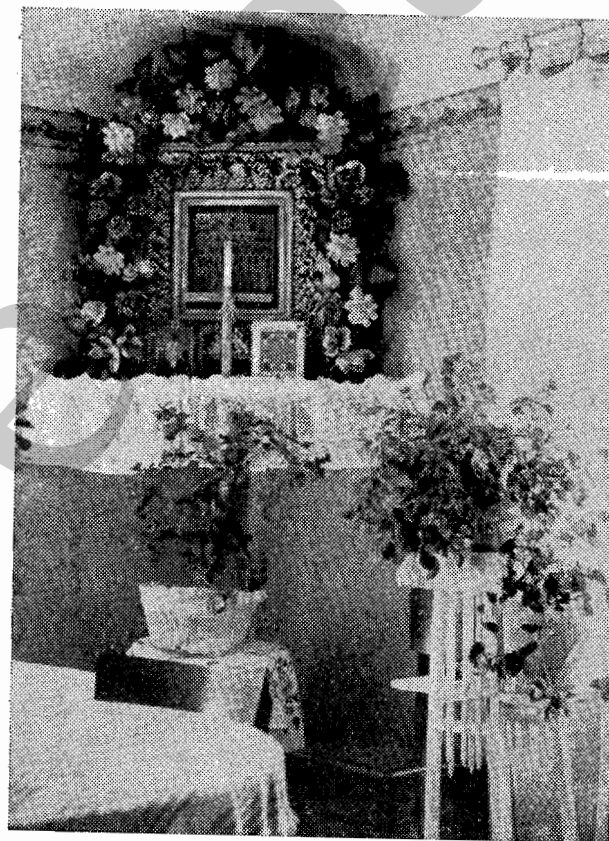

Рис. 45. Большой угол в задней избе. М. Колкья. Фото автора.

веси, скатерти, салфетки, различные покрывала, чехлы на диванные подушки и валики. Отсутствует традиция пышного украшения кровати, ее застилают лишь светлым покрывалом фабричного производства, подушки покрывают белой накидкой. Однако *подзор* — кружево простыни выглядит из-под покрывала.

Пожалуй, наличие чехлов, занавесок, покрывал, комнатных цветов и сообщает домам Причудья своеобразный уют, отличающий убранство их домов от характерного для жилых помещений эстонских колхозников и квартир горожан. Именно в этом проявляются еще местные традиции убранства домов.

В большем углу, на угловой полке, помещается огромный, иногда в квадратный метр, киот — характерная особенность

старообрядческого жилища. Киот украшают крупными цветами из стружки, окрашенной в разные цвета, станионом. В киоте — иконы, одна из них благославление родителей, с которым молодая пришла в дом мужа. До 1917 г. эти иконы особого, старообрядческого письма рыбаки и каменщики привозили из Петербурга. Для икон обязательен золоченый оклад с виноградьем. Художественная ценность их невелика, так как они представляют собой массовую продукцию иконописных мастерских конца XIX — начала XX в. Икон старого письма в домах не видно. У населения, принадлежащего к официальной православной церкви, иконы имеют более скромное убранство и висят нередко без киотов.

В связи с тем, что дома разделены перегородками, большие углы делают в двух комнатах: один — в первой комнате, по диагонали от старого места русской печи, — в задней комнате. В этом же углу под иконами в первой комнате стоит стол, а на нем иногда поставлен телевизор.

Простой и нередко устаревшей мебелью обставлена кухня: стол с полкой, стулья, скамьи у стен, посудник. Однако хозяйки и кухню содержат в чистоте и порядке. Шесток печи закрыт ситцевой занавеской, стол накрыт чистой клеенкой, на нем — начищенный до блеска медный самовар. Умывальник так же начищен песком, под ним — белый эмалированный таз. Многочисленная хозяйственная утварь, связанная с огородным и рыболовным промыслами, с кормлением свиней и кур и т. п., вытеснена из кухни в коридор, шафрейку, в крытый двор. Большая стирка устраивается в бане. Кроме ежедневной и еженедельной уборки три раза в год проводят генеральную уборку — осенью, зимой и весной, примерно в те же сроки, что и раньше. Во время весенней уборки «моют» потолок, красят полы, иногда меняют обои. Сами женщины периодичность таких основательных уборок объясняют не только традицией (приборка к празднику), но и тем, что всю зиму приходится разбирать в кухне высушенные в бане «копченые» сетки «отчего и пыль, и грязь, и не стоит чистота в доме».

Следует отметить не только внешний порядок и чистоту комнат, но и наличие бытовой культуры. У всех, даже в многодетных семьях, имеются белые простыни и наволочки, покупные либо самодельные стеганые одеяла из одноцветного сатина. Спят на соломенных матрасах; когда солома слеживается, женщины «зарабатывают» новую солому на молотье в полеводческой бригаде колхоза или в совхозе.

При всей чистоплотности, свойственной жителям Причудья, невольно обращает на себя внимание тот факт, что они не пользуются для проветривания своих помещений окнами: если кухня наполняется чадом от жареной рыбы или

блинов, то даже летом хозяйка открывает не окно, а распаивает настезь дверь в сени-коридор. Точно так же поступают женщины в деревнях Гдовского района.

В устройстве и внутреннем убранстве современных домов Причудья имеются, конечно, различия. Смена мебели происходила у одних раньше, у других позже. «Старину» и теперь еще можно увидеть в домах одиноких стариков. Однако в общем характерно желание людей благоустроить свой дом, стремление идти в ногу со временем.

Устройство дворов сохраняется в большей части прежним, так как стены, искусно выложенные мастерами из камня-дикаря несколько десятков лет назад, стоят и дальше. Но в некоторых случаях увеличивается площадь дворов, наращаются стены в высоту.

Значительно больше стало в деревнях Причудья бань, так как каждая семья стремится обзавестись своей баней. При этом ставят их не на берегу озера, а недалеко от дома, на приусадебном участке. В настоящее время баня представляет собой еще одну хозяйственную постройку, включенную в комплекс двора. В бане не только моются и просушивают сетки, но и сушат лук (для этого в предбаннике ставят печку, устраивают над ней полаты (см. рис. 28). Здесь же хозяйки стирают белье (в бане проведено электричество, стоит стиральная машина), летом при необходимости в предбаннике варят еду. Печи с трубой, вытеснившие старинные каменки, имеются почти во всех банях.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что поселения, планировка дворов и типы жилища населения Причудья во многом сходны с распространенными у населения западнорусских областей, в первую очередь Псковской области, которая являлась районом выхода для большинства переселенцев. Однако поселения и жилища в западном Причудье имеют и свои локальные особенности, сложившиеся на протяжении многих десятилетий, в течение которых люди, приходившие на западный берег Чудского озера по-одиночке и семьями, приспособивались к новым для них географическим и социально-экономическим условиям, вступали в контакты с соседним эстонским населением, испытывали влияние города. Взаимодействие экономических, социальных и этнических факторов, роль их в развитии форм жилища были неодинаковыми в разные периоды, неодинаковы и их проявления.

Прибрежные многодворные деревни Причудья имеют уличную планировку и значительно отличаются от малодворных эстонских деревень разбросанной планировки.

В Причудье прочно удерживается двор, тесно примыкающий к жилищу и объединяющий все надворные постройки

под одной крышей. Этот тип двора заимствовали некоторые малоземельные эстонские крестьяне, живущие в русских деревнях (Муствеэ, Тихеда, Варнья) или по-соседству с ними.

С течением времени здесь сложился локальный вариант жилища (изба с сенями или две избы на одних сенях с западно-русской планировкой), в котором сочетались разнообразные черты подтипов западно-русского жилища: сруб на среднем подклетке с подводным фундаментом, стояки под опечком, дощатые полы, что характерно для северопсковского подтипа; низко врубленные переводины для пола (первый или второй венец), отсутствие крыльца со ступеньками, самцовые, соломенные в прошлом крыши — черты южнопсковского подтипа. Неземледельческое население Причудья сравнительно быстро воспринимало нововведения в области жилища и легко отказывалось от традиционных форм. Здесь раньше, чем в соседних русских губерниях, распространились стропильные крыши с фронтоном-евелем, крыши, покрытые тесом, черепицей, дранкой; раньше вышли из употребления и курные печи, их сменили печи с трубами, стоящими на отдельном подпечке. Особенностью причудского жилища является отсутствие подвешеного котла в русской печи, характерного для Псковщины и русского населения Латгалии. Во второй половине XIX в. появляются дома с *колидором*, в которых изба делилась перегородкой на две половины, в результате чего изменились традиционная планировка жилища (массовое распространение их приходится, правда, на конец века), облик дома (обшивка тесом, окраска) и внутреннее убранство (неподвижная мебель была заменена подвижной).

Совместное проживание и близкие контакты с эстонцами также нашли отражение в русском жилище, как в строительной технике, внешнем облике, так и во внутреннем убранстве.

ГЛАВА III. ОДЕЖДА

XIX — начало XX в. Традиционная одежда населения западного Причудья до конца XIX в. во многом была сходна с одеждой крестьянского населения соседних северо-западных губерний России. Однако неземледельческие промыслы, религиозная принадлежность, воздействие эстонского окружения сыграли известную роль в образовании некоторых локальных ее особенностей.

В быту наибольшее распространение имели фабричные ткани, которые приобретались рулонами — *трубками*¹: «Мы трубками материю купляли, поедет отец в город и купит трубку миткаля»². Для верхней и ловецкой одежды покупали у эстонских крестьян домотканину: холст, сукна, кроме того овчину для полушубков. Эстонским крестьянкам отдавали вязать из шерсти кофты, шарфы, носки и варежки. В конце XIX в. эстонский автор писал о женщинах Причудья: «Домашние ремесла им вовсе не известны, даже носков не вяжут дома»³. Одежду отдавали шить своим же деревенским портникам, а верхнюю одежду — местным и странствующим портным. Этим Причудье отличалось от соседних русских губерний, от северного Причудья и Принаровья, где крестьяне сеяли лен, ткали из него холст, отдавали его в набойку, сами шили повседневную одежду. В этом же проявляется сходство населения Причудья с неземледельческим населением промышленных районов России.

Городские моды распространялись в Причудье благодаря отходникам и родственникам, живущим в городах. Проникновению городской мещанской одежды в немалой степени способствовало развитие отхода девушек и молодых женщин в конце XIX — начале XX в. Значительную часть заработанных денег они тратили именно на одежду: «Деньги отдавали

¹ Этим же термином обозначается штука домотканного холста. Даль В. И., т. IV, с. 436.

² Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря, с. 327.

³ Газ. «Postimees», 1898, № 157.

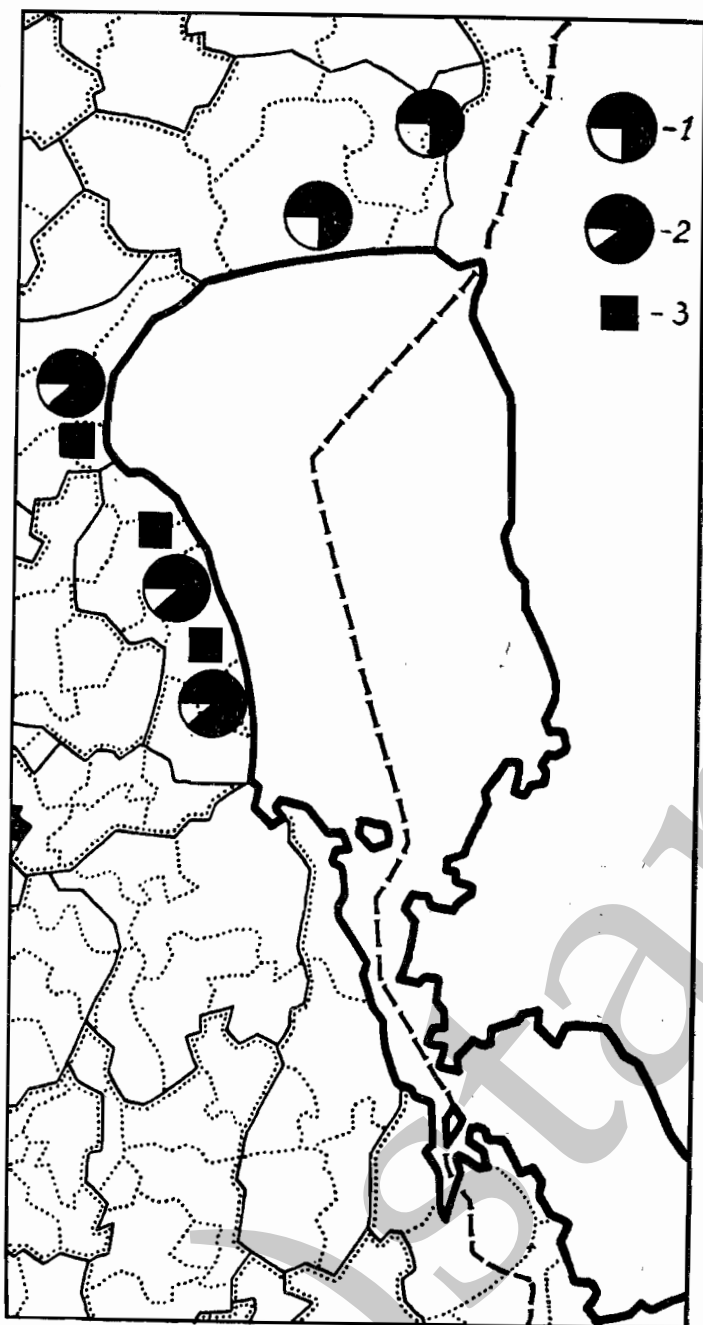

Рис. 46. Распространение традиционной и городской женской одежды в конце XIX — начале XX в.
Традиционная одежда: 1 — бытующая, 2 — редко встречающаяся, 3 — моленная.

в семью, но и себе тоже оставляли, одеваться хотелось. В люди ходивши, да видевши, так одного платья было мало.

Развитие видов одежды — будничной и рабочей, моленной (у староверов) и обрядовой — происходило неодинаково.

До последней четверти XIX в. у всего русского населения Причудья удерживался традиционный женский костюм, определяемый этнографами как комплекс с сарафаном. Он состоял из рубахи, пояса, сарафана, передника, кофты, головного платка, повойника.

В конце XIX в. здесь носили русскую рубаху позднего типа, у которой рукав идет от ворота и как бы слит с поликом⁴. Верхнюю часть — *огрудь* и длинные рукава, пришитые к стану, шили из красного ситца, нижнюю часть — *станушку*, *стануху* — из бязи-небелёнки. В рукавах рубахи под мышками вшивались небольшие ластовки. У ворота рубашка была густо присборена и посажена на узенькую обшивку, на груди имелся небольшой разрез, застегивающийся на пуговку. Рубаха женщин Причудья и своим покроем, и названием некоторых деталей сходна с той, которую носили крестьянки Гдовского и Серадкинского районов (у них верхняя часть называлась *агродья*, нижняя — *станушка*⁵), и отличается от старинной рубахи с прорамками староверок Латгалии⁶. Рубашка не имела украшений, в конце XIX в. верх ее и рукава уже не шили из красного ситца: «Вокруг них стали смеяться — смотрите, у них огрудь красные...». В 1880-е годы в одной рубахе с сарафаном ходили только «по домашнему делу». При выходе из дома и если в доме был гость, надевали еще кофту из той же ткани, что и сарафан.

В это же время появились нательные (*тельные*) рубашки — туникообразные, с короткими, выше локтя рукавами, с круглым вырезом (рис. 47). Поверх нательной рубашки под сарафан надевали короткую кофту. Покроем они не отличались от рубах с красным верхом, но шили ее из плотной белой ткани (праздничные — из кисеи), с рукавом немного ниже локтя. Внизу рукава была продернута лента, получалась оборка-*ушлаг*. Такие кофты назывались залокотными рубашками или кисейными кофтами (рис. 48). Дальнейшего развития залокотная рубашка не получила.

Сарафан носили прямой, без пояса, на узких лямках (проймы), густо собранный сверху. Шили его из четырех-шести, а то и из восьми *полин* фабричной ткани. Будничные

⁴ Русские, с. 219.

⁵ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей..., с. 60.

⁶ Там же, с. 64; Заварина А. А. Семья и семейный быт русского старожильского населения, с. 11.

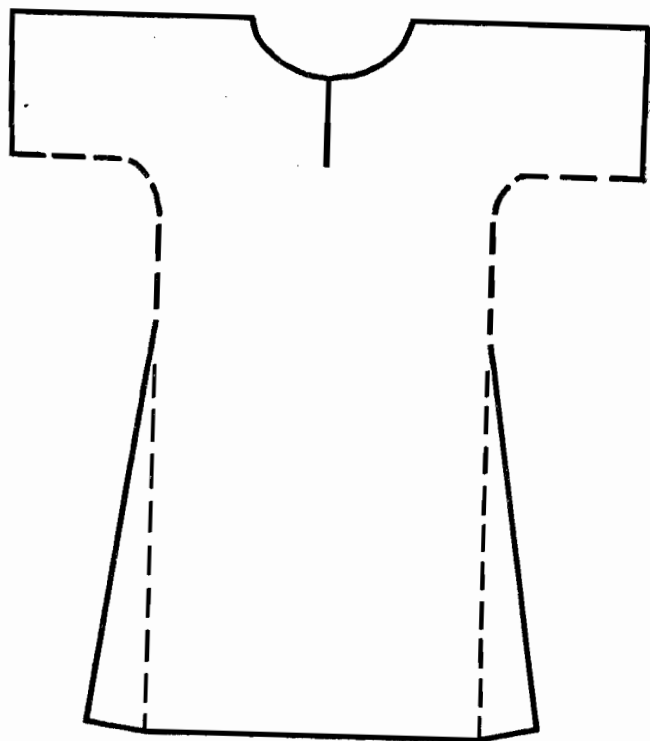

Рис. 47. Женская нательная рубашка. Калласте.

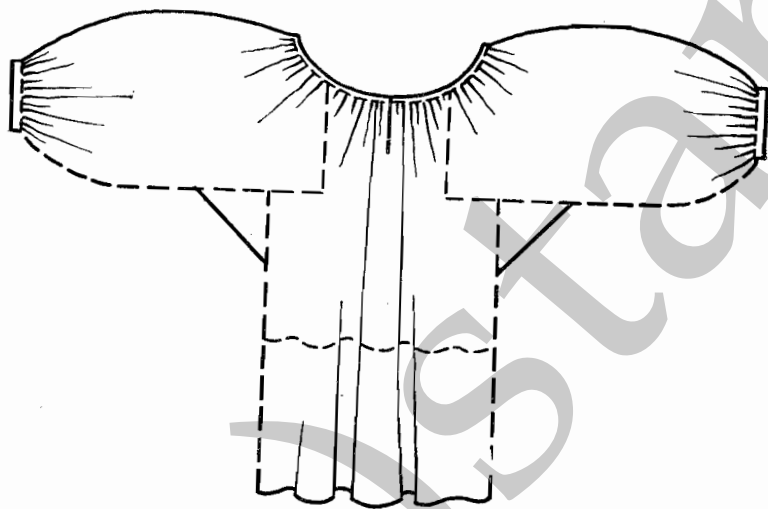

Рис. 48. Залокотная рубашка, или кисейная кофта. Калласте.

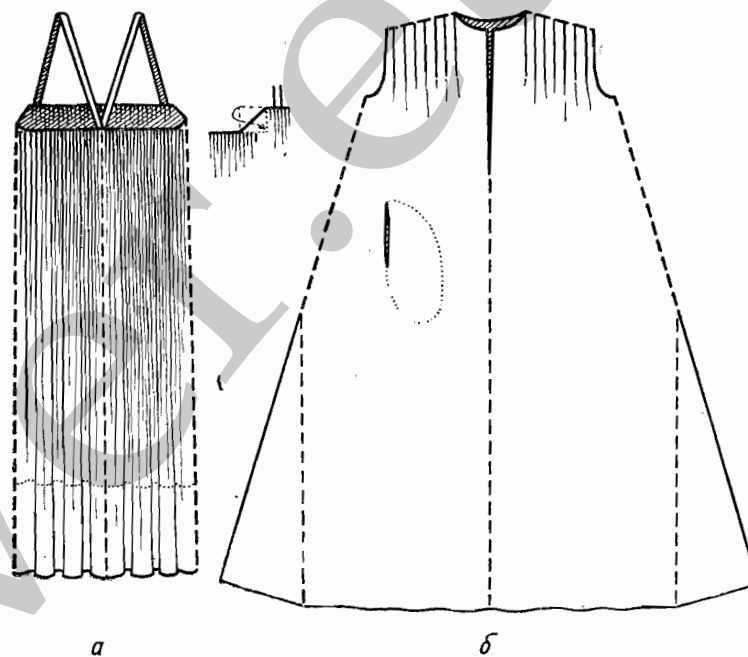

Рис. 49. Сарафаны.
а — с проймами, на подлине, б — моленый подрясник.

сарафаны были ситцевыми (а не из набойки, как у деревенских женщин северного Причудья и Принаровья), праздничные — из кашемира и шелка, на подкладке — *подлине* (рис. 49). «В праздники шикарные сарафаны носили, не у всех они и были, только у справных, такие штофники — красные, зеленые; разные цветистые»⁷. Очевидец писал в эстонской газете: «Раскольники большие любители внешней красоты. Женщины их носят в достаточном количестве шелк и бархат. Расцветка частей одежды и сочетания их очень броские: красный и желтый, синий и зеленый и т. д. Для каждодневной носки покупают самый дешевый фабричный товар»⁸.

Подобный тип сарафана во второй половине XIX в. был широко распространен у староверов Западного края, в Псковской губернии и вообще в районах с развитыми промыслами

⁷ Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров, с. 355.

⁸ Газ. «Postimees», 1898, № 155.

и отходничеством⁹. Этот сарафан называют по-разному. Наиболее распространено название «сарафан» с соответствующим описательным признаком. В Причудье, так же, как в Гдовском и Печорском районах, это — сарафан «с прой-мам». Праздничный сарафан называли по ткани *штофником*¹⁰. В Причудье не сохранилось воспоминаний о косоклиньных широколяпочных сарафанах, которые бытовали у староверов Латгалии вплоть до 70-х годов XIX в. под названием *широкочелчники*, *картунники* и затем сменились прямым сарафаном — *шубейкой*. Однако воспоминания о старинном сарафане зафиксированы диалектологами в одной из деревень Причудья: «У нас и такие другие сарафаны были, бабка звала их шубейкой»¹¹.

Комплекс с сарафаном вышел из употребления на рубеже XIX—XX веков. Его сменили юбка с кофтой, сшитые из одинаковой ткани. При этом юбку (в отличие от нижней) называли сарафаном.

В праздничной одежде стали появляться платья с *кранолинами* (рис. 50), правда только у состоятельных слоев населения.

Передники (фартуки) без грудки носили и в будни, и в праздники, «без передника — никуда». Праздничные передники шили из кисеи, шелка, сатина, украшали их кружевами и прошивками, будничные — из холста и ситца, и настолько широкими, что сзади края их почти сходились.

Традиционными женскими головными уборами в Причудье были платок (плат) и повойник. Девушки не носили особого головного убора. На работе и при выходе из дома надевали платок, завязывая его под подбородком, а летом на гулянье выходили простоволосыми, вплетая в косу несколько разноцветных лент (типа косника).

Замужние женщины повойника не снимали. «Утром первым делом расчешут волосы и покроют их повойником. Если женщина показывалась без повойника, ее осуждали: — Вышла простоволосая, ведь тебя венцом покрыли...».

Повойник шили из двух продолговатых, закругленных на одном конце кусков ткани, собранных сзади на вздержку-тесемку. Спереди нашивали бант с полоской ткани (*кичка*) в 3 см. Прикрепленная лишь бантом, непришитая кичка свободно лежала на затылке, скрывая шов; конец ее был забран под тесемку. Характерная особенность ношения этих повойников состояла в том, что они не закрывали лоб, остав-

⁹ Русские, с. 208.

¹⁰ Штофник — сев. шелк, сарафан; штоф — нем. шелковая плотная ткань. Даль В. И., т. IV, с. 646.

¹¹ Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров, с. 356.

Рис. 50. Одежда 70-х годов XIX в. Колкья.

Рис. 51. Семья в одежде 70-х годов XIX в. Колкья.

ляя волосы открытыми спереди. Шелковые нарядные повойники (парчуки) были по-существу чепцами¹².

Повойник этого типа характерен для всех деревень западного Причудья. И только в д. Лохусуу, так же, как и в северном Причудье и в Принаровье, носили повойники, характерные для Гдовщины (рис. 52).

На photographиях конца XIX в. женщины Причудья, одетые уже по-городскому, всегда в повойниках. В начале XX в. этот головной убор перестали носить, потому что «повойник» не от священного писания, а обычай, поэтому и не обязательно его носить... Волосы же покрывать надо, для этого — платок». Здесь употреблялись, хотя и не получили широкого распространения, как на Псковщине, и шелковые косынки, которые повязывали как повойники. В моду затем вошли черные или кремовые кружевные косынки — *шалёнки*, *кисейки*, которые носили по праздникам (повседневное повязывали голову платком). Даже старых женщин, носивших при жизни повойники, уже хоронили в платках. Все чаще показывались «на людях» без платков девочки, а девушки причесывали волосы в праздники по городской моде, зачесывали их наверх и укладывали на макушке (рис. 52).

Распространение в быту модных в первой четверти XX в. головных уборов у русских Причудья происходило даже быстрее, чем, например, у крестьянок Псковщины, где старые женщины носили повойники до 1930-х годов, а замужние женщины повязывали косынки в праздник даже в 1950-е годы (Печорский район).

В конце XIX в. молодые женщины и девушки носили с праздничными городскими платьями наплечные платки. Шелковые фабричные платки с вотканным цветочным узором складывали по диагонали и набрасывали на плечи, скрепляя на груди брошкой. Стремилась обзавестись ковровыми (кашемировыми или оренбургскими) платками. Женщины пожилого возраста предпочитали большие шерстяные и полушерстяные клетчатые платки. Их складывали пополам и набрасывали на плечи. Собираясь в поездку, платок складывали по диагонали, накрывали им голову, а концы завязывали на спине узлом. Шелковые или кашемировые платки представляли большую ценность.

Носить украшения (бусы, серьги) здесь не считалось грехом, как это было у старообрядцев Псковщины¹³, их не надевали только на покойниц. С детских лет носили сережки.

¹² В Гдовском районе повойник носили потому, что «нельзя показывать волос», в Дновском районе потому, что на «женский волос не должно солнце светить» (Картотека Псковского областного словаря).

¹³ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского населения западных областей..., с. 68.

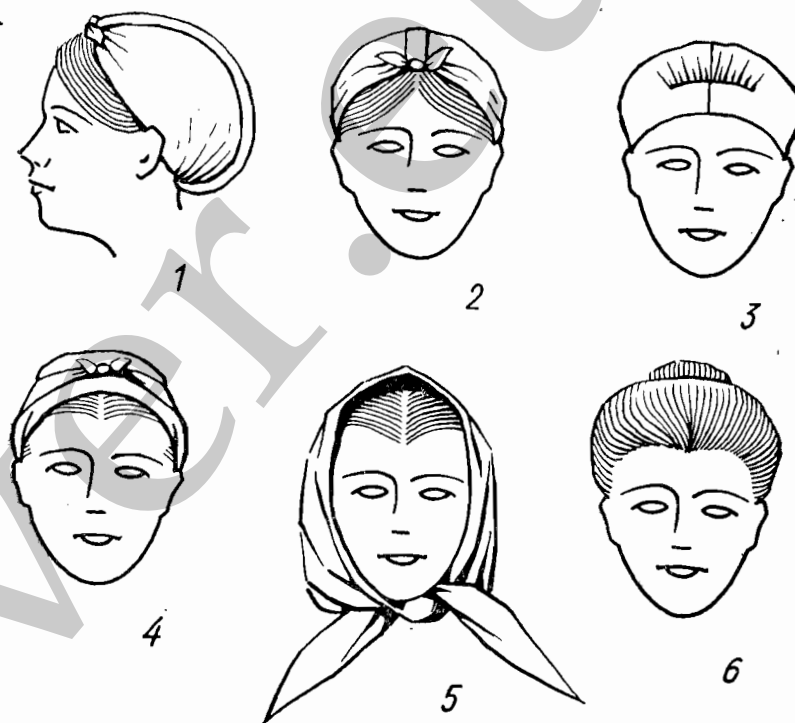

Рис. 52. Головные уборы и прически в конце XIX — начале XX в.
1 — повойник староверок Причудья; 2 — то же; 3 — повойник крестьянок Принаровья; 4 — косынка женщины Причудья; 5 — девичий головной убор в Причудье; 6 — прическа девушек Причудья в начале XX в.

Колечки, бусы (называли *монисто*) и серьги выменивали на тряпки или покупали у торговцев глиняной посудой. Бусы носили больше белые, стеклянные и фарфоровые (каменные, как их называли). В конце первого десятилетия девушки носили купленные в городе колечки с глазком (*камушком*), медальоны на цепочке, а кто побогаче, и нагрудные часики. Распространились дешевые золотые и серебряные брошки с подделанными камнями. В целом, однако, у причудских женщин не было такого обилия нагрудных украшений, как, например, у женщин Печорского района, которые по праздникам носили на шее тяжелые серебряные цепи из крупных витых звеньев, в ушах длинные серьги «с глазком».

Верхняя женская одежда для холодного времени года — казачки, шугаи, кацавейки (*казавейки*) — была выше колен.

Казачок — это приталенная кофта из плотной ткани на подлине, отрезная, с фалдами, широко известная и среди

крестьянок русских деревень¹⁴. Кацавейки (или *полупольтики*) были длинные и короткие. Будничные покрывали дешевой темной тканью (*байкой, франелью*), праздничные — бархатом или плюшем.

Наиболее ценной верхней одеждой считали шугай. Сшитый из «красного француза», подбитый мехом и отороченный им же по подолу, переду и рукавам, шугай носили с сарафаном, а в конце XIX в. — со стеганой юбкой из той же ткани. Шугаи были редкостью и имелись только у девушек из богатых семей. Парни говорили: «Поедем к ней, у нее шугай есть...», т. е. она богатая.

Около дома верхнюю одежду не носили, а накрывались большими клетчатыми платками.

В начале XX в. в деревнях Причудья быстро распространились длинные пальто, сшитые по городской моде. Девушки-отходницы покупали их на первые же заработанные деньги. В хороводной песне того времени говорится:

... Ну, как девица пошла —
Волостного дочка.
На ней талево пальто,
Золота цепочка...

В моде были пальто из мятого, а позже из гладкого плюша. Их покупали в Петербурге, в Тарту, Нарве. Во втором десятилетии у девушек-отходниц появились пальто с боа (*бува*), муфтой (*мухта*) и меховой шапочкой. Эти пальто берегли, надевали лишь по большим праздникам, а в будни носили одежду попроще.

Летом женщины ходили босиком, реже в «туфельцах» и башмаках, изготовленных деревенскими сапожниками. Зимой носили валенки, но чаще русские сапоги. Отправляясь на сельскохозяйственные работы по найму, на покос и в лес, надевали поршни, или пастолы, с портянками. Поршни шили сами из выделанных кож или из старых голенищ русских сапог. Лаптей здесь не носили¹⁵, хотя в маленькой лесной деревне Костино о них помнят (называют визиками — от эст. viisud). Праздничной обувью в конце XIX — начале XX в. были прюнелевые полусапожки или туфли — *фарапельные, франельки*, а также шевровые (*богатые*) ботинки со шнурками. Чулки носили фабричные.

¹⁴ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии, нов. серия, т. XXXI. М., 1956, с. 563.

¹⁵ Старая жительница д. Нина рассказывала: «Лаптей здесь не было, не плели, и я не видела. Только «печники», что приезжали из-под Пскова сушить снеток, ходили в лаптях. Одного из них спросили наши мужики: — Ну, как тебе в лаптях? Он ответил: — Да ня мусорна».

Рис. 53. Девушки-отходницы из Калласте. 1910 г.

Следует подчеркнуть, что одежде — фасону, ткани из которой она шилась — придавалось большое значение. Здесь она составляла основное приданое девушки, ее богатство, и не по наличию вытканых холстов в сундуке ценили невесту, а по количеству модной по тому времени одежды и обуви, в которых она красовалась в своей деревне. В начале 1910-х годов девушки выходили на гулянье в узких расклеванных книзу темных юбках (пятиклинках), белых, вправленных в юбки кофточках с тюлевыми вставками и брыжжами и с широкими поясами, в туфлях-*франелечках* и с зонтиками (рис. 53). За модой внимательно следили: «Бывало, приеду я с города, меня так и обступят, все смотрят какие у меня платья и пальто, как пошиты» (записано со слов жительницы Калласте М. Соломиной, 1889 г. рожд.). По воспоминаниям старых женщин, девушки из Причудья выделялись своей одеждой: «Мы приезжали в Ладогу нарядные, в батистовых блузках с тюлевыми вставками, получше одевались, чем в Морье» (рис.

53). В деревнях иногда появлялись журналы мод, правда устаревшие, фасонам которых стремились следовать местные портнихи. Например, в д. Нина портниха шила по французскому журналу восьмилетней давности, который ей достался от тетки, живущей в Петербурге в кухарках. В первом десятилетии XX в. женщины Причудья в части моды обогнали крестьянок Псковской губернии, где деньги уходили в основном на хозяйство.

Отдельные детали городской одежды проникли в Причудье уже во второй половине XIX в. В начале XX в. праздничный мещанский городской комплекс утвердился окончательно. В этом отношении староверы Причудья не составляли исключения. Во второй половине XIX в. уже шел процесс постепенного вытеснения традиционных форм одежды также и у староверов Латгалии, и у населения Псковской губернии. У эстонцев в третьей четверти XIX века он уже закончился.

Городские моды проникали в Причудье благодаря отходникам, родственникам, живущим в городах, а также по мере развития отхода девушек и молодых женщин в конце XIX — начале XX в.

Тяга к модной по тому времени одежде, стимулируемая отходничеством и ранним развитием денежных отношений, была характерна и для староверов и оказалась сильнее старообрядческих запретов. Многочисленные постановления старообрядческих соборов федосеевцев содержат точное предписание того, как следует одеваться. Начинаются постановления чаще всего констатацией современного положения: «Платья немецкого много видится христиане носят». Далее следует предписание: «Сего ради от душевредного обычая сего всячески настоятели должны удерживати, а противляющихся отлучати... Муже и подобно и женам, немецких одежд и прочих по плотолюбию и сладострастию, отнюдь не носить»¹⁶. В «Уставе», в главе «Толкование об обычной и необычной одежде» содержится конкретная рекомендация: «... Одежду носи долгу, до глезна¹⁷, ни от пестрин, ни от утварей мирских. И мы должны таковые наготы душевные бояться, и во одежде еретических обычаев хранятися. Также же и женам повелено по обычаю христианскому одеватися, а не тако же жены латинские нелепое одеяние на себе носят, обнажают груди своя еще же и рамена¹⁸ своя... Ныне же мнозии от наших христианских жен и мужей в тех же ересях вянют. Сие творящие да запретятся, аще ли не послушают

¹⁶ Попов Н. С. Сборник для истории старообрядчества. Ч. I. М., 1861, с. 10—21.

¹⁷ Глезна — голень (церк.) Даль В. И., т. I, с. 355.

¹⁸ Рамена — плечи, округлый спуск и часть руки до локтя. Даль В. И., т. IV, с. 57.

да изринутся от церкви и от причащения со верными, аще по многом наказании и увещании не престають и церкви не покаряются и свой лукавый обычай и муть творити, да будут прокляты и приобщающиеся им да будут отлучены»¹⁹.

Категорическая форма постановлений должна была воспрепятствовать процессу «обмирщения» одежды. Однако процесс этот развивался и особенно в городах Прибалтики. Был он характерен и для деревень Причудья. Не случайно, в обращении 1878 г. к федосеевцам деревень М. Колкья и Рая говорится: «Чтобы платья нехристианского не носить. И рубашек с высоким воротником, и на главах мужского полу картузов, и польских фраков не носить, а женскому полу салопов, криналинов и андараков римских отнюдь не носить. За эти два дела кто не будет склонен к послушанию и покажет себя непослушным, таковым за нарушение праздников и ношение неподобных одежд никакой эпитимьи не давать, а прямо отлучать»²⁰.

Мужской костюм в Причудье в конце XIX — начале XX в. был в основном таким же, как и повсеместно у русских мещан: рубаха-косоворотка, выпущенная поверх штанов и подпоясанная, жилетка, пиджак (рис. 54). На ногах носили русские сапоги. Комплекс верхней одежды включал кафтан, поддевку, тулуп и пальто. На голове носили фуражку с лаковым козырьком, меховую шапку.

Туникообразная рубаха (русская рубаха с подлинной) имела разрез на левой стороне груди. Подоплека — подлина из холста на спинке рубашки делалась покороче, спереди — подлиннее. Стоячий воротник был шириной в два с половиной пальца, так как считали, что тогда шея выглядит красивой. Повседневные рубашки шили из ситца, холста, пестряди, праздничные — из сатина или атласа ярких расцветок. Если рубашку вышивали, то крестом или *верхошвом*. Для этого пользовались книжками с узорами, канвой, фабричными нитками. В первое десятилетие XX в. вошли в моду шелковые рубахи с разрезом на правой стороне груди, где планка для пуговиц вшивалась справа налево. Но продержались они недолго, такую рубаху было трудно гладить, так как ткань на груди перекашивалась.

Штаны (*портки*) были городского покроя. Штанины (*солны*, или *солохи*²¹) выкраивались длинными и достаточно широкими, а затем сшивались без дополнительных вставок. Держались штаны на поясе-обшивке, спереди застегивались на

¹⁹ Устав домашней молитвы и прочих христианских обрядов. Издан при Московском Преображенском кладбище, 1883.

²⁰ Текст сообщил автору рижский исследователь истории старообрядчества И. Н. Заволоко.

²¹ Солпа — пск. название штанины. Даль В. И., т. IV, с. 267.

Рис. 54. Мужская одежда. Отходники из д. Кикита. 1910 г.

пуговицы. Подштанники шили из пестряди, того же покроя. Покрой штанов — русский, название штанин — псковское. В районах Псковщины штаны этого покроя распространились несколько позже, там дольше удерживались штаны с клиньями или с четырехугольными вставками²².

Жилетки, которые, по словам стариков, носили исстари, были холщевые, суконные, на вате или на овчине. Цветом они отличались от пиджаков и штанов. В 1880-е гг. жилетки, судя по фотографиям, своим покроем напоминали жилетки, бытовавшие у эстонских крестьян во второй половине XIX в.: глухие, с небольшим отложным воротником, двубортные, с двумя рядами пуговиц, по семи в каждом. Длина жилеток —

²² Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского населения западных областей ..., с. 52, 56.

чуть ниже талии²³. Жилетки распространились среди зажиточных крестьян Эстонии в середине XIX в., у русских крестьян — в конце XIX — начале XX в., у староверов Причудья они могли появиться и раньше. На это косвенно указывает старинное название их — *камзолец*. Возможно, что в Причудье мода на жилет пришла с запада. Мужская безрукавка на Витебщине, например, называлась «камизелькой»²⁴. В качестве западной одежды приводит ее и В. Даль²⁵. Но возможно, что это городская мода. В XVIII в. камзолы были непременной частью мужского костюма городских щеголей. В конце XVIII — начале XIX в. камзолы сменились жилетами²⁶.

Теплые безрукавки — камзолы (вязаные из шерсти) поддевали под кафтаны. В конце XIX в. распространились шубные жилетки из овчины. Жилеты, надеваемые по праздникам, изменялись соответственно моде: в них углублялся мыс нагрудного выреза, уменьшалось число пуговиц, исчез воротник (рис. 56). В конце XIX — начале XX в. жилеты закрепились как деталь праздничного костюма (тройка) и как повседневная одежда, надеваемая для тепла.

Пиджак (*пинжак*) — сравнительно поздняя мужская одежда. Ему предшествовала верхняя недлинная одежда из сукна или из плотной хлопчатобумажной ткани, от которой сохранилось лишь название — сюртук (*сертук*²⁷). Диалектологами зафиксировано в деревнях Причудья еще одно название: «Была такая одежка, капотом звали, а какая она, не помню боле»²⁸.

В конце XIX в. пиджак был и будничной и праздничной верхней одеждой (рис. 55, 56, 57). Для работы пиджаки шили из холста (куртки из холстины носили в середине XIX в. эстонцы соседнего кихельконда Торма²⁸), чаще из плотной ткани, называемой чертовой кожей. Праздничные пиджаки шили из покупного домотканного или фабричного сукна.

В поездках и по праздникам с пиджаком носили клетчатые шейные платки. Платок, сложенный в несколько раз по диагонали, дважды обматывали вокруг шеи и завязывали

²³ Эстонская народная одежда XIX и начала XX в. Таллин, 1960. Выкройка жилета на табл. XCVIII.

²⁴ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, с. 147.

²⁵ Камзол — безрукавная, короткая поддевка, зап. жен. безрукавая куртка. Даль В. И., т. II, с. 82.

²⁶ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб, 1889, с. 451.

²⁷ «Сюртук теперь не говорят, это по-старинному. Сюртуком раньше костюм называли...» — литов. «Сюртук на вате с подлинной. Сюртуки давней носили и посейчас носят» — лат. «Такие сюртуки теперь не носят» — эст. Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря..., с. 327.

²⁸ Эстонская народная одежда, с. 45.

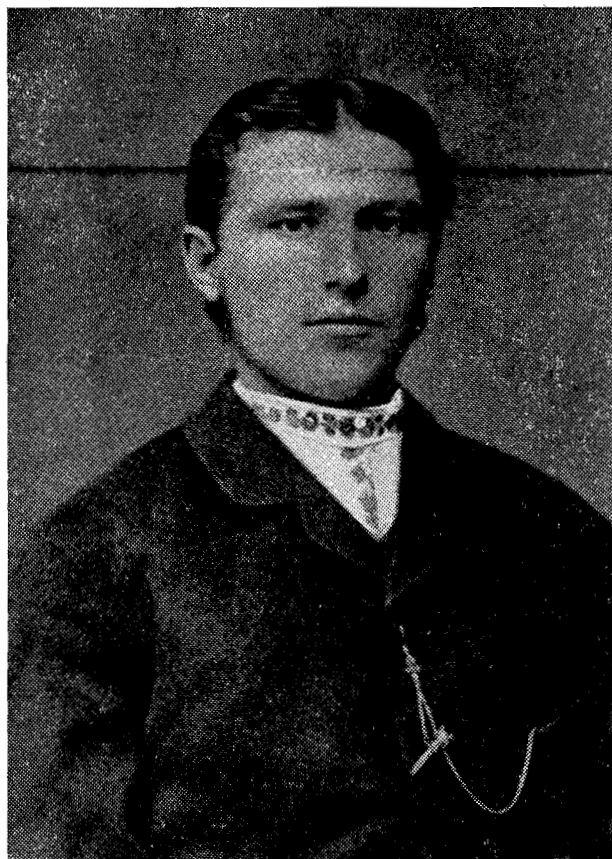

Рис. 55. Сын купца из Калласте. Конец XIX в.

узлом спереди, концы его прятали под вырез жилета. Шейный платок (городская мода первой половины XIX в.) носили и эстонские крестьяне, и русские мещане Причудья. На смену им в первом десятилетии XX в. пришли шали — длинные шарфы.

Верхняя одежда состояла из кафтана и ватной поддевки.

Еще в последней четверти XIX в. кафтан был распространенной рабочей одеждой, в которой ходили зимой на озеро. Кафтаны, сшитые из грубого домотканного сукна темного цвета (серые и синие), были и прямые, и несколько расклешенные книзу боковыми клиньями. В длину кафтан доходил до пят, имел большой «запах» и всего один крючок у горла и поэтому подпоясывался кушаком. Рукава были широкие,

Рис. 56. Сын богатого подрядчика. Калласте. Начало XX в.

большой воротник — покрыт плисом. В начале XX в. кафтаны считались уже дедовской одеждой и до настоящего времени ни у кого не сохранились. Описывая их покрой, старики говорят, что точно такие же кафтаны были и у крестьян на той стороне озера (Гдовский район) и в Печорском районе.

О холщевых халатах, одежде рыбаков восточного побережья, в Причудье сведений не сохранилось, однако бытующая здесь до настоящего времени мужская похоронная одежда под тем же названием «халат», сходна с халатом рыбаков Псковской области²⁹.

Повседневной зимней одеждой была поддевка с отрезной спинкой в борах, длиной до *сопёлок* (ниже колена, до икр).

²⁹ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского населения западных областей..., с. 62.

Рис. 57. Каменщик Соев из Муствез, 1912 г. Ф. 169 : 35.

Эстонский автор в конце XIX в. так описал верхнюю одежду жителей д. Варнья: «Зимой русские одеты очень легко. Пальто и куртки из хлопчатобумажной ткани почти единственная защита от холода, а шуб и полушубков из овчины совершенно не видно. меховые шубы бывают редко, лишь у богатых. С холодом они свыкаются с самого детства. Ребя-

тишки бегают босиком нередко круглый год, и ничего с ними от этого не бывает»³⁰.

Свидетельства очевидца подтверждаются воспоминаниями стариков: «Шубы были только у богатых, ведь это больших денег стоило...». Для шубы надо было купить шкуры, отдать в выделку, а затем в шитье эстонским мастерам. Шубы из дубленой овчины были желтого или черного цвета, спинка — в талию, а низ — в борах. Самой дорогой одеждой считался меховой тулуп — длинный, широкий, крытый сукном и с меховым воротником. Тулупы носили только богатые купцы, скупщики рыбы, подрядчики.

Однако не во всем можно согласиться с автором приведенной выше заметки. существовало четкое деление одежды на повседневную («ношалую») и рабочую. Та, в которой ходили зимой по деревне, действительно была «легкая», а когда отправлялись на озеро, на промысловый лов, одевались тепло. К месту лова ехали на лошадях за 15—20 верст. Для того чтобы не продувал ветер, поверх рубахи надевали шерстяную вязанку, шубную жилетку, а поверх ее — кафтан или пальто на вате. Шею обматывали толстым шерстяным шарфом. На голове носили шапки из овчины, на руках — несколько пар варежек: вязаные *дянки*, рукавицы из овчины мехом внутрь — *шубарки*. Непременной частью одежды рыбаков был кожаный, доходящий почти до щиколоток передник. Только пеклецы, пробивающие пешней лед, работали без передников. Когда надо было тянуть из подо льда невод или мутник, варежки сбрасывали и натягивали *тягухи* — кожаные рукавицы с сеном внутри.

Рабочая одежда мурников состояла из холщевой или пестрядиной рубахи, таких же штанов и длинного холщевого передника с грудкой.

С конца XIX в. наиболее распространенной зимней одеждой у мужчин становится пальто (*пóльты*, род. пад. *пóльтá*). Пальто шили на вате, сверху их покрывали плотной бумажной тканью или грубошерстным сукном. Шили их у местных портных или покупали готовыми.

Сапоги были рабочие, ловецкие и праздничные. Самые старые жители вспоминали: «Ловецкие такие сапоги были, осташами или асташками, звали, с Тверской губернии их привозили»³¹. В конце XIX в. их вытеснили сыренецкие сапоги³². Лучшими из них считались юхтовые («с юхты горазд-

³⁰ Газ. «Postimees», 1898, № 156.

³¹ Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря... , с. 196.

³² В конце XIX в. сапожный промысел был широко развит в русских деревнях по р. Нарове — в Яме, Сыренце (Васкнарва), Скамье и др. Продукция их заполняла лавки и ярмарки на всем побережье Чудского озера.

хороша рабочая обувь, лучше не ищщи»³³). Праздничные сапоги были хромовые, у богатых даже с лаковыми голенищами. В конце XIX в. вошли в моду ботинки со шнурками — *камашки*, их надевали в теплое время года, когда шли в церковь или на гулянье. Зимней «обувиной» были валенки — обычные и «богатые», белые поярковые с длинными голенищами. Валенки чаще всего покупали в лавке, хотя по деревням и ходили катальщики. Единственной самодельной обувью здесь были *пастолы*, или поршни. Их обували, отправляясь в дальний путь, чтобы сберечь сапоги, а также на покос и в лес.

У мужчин в Причудье вплоть до конца XIX в. удерживалась старинная русская прическа, называемая здесь «под чашку». Бороду не брили, соблюдая предписания старообрядческих соборов: «А которые христиане волосы свои по христианскому обычаю не стригут, таковых на общее моление не пущати»³⁴. Однако в последние годы века мужчины, не отступая в целом от предписания, несколько модернизировали прическу: делили волосы надо лбом пробором. Прямые волосы, начесанные на лоб, носили лишь наиболее верующие старики и наставники. К концу первого десятилетия XX в. от старообрядческой нормы отступили молодые парни, они стали носить модную прическу «под-польку», снимая волосы над ушами и подстригая затылок. (рис. 58). Прическа молодых мужчин напоминала прическу, которую носили приказчики. В эти же годы юноши начинали бриться.

На голове мужчины носили зимой разнообразными меховые или подбитые ватой шапки, отороченные мехом. Шапки из овчины с опускающимися ушами называли *ушастыми* шапками, шапки с круглой оторочкой на манер «финок» специального названия не имели. Войлочные шляпы, столь распространенные у эстонских крестьян, здесь носили редко. Летним головным убором был картуз с лаковым или матерчатым козырьком. Трудно установить время его появления в Причудье. Федосеевский наставник деревень М. Колкья и Рая в 1868 г. запретил ношение картузов (см. с. 149). Псковский богат старовер Батов в конце XIX в. называл козырек «чёртовым когтем» и не разрешал своим певчим носить картузы. Но вопреки этим запретам, мужчины носили картузы, о чем свидетельствуют фотографии 1880—1890-х годов.

Итак, характерных отличий мужская одежда в Причудье по сравнению с одеждой населения северо-западных губерний

³³ Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря..., с. 360. Юфть или юхть, юхта (болгарск.) — кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегте. Даль В. И., т. IV, с. 670.

³⁴ Андерсон В. Старообрядчество и сектанство. СПб, 1907, с. 153.

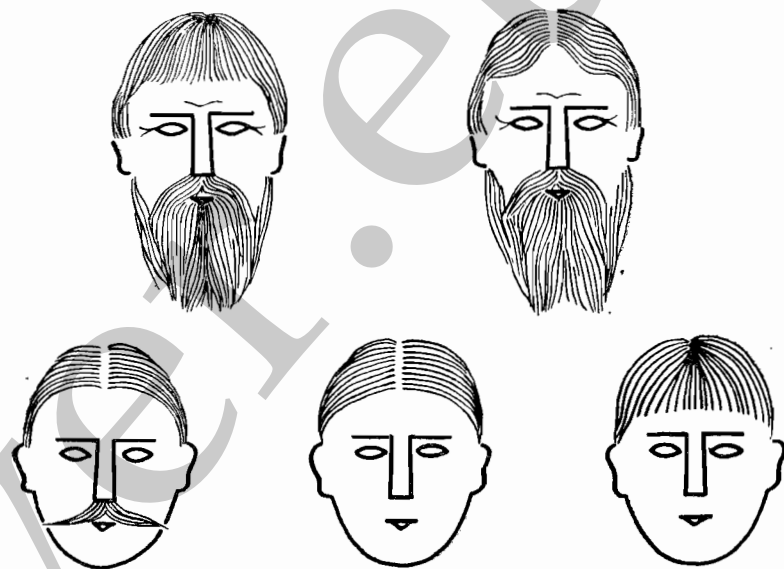

Рис. 58. Прически староверов Причудья в конце XIX — начале XX в.

не имела. И терминология ее была общерусской и псковской. Интерес представляют названия некоторых видов верхней одежды — *сюртук, камзол, жилет, капота*. Эти термины бытовали и у западнорусского населения, и в Латгалии. Одежда русского населения Причудья, по-видимому, уже в последнее десятилетие первой половины XIX в. представляла комплекс, отличный от общераспространенного среди крестьян. Во время судебного следствия в 1840 г. над старовером Куткиным из д. Варня были перечислены особенности одежды членов его секты: «В одянии своем, — было записано в деле, — отличаются тем, что носят простые серые армяки, низко подпоясанные, ноги обертывают натолсто онучами, обуваются в лапти и во всякое время года носят овчиную шапку, надвинутую глубоко на лицо»³⁵. Свидетели в своих показаниях не случайно отметили простые серые армяки, онучи и лапти, одежду, отличавшую секту Куткина от них.

В одежде населения Причудья следует отметить такую характерную черту, как обязательное *опояхивание* рубахи (у женщин нижней рубашки).

Женские пояса — деталь нательной одежды — были неза-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 199, 1841 г., д. 76, л. 6.

тейливы: узкие тканые пояса, купленные у эстонских женщин, ленты, фабричная тесьма, а то и просто кромка плотной ткани.

Мужские пояса отличались большим разнообразием. Рубашки подпоясывали обычно узким тканым эстонским поясом. Носили и самодельные круглые пояски, вязанные крючком из пяти мотков шерсти или шелка, со жгутом внутри, витые из двух нитяных пасм контрастных цветов. Кафтаны обязательно подпоясывали в будни обрывком сети (*тенятинкой*), по праздникам — широким (20 см) красным кушаком с кистями. Эти *вытыканые кушаки* покупали в лавках. Своеобразным, русским, был способ повязывания кушаков — «низко, слабо повяжут и *тисти* по бокам заторнут». Эстонцы поверх кафтанов носили на талии широкие красные пояса, длинные концы которых свисали спереди³⁶. У русских Причудья в конце XIX в. вошли в моду широкие (7—9 см) бисерные ремни, которыми подпоясывали шубы, а мальчики — рубашки. Крестьяне южной Эстонии во второй половине XIX в. носили с праздничной одеждой также кожаные пояса, украшенные бисером³⁷. Русскими Причудья они, по-видимому, были заимствованы у эстонцев, так как данных о распространении *бисерных ремней* у крестьян Псковской и соседних с ней областей не имеется. Женщины Причудья изготавливали их сами, вышивали полоску ткани бисером по канве и нашивали на кожу.

Пояс имел не только практическое значение, ему приписывали функции оберега³⁸, как православные, так и старообрядцы верили в его защитные свойства. Пояс считался такой же необходимой деталью крещеного, как и нательный крест, а иногда и более важной.

Пояс надевали при крещении одновременно с крестом. С этих пор пояс обязательно носили на нижней рубашке, говорили, что «без него грех ходить». Собираясь в баню, набожные люди оставляли крест дома, но не снимали пояса, твердо зная, что «без пояса и порога переступить нельзя». Снимали его только в предбаннике. Ярко свидетельствует об этом и их фольклор, например, быличка о развратном пьянице, которого подстерегал дьявол. Когда пьяница оказался безоружным — не прочел на ночь молитву, не положил креста, черти поволокли его в ад. Однако затащить туда пьяницу чертям не удалось — на нем оказался пояс. Рассказывают и так: если человеку что-то привиделось, пригрезилось, то

³⁶ Эстонская народная одежда, табл. XLVII.

³⁷ Там же, с. 45.

³⁸ У эстонцев в прошлом также было распространено мнение, что пояс обладает свойством предохранять человека от недугов и заболеваний. Эстонская народная одежда, с. 13.

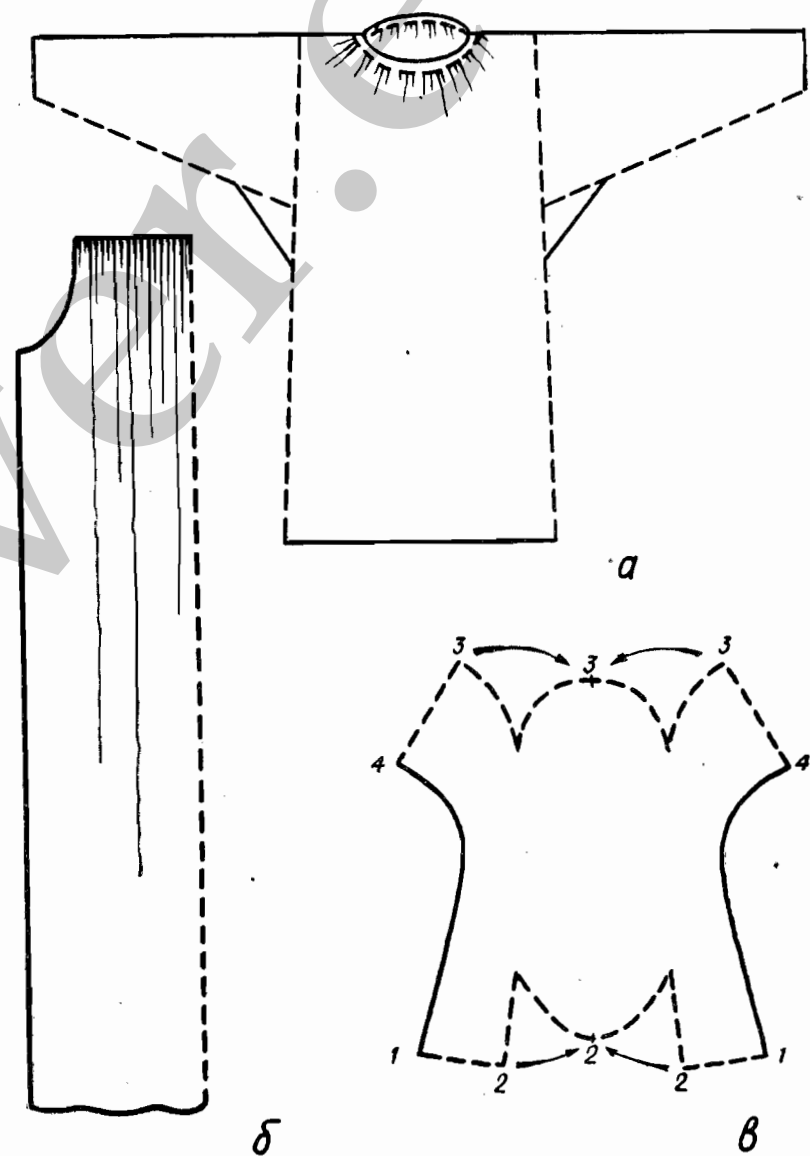

Рис. 59. Смертная одежда. Колкья, конец XIX в.
а — рубаха; б — саван; в — башмачки, калитки, калитовочки.

стоило ему ударить «на испаску», т. е. в ту сторону, где «показалось», и видение исчезало благодаря поясу.

Особняком стоит обрядовая и моленная одежда, сохранившая некоторые древние формы. Обрядовая одежда играла существенную роль в комплексе главных семейных обрядов, которыми сопровождалось рождение и смерть члена семьи. При рождении выбранная родителями крестная мать готовила для новорожденного рубашечку, чепчик и ризки (кусочек ткани, на которую принимали из купели окрещенного ребенка). Ребенку на шею вешали крестик, а поверх рубашечки повязывали пояс-ленточку. Крестильную рубашечку полагалось носить в течение последующих восьми дней.

Для свадьбы особую одежду у староверов не шили. Женых, если он был с достатком, покупал невесте на платье дорогую материю, невеста, в свою очередь, вышивала ему рубашку. В деревнях с православным населением вплоть до конца XIX в. невесту перед венцом обряжали в штофной сарафан, залокотную кисейную рубаху, а голову повязывали косынкой. В Причудье долго сохранялся обряд надевания на молодую повойника (у православных — по приезде из церкви домой, а у староверов, — когда невесту привозили в дом жениха). Но в начале XX в. в православных деревнях повойник перестали носить повседневно, и свадебным нарядом невесты стали фата и белое подвенечное платье, а у староверов повойник продолжал оставаться важным атрибутом свадебной церемонии. К свадьбе заказывали повойник из яркой светлой дорогой ткани или занимали его у замужних женщин на время свадьбы.

Похоронную одежду (рис. 59) всегда готовили заранее. У женщин-староверок она состояла из туникообразной рубахи и сарафана, у мужчин — из рубахи, подштанников, халата. Эту одежду, а к ней башмачки и саван (*саун*) могла изготовить почти каждая пожилая деревенская женщина. Обычно на похороны заготавливали 30 аршин различной материи (ситца, миткаля, плотной бумажной материи темного цвета), из нее шили одежду, саван, *покрышку*.

Женская похоронная рубаха архаична по покрою: туникообразная и сплошная (*скрозь*). К стану пришиты рукава, суженные книзу и с одним швом. Под рукавом — ластовица. Похоронный сарафан — *подрячник* шили большей частью из темной ткани, сложенной пополам. Сверху вырезали отверстие для головы с небольшим вертикальным разрезом, сверху с боков срезали по клину и вырезали проймы. Особенностью смертного сарафана *подрячника* было отсутствие клиньев снизу, характерных для покроя моленного сарафана. Однако, хотя этот сарафан и нельзя назвать косоклинным, его из-за кроенного верха относят к древнейшему типу сарафана, кото-

рый еще в XIX в. сохранялся в Псковской, Новгородской и других губерниях Северо-Запада России³⁹. Голову умершей покрывали повойником и платком. На лоб клали бумажную полоску с молитвой (*подорожник*). На ноги натягивали белые чулки и башмачки (*калитки, калитовочки*), сшитые из светлого бархата.

Мужчин хоронили в основном в белых рубахах-косоворотках (*русских*), но шили также и рубахи с разрезом ворота посредине. Штанины белых подштанников кроили более узкими, их не подрубали, сверху продергивали шнурок. Выпущенную поверх штанов рубаху *опояхивали* полоской ткани или лентой. Перед тем как покойника положить в гроб, «отправить в другой путь», на него надевали халат, сшитый из белой, синей или черной бумажной ткани. Халат был без воротника, с вшитыми рукавами, со швами на плечах. Халат не подпоясывали, полы шивали или скрепляли завязками из материи (старообрядческое учение запрещало пришивать пуговицы).

Поверх всего покойника укутывали с головой в саван (*саун*). Три куска миткаля (каждый в пять аршин) сшивали по кромке и складывали пополам. В сгибе ткань присборивали. Иногда вверху делали полукруглый вырез для лица, с тем чтобы «пола на полу заходила». Покойнику надевали на левую руку *лестовку*, обязательно белую и без бисерного украшения, характерного для моленной *лестовки*.

Сходство похоронной одежды у староверов Причудья и Латгалии отмечалось в покрое рубах, сарафанов, халатов; даже мужские рубахи были двух типов: косоворотки или рубахи с прямым разрезом на груди. Различия наблюдались и в ткани, из которой шилась одежда. Латгальские староверы шили похоронную одежду из белой домоткачины (исключение составлял черный халат — *азям*)⁴⁰, а причудские — из фабричных тканей, причем не всегда придерживались традиционного цвета. Мужскую и женскую рубахи и подштанники шили из белой хлопчатобумажной ткани, на похоронный *подрячник* покупали ситец неяркой расцветки (дочь купила матери на *подрячник* синего с розочками ситцу и спрашивает: «Понравится ли тебе?» Мать отвечает: «Этот хорош, я не люблю светлых тонов, жизнь моя была невеселая...»). Из разноцветного бархата шили туфли-*калитовочки*.

У староверов других западных групп смертная одежда в течение времени изменялась. Так, староверки Белоруссии запасали на смерть обычную в конце XIX в. одежду: сарафан-

³⁹ Русские, с. 202, 204.

⁴⁰ Заварина А. А. Из истории поселений старообрядцев Латгалии, с. 181.

ситцевик или шубейку с проймами, рубаху с прорамками, на мужчин не надевали халата (саван и лестовки для них были обязательными).

У причудских староверов сохранилась в качестве смертной древняя русская одежда. В деревнях Лохусуу и Нина (православных) покойников хоронили в несколько иной одежде. В конце XIX в. женщин клали в гроб в венчальных сарафанах-штофниках, кисейных рубахах и повойниках, мужчин — в рубахах-косоворотках, штанах и темных халатах, поверх всего укрывали саваном. В начале XX в. здесь отказались от сарафанов и саванов и хоронили покойников в обычной одежде, сохранив, однако такую деталь, как пояс, которым подпоясывали рубаху («это обязательно, без пояса туда не пустят». Дер. Лохусуу).

Иное положение было у староверов с моленной одеждой. Рекомендации в отношении ее не считались обязательными. По рассказам стариков, придерживающихся поморского согласия, и в Калласте, и в Колкья, как и в других деревнях, женщины в конце XIX в. ходили в моленную в обычной одежде, так как эту вольность допускала рижская моленная. Более строгими были наставники федосеевского толка. Поэтому в деревнях Тихеда и Рая моленной одеждой у женщин, а у старых иногда и повседневной, был сарафан-подрястик и черный платок.

Моленные сарафаны-подрястики (см. рис. 49б) шили из семи аршин широкой черной ткани — люстрина или сатина. Выкраивали его из трех *полин*, одна из которых шла на спинку, две — на перед. Спинка в подрястике прямая, сверху застроченная в мелкие складки. Срезанные в передних полотнищах два клина пришиты вниз, поэтому спереди подрястик несколько расклешен. Передние полотнища соединены швом, от ворота до пояса идет застежка, на правом боку — потайной карман. Швы на плечах, карман и клинья по бокам отличали моленный подрястик от смертного широколямого, который шили прямым. Описанный моленный подрястик женщин Причудья может быть отнесен к типу клинников, которые на северо-западе вытеснили древний псковский шушун и сукман⁴¹. Носили подрястик с *кофточкой*, сшитой из темной ткани.

После 1905 г., когда активизировалась деятельность старообрядческих центров, из Риги и Двинска приезжали наставники, провозгласившие обязательное ношение моленной одежды. В первом десятилетии XX в. местным центром Причудья, из которого распространялись подрястики, были деревни, населенные старообрядцами федосеевского толка.

⁴¹ Русские, 1967, с. 207.

Рис. 60. Моленная одежда староверок федосеевского толка.

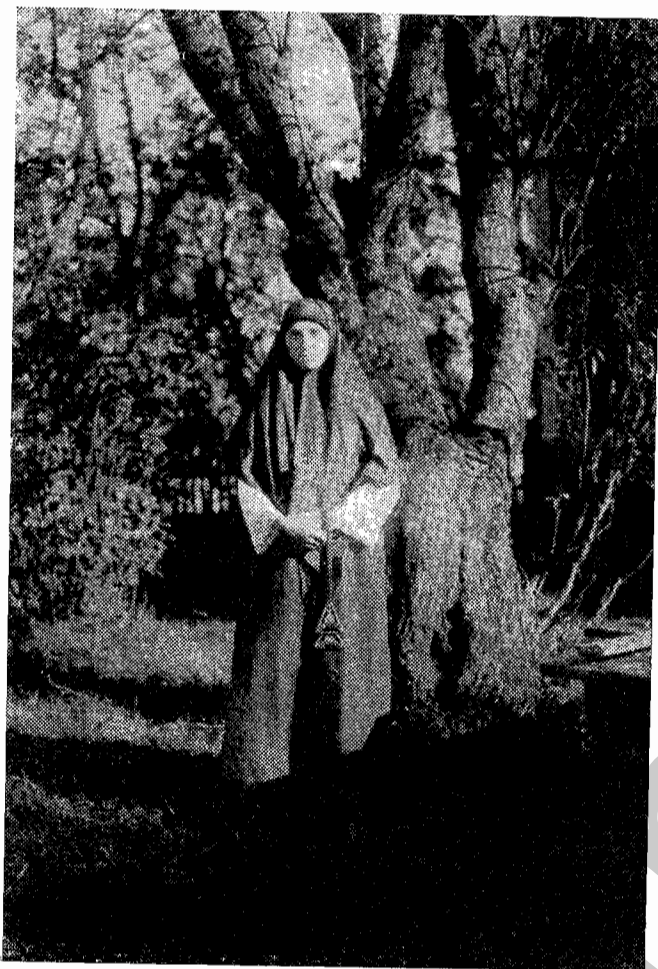

Рис. 61. Староверка поморского согласия из д. Рая. 1920-е годы.

В моленную запрещалось входить с непокрытой головой. Женщины поверх повойника, а девушки поверх волос повязывали большой черный кашемировый платок с кистями или с простроченной по краям тесьмой. Женщины, принадлежавшие к общине поморского толка, платок складывали «на угол», у федосеевцев — «на кромку», т. е. вдвое по прямой линии (рис. 60, 61). Платки закалывали под подбородком булавкой в прищипочку или на приколку. В платке, завязанном узлом, в моленную входить не разрешалось.

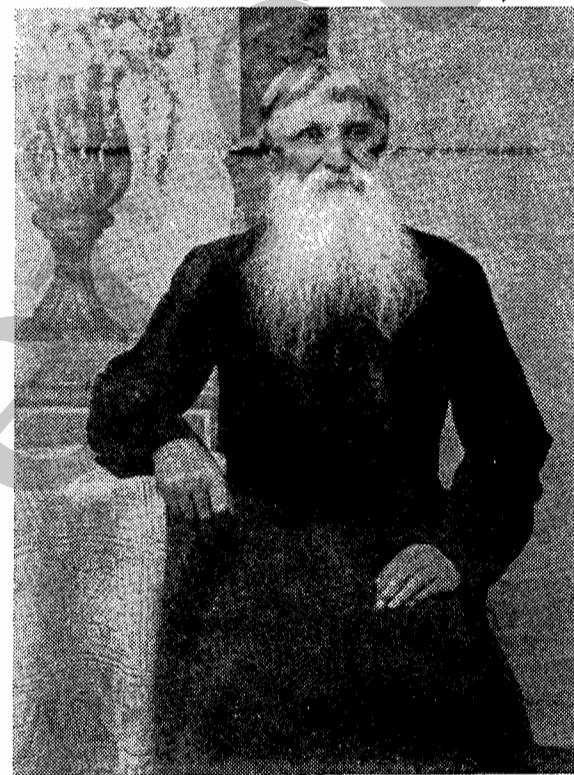

Рис. 62. Наставник общины в моленном азяме в Муствез. 1906 г.

У мужчин особой моленной одеждой был азиям (рис. 62). «Осилить суконный азиям могли только богатые мужики». В большой деревне Колкья в начале XX в. лишь у некоторых стариков имелась такая одежда. Судя по фотографиям, азиям — длинная распахная верхняя одежда, с узкими рукавами, сшитая из темной ткани — люстрина, чертовой кожи или сукна. Азиям имел воротник «стоечкой», глубокий запах на левую сторону, застегивался на крючки.

Принадлежностью моленной одежды являлись *лестовка* (старообрядческие чётки) и *подрушник*. Лестовка — длинная полоса черной ткани шириной 1,5 см, с застроченным поперек рубчиками, число которых достигает 108-и⁴². К каждому кон-

⁴² Число рубчиков соответствует следующим символам: 4 — евангелия, 12 — апостолов, 33 — возраст Христа, 40 — мучений Христа, 17 — пророцеств святых отцов, 2 — небо и земля. Записано в д. Тихеда.

цу ее пришит треугольник из двойной ткани с зашитыми внутри семью (по числу таинств) бумажками с молитвами. На ткани треугольников вышит бисером или шелком орнамент.

Подрушник — небольшой коврик (40×40 см) из пестрого ситца, — в моленной клали перед собой на пол и при земных поклонах опирались на него руками, «чтобы не коснуться руками отпадших»⁴³. Лестовки и подрушники — неперемнная деталь при богослужении у всех староверов.

1920—1940 гг. В начале 1920-х годов в Причудье старинная одежда исчезает из повседневной жизни. В то же время староверы продолжали изготавливать и носить обрядовую одежду. Более резко, чем в предшествующий период, в одежде проступали возрастные отличия.

Забота об одежде становилась одной из главных уже с детских лет, увеличиваясь по мере повзросления. Типичен в этом отношении рассказ Д. Г. Варуниной из Калласте: «Девочки рыбаков все в ситцах ходили, у пастушек же одежда получше была, им сатины покупали. Со слезами отпросилась в пастушки и я. За лето получала хлебом, картошкой и сколько-то крон деньгами. Полностью три лета отходила в пастушках, а потом пошла на кирпичный завод в Локса, с ранней весны до снега два года отработала. Сразу купила себе плюшевое пальто, ватное сатиновое одеяло, на другой год — осеннее пальто, боты... Потом пошла работать в Таллин на огороды. По воскресеньям мы с обеда свободны были. Сходишь на барахолку (копейку боишься истратить, пешком через весь город идешь). Там всегда что-нибудь из одежды купишь... Всего пять лет прожила в Таллине, всё приданое справила».

Причудские девушки не отставали от городских мод (рис. 63). В эти годы они стали носить нательное белье, сшитое из миткаля или из бязи-небеленки. Модные блузки, юбки, платья заказывали у местных портних, покупали в магазинах готового платья в Тарту или на местных ярмарках. В конце 1920-х годов, когда мода на короткие платья распространилась повсюду в Европе, стали носить их и девушки в Причудье, как в праздники, так и в будни. По словам пожилой причудской жительницы, именно их поколение и совершило переворот в одежде: «Я приехала из города в коротком платье, а бабушка посмотрела, плюнула в мою сторону и сказала: Мой мужик за всю жизнь коленок моих не видел, а вы всему миру показываете, не стыдитесь...» Подобное дерзкое нарушение принятых в староверской среде приличий возмущало не только местных старух. Вот что печатал в те годы рижский старообрядческий журнал: «Современное растление коснулось и

⁴³ КМ ERA, Vene 1, с. 331.

Рис. 63. Женская одежда 1920-х годов. Тихеда.

староверия. Уже в наших храмах начинают появляться полуобнаженные женщины. А это для староверия неслыханная вещь. Картина ослабления полная... хочется верить, что это разложение — явление временное, что староверческие девушки вернутся к забытым заветам старины. Вернут красоту прошлого»⁴⁴.

Зимой молодые женщины носили *полупольтики* и пальто,

⁴⁴ Журнал «Родная старина», Рига, 1928, № 3, с. 9.

Рис. 64. Зимняя женская одежда 1920-х годов. Тихеда.

обычно с платками, но также с меховыми шапочками и беретами (рис. 64). Выходной обувью служили высокие ботинки со шнурками и галошами, летом туфли на каблуках, зимой — валенки. Изменились в эти годы и прически. Как рассказывают, в русских деревнях позже, чем в эстонских, вошла в моду короткая стрижка волос. Родители ругали дочерей: «Что ты, эстонка разве, чтоб стричь волосы?».

Несколько по-иному одевались женщины среднего возраста. Они «девичили» в годы, предшествовавшие первой миро-

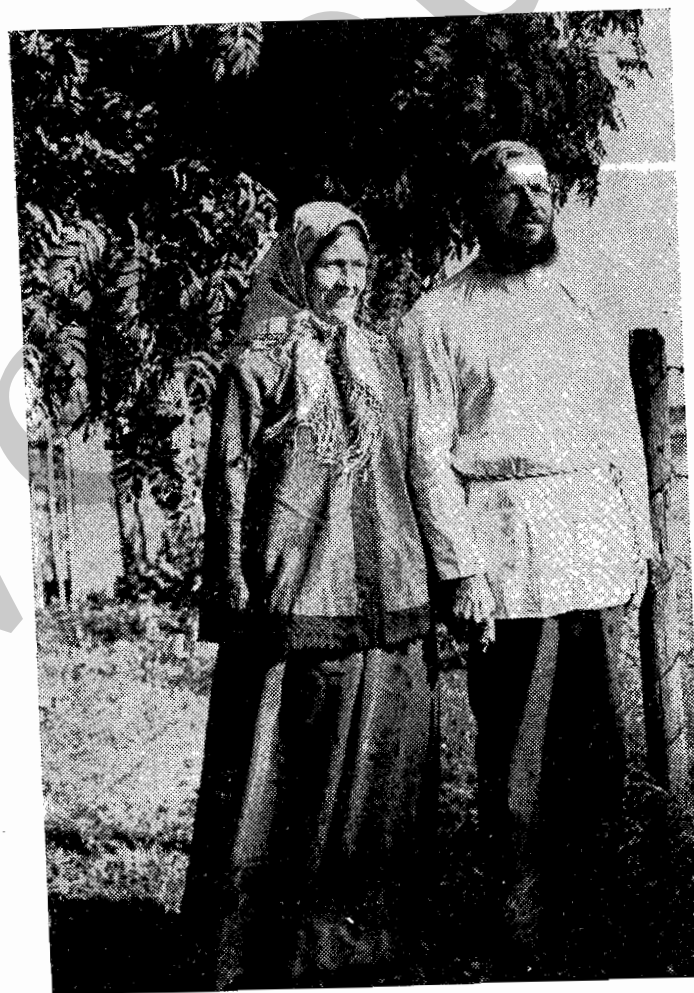

Рис. 65. Праздничная одежда пожилых людей. Калласте, 1938 г.
Ф. 822 : 44.

вой войне, именно тогда было собрано ими приданое, в которое входила праздничная одежда, бережно сохраняемая и продолжавшая служить им в 20-е годы. Поэтому женщины ходили в одежде «старомодной», т. е. в длинной и не переделанной. Длинные юбки, кофточки поверх юбок, высокие ботинки, плюшевые и суконные пальто с меховым воротником, *полупольтики*, подпоясанные кушаком, — вот примерный пе-

Рис. 66. Праздничная одежда, украшенная вышивкой. Старая женщина в подрянике. Тихеда. 1923 г.

речень их одежды «на выход». Повседневной одеждой служили им платья из ситца с непременно передником. Вошли в моду передники с грудкой и лямками, перекрещенными на спине. Платок завязывали концами назад.

Пожилые женщины не признавали новшеств, они ходили и в праздник, и в будни в широких юбках и кофтах из одинаковой ткани (рис. 65), носили передники. Бессменным головным убором был платок. Большими клетчатыми платками накрывались выходя из дома в холодное время года.

Меньше изменилась в эти годы мужская одежда. Среди молодых мужчин распространились рубашки городского типа, которые носили заправленными в брюки. Косоворотки продолжали носить пожилые и старые мужчины, шили их и мальчикам. В праздники старики донашивали добротную «довоенную» одежду, костюмы-тройки, молодые ходили в сшитых на заказ или в покупных костюмах. Облик верхней одежды — пиджаков, курток, жилетов, пальто и рабочей одежды рыбаков и каменщиков — покроем ее были теми же, что и в предыдущий период.

Некоторое влияние на развитие одежды оказала деятельность Союза благотворительных и просветительских обществ. Им были организованы кружки по домоводству и рукоделию,

где женщины и девушки учились кройке и шитью, вышиванию и вязанию. Выкройки для шитья руководители кружков брали из эстонских журналов рукоделия, а образцы для вышивания — из специально составляемых в эти годы альбомов, где приводились старинные русские узоры⁴⁵. В результате деятельности этих кружков повседневная одежда взрослых и детей приняла более современный вид. С другой стороны, мужчины по праздникам стали щеголять в вышитых косоворотках (рис. 66), а участники певческих хоров демонстрировали искусство молодых вышивальщиц.

Русский костюм, принятый в качестве одежды для хоро-вых коллективов, значительно отличался от традиционного. Ситцевые сарафаны шили с длинными лямками и глубоким полукруглым вырезом на груди. У белых рубашек были богато расшиты короткие пышные рукава и перед, широкие полосы вышивки украшали короткий передник. Участницы хоров повязывали голову разноцветными платками, концы которых завязывали узлом или скрепляли булавкой под подбородком. Молодые участники хора обязательно носили вышитые, а пожилые обычные косоворотки (рис. 67). Костюм этот (в общем-то стилизованный) надевали в случае выступления, реже в праздники.

Возврат к старым формам одежды, при всех стараниях кружков ревнителей старины, не состоялся: «Современная деревня тянется за городом, воспринимая обезличивающий дух городской культуры. Лишь в сундуках иных старушек можно разыскать старинные наряды. Молодежь тянется за городскими модами и теряет вкус к своей национальной одежде... даже староверческая молодежь стыдится появиться в русской рубашке»⁴⁶.

В эти годы получила дальнейшее распространение моленная одежда. Деятельность активизировавшегося старообрядческого центра в Риге распространилась и на деревни Причудья. Повсюду организовывались певческие хоры, главным образом из молодежи (рис. 68). В моленной дети могли петь только в соответствующей одежде: мальчики в темных курточках или пиджаках, девочки — в черных платках, завязанных углом или в приколку. Девушки-«крылошанки» справляли себе черные подряники и повязывали голову черным платком в прищипочку (рис. 69). На пасху, «когда пели христову службу, надевали в притворе белые платки. В воскресенье утром надевали белые кофты, молодые, до 40 лет — белые платки». Однако и в моленной одежде того времени проступала уже известная нарочитость, так как религиозность сре-

⁴⁵ Заволоко И. Н. Древнерусская вышивка. Рига, 1939.

⁴⁶ Журнал «Родная старина», Рига, 1928, № 3, с. 26.

Рис. 67. Муствезский русский хор в национальной одежде, 1939 г.

Рис. 68. Девочки из детского хора поморской моленной. Тихеда, 1937 г.

ди молодых сильно ослабла, а старообрядческая одежда была призвана скорее подчеркнуть национальную и религиозную особенность.

Что касается обрядовой одежды, то в ней мало что изменилось. Остались в точности теми же похоронная одежда, по-

Рис. 69. Певницы федосеевской моленной (крылошанки). Тихеда, 1920 г.

рядок одевания покойника. Особых изменений не отмечалось и в свадебной одежде. По-прежнему готовили к свадьбе повойники, хотя в 20-е годы и пожилые женщины их уже не носили. В деревнях Нина и Лохусуу, где свадьба сопровождалась церковным венчанием, уже в начале XX в. невеста венчалась в фате. У староверов же считалось «красиво, если молодуха в повойнике». Невесты заказывали себе повойники и в 30-е годы.

1945—1970 гг. В первые послевоенные годы население Причудья испытывало те же трудности с одеждой, что и население многих областей страны, разоренных войной. В 1945—1946 гг. многодетным семьям рыбаков и строителей Причудья, семьям мобилизованных в армию местными советскими органами оказывалась помощь: они получали одежду и обувь по ордерам через рыбпотребкооперацию и другие организации.

По мере восстановления разрушенных войной текстильных фабрик в республике положение с одеждой стало улучшаться. Через десять лет после окончания войны, в 1955 г., общий объем текстильной продукции превысил объем всех видов текстиля, выпускавшегося в буржуазной Эстонии. В 1956 г. производство тканей, чулок и трикотажных изделий на душу населения в Эстонии было выше, чем в Литовской и Белорус-

ской республиках, а по некоторым видам и в Латвийской⁴⁷. Местная торговая сеть снабжалась товарами почти бесперебойно. В сельских магазинах часто имелись в продаже ткани и трикотаж, которые в городах были дефицитными. Кроме того, жители Причудья могли покупать ткани не только в сельских универмагах, но и в городских магазинах, в Тарту и Ленинграде. Теперь крупные универмаги снабжают население Причудья не только продукцией швейных и текстильных фабрик Эстонии. С баз ЭРСПО (Эстонский республиканский союз потребительских обществ) сюда поступают готовые платья, обувь и ткани, и возможность выбора здесь увеличилась.

Платья, пальто и костюмы теперь шьют на заказ в пошивочных ателье при комбинате бытового обслуживания в Калласте и Муствеэ.

Многие женщины шьют сами (в Калласте, например, у 80% женщин имеются швейные машины), пользуясь выкройками, взятыми из журналов мод. При Домах культуры организованы кружки кройки и шитья, которые работают под руководством высококвалифицированных мастеров. Девочки учатся шить в школе, на уроках рукоделия.

Дома на швейных машинах женщины обычно шьют «всякую мелочь и детям». Нарядную одежду отдают шить, для повседневной носки чаще всего покупают готовую одежду — ситцевые и фланелевые платья-халаты, недорогие юбки и блузки, рабочие мужские костюмы и рубашки, плащи «болоньи», верхнюю одежду. Материальное состояние семей рыбаков, строителей и огородников позволяет им придерживаться принятых в отношении одежды норм. Тем не менее в Причудье, так же как и в других сельских районах, по манере одеваться население отличается от городского. Объясняется это в первую очередь особенностями труда и затем традициями.

У современного населения Причудья существует несколько категорий одежды: повседневная («по домашнему делу»), промысловая (у мужчин), праздничная, обрядовая.

Жены рыбаков в поле не работают. Но «обрядня», которой они заняты с утра до вечера, определяет повседневную одежду, сходную с одеждой колхозниц Псковской области. Это ситцевые платья, юбки и кофты из хлопчатобумажной ткани, обязательный передник, кофта-вязанка поверх платья. Зимой при выходе из дома надевают ватник, плюшевую жакетку или старое пальто на вате. В любое время года женщины носят на голове платок, повязанный концами назад. Самой распространенной летней обувью являются дешевые босоножки, тапочки, зимой — боты, сапожки, валенки, а для

⁴⁷ Veimer, A. Eesti NSV sotsialistlik industrialiseerimine. Tallinn, 1958, lk. 238.

носки около дома и мелкие галоши, надеваемые на шерстяные носки.

Мужская повседневная одежда состоит из брюк, сшитых из покупной недорогой шерстяной или плотной бумажной ткани и клетчатой рубашки, заправляемой в брюки; косовороток никто не носит. В прохладную погоду поверх рубашки надевают свитер, пиджак. Суконные фуражки с блестящим козырьком, которые летом носят все мужчины Причудья, отличаются их в некоторой степени от колхозников русских областей, которые носят летом кепки, иногда соломенные шляпы. Летняя промысловая одежда включает брюки из вельвета или из какой-либо другой плотной ткани, клетчатую ковбойку, надеваемую поверх нее «вельветку» — куртку с замком-молнией или синюю фланелевую рубаху, заправляемую в брюки. На ноги надевают резиновые сапоги (доверху их натягивают только в лодке на озере), во время лова поверх одежды носят длинный, пропитанный олифой передник. В холодную погоду обязательно надевают ватник и непромокаемый плащ. Зимой рыбаки носят теплое белье, ватные штаны, толстую фланелевую рубаху, вязанный свитер, ватник, шубу или полушубок, шапку-ушанку. На руки надевают вязаные рукавицы-дьянки, шубарки, резиновые рукавицы, заменившие кожаные тягухи. На ноги поверх толстых шерстяных носков надевают валенки или просторные резиновые сапоги, в которые кроме войлочных и бумажных стелек кладут сено. Ловецкий костюм рыбаков Причудья ничем не выделяется. Снабжение рыбаков спецодеждой идет в централизованном порядке через систему Промысловой кооперации, которая получает и распределяет рыбацкую одежду и обувь (изготовленные как в своей, так и в других республиках) между всеми колхозниками Эстонской ССР.

У детей одежда тоже различная на разные случаи. Летом в будни мальчики ходят в трикотажных спортивных костюмах, девочки — в ситцевых платьях. Но в воскресенье, после субботней бани, их наряжают в такую же одежду, какую носят дети в городах Эстонии — в костюмчики, новые платья из искусственного шелка или штапеля ярких расцветок. Зимой школьники носят форму, принятую для детей Эстонской ССР: мальчики — костюмы из темно-синей шерстяной ткани, девочки — зелено-голубые блузки с синей безрукавкой или с брюками и жилетом. Приходя домой, они переодеваются в домашнюю одежду. Более четкая, чем у городских детей, грань между обыденной и праздничной одеждой означает следование порядку, существующему в разделении одежды и у взрослого населения Причудья. Но не все в характере одевания детей осталось неизменным. Так, в дореволюционное время и еще в 1920-е годы в многодетных семьях существ-

вовала своеобразная «лестница» — одежда от матери и отца переходила к старшим детям, а от них — к младшим. В наше время детям шьют одежду большей частью из новых тканей либо покупают недорогую готовую.

У населения Причудья наблюдается известная специфика и в праздничной одежде, в ней больше, чем в рабочей, заметна традиция одеваться соответственно возрасту. При этом границы возрастов иные, чем в городе.

Когда девочке исполняется 15 лет, ее одежде начинают в семье уделять большее внимание — шьют новые платья, покупают нарядные туфли. С 16—17 лет девушка ходит на вечера в школу, в Ремесленное электротехническое училище, на танцплощадку, в дом культуры, и там наряды ее разглядывают очень придирчиво. Девушки модно причесываются, но косметикой не пользуются. Из года в год абитуриентки надевают на выпускной вечер белые платья из синтетической ткани, сшитые в местном ателье. Не отстают от мод и ученики старших классов, и учащиеся Калластеского профтехучилища. Поступив на работу, молодые люди большую часть заработка расходуют на модную одежду. Если они временно работают в городе (Тарту) и домой приезжают в конце недели, то стараются сэкономить на еде, питаются главным образом продуктами, взятыми из дому, но не отстают от городской молодежи.

Когда девушка выходит замуж, то на ее руках вскоре оказываются дети, дом, стряпня, огород и т. д. И тогда одежде уделяется меньше внимания. Пока она еще молода, то, отправляясь за покупками в магазин, надевает платье почище и понаряднее, а голову повязывает шелковым платком. Женщины же постарше и в магазин идут в будничном платье и переднике. Гораздо реже, чем девушки, они шьют или покупают себе праздничные наряды. Обычно в Эстонии городские женщины обновляют свои наряды в среднем через три года, женщинам Причудья праздничные платья и пальто из дорогой материи служат значительно дольше — 6—8 лет.

Заметно, что интерес к одежде не исчезает и у женщин пожилого возраста. Это выражается в придирчивости, с которой они выбирают ткани, в длительном обсуждении покупки.

Процесс развития современной одежды в западном Причудье почти ничем не отличается от протекающего сейчас в сельских районах соседних русских областей. Новый свадебный наряд невесты — белое платье, фата — в Причудье был принят с большой охотой. Так, вспоминая о свадебной одежде начала XX в., 80-летняя жительница Калласте сказала: «Это и сравнить нельзя, какие теперь свадьбы, невесты красивые, в фате...».

Однако и теперь в Причудье бытует одежда, связанная с религиозной обрядностью.

Женщины преклонных лет запасают для себя и для мужа похоронную одежду. Умерших в молодом возрасте хоронят в современной одежде. Женщины в течение года обязательно носят по близким умершим траур — черный платок.

Ношение специальной моленной одежды в настоящее время резко сократилось. Азиям — длинное черное пальто — носят только наставники.

В одежде населения западного Причудья сохранились некоторые черты, присущие одежде сельского населения. Это проявляется в отчетливом делении одежды на рабочую и праздничную, в возрастном различии в одежде, в отставании от моды людей среднего и пожилого возраста. Вместе с тем здесь женщины уделяют одежде больше внимания, чем, скажем, колхозницы Псковской области, занятые в сельском хозяйстве. В этом проявляется традиция, идущая от прошлых поколений отходников, которые зарабатывали деньги и поэтому могли шить одежду из покупной ткани и следовать городским модам.

В развитии одежды русского населения Причудья наглядно отражаются исторические и бытовые особенности формирования этой группы.

Традиционная одежда разнородных групп переселенцев, прибывших на западный берег Чудского озера с востока и запада, несомненно имела какие-то локальные черты, которые вместе с покроем и названиями деталей ее передавались из поколения в поколение. Они проступают, например, в покрое повойника, сходного с тем, который носили женщины юго-западных районов (Себежского и Опочецкого) Псковской области и северо-восточного района (Лодейнопольского) Ленинградской области, в покрое бесполой женской рубахи и названиях ее деталей (*бгрудь*), в названиях прямого сарафана — с *проймами* и *штофник*, известных среди населения Гдовского и Середкинского районов, а также в названии шубейка, не распространенном в Причудье, но удержавшимся в народной памяти (прямой сарафан у староверов Латвии и Псковщины носит название *шубейка*, у населения южнорусских губерний — *шубка*)⁴⁸. Закономерно, что одежда русских Причудья имела наибольшее сходство с одеждой крестьян восточного побережья Чудского озера (комплекс женской одежды, покрой мужских штанов с названием штанин — *солпы*, варежки — *дянки* и др.). Также как и последняя, она относится к северной подгруппе западнорусской одежды.

Новые условия жизни, единство территории и однород-

⁴⁸ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, с. 642.

ность хозяйственной деятельности русского населения неизбежно вели к стиранию локальных различий в одежде. Процессу нивелировки способствовало и освоение одежды нового типа из фабричной ткани еще в первой половине XIX в. (в 1840 г. деревенская одежда старовера И. Куткина и его последователей из д. Варнья казалась односельчанам противоестественной).

Контакты с местным эстонским населением отражались и в одежде русских: они носили вязаные изделия, изготовленные эстонскими крестьянками, покупали у них сукно и холст, заказывали эстонским портным верхнюю одежду. Однако и покупная, и заказная одежда, а также детали ее носили русские названия. Если у эстонских крестьян для заимствованных видов одежды употреблялись эстонские или немецкие термины, то у русских новые формы одежды носили русские названия (казачок, шугай, кацавейка, камзол, сюртук, капота, польта, полупольтики, платья с кранолином, пиджаки, жилеты, камаша, картузы), хотя нивелировка одежды двух соседних народов на уровне городских форм несомненно происходила.

Моленная одежда, характерная для староверов, уже в конце XIX в. встречалась в Причудье довольно редко (за исключением черного платка, надеваемого женщинами в моленную). Усилия руководителей прибалтийских староверов, пытавшихся после 1905 г. возродить и сохранить моленную одежду, результатов не имели.

ГЛАВА IV. ПИЩА И УТВАРЬ

XIX — начало XX века. В материальной культуре русских западного Причудья пища была более консервативной стороной быта, чем жилище и одежда, даже несмотря на то, что многие продукты питания в их хозяйстве не производились, а покупались на стороне. Мещанская сословность, развитые отхожие промыслы, более быстрое развитие товарно-денежных отношений в их среде не нарушили внутренних основ быта, по существу деревенского, и в первую очередь — особенностей народной кухни.

Религиозные предписания в отношении пищи, соблюдаемые более строго, чем предписания в других областях материальной культуры, в свою очередь способствовали сохранности традиционных блюд, как обрядовых, так и повседневных.

Пищу готовили в русской печи — варили, пекли, жарили. Над ошостком не было висячего котла; для быстрого приготовления еды пользовались кованым *тяганом*, под которым *разгнечали*, или *загнетали*, огонь из лучинок. Употреблялась обычная утварь: кочерга — кля́бка, ухват, сковородник, помело, которым выпаживали под, лопата для хлеба.

Почти вся покупная посуда для приготовления и хранения пищи была изделием деревенских ремесленников. Разнообразные глиняные (*гниляные*) сосуды: ведерные *корчаги*, обливные чашки, *поливанные* крынки, *латки*, кружки, *кукишны* привозили в Причудье лотошники с Талабских островов. Кроме того, сами жители Причудья привозили из Пскова глиняную посуду, которую перепродавали в Тарту¹. На ярмарках кустари-эстонцы из Авинурме предлагали богатый выбор бондарных изделий: хлебные квашни, ведра для воды, подойники, *дощаны* (большие кадки для засолки капусты), разнообразные квашонки и кадушки, бочки для засолки рыбы, квасники, а также сосуды из обечайки: *матики*, в кото-

¹Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте, с. 42: «Русские привозят рыбу, лук ... также глиняную посуду, которую они закупают во Пскове».

рых держали крупу и соль, *карбички* — овалыные коробки с крышкой, которые брали с собой рыбаки под мясо и масло, когда они отправлялись на рыбный промысел в озеро. Крестьянской утварью являлась и посуда фабричного производства: сковороды, котлы, чугуны, ковши (*корец*) и чайники, которые можно было купить в местных лавках и в Тарту.

Тем более интересно, что наряду с этой обычной деревенской утварью в староверских семьях имелись и самовары, которые появились здесь значительно раньше, чем в деревнях, расположенных около Гдова (Зигоска, Ветвенник), в соседних православных деревнях Ротчина и Нина, где «чай не так пили, как староверы». Точно выяснить дату появления самовара не удастся, но, судя по косвенным данным, он вошел в обиход в первом десятилетии второй половины XIX в. По рассказу М. И. Козловой из д. Нина, ее красавица-свекровь вышла замуж в семью (примерно в 1865 г.) главным образом потому, что «хозяева они были справные и у них одних ясный самовар был в деревне, другие все в то время с горшков пили». В Калласте же и других староверских деревнях самовары появились, возможно, и раньше. Отходники покупали самовары большей частью в Петербурге, куда они заезжали по дороге с Ладожского озера. К концу XIX в. без самовара не обходилась ни одна семья.

Примерно до 90-х годов XIX в. столовая посуда была очень простая: глиняные чашки, из которых ели по несколько человек вместе, деревянные блюда и ложки, каменные, т. е. фаянсовые чашки, доставляемые на западный берег озера лотошниками. Отдельная посуда была лишь у федосеевцев, «рабские» ели отдельно от мирских членов семьи. Во всех староверских семьях, как правило, держали отдельную чашку для роженицы, которая в течение шести недель после родов считалась нечистой: «Так вот и стояла где-нибудь отдельная чашечка для хозяйки, от случая к случаю, ведь детей много рожали». В отдельной посуде давали есть и «замирщенному» отходнику, пока он не «отмолил грехи». Соответственно мыли и посуду: «христианскую» — на столе, мирскую — на лавке. Ежегодно во время крещения вся утварь и посуда перемывалась «святой» водой. Следили хозяйки за чистотой воды: бочку с водой, стоящую в сенях, или ведро обязательно прикрывали крышкой — держать воду неприкрытой считалось грехом. Мирским, т. е. живущим в деревне православным, не разрешалось брать своими «погаными» ведрами воду из проруби, им приходилось делать для себя новую прорубь.

Посуда, предназначенная для повседневного употребления, долго оставалась простой, а гостям уже в конце XIX в. подавали кушанья в фаянсовой посуде. Тогда же появились и вилки; небольшие мелкие тарелки до сих пор называют

Рис. 70. Посудник. Калласте, 1969 г. Фото автора.

«тарелки подвилки». Будничную посуду, ложки, хлеб держали в посудниках — открытых полках, висящих напротив печи (рис. 70), фаянсовую посуду ставили в буфеты.

Съестные припасы хранили в доме: овощи — в подполье, в засеках, квашонки с огурцами и соленым мясом — в кладовке, сундук с мукой и бочку с кислой капустой — в сенях. Если во дворе был амбар, то в нем держали кадушку с соленым мясом или с рыбой.

Больших запасов зерна или муки в семьях не было. Мельницы ветряные и водяные находились неподалеку от каждой деревни, туда и везли 2—3 мешка купленного или заработанного зерна, а в случае надобности мололи зерно и на

ручных жерновах, которые имелись почти в каждом доме во дворе, подполье, сенях².

У жителей Причудья сохранились характерные для русских (в частности псковских крестьян) блюда из муки и круп. При наличии развитого рыболовства и отходничества основу питания их составляли злаковые. Русские издавна вели обмен продуктами с соседними эстонскими крестьянами, а рожь, кроме того, покупали на рынке. Получали зерно и от эстонских крестьян в качестве натуральной платы за работу.

Средняя семья за неделю расходовала примерно пуд ржаной муки. Раз в неделю пекли хлеб. Тесто творили в *мякотных* квашонках, с *наквасой*. Ранняя форма хлеба — круглая (*русские хлебы*) в конце XIX в. сменилась продолговатой («длинные хлебы — живые хлебы»), т. е. такой же, как и у крестьян Гдовского и Печорского уездов. Лишь в д. Нина с православным населением круглые хлебы удержались дольше, так как до первой четверти XX в. печь длинные хлебы считалось грехом. Из кислого ржаного теста пекли *кокоры* или *аржанухи*, лепешки. Здесь так же, как на Псковщине³, существовало два названия для одного и того же изделия: в Муствеэ и прилегающих к нему деревнях — лепешки, в Колкья — *кокоры*. Из этого же теста пекли блины, рыбники, пироги с разной начинкой: с мятым картофелем, кислой капустой, рыбой и житной крупой. Рыбники не имели особых названий, их пекли с начинкой из мелкой рыбы — плотвы и ряпушки и из крупной — судака, леща, сига. На раскатанное *сукалкой* тесто клали слой житной каши, а поверх ее — мелкую рыбу с головками и *пупками* (икрой), большую пластинную на спинку — кожей вверх. Половиной теста прикрывали начинку, и пирог зачищывали с трех сторон.

В конце XIX в. по праздникам пекли из ржаной муки *мякушку*, или *монастырский хлеб*. Муку заваривали кипятком, и в остывшую массу клали *наквасу*, затем выбивали ее и добавляли тмин. Когда тесто подходило, его раскладывали по глиняным чашкам, смачивали водой и сажали в печь. Хлеб получался красным и не черствел.

Из ржаной муки приготавливали и непеченые кушанья. Заваривали кашу *густяху* и жидкую кашу, называемую *затиркой*. Известно здесь и такое кушанье, как тесто из соложенной муки. Жидкое соложеное тесто, пареное в печи, называлось

² На *жорнах* невестка молола в частом ритме: «Я в Вильно жила, чай-кофе пила», а свекровь — в замедленном: «Как в Вильно, так и здесь, что намелешь, то и съешь...» (Записано в д. Нина в 1969 г.).

³ В Гдовском и Лядском районах, например, из ржаного кислого теста пекли лепешки, а на юге Печорского, близ границы с Латгалией — *кокоры*.

солодухой. Эти кушанья запивали *сытой* (кипяток с патокой), *сулом* или *сулом* (молодой квас).

Второе место после ржи занимало жито (ячмень). Из житной муки пекли *преснухи*, *пресные кокоры*, блины и пироги с разной начинкой. Для круп ячмень готовили сами, *перловали*: замоченный толкли пестом в ступе, а затем провевали в *ночовке*, *ночве*. Крупа являлась обязательным компонентом полужидкой еды *варки* («дедов суп»), или *крупени*, с крупой варили и кислые щи. Паренная с горохом житная крупа, называемая здесь *кашей*, была непременной едой в пост. Ее также *прихлёвывали сулом* или *сытой*, в *мясоведь* — молоком. Старики смутно помнят и о пресных лепешках из житной муки с коноплей.

Из овса в деревнях Причудья приготавливали муку, толокно, кисели и напитки. Толокно ели в виде густого теста — катали из него *бычки* (колбаски), и жидким — *болтонкой*, которую ели ложками. Из толченого в ступе овса готовили кисели, причем первая слитая кислая вода использовалась как напиток — *чеж*, которым запивали кашу.

Готовые изделия из пшеничной муки давно были известны староверам-отходникам, привозившим из города гостинцы — ситный хлеб и баранки. В деревнях пшеничную муку (ее называли *пшенной*) стали покупать только в конце XIX в., да и то понемногу, лишь для праздников. Из нее пекли булки, пресные и кисло-сладкие пироги с ягодами и яблоками, с творогом — *рассаники*.

Покупные крупы — пшено, греча, рис — занимали меньшее место в ежедневном питании. Кашу из пшена варили обычно во время лова на Ладожском озере, так как пшено быстро разваривалось в котле горна, установленного на лодке. Гречневую кашу готовили по праздничным дням; запеченный с молоком рис был также праздничным кушаньем. Клали рис и в рыбники, когда пекли их с рыбной икрой.

Картофель (*картофка*) подавался на стол ежедневно, вареный в кожуре ели с *вялой* рыбой, огурцами и капустой, в *крупени*. Из вареного толченого картофеля, смешанного с толокном, приготавливали картофельную кашу, добавляя в нее молоко, пекли *картофляники* — пирожки с капустной начинкой.

На зиму каждая хозяйка запасалась и другими овощами: каликой (брюква), свеклой, *барканом* (морковь), черной редькой. В большом количестве квасили капусту и солили огурцы.

Обязательным подспорьем к ежедневной осенней и зимней пище, особенно в пост, были грибы, которые хозяйка сушила и солила. Собирали обабки (подберезовики), моченики, горяшки (сыроежки), подосиновики, *лубянки*, рыжики. Всех

их называли *блицами*, а корзины, в которые их собирали — *блишными*. Собранные грибы вымачивали, а затем солили в пятиведерных квашонках.

На зиму запасались и дикорастущими ягодами: *черницей*, *земляницей*, *брусницей* и *журавиной* (клюква). Варили варенье, бруснику с яблоками парили в печи в глиняных корчагах («иначе она блёдая, а так темно-красная»). Журавину хранили на чердаке, прикрывая ее полотнищем, или в бочках с водой.

Большое значение в рационе русских жителей имела рыба. Разнообразны были способы ее приготовления: варили — «жарили» в воде, солили и вялили. Из свежей рыбы, главным образом из ершей, варили уху, но мелкую рыбу чаще «жарили» на сковороде с небольшим количеством воды, с нарезанным луком. Из крупной свежей рыбы варили холодное, студень. Летом, когда сбыт рыбы на месте был затруднен, ее заготавливали на зиму. Хозяйка в русской печи насушивала мешочек снетков, другую рыбу, оставленную для себя, засаливали или вялили.

Ценные сорта рыбы шли главным образом на продажу и

Рис. 71. Засолка ряпушки на зиму. Калласте, 1961 г. Фото автора.

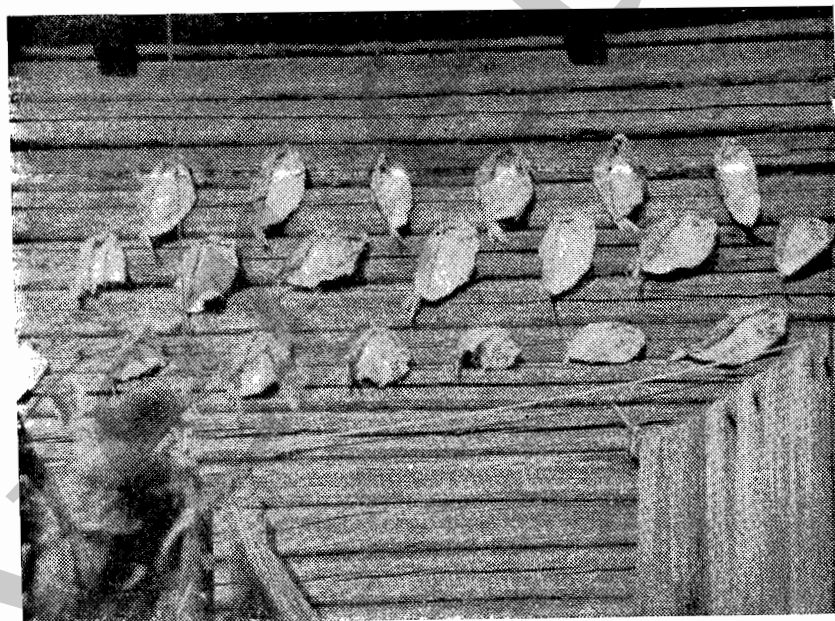

Рис. 72. Вяление леща. Калласте, 1962 г. Фото автора.

появлялись на столе в семьях рыбаков и каменщиков лишь во время праздников. В 1895 году священник из д. Нина записал: «Все жалуются на оскудение озера рыбою... Старики вспоминают старое доброе время, когда рыбу некуда было девать, когда каждая семья запасала ее на зиму, теперь же все идет на продажу, оставляют себе только ерши, да снетки». Даже в Калласте в этот период и позже, в начале XX в., жены каменщиков рыбу на зиму не запасали: «Покупали па-раз от рыбаков 2 фунта, тут же и съедали... Рыба-то дешевая, да деньги-то дорогие были...».

Солили в основном ряпушку (рис. 71). Ее предварительно чистили — вынимали *широгалку* (жабры) и внутренности с *ёлочью* (желчь), промывали в трех водах, и после того как рыба *очахла*, солили, складывали рядами в кадушке (на каждые четыре весовые части рыбы брали одну часть соли). Ряпушка при этом должна была быть крепкая, как прут. Это — быстрый способ засолки. При другом способе, сухом, ряпушку складывали нечищенной в кадушку, обильно пересыпая солью. Через месяц рыба была готова. Крупную рыбу *шабёра* — леща вялили. Пластанную на спину и просоленную

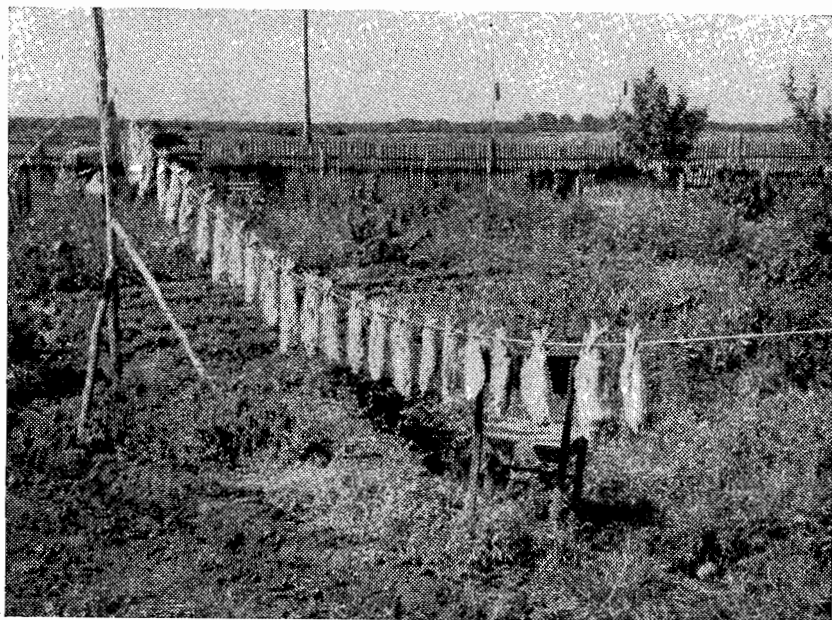

Рис. 73. Вяление сига. Калласте, 1962 г. Фото автора.

за сутки в рассоле рыбу нанизывали на веревки, приколачивали к стенкам и фронтонам домов (рис. 72, 73). Готовность вяленой рыбы определяли по выступанию из нее жира. После этого ее снимали, складывали в кадку, обильно пересыпали солью и придавливали камнем. Сигов обычно солили во время сезонного лова на Ладоге (рис. 73). Каждая семья старалась привезти оттуда бочку сигов пуда на три. Из рыбных кишок топили сало, с ним ели вареный картофель, макали в него лепешки.

Свежее мясо, почти исключительно свиное, ели на рождество, когда забивали борова, позже, в периоды мясоведа, в пищу шло только соленое мясо. При забое тушу свиньи разделяли так, чтобы можно было засолить отдельно мясо — *прямязину* и отдельно сало. О том, чтобы мясо вялили, никто не помнит. Для приготовления студня к праздникам покупали 1—2 фунта говядины или мосталыги в лавках. Иногда осенью покупали корову-подстарка, забивали ее и запасались мясом на всю зиму.

Молоко, как и мясо, употребляли в пищу лишь в мясоед. Запрет на него в пост был обязателен и для детей с трех-

летнего возраста. Из свежего молока варили суп с *клёчками*, им запивали кашу, из него делали *топлёнку* в печи и *обливанку* — творог с молоком, запеченный в печи, заводили творожную и яичную *помачку*, или *маkanie*. Во время постов с отстоявшегося скисшего молока снимали сметану, простоквашу ставили на творог, а из нетопленной сметаны сбивали масло (ложкой в миске). Творог складывали в кадку, солили, заливали водой и держали под прессом (*в нйтиску*). Его продавали соседям, у которых не было коров; творог, разведенный водой, называли *молоком*.

Разнообразны были и напитки. Из солодового хлеба варили квас, в бедных семьях из-за недостатка муки приготавливали картофельный квас: из вареного толченого картофеля, смешанного с мукой, раскатывали длинные хлебцы, пекли их в жарко вытопленной печи, чтобы «колер красный был». Остывшие хлебцы разламывали на куски, клали вперемежку с ломтями хлеба на русла и заливали водой. «Первую головку», сладкий мутный квас, сливаемый из квасника, называли *сулом* (в Гдовском районе его называют суслом). Сулой делали и из овсяного настоя, но чаще употребляли в качестве напитка *чеж*, т. е. скисший настой. Известен здесь был и такой напиток, как сусло, но приготавливали его так же, как и в городах Эстонии: в самовар, в кипящую воду, наливали патоку и пили горячим. *Сыта* — подслащенная сахаром или медом вода — появлялась на столе в посты для *прихлёвывания* каши.

Важное место в жизни русского населения, в том числе и староверов, занимал чай. Старики, родившиеся в 80-х годах XIX в., говорят, что его употребляли здесь издавна, с тех пор как они себя помнят. При этом чай не был праздничным угощением, его пили не от случая к случаю, как в большинстве крестьянских семей Псковской и б. Тверской губерний⁴, а по несколько раз в день. Чай пили утром, выпивали 2—3 кружки перед обедом, запивали им же обед, иногда «чаили» в промежутке между обедом и ужином, а за ужином всей семьей опять собирались вокруг самовара. Об этом пишет автор статьи о староверах д. Варнья: «Если случится попасть к ним в гости, тотчас же закипает самовар на столе, когда угодно...»⁵.

В конце XIX в. у населения западного Причудья выработались устойчивые навыки в приготовлении чая. Для чая годилась только озерная вода, брали ее далеко от берега. Самовар должен был шуметь на столе, хозяйка следила за

⁴ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, с. 159.

⁵ Газ. «Postimees», 1898, № 155.

тем, чтобы тушилка была полна углей (для подшумки). Каждый раз заваривали свежий чай, ждали пока он настоится (*натянет*) в чайнике, в сортах чая разбирались со знанием дела. Пили чай из блюдца вприкуску. Сахар покупали в городах головами, их привозили обычно отходники. Сахар был дорогой, и его экономили, детям давали только по одному куску. Недешево обходился и чай — «четвертушка» его (100 г) расходовалась семьей за два дня. Не следует забывать, что старообрядцам запрещалось пить чай, и глубоко верующие люди пытались избежать соблазна: «Свекор до старости искал всякие травы, пробовал... гуньбу (тмин), заваривал яблочный лист. А перед смертью сказал, что лучше чая ничего нет». Другие стремились умалить грех тем, что в великий пост пили чай не с сахаром, а с изюмом. Однако нарушение запрета на чай было общераспространенным явлением. Сами жители Причудья свое пристрастие к чаю объясняют рыбной пищей, вызывающей жажду, и целебными свойствами чая, который помогает при желудочных расстройствах, головной боли, поправляет плохое настроение: «Свекровь очень чай любила, она не попьет — заболает».

Причина массового распространения чая, занесенного сюда отходниками, кроется, очевидно, в том, что традиционные напитки (квас, сулой, чеж) тоже требовали денежных затрат и времени для их приготовления, а молоко, как скромное, население Причудья почти не употребляло. У староверов чай постепенно стал напитком первой необходимости.

Данные о потреблении водки противоречивы. Староверы Остзейского края слыли за людей трезвых и благонравных⁶. Правда, в 1841 г. житель д. Варнья И. Куткин оставил раскол «по причине пьянства, распутства и других пороков раскольников»⁷. В 1860 г. чиновник особых поручений, перечисляя репрессии, применяемые в отношении раскольников Тартуского уезда, писал: «... Им остается... не только удаляться еще более от начала порядка, но обратиться к явному разврату и пьянству, доселе бывших неизвестными»⁸. По словам причудских стариков, раньше пили мало, в конце XIX в. парень стыдился идти в кабак на виду всей деревни. В то же время носовский священник отметил «усиливающееся год от года пьянство». «Пьянство, — писал он, — это бич здешнего места, добрая четверть заработка оставляется в кабаке»⁹. Главной причиной развивающегося пьянства у православного населения священник считал отхожий промысел. Судя по тому,

⁶ Лесков Н. Русские деятели в Остзейском крае. — В кн.: Исторический вестник, т. XIV. СПб, 1883. 500 с.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 199, 1842 г., д. 187, л. 6.

⁸ Лесков Н. О раскольниках г. Риги..., с. 39.

⁹ Носовская летопись, л. 19. Запись 1895 г.

что на возвращающихся домой отходников наставник чаще всего налагал эпитимью за питье водки, можно полагать, что отходники-староверы в конце XIX в. не придерживались запрета на водку, хотя и считали грехом пить ее. В начале XX в. и в Калласте, и в Муствее корчмари бойко торговали вином.

В конце XIX в. у населения вошло в привычку пить по воскресеньям кофе, состоящее на $\frac{2}{3}$ из цикория и на $\frac{1}{3}$ из натурального кофе. Этот обычай был заимствован либо у горожан, либо у соседних крестьян-эстонцев, которые уже в 80-х годах пили кофе¹⁰.

Название приемов пищи в деревнях Причудья несколько отличались от названий, распространенных среди крестьян Псковщины. Так, старинное название первой утренней еды — *перехватка* было вытеснено словом *фрыштик*, занесенным, видимо, отходниками. Днем *полудневали*, или *полудничали*; вечерняя еда называлась *вужиной*. Но говорили еще и так: «Мы повечеряли». Четвертая еда, между обедом и ужином, — *паужина* чаще всего заменялась чаепитием.

Время еды и порядок за столом не ограничивались строгими рамками. Это объясняется длительным отсутствием отходников и зимним ловом, когда мужчины с раннего утра до позднего вечера были на озере. Место в большем углу у стены занимал хозяин, однако оно часто пустовало, и в отсутствие хозяина там сидел его старший сын. Такие обязанности главы семьи, как резка хлеба и мяса, постепенно перешли к хозяйке дома. По существу, семья в полном составе собиралась за столом лишь в праздники, а зимой — по воскресеньям.

Для жителей Причудья, православных и староверов, обязательным было соблюдение постов. Главными считались четыре поста: семинедельный великий пост, шестинедельный рождественский, трехнедельный петровский, двухнедельный богородицкий, или успенский («эти две недели отняты от великого поста, чтобы люди прожить могли, иначе девять недель не продужишь», — объяснил старый рыбац из д. Казея). Кроме того, круглый год постились в среду и *пяток* (пятницу), а особенно религиозные люди еще и *понедельничали* («Мой отец понедельникчал, в среду и пятницу тоже почти ничего в рот не брал»¹¹). Члены семьи, строго соблюдавшие посты, не принимали участия в общей трапезе и, как правило, готовили себе постную пищу сами.

В посту, как говорят, пища была легкая. Во время великого поста, например, лишь трижды — в первое воскресенье

¹⁰ История Эстонской ССР в трех томах. Т. II. Таллин, 1966, 568 с.

¹¹ Немченко В. Н., Синеца А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря..., с. 240.

поста, в вербную субботу и вербное воскресенье (последнее воскресенье поста) разрешалось есть рыбу. В рождественский пост рыбу не ели по средам и пятницам. В петровский пост употреблять в пищу рыбу разрешалось, но все равно о нем говорили: «Петровка-голодовка», так как в то время овощи еще только начинали поспевать, не было и грибов.

Постные кушанья, известные населению Причудья, традиционно русские: каша с постным (конопляным, льняным) маслом или с рыбьим жиром, кислые щи с грибами или со сметками, картофель с разными приправами, окрошка (*свекла*, или ботвинья, *тюпка*, или *мурцовка*), овсяный кисель, черная редька с постным маслом, молоко из конопляного семени.

Уважение к постам воспитывалось с самого детства, в семье за соблюдением их всегда следили свекор или свекровь. Отступать от поста никому не разрешалось. Нарушали пост только тайком, вне дома, и при этом сознавали свою вину. Как рассказывают, в конце XIX в. женщина из Калласте на постоялом дворе в Тарту поела великим постом рыбы и упрашивала сына не рассказывать об этом свекрови. Жители д. Тихеда сурово осуждали рыбаков, которые во время весенней ловли в озере выхватывали живую рыбу из сетей, чистили ее, а затем, посолив и немного посидев на ней, съедали с жадностью — «кровь на зубах... не могли сдолить...». В конце первого десятилетия XX в. молодая женщина упростила мужа купить на ярмарке копченой рыбы, которую они и съели тайком, сознавая, что это грех — (дело происходило тоже великим постом).

Отходники, особенно те, кто нанимался на работу с хозяйскими харчами, не всегда считались с запретами старообрядческих наставников: ели вместе с мирскими скоромную пищу и водку пили. Таких людей называли «замирщенными». Однако по окончании сезона и возвращении в семью они исповедовались наставнику и замаливали свои грехи земными поклонами (несколько сот) и молитвами. Беспрекословное выполнение требований наставника и старших членов семьи свидетельствует о том, что регламентация в области пищи у старообрядческого населения Причудья носила довольно устойчивый характер.

К праздникам готовили скоромную пищу и традиционные кушанья.

В канун рождества разговлялись *холодным* из рыбы и мяса, ели колбасы — *ворстики*. Кровь в пищу не употребляли, и поэтому в колбасу ее не прибавляли. Начинку готовили из сырого картофеля: рубили его сечкой, отжимали рассол, добавляли сало и жареный лук. Крупяные колбасы готовили из житной крупы, сала и мяса. Этой смесью начи-

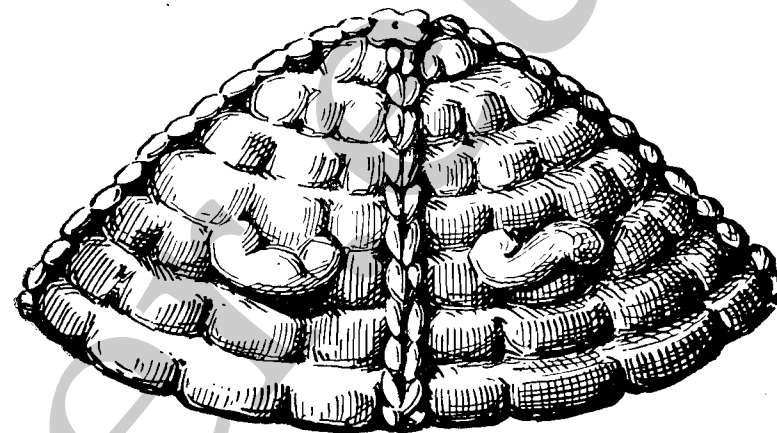

Рис. 74. Паска, пастка. Тихеда, 1968 г.

няли кишки вручную или через воронку — *трехтель* (эст., нем.). К рождеству пекли сладкие пироги, булки, варили сладкие супы из ягод и сушеных яблок.

На маслянице, в последние три дня недели, пекли блины — житные и пшеничные. Ели их с творожной *помачкой*, с жареным мясом, салом, *волбжили* маслом.

Особенно много кушаний готовили к пасхе. Кроме различных мясных и рыбных блюд, творога, политого сметаной, к пасхальному столу обязательно подавали крашенные яйца и *паску*, освященную в моленной (рис. 74). Паску готовили не из творога, а из муки крупчатки. Растворяли кислое сдобное с «разными духами» тесто, делили его на семь неравных частей и раскатывали из них лепешки («блины»). Нижний блин был самый большой, каждый последующий соответственно уменьшался. Сбоку к паске прилепляли завитушки из теста, от вершины к основанию — косички. Паска (*пастка*) — обрядовое мучное изделие, известное под тем же названием у староверов Латгалии, Белоруссии и у крестьян великорусских областей¹², различалась по внешнему виду. Семь «блинов», из которых пеклась паска, по словам староверов Причудья, означают семь ангельских чинов и семь таинств. В д. Нина с православным населением паску пекли

¹² По В. И. Далю (т. III, с. 23) пасха — освященный кулич для разговления с пометкой малорск.; Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Шарникова А. С. Материальная культура сельского населения южно-великорусских областей (XIX — начало XX в.). — ТИЭ, нов. серия, т. LVII, М., с. 207.

из пяти лепешек, а староверы Витебской области пекли ее из двух-трех «блинов» и поверх «украшали цацками, птичками». Латгальские староверы на пасху пекли круглый пирог, «украшенный сверху венком с изображением цветов, птиц, выпеченных из того же теста, что и сам пирог»¹³. У православного населения Принаровья и Гдовского района паска — это высокая сдобная булка.

Можно полагать, что у староверов Причудья сохранилась наиболее древняя форма пасхи. Семь блинов, составляющих ее, по всей вероятности, указывают на закрепление в качестве бытовой традиции церковной церемонии проскомидии, для которой требовалось такое же число просфор. В православной церкви для этой цели использовалось пять просфор, «вопреки раскольникам, которые требуют для проскомидии семь просфор»¹⁴. Сходство функций семи просфор и паски из семи блинов проявляется и в том, что паску после освящения в моленной разрезают и раздают наставнику и бедным старухам, оставляя для своей семьи лишь небольшой кусок. Иногда паску разрезает на куски сам наставник.

Обрядовым печенем отмечали благовещение, в марте пекли из теста птичек: «Ну, дети, жаворонки завтра прилетят. Их еще утками звали».

Самым бедным праздником была троица. В этот день к столу подавали большей частью яйца, окрашенные в желтый цвет, зеленый лук и холодное из рыбы. Лишь в тех семьях, которые держали и выпаживали телят, готовили тушеную телятину.

Семейные обряды тоже сопровождалась особой едой. Обильнее всего ели на похоронах, отсюда и поговорка: «На свадьбу с глазами, на похороны с животом». Уже на кладбище бедным старухам раздавали булочки из пшеничной муки — *куклики*, их напекали целую корзину-*люльку*. По возвращении с кладбища садились за стол. В первую застолу входили наставник с причтом и бедные богомольные старухи. Им подавали после кутьи, приготовленной из пшеницы с медом, только постные блюда, даже если похороны приходились на мясоед, так как есть мясо на похоронах запрещалось: «Мясо хороним и мясо едим...». Обязательно подавали на стол щи или уху из хорошей рыбы, рыбное холодное, булки, пироги с вареньем, сладкие супы. Последним кушаньем был овсяный кисель. Для второй и третьей застолу, для *роды* (т. е. родственников), подавали все те же кушанья, но в первое десятилетие XX в. постепенно стали

¹³ Zavarina A. Zatgales krievu tautības iedzīvotāju materiālā kultūra..., лр. 185.

¹⁴ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1898, т. XXV, с. 472.

отступать от запрета на мясо: готовили также мясные блюда. В эти же годы овсяный кисель стал заменяться клюквенным, с *трахмалом*. И хотя наличие овсяного киселя на обеде расценивалось как «самостоятельность» хозяев, чаще варили красный кисель, отговариваясь тем, что серый кисель не получается, «бороздками как-то идет». На поминках, которые назывались здесь *панафидами*, всегда подавали к столу кутью и другие кушанья.

Крестины особыми кушаньями не отмечались, крестных по возвращении из моленной поили лишь чаем. Женщины, приходившие в *навиды*, приносили с собой для *родихи* пироги или сладкие булки, их угощали чаем и принесенными ими же пирогами.

Из свадебных кушаний следует отметить круглый хлеб, которым благословляли молодых в доме невесты (*благословенный хлеб*). Впоследствии, в конце XIX — начале XX в., он был заменен круглым пирогом с яблоками. Молодых по приезду в дом жениха осыпали житом. На утро после свадьбы молодая пекла блины. Заключительным кушаньем на свадьбе была сладкая каша из манной крупы или риса, заменившая бытовавший прежде кисель. Традиционным последним свадебным блюдом была яичница, приготовляемая тещей для молодого зятя (яйца с молоком, запеченные в глиняной чашке). Все эти кушанья, связанные со свадебным обрядом, широко известны населению Псковской области. Не был распространен в деревнях Причудья обычай участия продуктами в приготовлении свадебного стола для родственников (для *роды*), как это было принято у эстонцев.

1920—1940 гг. Население испытывало недостаток в главном продукте — зерновых. Отсутствие твердых заработков у каменщиков и рыбаков, а следовательно, и общее снижение жизненного уровня, вынуждало посылать на заработки к эстонским крестьянам молодежь и детей. Уход детей в пастухи и работники здесь практиковался и раньше, но не имел такого размаха, так как в семье нужны были помощники в отхожих промыслах, и дети обеспечивали себя денежным заработком. Теперь же на детей зачастую перекладывалась главная забота о хлебе для всей семьи.

Мука, которую привозили эстонские крестьяне на ярмарки и даже развозили по домам, не всегда могла быть оплачена наличными деньгами, и в семьях росли долги. Забота о хлебе была постоянной. На недостаток хлеба намекает и местная шутовская поговорка: «Я неровно живу — дрова есть, муки нет, мука есть, дров нет. А мой брат живет ровно — ни муки, ни хлеба». При наличии хлебных запасов, как и прежде, неизменными кушаньями на столе были изделия из ржаной муки — хлеб, корочки, блины, рыбники, густяха.

Ячмень покупали в виде готовой крупы, перловку (*крупизы*) клали в щи, варили из нее кашу. Житную крупу употребляли в меньшем количестве, ее заменяла мука из пшеницы, выращенной на собственном небольшом участке, и покупная. Сократилось употребление кушаний и напитков из овса. У женщин, занятых на промыслах, не хватало времени для такой трудоемкой работы, как приготовление толокна и киселей.

Вместе с тем в 20—30-е годы в Причудье ускорился процесс проникновения элементов городской культуры в область питания населения. Массовое распространение плит обусловило появление новой фабричной утвари, а отчасти и новых способов приготовления пищи. Канонические предписания в отношении постов стали выполняться с небрежением. В послереволюционные годы все больше верующих, особенно молодежи, уклонялось от соблюдения обязательных религиозных предписаний. Если старики еще постились, то молодые поступали, «кто как хотел». Приправой к лепешкам, блинам, кашам, употребляемым почти ежедневно, становится сало со шкварками, а к картофелю — мучной соус на поджаренном сале, который называли эстонской модой. Некоторые хозяйки даже нарушали запрет употреблять в пищу кровь и готовили к рождеству кровяные колбасы — *ворсти* и *колобки*. Распространилось копчение мяса и рыбы, что также было «новой модой». Скромные кушанья проникли даже на поминальный стол: студень из мяса (*холодное*) становится обязательным для застолий, «обедов», устраиваемых на похоронах родственникам.

Распространению городских кушаний способствовало и то, что многие девушки в 30-е годы закончили курсы кулинарии, где их обучали накрывать на стол и готовить к праздничному столу такие кушанья, как котлеты, рыбу под томатным соусом, «шпроты» из копченой ряпушки, салаты из маринованной тыквы, винегреты, различную сдобу, пастеризовать ягоды в бутылках, варить на сладкое карамель-кисель и т. д. Поэтому застолицы на праздниках, даже при скудности каждодневного питания, становятся более разнообразными. Больше стали уделять внимания обряду, связанному с рождением ребенка. Женщины из состоятельных семей, идя на *варуши* (так стали называть навиды), несли с собой *кухон* — бисквит, сладкий пирог с украшениями из теста, подражая вошедшим в моду у эстонских крестьян тортам. И роженица встречала гостей не лежа в постели, как раньше, а за накрытым столом, на котором стояли тушеное мясо, рыба копченая и в томатном соусе, сладкие пироги, вино.

1945—1970 гг. В питании населения, как и во всех других сторонах жизни, в эти годы происходят существенные изменения.

Несколько иной характер, по сравнению с предыдущими периодами, имеют покупные продукты. Первое место среди них занимает хлеб — ржаной и пшеничный, выпекаемый хлебозаводом в Калласте, затем крупы и макаронные изделия. В питании населения увеличивалась доля молочных продуктов — масла, творога, кефира, сметаны, которые также покупают в магазинах. Много употребляют сахара и кондитерских изделий, так как чай пьют по многу раз в день. Пожилые люди и теперь предпочитают пить чай с постным сахаром собственного изготовления.

Одним из основных достижений нашего времени является значительное уменьшение различий в питании отдельных категорий жителей Причудья. Их меню мало чем отличается от меню городского населения. Однако до сих пор в праздничной пище и в связанной с семейными обрядами сохраняются местные особенности.

Сохраняется традиция печь пасху и красить яйца, заготавливать к празднику пасхи копченый окорок.

Из кушаний, связанных с семейной обрядностью, наиболее устойчивы блюда, подаваемые к «обеду» на похоронах, «ответи» который стараются «как надо» и не только потому, что «поминки — покойнику польза», но и в силу традиций. Подготовка к обеду занимает несколько дней, поэтому день похорон назначает хозяйка. Обычай носить на кладбище булочки-кукли больше не соблюдается, вместо этого во время отпевания ближайшая родственница покойного раздает в моленной деньги (мелочь) и приглашает присутствующих на «обед». По-прежнему в первую очередь кормят наставника и певчих, а затем отводят три застолицы для родственников и соседей. К поминальному столу подаются разнообразные блюда. Новшеством является водка, которая раньше запрещалась («разве похороны — веселье?»). Последним на стол подают клюквенный кисель. Отмечают и последующие за похоронами панихиды (на 9-й, 20-й и 40-й день, полугодовую и годовую): варят кутью, приносят ее в моленную, молящиеся берут ее по три ложки (отсюда название для людей, ходящих на все панихиды — *кутейники*). В Причудье поминок с обильной едой и питьем на могилах не устраивают, за исключением субботы в канун троицы, когда на кладбище несут крашенные яйца, раздают их одиноким старухам, крошат на могилу.

В последние годы произошли значительные изменения в праздновании таких семейных событий, как свадьба, рождение ребенка, дни рождения и именины (рис. 75).

Свадьба в настоящее время по количеству приглашенных

Рис. 75. Стол, накрытый по случаю дня рождения. Калласте, 1963 г.
Фото Я. Варунина.

гостей, по разнообразию блюд и напитков превосходит все семейные торжества. Справляют свадьбу сначала в доме молодой, где стол устраивают родители невесты, затем в тот же вечер гости переходят в дом к молодому, где пируют два дня. Свадьба бывает малая (говорят: «только свои были»), средняя (20 гостей), большая, или «настоящая» (40—60 и более гостей). Кушанья, приготовленные для свадебного стола, мало отличаются от подаваемых обычно к праздничному столу. Подают к столу всевозможные холодные закуски, горячие мясные, блюда из рыбы и т. д.

Значительные изменения претерпел обычай посещения семьи, в которой появился новорожденный: «Теперь не поймешь, варуши это или свадьба. Человек 25 назовут, теперь и родиха сидит за столом, да еще и вино пьет. Булок и кренделей не несут...». В современном отведении варуш, пожалуй, больше, чем в других семейных обрядах, заметно влияние города: родители новорожденного устраивают богатый стол, зовут родственников, в том числе и мужчин, а гости вместо еды приносят родителям коллективный подарок, как правило, дорогие вещи. Если же варуши устраиваются скромные, и навестить роженицу идут близкие родственники, то они на собранные деньги покупают роженице подарок, а ре-

бенку — погремушку, приносят заказной торт, цветы — как они сами говорят, «взяли моду с Таллина».

Домашними пирогами, но чаще покупным кренделем или тортом отмечают в семьях дни рождения. Это также «новая мода», поскольку раньше, если и отмечали, то день ангела, именины.

Прочно вошли в быт населения и новые советские праздники. Выбор приготовленных к ним кушаний произвольный. Так, например, женщины Калласте, готовясь к празднованию 8 марта, уставляют стол закусками, общераспространенными у горожан, так как, кроме тушеного мяса с капустой и домашнего печенья «кукликов», вся еда — сыр, колбаса, печенье, конфеты и т. д. покупается в магазине на собранные среди участниц деньги. Как рассказывают сами женщины, стол накрывают очень «модно» и богато. Этому немало способствует красивая дорогая посуда, которая имеется в каждом доме на случай праздника (как и у городских жителей).

Как известно, пища представляет область материальной культуры, для которой характерны устойчивость традиции, структуры, терминологии. Не составляет исключения и пища русского населения западного Причудья. Хотя причудцы и не занимались земледелием, они вплоть до конца XIX в. приготавливали кушанья, распространенные у русских, в частности у псковских крестьян. Особенно это относится к обрядовой пище. Кутья из пшеницы и овсяный кисель на похоронах, «благословенный хлеб», заключительная свадебная еда — каша, блины, которые пекла молодая в доме мужа, свидетельствуют о давних земледельческих традициях населения, силой обстоятельств оказавшегося в иных экономических условиях.

Устойчивости традиций в области питания способствовали: общение с эстонскими крестьянами, у которых путем обмена или купли можно было получить все необходимые для питания зерновые продукты, наличие своего огорода, «своей» рыбы, передача из поколения в поколение навыков в приготовлении пищи женщинами, которые в этой области почти не испытывали влияния города и, наконец, воздействие религиозных предписаний на ассортимент кушаний, а также порядок питания во время поста и мясоеда.

Состав и терминология традиционных обрядовых и повседневных кушаний еще раз подтверждает факт заселения Причудья уроженцами разных местностей. Хотя в Причудье большинство названий традиционных кушаний идентичны названиям, бытующим у псковских крестьян (с сохранением диалектных особенностей), например, *чеж*, *накваса*, *клёчки*, *крупеня*, *картофлянники*, *аржануха*, *помачка*, *тюпка*, *мурцовка*, *сулой*, *простокиша* и др., здесь для обозначения одних и

тех же видов кушаний употребляются и слова-синонимы, занесенные, очевидно, пришельцами из разных районов Псковщины. Правда, слова-синонимы лишь в отдельных случаях помогают установить исходное место жительства переселенцев. Так, общепсковскому и белорусскому слову «мурцовка» синонимом служит *тюпка*, зафиксированное в Печорском районе, лепешка (Гдовский и Лядский районы) — *кокора* (Печорский район), *холодное-студень* (среднепсковские и северопсковские термины), *ботвинья-свекла* (Печорский район). Труднее определить происхождение названий, совпадающих у русских Причудья и староверов Латгалии: *солодуха*, *прямызина*, *обливанка*, *накваса*, *каша* (ячменная с горохом) и др., которые могут свидетельствовать как о едином, псковском происхождении двух групп староверов, так и о более поздних контактах и микромиграциях.

Хотя воздействие религии на распорядок питания причудцев было довольно сильным, и они соблюдали все положенные посты и сохранили древние формы повседневной, а также обрядовой пищи, в конце XIX в. у них все же распространились некоторые напитки и блюда, заимствованные у соседних эстонских крестьян или у городских жителей через отходников. С развитием денежных отношений жители Причудья давно перешли на покупные продукты, в том числе и на такие, не характерные для крестьянского обихода, как рис, чай, сахар, пряности и другие, которые продавались в деревенских лавках и на ярмарках. Новшества коснулись даже обрядовой пищи: невесту иногда благословляли не хлебом, а круглым пирогом, овсяный кисель был постепенно вытеснен клюквенным, кутью стали варить из риса, на поминальный стол подавали студень из мяса и т. д. Появились и новые термины: *фрыштик*, *куклики*, *трехтель*, *ворстики* и другие, заимствованные из эстонского или прибалтийско-немецкого языка. В 1930-е годы усилилось проникновение городских видов пищи, изменились способы ее приготовления и консервирования.

В настоящее время по способам приготовления пищи население Причудья во многом приблизилось к городскому, так как в сельских магазинах значительно увеличился выбор продуктов. Столы, накрываемые по случаю рождения ребенка, свадьбы, дней рождения и праздников, по убранству и разнообразию блюд не уступают праздничным столам горожан. Постятся теперь лишь немногие пожилые люди. Однако доля продуктов, производимых в своем хозяйстве (овощи, мясо, реже молоко), способствуют удерживанию некоторых традиционных блюд: окрошки со сметками — *мурцовки*, *каши-гусяхи* и др.

ГЛАВА V. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

XIX — первая половина XX в. Почти с самого возникновения раскола и вплоть до середины XIX в. среди старообрядцев различных толков велись ожесточенные споры о том, можно ли заключать браки, если «законные совершители брака» — священники, принявшие сан еще до реформы Никона, к концу XVII в. вымерли. Да и следует ли вступать в брак, если в мире воцарился антихрист, скоро наступит конец света и надлежит думать не столько о семейной жизни, сколько о спасении души. Беспоповцы, порвавшие с официальной церковью, приняли из семи церковных таинств лишь два — крещение и покаяние, которые, по их мнению, и «не от священных людей совершаемы могут...»¹. Брачное таинство не признавалось. Однако требование безбрачия с самого начала вступило в противоречие с действительностью.

Одной из ересей, в которых обвинялись староверы, поселившиеся за шведским рубежом близ Нарвы, Феодосий на Соборе новгородцев 1694 г. назвал то, что они «жениться глаголют людям несть греха...»². Новгородские беспоповцы тогда же решили: «...Брачное супружество совершенно отвергать законополагаем... обязываем и всем нашего брачного согласия жить девственно и соблюдать себя от совокупления с женами»³. Жители мужской и женской обителей Ряпинаской мызы, вопреки учению последователей Феодосия, требовавших от своей паствы строгого девства, также вскоре «начаша жити житием многозасорным», а настоятель их Константин Федоров и вообще порвал в 1718 г. с обителем, женившись на своей духовной дочери и скрепив этот брак в никонианской церкви⁴.

В 1721 г. для сыска и переписи «раскольников, живущих

¹ Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе, с. 18.

² Иоаннов Андрей. Полное историческое известие о древних строгольниках и новых раскольниках, с. 70.

³ Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе, с. 20.

⁴ Там же, с. 108, 109.

в ямбургском, капорском, дерптском и других уездах» был направлен поручик Зиновьев, который нашел, что «почти все федосеевцы, находившиеся здесь, жили с работницами, или женами невенчанными»⁵. Спустя столетие, в 1827 г., священник Носовской церкви писал о причудских староверах: «Живут с кем хотят и как хотят. Нет священнического благословения, нет браков, есть многоженство, умножается число незаконных и брачных союзов...»⁶. Сами себя тартуские староверы называли федосеевцами, не признающими брака, так они вплоть до 1864 г. и значились в сводках, составляемых градской полицией для рижского генерал-губернатора⁷. Но при этом в Причудье были обычные семьи, состоящие из мужа и жены, венчанных по старому обряду, и их детей. Либерально настроенный в отношении раскольников Лифляндии чиновник особых поручений Сологуб писал прибалтийскому генерал-губернатору: «... Можно с уверенностью сказать, что семейное начало в русском народе так сильно, что несмотря на возможность уклониться от него, ничто не истребит его совершенно»⁸.

До староверов, живущих в Лифляндской губернии, словно и не доходили из центра отголоски бурных споров по поводу брака, ведущихся столичными «расколуучителями», и они жили по своим законам, издавна здесь установившимися. Так, в деревнях Причудья, на о-ве Пийриссаар и в Гдовском уезде Петербургской губернии староверов венчали наставники, о чем свидетельствуют архивные документы. В 1810 г. по старому обряду повенчал крестьянина д. Ляболей Якова Семеновна с крестьянской девушкой Софьей Терентьевой верроский мещанин Гр. Виноградов⁹. Рижский мещанин Алексей Крылов показал, что, будучи наставником д. Межи Лифляндской губернии (о-в Пийриссаар), он исполнял требы: совершал обряды бракосочетания, крещения и исповедания¹⁰. Известен и порядок бракосочетания у староверов Причудья: наставник «на желающих брачиться и просящих у него благословения налагает шестинедельный пост, по прошествии которого, записав их при росписи свидетелей в шнутовую книгу, приказывает им положить семь поклонов. Таким образом брак совершен и родившиеся от одного дети считаются законными»¹¹. Шестинедельный пост, налагаемый на брачующихся в качестве наказания-эпитимьи, является отголоском федосеевских воззрений на брак, как на дело греховное, которое следует замолить,

⁵ Там же, с. 108.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1827 г., ед. хр. 38, лл. 2, 70.

⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, ед. хр. 1451, л. 152.

⁸ Лесков Н. О раскольниках г. Риги ... с. 37.

⁹ ЦГИА СССР, 1284, оп. 195, 1827 г., ед. хр. 13, лл. 4, 5.

¹⁰ Там же, оп. 196, 1834 г., д. 164, л. 1.

¹¹ Там же, 1835 г., ед. хр. 153, л. 15.

а фактически это уже чисто поморское приятие брака, освященного наставником. Подобная форма заключения брака установилась здесь, очевидно, давно, ее считали неоспоримой, что следует из показаний тартуского наставника М. Г. Шухаева: «Мне запретили брак здешней старообрядки Ирины Карповой с псковским купеческим сыном Булыньниковым того же вероисповедования. Но так как поныне и никогда не только в своем городе и уезде, но и в прочих городах сей империи таковым бракосочетаниям федосеевской секты, называемой старообрядческой, препятствий не имелось... то я совершил как наставник старообрядцев вышеуказанный брак... по нашему старому обряду (разрядка моя. — Е. Р.), в нашей же моленной при венчальном отце со стороны жениха и венчальной матери невесты 3 числа ноября вечером в 10 часов»¹². Датировано показание Шухаева 1840-м годом. Примечательно в нем фраза: «Брак был совершен по «старому обряду».

Известный исследователь «семейной жизни в русском расколе» И. Нильский в своем историческом очерке отметил: «Когда собственно появились в федосеевщине бессвященнословные брачные сожития, об этом мы не имеем точных и определенных сведений»¹³. Не содержит конкретных сведений об этом и архивные материалы по староверам Причудья. В них не нашли отражения споры и разногласия по поводу брачной жизни в среде самих раскольников, и не зафиксированы какие-либо отклонения от нормы, замеченные местными священниками или чиновниками, которые составляли отчеты о раскольниках для лифляндского губернатора. Во всяком случае, к причудским староверам не могла относиться характеристика федосеевцев, которая по сведениям Министерства внутренних дел 1821 г. включала следующие особенности: «1) не имеют священства; 2) брака тоже; 3) женатым приписывают разлучаться; 4) терпят блудную жизнь...»¹⁴. Возможно, что среди части староверов Причудья распространилось учение Ивана Алексея, федосеевца из Стародубья, автора книги «О тайне брака» (1762 г.) или учение поморца Василия Емельянова, который в начале 1760-х годов проповедовал, что для брачного сожительства требуется лишь: 1) согласие жениха и невесты, 2) родительское благословение, 3) обручение, 4) свидетели, 5) лета законные сочетающихся, а о венчании говорил, что «благое украшение может быть заменено по недостатку православного священства приличными случаю молитвами, которые вправе читать и мужи

¹² ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, ед. хр. 1451 (1834—1851), л. 137.

¹³ Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе, с. 185.

¹⁴ Андерсон В. Старообрядчество и сектанство, 1907, с. 154.

нерукоположенные»¹⁵. Так или иначе, многие староверы Причудья в начале XIX в. уже освободились из-под влияния стеснительных догм и фактически руководствовались в повседневной жизни умеренными взглядами поморцев на брак, приспособив для венчания своих наставников. К староверам Причудья примыкали по взгляду на брак и рижские, и псковские (из близлежащих к озеру уездов) федосеевцы. Как доносила в 1834 г. полиция: «В Дерпте доселе раскольники венчаются раскольническими наставниками и многие из рижских раскольников ездят туда для повенчания...»¹⁶, а наставники из деревень Причудья ездили венчать раскольников, живущих на восточном побережье Чудского озера.

В 1862 г. Н. Лесков, ознакомившийся с характером раскола в Псковской и Лифляндской губерниях, пришел к выводу, что «сами псковичи и рижане давно уже капитально разошлись с московскими федосеевцами и сблизилась с поморством. Сближение это у псковичей последовало гораздо резче, чем у рижан... Последнее обстоятельство зависело от быстрого распространения здесь учения приходящего из Пруссии инока Павла»¹⁷. Действительно, Павел прусский в 1860 г. учил псковских федосеевцев «признать жен своих женами, а не наложницами», и псковский наставник постановил, что «женатые будут молиться вместе с неженатыми, без всякого зазрения, понеже и невенчаный в церкви (беспоповщинский) брак — честен есть по писанию, аще не свят, но честен»¹⁸.

Формально федосеевцы деревень Причудья признавали брак уже после 1846 г., и во второй половине этого столетия здесь получило распространение поморское согласие, признающее брачную жизнь. И лишь в двух деревнях Причудья сохранились федосеевские общины (староверы-рабские), придерживающиеся безбрачия. В д. Кюкита, например, даже в конце 1840-х годов наставник не допускал заключения браков, поскольку это — «большой грех». Когда ему становилось известно, что в семьях готовятся к свадьбе, он накладывал пост на родителей жениха и невесты. Свадьба происходила в тайне от наставника и всегда без венчания в моленной. Родители после свадьбы объясняли наставнику, что дети их сошлись тайно¹⁹.

Наряду с венчанными браками в Причудье практиковались

¹⁵ Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе, с. 215, 217, 218.

¹⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2, ед. хр. 1451, л. 172.

¹⁷ Лесков Н. О раскольниках г. Риги..., с. 7, 8.

¹⁸ Голубов К. Беспоповцы в Пскове. Псков, 1879, с. 10.

¹⁹ РКМ, Вене 1, с. 218.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, л. 15.

и невенчаные: «В деревне Кольки... тамошний сотник Григорий Смольнин показал, что для свершения браков обращаются к красногорскому наставнику, бывают случаи, что и невенчаные живут вместе, а потом иногда оставляют друг друга»²⁰. Кроме терпимости к фактическим бракам, не скрепленным наставником, характерно и безразличное отношение к свадебной церемонии. Свадьбу могли сыграть по всем правилам, а могли обойтись минимальным числом обрядов. Скромная свадьба не осуждалась, более того, в Причудье о свадьбах говорят: «А только расход этот, как наземь. Поминки — это покойнику польза, а свадьба никому не польза...», или: «Свадьба — деньгам извод».

Распространен был в Причудье и самовольный выход замуж, когда девушка по сговору убегала к парню, и свадьбу справляли позже, опуская ряд важных этапов ее. Впрочем, браки уводом были распространены и у старообрядцев Латгалии²¹, и у населения Псковщины²². Интересные подробности о подобных свадьбах записаны в д. Тихеда: «При наших родителях, говорят, и невест крали. Вызовет девушку знакомый парень: — Выйди, тамочка, кавалер ждет. — И — увезут. Бывало, что жених обратно невесту посылал, если не понравится. Бывало родители увезут невесту силой обратно, а жених в суд подает за пир большой, потратился он... Жених, если выгонит, так невеста может в суд подать за конфуз»²³.

Известная свобода в выборе формы заключения браков, обычно, не влияла на прочность брачных союзов. Характеризуя семейную жизнь староверов, муствеевский священник отметил: «Святость брака между супругами соблюдается строго»²⁴. Из уст в уста передается рассказ о случае, происшедшем в конце XIX в. в Калласте: «В деревне путалась одна женщина. Муж ее за веревку зачалил и повел кланяться к каждому окну. Она повторяла: Простите, бога ради...». Разводы в Причудье были редкостью, причиной их могла быть только бездетность. Женщина в таком случае должна была «посвятить себя богу», мужчина же мог жениться вторично.

В начале XIX в. местные полицейские власти не проявляли интереса к порядку заключения браков староверами Причудья, но после того, как в д. Нина утвердился священник А. Орлов (1827 г.), в Псковскую епархию от него стали поступать донесения о противозаконных браках раскольников.

²¹ Заварина А. А. Семья и семейный быт русского старожильского населения..., с. 8.

²² Смирчанский В. Д. Этнографический очерк из быта крестьян Псковского уезда. Псков, 1871, с. 105.

²³ РКМ Вене 1, с. 15, 16.

²⁴ Черносельская летопись, л. 9.

Священник писал: «... Церковный изгоняет жену и свободно живет с иною, раскольник берет церковную и живет не венчавшись, и церковный, живущий с раскольницей, не венчается»²⁵. Здесь действительно были распространены браки между людьми разного вероисповедания — «старой» и «новой» веры, что явилось одной из причин резкого увеличения числа староверов в первые два десятилетия XIX в. В начале 1830-х годов, по свидетельству дерптского полицмейстера, «запрещения на венчание раскольников их наставниками не было, а посему это и впредь продолжается, но полиция следит, чтобы не было браков их между раскольниками и православными в часовнях и домах»²⁶. Полиция взялась за дело. Венчание «правоверных с раскольниками» явилось одним из пунктов обвинения, предъявленного наставнику Тартуского уезда в 1835 г. В ходе расследования, например, выяснилось, что православный Федор Никитин «из любви к первой жене своей, принадлежавшей к расколу, перекрестился и сам в раскольническую секту». На тартуского жителя М. Прохвостикова было заведено дело за то, что он намеревался «окрестить по обряду раскольников дитя свое, прижитое с правоверной»²⁷.

Следствием таких браков явилось перекрещивание в старообрядчество «правоверного» или «правоверной», о чем писал и Н. Лесков: «... Многие опыты показывают, что при таких случаях, после венчания не муж становится православным, а жена переходит в раскол»²⁸.

Царские власти и официальная церковь тотчас же усмотрели в этом еще одну причину распространения раскола, и в 1835 г. по канцеляриям губернаторов был разослан секретный циркуляр, в котором говорилось: «... Постановить правилом, чтобы с раскольниками, сочетавшимися с правоверными в раскольнических церквях, домах и часовнях, равно и попами их, или иными лицами, совершающими таковые браки, поступаемо было на общем основании как с совратителями, т. е. предавать суду для поступления по законам»²⁹. После этого на протяжении всей второй половины XIX в. браки староверов, как невенчанные, так и венчанные в их моленных, стали считаться незаконными, и официальное отношение к ним выразительно определил лифляндский генерал-губернатор князь Суворов, который свадьбу староверов «изволил назвать публично собачьей свадьбой»³⁰. В 1835 г. ландсгерихт Тартуского уезда постановил: «Полицейскими мерами всех в блудном браке живущих лиц, где бы они не оказались, раз-

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1827 г., ед. хр. 38, л. 72.

²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 2 (1834—1851), ед. хр. 1451, л. 23.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, л. 40.

²⁸ Лесков Н. О раскольниках г. Риги ..., с. 42.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, лл. 26, 27.

³⁰ Лесков Н. Русские деятели в Остзейском крае, с. 245.

лучить, буде они формально не повенчаются на законное бракосоединение»³¹. До разлучения, впрочем, дело не дошло, но «в Дерпте браков не записывают, на том основании, что они не законны». В итоге «дерптские раскольники не имеют перед законом... ни жен, ни детей, ни прав, ни обязанностей»³².

Жесткие меры, применяемые властями к семьям, где один из супругов являлся православным, устрашали староверов. Ведь обычно ответственность за такие браки несли не только поженившиеся, но и дети их, которых насильно перекрещивали в православие, отдавали на воспитание в православные семьи или в школы военных кантонистов. Поэтому во второй половине XIX и в начале XX в. у староверов Причудья принадлежность к одному и тому же религиозному толку играла решающую роль при выборе супруга и с течением времени приобрела характер устойчивой традиции. Если бывали исключения, т. е. если парень брал в жены православную девушку или лютеранку-эстонку, либо девушка приводила в дом инаковерца, то первым делом всей семье было присоединить их к своему толку. На это требовалось разрешение властей. Даже после 1906 г., когда староверам были предоставлены некоторые гражданские права, вступающие в брак каждый раз должны были испрашивать разрешения у губернатора на «присоединение к старообрядческому вероисповеданию» невесты или жениха.

Иногда вопрос о присоединении перерастал в конфликт. В 80-х годах XIX в. девушку из Калласте взял в жены православный житель из д. Колькя и пообещал ей перейти в старообрядчество. Их первый сын (1886 г.) остался некрещеным, так как жена и муж настаивали на своей вере, да и «матери их не сдавались». Не договорились о вере и после рождения второго сына (1888 г.). Уехав на заработки, муж написал письмо, в котором пообещал «разгромить жену», если она не покрестит сыновей в православной церкви. Жена по настоянию своей матери взяла детей и вернулась в Калласте, окрестила детей у наставника. И, как рассказал один из ее сыновей, В. Землин, к мужу больше не вернулась, вырастила детей одна.

Обязательное обращение в свою веру практиковалось и после 1920 г. В конце 1920-х годов один из жителей Калласте женился на эстонской девушке. Семья жила близ Йыгева, и по желанию матери в волостном правлении детей записали под эстонскими именами, но когда семья переехала в Калласте, родственники мужа настояли на крещении детей, и им даны были новые русские имена по святым.

К сожалению, нет данных, на основании которых можно

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, л. 6.

³² Лесков Н. О раскольниках г. Риги ..., с. 39.

было бы определить численное и процентное соотношение смешанных браков у населения Причудья по конфессиональному и этническому составу. В 1834 г. у старообрядческих наставников метрические книги были отобраны и переданы в полицейские управления. О заключенных браках старoverы обязаны были заявлять в полицию. Однако они ограничивались лишь предварительным заявлением в полицию о желании вступить в брак, и в деревенских моленных наставники объявляли о готовящемся браке за семь дней до свадьбы, а для записей самого брака молодые в управление не являлись. Поэтому скудный материал, содержащийся в архивах тартуской городской и волостных полициях, нельзя было использовать, так как он недостоверен. В Тарту, например, за девять лет, с 1880 по 1888 г., было зарегистрировано лишь десять браков у старoverов, которых числилось в городе свыше 500 человек³³. В ведомости «О родившихся старообрядцах Алацкивской области Юрьевского уезда Лифляндской губернии», за 1898 год против всех 30 имен новорожденных значится: «Брак супругов в полицейской метрической книге не записан»³⁴. Не содержит нужных данных и Летопись Носовской церкви, которую вели священники с 1824 по 1891 г., так как в графе «смешанные браки» не отмечено, с кем венчались прихожане — с раскольниками или с лютеранами. Впрочем, смешанные браки по этой ведомости нередки: с 1869 г. по одному-двум бракам в год на десять браков в среднем по приходу.

Только в 1914 г. наставники получили право вести метрические книги. Согласно Книге записей, по Калласте за три года (1914—1916) среднее число браков в год составляло 10—13, из них примерно один брак в год являлся смешанным либо по вероисповеданию, либо по национальности. За эти годы в двух случаях старoverские парни женились на эстонках, в одном — красногорская девушка привела православного мужа из ладожской деревни Морье. Но в целом определить, кто преобладал — «мирские» невестки или зятя — затруднительно. Никаких данных нет и о тех случаях, когда старoverы после заключения брака считались «отпадшими», т. е. переходили в официальное православие или лютеранство. По рассказам самих жителей, национальность человека, которого принимала старoverская семья, значения не имела, требовалось лишь, чтобы он был той же веры. Для местного населения подобное положение, т. е. обязательное перекрещивание, оставалось в силе вплоть до 1945 года.

Не менее строго требовалось соблюдение родственной дис-

³³ ЦГИА ЭССР, ф. 1880, оп. 1, ед. хр. 159, лл. 1—42.

³⁴ Там же, ф. 3110, оп. 1, ед. хр. 1.

танции между людьми, вступающими в брак. Не разрешалось жениться молодым людям, состоящим в кровном родстве (двоюродные и троюродные братья и сестры) или в свойстве (в родстве по браку). Не мог быть заключен брак, если у юноши или девушки была одна и та же крестная мать, запрещались браки между кумой и кумом, крестными одного ребенка, поскольку они состояли в так называемом духовном родстве. Собственно, ограничения для людей, вступающих в брак, у старoverов были те же, что и у жителей, венчающихся в церкви.

У населения Причудья независимо от вида формального заключения брака — венчания, регистрации, благословения наставником или родителями, и в XIX, и в первой четверти XX в. соблюдалась свадебная обрядность в ее развитом виде.

В Причудье были распространены большей частью браки между жителями своей деревни. Осенью, по возвращении отходчиков домой, с покровы, начинались молодежные гулянья. Девушки ходили с работой на супрядки, которые устраивались по очереди в домах, а вечером, в сумерки, их дожидались на улице парни, чтобы пройтись по деревне парами. Девушку, которую парень приглядел и начал с ней «гулять», называли его *дружницей*. В начале XX в. девушки собирались в специально снятой избе на беседы, куда приходили парни с гармонью. В то время вошли в обиход городские танцы и игры: *на фаны, в нумера, на почту сходить, мост мерять, голубей кормить*³⁵; ни одна из этих игр не обходилась без поцелуев. Традиционные *кятки* на лошадях в рождество и крещенье были тоже развлечением, главным образом, для молодежи. К зиме уже определялись близкие свадьбы: если парень приглашал девушку прокатиться в санках несколько раз, то это рассматривалось почти как объявление о сговоре. «Бабы следили: раз прокатил, да два прокатил парень девушку — быть свадьбе...».

С рождества до крещенья, в период, предшествующий «свадебной горячке», как называли здесь время от святок до масленицы, девушки с волнением ожидали своей судьбы. В деревнях Причудья записано множество брачных гаданий, широко известных по русской этнографической литературе. По вечерам собирались гурьбой и «пололи снег», приговаривая:

Полю, полю снежок,
Залай, залай, собаченька,
На свекра в подворотице³⁶.

³⁵ РКМ, Vene 1, с. 15—44.

³⁶ КМ ERA, Vene 2, с. 308.

Бросали галошу за ворота, и по тому, как ложился носок, определяли, в какую сторону выйдут замуж. Измеряли изгородь раскинутыми руками, т. е. маховой саженью, если получалось парное число, значит, девушка найдет себе пару. Очень распространен был обычай бегать с колокольцами (*позвонками*) под окна и спрашивать имя суженого-ряженого. Испеченый под новый год первый блин девушка клала за пазуху, шла на улицу и давала его первому же встречному, спрашивая: «Как имя моего суженого?». Девушки, собравшись в круг, гадали: чей петух клонет кучку овса, та и замуж выйдет. В ночь под новый год смотрели в кольцо, опущенное в воду. Если девушке в гаданье повезло, она об этом никому не рассказывала, так как боялась насмешек: «Если девушку не взял никто, а она сулилась, ей рогатки³⁷ вешали. *Мясодь* (мясоед) пройдет, на масляной сыпят сажу на дорожку к ее дверям и кричат — осталась, осталась...»³⁸.

Сватовство, подготовка к свадьбе и сама свадьба происходили в деревнях Причудья примерно так же, как и на соседней территории, расположенной к востоку от Чудского озера.

Свататься к девушке шли близкие родственники парня: его мать и братья, старшие братья с женами. Предварительная засылка свахи здесь не практиковалась; сведения о свахах имеются лишь из д. Нина³⁹.

Свататься шли обычно вечером, чтобы люди не увидели, не сглазили, предпочитали идти в среду, пятницу, субботу и воскресенье, т. е. в канун счастливых дней и в счастливые дни. Сватовство происходило быстро: у сватов было с собой вино — «на запой», как говорили в Тихеда, и если молодые люди между собой договаривались заранее, то и особой словесной игры не велось. «Ну, невеста, принимай свой товар», — говорила мать или невестка жениха. Тут же распивали вино, договаривались о дне свадьбы. Подтверждением того, что невеста не обманет жениха после сватовства, была *залюга* — шелковый платок, одеяло, кольцо и даже деньги. В случае, если невеста передумала, залюга оставалась жениху. Если жених получал отказ, то ему засовывали за ворот рубашки суковатку-рогатинку, ставили рогатины — *елины* с голыми сучьями на дорожке, ведущей к дому жениха и свата. «Сокращенное» сватовство практиковалось в деревнях Причудья в конце XIX — начале XX в. В «старину», примерно в 70-е годы XIX в., при сватовстве еще соблюдался обычай, сходный с обрядом, сопровождавшим наступление

³⁷ Рогатка — верхушка елочки в Причудье, так же, как и в западных районах Петербургской губернии, символ отказа при сватовстве.

³⁸ RKM, Vene 1, с. 15—44.

³⁹ KM ERA, Vene 2, с. 208.

совершеннолетия девушки, которому посвящена статья Д. К. Зеленина⁴⁰. В д. Нина, когда парень приходил свататься, девушка вскакивала на лавку, и, бегая по ней, приговаривала: «Хочу скацу, хочу не скацу». В настоящее время помнят об этом выражении и старые женщины Калласте, поясняя, что встарину, невеста ходила не по лавке, а по половине пола, а вот за озером «было по-прежности», то есть невеста прыгала с лавки, если соглашалась идти замуж⁴¹. Этнографы связывают этот обычай с надеванием понёвы, атрибутом одежды замужних женщин⁴².

Срок между сватовством и свадьбой редко превышал неделю. «Глядение» дома жениха родней невесты зачастую опускалось, так как о состоянии хозяйства друг друга были все осведомлены, знали примерно и хозяйственное положение семей близлежащих деревень. Смотреть хозяйство жениха ехали только в дальнюю деревню, причем также как и повсеместно на Псковщине, говорили, что едут *дымничать*.

На неделе, между днем сватовства и днем свадьбы, устраивали вечерину, девишник, на котором «проводжали молодость». К этому дню или к кануну свадьбы подружки готовили для невесты красу — елочку, украшенную шелковыми лентами и конфетами. Краса стояла в бутылке с водой в большем углу, а во время застолья — на столе. На вечерину собиралась молодежь обоего пола, пели песни, пили чай (но не вино). Нередко на неделе собирали две вечерины, и обе в доме невесты. Мальчишников, или «вечерок», в доме жениха не было. На вечеринах девушки опевали невесту, жениха, гостей и под конец исполняли широко известную русскую свадебную песню «Отлетала тая лебедушка...».

Во все последующие дни недели велись приготовления к свадьбе, главным образом в доме жениха, где и устраивали свадебный пир.

В вечер, предшествовавший свадьбе, родня невесты и кто-нибудь из ее подружек везли в дом жениха сундук с приданым, весь «кроватьный набор», занавески и половики, свернутые в рулоны (трубки). Девушки убирали комнату, предназначенную для молодых (заднюю избу), жених и его мать «выставляли» им за это угощение. В этот же вечер, обычно в субботу, подружки вели невесту в баню. Впереди несли елочку-красу, за пей гурьбой шли девушки, сопровождавшие невесту. Всю дорогу до бани девушки пели, и первой из песен была: «Растопляйся красна баинка...». По возвращении из бани девушки сажали невесту в больший угол и «чесали»

⁴⁰ Зеленин Д. К. Обрядовое празднование совершеннолетия девичьи у русских. — «Живая старина». СПб, 1911, вып. 2, с. 238, 239.

⁴¹ KM ERA, Vene 2, с. 208; RKM, Vene 1, с. 690.

⁴² Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, с. 620.

ее — по-очереди проводили гребнем по волосам, затем заплетали косу и вязывали в нее бледно-розовую ленту, означавшую, что невеста просватана. Иногда в косу клали серебряную монету.

В утро свадебного дня подружки наряжали невесту, у жениха собирался свадебный поезд («бывало запрягали до 20 лошадей, украшали их букетами и бубенцами»). Перед самым выездом жениха благословляли его сестры, братья, крестные отец и мать. В первых санях ехал дружка, во вторых — жених со сватом, затем поезжане — родня и друзья жениха. В доме невесты всю церемонию вел дружка: крестил кнutom каждую дверь, торговался с подружками за невесту, красу, за место около невесты. Когда жених усаживался на выкупленное место рядом с невестой, устраивалась застольица, но угощались «по-быстрому». Наступал серьезный и торжественный момент расставания, из дома «гнали посторонних», невеста плакала. В большем углу на полу стлали шубу, на нее перед родителями вставали на колени молодые, «два раза поклонятся — ничёва, а третий раз голову на низу держат». Тогда их хлебом и иконой (положенными в лукошко или решето) благословляют. «Мать обносит над головой, над спиной надо провести, чтобы они с хлебом жили век свой. Тогда отец благословляет, тогда крестна матка»⁴³. При этом каждый благословляющий повторял: «Жить с хлебом и солью». Хлеб для этого случая пекли обязательно круглый, в верхней корке вырезали ямку для соли, называли его *благословенным хлебом*. Икону и хлеб заворачивали в салфетку, и невеста брала их с собой. После благословения жених с дружкой выводили невесту из дому, красу (в начале XX века елочку нередко заменяли букетом из бумажных цветов) привязывали к дуге лошади, и весь поезд отправлялся в моленную или прямо в дом жениха (у православных — в церковь). На пути их перенимали, перегораживали дорогу жердями, устраивали ворота из елок, украшенных флажками, и дружка каждый раз откупался бутылкой вина. Как только молодая пара вступала в дом жениха (после венца у православных), их осыпали житом (*парили* в лицо), чтобы жилось хорошо: «Жито — это ведь жизнь человека». Переступая порог, невеста, по совету деревенских женщин, торопилась произнести слова: «Овцы мои; бойтесь меня, волк идет, съест вас». Значения этого выражения сейчас объяснить не могут, «волк» по-видимому означает здесь представителя другого рода (рода невесты). Жених с невестой становились на колени перед родителями, и те их благословляли. Сидя в большем углу, «около бога», жених и невеста ожидали прихода наставника, посторонние к этому времени уже расходились, оставались

⁴³ РКМ, Vene 1, с. 362, 714 (Тихеда и Калласте).

лишь члены семьи и близкие родные. Церемония домашнего венчания заключалась в том, что жених и невеста со свечами в руках становились к иконам, а «батька» читал им «большой начал». Молодым надевали кольца, и на этом заканчивалась торжественная часть свадьбы. В дом опять собирался народ. Молодую сажали за занавеску, расплетали ей косу, укладывали волосы в пучок и надевали (*повязывали*) повойник. Делали это обычно крестная мать или старшая невестка, жена старшего брата молодого. Ленту из косы молодой передавали девочке — золовке, сестре молодого. Лента эта не имела какого-либо особого названия. Известно, что лента — красная красота — олицетворяет в северовеликорусской свадьбе девичью волю, и с нею связано много свадебных песен. Название «красная красота» было распространено в б. Тверской губернии⁴⁴, а в Псковском уезде во второй половине XIX в. лента как важная принадлежность свадебного ритуала была зафиксирована около Изборска (Печорский район)⁴⁵. Но в 20-х годах XX века в этом районе в качестве красы выступает уже елочка⁴⁶.

Одним из эпизодов восточнославянской свадьбы является подставление другой, «фальшивой» невесты молодому. В Причудье примерно такой же обряд существовал еще в первой четверти XX в. Повязав голову молодой повойником, женщины звали молодого. Рядом с молодой сидела ее подружка, обе были покрыты платками, и молодой должен был угадать, которая из них его жена. Угадав, он снимал с нее платок, клал на повойник золотую монету, предназначавшуюся для женщины, надевавшей повойник, выводил молодую к гостям и говорил: «Посмотрите мой товар!». Гости кричали: «Вот так молодая, хорош товар...». В доме к этому времени собирался народ, «всем хотелось посмотреть на молодых». Молодая одаривала родню мужа: свекрови дарила полушалок и материю на платье, мужу, его отцу и братьям — по рубашке, сестрам — ткань на блузки или платки. Мастерство невесты в этих подарках не демонстрировалось, но по ним люди судили об умении невесты зарабатывать деньги, «заботная она или нет». После того, как невесте надели на голову повойник, молодым впервые в этот день давали поест, после чего они шли по деревне, приглашали *сродство* или *рбду*: «Пожалуйста, приходите к нам на свадьбу повеселиться...». Поскольку и у староверов, и у православных мать невесты никогда не при-

⁴⁴ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области, с. 226.

⁴⁵ Смеричанский В. Д. Этнографический очерк из быта крестьян Псковского уезда, с. 124.

⁴⁶ Шпис М. Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище Петсерского уезда (бывшей Псковской губернии) в Эстонии. Петсери, 1936, с. 9.

существовала на венчании дочери в моленной или в доме жениха, а отец бывал лишь в редких случаях, то жених специально шел приглашать на свадьбу тестя, называя в первый раз его отцом. Тещу на свадьбу никогда не звали, свадьба дочери — «это же ей печаль», говорят в Причудье. Молодые заходили в каждый дом вместе. Священник Носовской церкви особо выделил этот обычай: «Во время свадебного пира существует один недостаток. Так как свадьба всегда совершается в доме жениха, то молодые должны идти сами приглашать роду невесты, и много нужно кланяться и просить, чтобы они удостоили своим посещением»⁴⁷.

За свадебным столом гости располагались, где придется, определенное место предназначалось лишь для близких невесты: в большем углу сидели отец и крестные невесты. Сами молодые и дружка жениха ухаживали за гостями и за столом не сидели. Однако на памяти живущих нынче старых людей порядок этот изменился: за стол в больший угол, «возле бога» стали сажать молодых, а рядом с невестой усаживали родню жениха, и около последнего — родню невесты.

Мать невесты была отстранена от участия во многих церемониях в предсвадебный и свадебный периоды. Определенные обязанности возлагались во время свадьбы на крестную мать: она парила невесту в бане, доставляла ее приданое в дом жениха, во время венчания стелила подножье и следила за порядком, иногда повязывала голову невесты повойником. Крестный отец невесты оделял молодых подарками. Крестный и крестная невесты были почетными гостями на свадьбе, о чем свидетельствует их место за свадебным столом. Реже упоминают в рассказах о роли крестных жениха. Известно лишь, что они вслед за родителями благословляли жениха иконой перед тем, как свадебный поезд отправлялся к невесте.

Обязательной частью свадебной застольицы было опевание молодой пары и гостей. Опевали обычно старухи, знавшие величальные песни. За это гости одаривали девиц деньгами, и на собранные деньги сразу же покупали вино. Свадебный пир нередко длился всю ночь, многие гости оставались тут же ночевать.

Утром, после первой брачной ночи, молодая шла за водой, а ей всячески мешали — из ведра выливали воду, в колодце вырывали крюк — «откупайся, молодая». Та же игра сопровождала и традиционное приготовление блинов в русской печи: прятали от молодой сковородник, не откупится — блины сгорят; когда молодая начинала подметать пол, «воровали» веник, мусорили и т. д. Откупалась молодая шелковыми лентами и платками.

⁴⁷ Летопись Носовской церкви, л. 10. Запись 1892 г.

Чаще свадьбу справляли один день, в воскресенье. В завершение свадебного угощения подавали на стол кисель — «разгоняй» или манную кашу. Кашу разливали по чашкам или тарелкам, и гости «командовали» свекрови: — хозяйка, закрой кашу! Свекровь накрывала кашу тарелкой, а гости «выкупали» кашу, клали на тарелку деньги и ели из других чашек. Деньги «под кашу» и были единственным подарком гостей невесте.

Утром на второй день свадьбы молодые ехали к родителям молодой и приглашали их в дом жениха к столу. В случае, если «свадебных» уже не было, молодая приносила благословенный хлеб, клала его на стол со словами: «Как хлеб в семье любите, так и меня в семье любите».

Ровно через неделю после свадьбы, обычно в следующее воскресенье, молодые шли «к теще на яичницу». Яичницу теща подавала в большой глиняной чашке, накрытой тарелкой. На тарелку зять клал металлические деньги для тещи (она обычно тайком отдавала их дочери), а затем принимался есть яичницу. В доме собирался народ, и все с любопытством следили за тем, как начнет есть молодой яичницу: аккуратно, с краю, или разом смешает всю яичницу в чашке. Этим молодой оповещал всю деревню о добром целомудрии своей жены. Обычай подавать яичницу во время визита молодых к теще начал исчезать в начале XX в., не изменилось лишь само название посещения тещи: «на яичницу».

Послесвадебный период растягивался надолго, иногда на целый год, так как молодые каждое воскресенье шли на *отзывание* к кому-нибудь из родственников или друзей, гулявших на их свадьбе. Приглашенные (званные) гости на свадьбу никаких подарков не несли, зато отзывали (приглашали, звали к себе) молодых, устраивали им угощение. Про отзывание в Калласте говорят, что это как вторая свадьба.

В свадебной церемонии у староверов Причудья удержались до начала 1930-х годов такие обряды, как вечерины у невесты, приготовление для нее красоты, свадебный поезд с дружкой и выкуп невесты и красоты, благословение молодых хлебом, исключение из числа гостей в первый день свадьбы матери невесты, осыпание молодых житом в доме жениха, опевание молодых и гостей на свадебном пиру, испытание молодой на утро после свадьбы (пашет пол, идет за водой, печет блины), посещение матери молодой через неделю (к теще на яичницу), отзывание. Свадьба в Причудье в первые десятилетия XX в. уже отличалась от свадеб, справлявшихся, например, в Гдовском районе. Жительница Калласте, попавшая в бурю на восточный берег озера в начале 30-х годов и видевшая свадьбу в д. Ветвеник Гдовского района, отозва-

лась о ней так: «Мне жутко показалось, как старообразно у них играют свадьбу».

В чем заключалась «старообразность» свадьбы? В деревнях Ветвеник и Зигоска, например, всегда дымничали. В день свадьбы невесту сажали на квашню, волосы ее были распущены, и она плакала. Под пение (опевание) подружек к невесте подходили родные, проводили гребнем по волосам «чесали» и кидали ей в подол подарки, одаривали ее деньгами, дянками, платками. А подружки в это время пели:

Та зачем рано заплакала,   Разделяла косу на две косы,
Об своей ли об русой косе,   Выплетала алым ленточкам.
Об своей ли вольной волошке.   Вы красуйтесь, подружки мои,
Как пришла сватья немилая,   Как я раньше красовалась,
Она брала косу в обе руки,   Алым лентам забавлялася.

Когда жениха и невесту благословляли ее родители, молодая пара стояла на шубе, лежащей на полу шерстью вверх. Хлеб, которым наделяли невесту, назывался породником. Отъехав от дома невесты, свадебный поезд сразу же останавливался, и дружка шел приглашать родителей невесты на следующий день в дом жениха. Ему подавали пирог без ножа и вилки, и он отламывал кусок от целого пирога. Затем поезд отправлялся дальше. В доме жениха молодых осыпали житом и хмелем и встречали песней:

Привели к нам толенку,   У нас ведры грузные,
Привели к нам неженку,   У нас горы крутые,
Не дадут в нас толиться,   У нас свекрови старые,
Не дадут в нас нежиться,   Деревя упрямые.

В конце свадебного пира крестная мать молодой обходила гостей с блюдом, собирала деньги (говорили: «под ковши пошли»). Деньги крестная отдавала потом невесте.

Некоторые отличия наблюдались и в свадебной обрядности населения Печорского района. Обязательно дымничали, т. е. осматривали хозяйство жениха, ехали к жениху кашники — родня невесты. Вечеринки перед свадьбой устраивались и у жениха, и у невесты. Приглашали гостей на свадьбу отдельно: жених с двумя «братьями» ехал кланяться своей *роде*, невеста с двумя подружками — своей. Накануне свадьбы топили баню для невесты. В день свадьбы, утром, родственники «чесали» невесте волосы и дарили ей подарки. Родители благословляли жениха и невесту *надельным хлебом*. Ленты из косы невесты жених бросал в толпу девушек, а повойник брал с собой в церковь. В доме жениха свекор

снял кнутом с головы молодой платок. Откупалась молодая самодельными поясками.

В деревнях северного Причудья и Принаровья свадебный обряд имел свои особенности. Сватовство состояло из двух этапов: посещения свахи и рукобитья, или богомолия (богу молились). Здесь также дымничали. Накануне свадьбы для невесты топили баню. Убирать дом жениха шла не невеста, как в Причудье, а ее подружки и тетка. Обычай расчесывания волос невесты здесь не соблюдался, но утром родня устраивала и невесте, и жениху проводы («прощались под ковши»). Главные участники свадьбы со стороны жениха назывались *клетниками*, а вся невестина рода — *волками*. При благословлении жених и невеста стояли на шубе. До венца молодые ничего не ели. От венца молодая ехала уже в повойнике. В доме жениха свекровь «сажала молодую в платки», т. е. покрывала ее платком, затем снимала его и, встряхивая в сторону, приговаривала: «Наша молодая не спала, не дремала...». После этого молодой на руки сажали мальчика или девочку. «Волкам» отводился второй день свадьбы. Тогда же молодая приглашала деревенских женщин, дарила им повойники, угощала водкой. Назывался этот обычай *баней*, хотя никто в бане не мылся.

Приведенный материал свидетельствует о том, что свадебная церемония у жителей Причудья в силу особенностей их быта модернизировалась быстрее, чем у русских крестьян Северо-Запада России. В конце XIX — начале XX в. отдельные этапы свадьбы сократились, некоторые обряды, предшествующие свадебному периоду, исчезли. Несколько дольше удерживались отдельные детали псковской свадьбы в д. Нина. Но в целом отличия в свадебной церемонии православного и старообрядческого населения Причудья были незначительными, и, можно сказать, что она была единой для данного района.

Рассказывая о своей молодости (первое десятилетие XX в.), женщины нередко говорят: «Я вышла замуж в большую семью». Понятие «большая семья» раскрывается при перечислении ее состава: родители мужа (свекор и свекровь), их дети (братья и сестры мужа), число которых иногда достигало 5—7 человек, незамужняя сестра свекра (тетка молодого). Таков был состав семьи из 10—12 человек. Но из перечисленного состава следует, что это были не большие «неразделенные» семьи, а скорее многодетные. Имеются сведения и о неразделенных семьях, состоящих из стариков-родителей и двух—трех женатых сыновей с детьми. Если женатые братья почему-либо не могли разъехаться, жили в одном доме, то хозяйство этих семей не обязательно было общим, чаще «каждая невестка ставила в печь свой чугун». Послед-

нее фактически означало обособление малой семьи внутри большой. В конце XIX — начале XX в. у населения Причудья доминирующей формой семьи стала малая семья, живущая отдельно от родственных малых семей или под одной крышей с ними.

Как показывают архивные материалы, в середине XIX в. в д. Казепа, например, были распространены семьи из 4—6 человек, составлявшие, по данным 1861 г., 54% от общего числа староверских семей в деревне⁴⁸.

Причиной выделения малых семей в Причудье явилось отсутствие земли, интенсивный неземледельческий отход.

Значительное увеличение числа дворов в русских деревнях Причудья во второй половине XIX в. может свидетельствовать не только о притоке новых поселенцев, но и о разделе больших семей. Молодая семья отделялась, когда была собрана, благодаря отходничеству и мужа, и жены, достаточная для строительства своего дома денежная сумма.

Порядок наследования у староверов Причудья не отличался от общепринятого у русских крестьян. Имущество отца наследовали все его сыновья. Дочерей при разделе имущества не учитывали. Но если после смерти отца в семье оставались незамужние дочери, то брат, у которого они теперь жили, выдавал их замуж, т. е. нес расходы по свадьбе.

Специфика экономической жизни населения проступает в составе наследства. Основное имущество семей рыбаков и каменщиков составляли дом со двором, а наиболее ценным движимым имуществом считались лодки и рыболовные снасти. В семьях лавочников, скупщиков рыбы и крупных подрядчиков к основному имуществу кроме дома относился и капитал, величина которого, как правило, от наследников скрывалась. Боязнь остаться обделенным и желание получить пай получше вынуждали сыновей и невесток всячески добиваться расположения стариков. Выделялись любимчики, что неизбежно приводило к семейным ссорам и интригам между наследниками.

При разделе имущества законом являлось устное завещание отца. Если отец был при смерти и если приглашали наставника, то после исповеди, при батьке (наставнике) и при свидетелях, он распределял свое имущество между детьми. Обычно родители оставляли хозяйство младшему сыну, а старшие обзаводились им сами.

Несмотря на распад больших семей, патриархальные традиции, свойственные большим семьям, здесь удерживались в течение долгого времени.

Главой семьи являлись отец, свекор, свекровь. В руках одного из них была сосредоточена неограниченная власть.

⁴⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 3110, оп. 1, 1861 г., ед. хр. 264.

Так, все деньги, заработанные членами семьи на отходе, отдавались отцу, который и распоряжался ими по своему усмотрению («Всё до копейки отдавали отцу, и он всему хозяин был»). Когда сын приводил в дом молодую жену, то она подпадала под власть свекра: «Свекор до смерти, до 90 лет, был хозяин. У него и деньги были, все ему отдавали. Он строгий хозяин был, не давал хозяйке деньги без пути тратить, а всё по счету, всё под замок». Нередко главой всему была свекровь: «Во всем ее согласие должно было быть. Общие деньги лежали в ящике, но давала разрешение на покупки свекровь». Старики редко осуждали подобный порядок, приводя аргументы: «Семья строилась, когда складывали всё в один кошелек и жили дружно. А если много кошельков, то — бедность».

Семьи староверов были многодетными, так как насильственное прерывание беременности истолковывалось как убийство ребенка, за которое женщина отвечала перед богом. Поэтому «рожали сколько приходилось, что ни год, то — поп», т. е. крестины. Влияние религиозного фактора стало ослабевать с начала XX в. Женщины пытались ограничить рождаемость детей или сами, или обращались за помощью к деревенским бабкам. В результате этого рождаемость снизилась, особенно в 1920—30-е годы. Падение рождаемости в эти годы, впрочем, не в такой степени, как среди эстонского населения, было общим явлением для всей буржуазной Эстонии (в 1920—1924 гг. коэффициент рождаемости составлял 20, в 1930—1933 гг. — 16,8, а в 1934 г. — 15,4). По сравнению с этими данными «самый высокий коэффициент рождаемости был в тех городах Эстонии, где преобладало русское население: в Калласте — 32,6, в Муствэе — 21,6»⁴⁹.

Рожали детей дома, при родах женщинам «посабляли» деревенские бабки. «Покровительницей» рожениц здесь, как и в деревнях Печорского района, считалась пресвятая богородица федоровская.

Слабого и больного ребенка старались сразу же окрестить, боялись, что он умрет и батька не станет его хоронить. В общем же время между датой рождения ребенка и крещением его было произвольным — от трех дней до двух и более месяцев.

В XIX — начале XX в. обычай посещать *родиху*, ходить в *навиды* являлся не только семейным обрядом, но и одной из традиционных особенностей социальной жизни деревни. С крестинами он не был связан. Роженицу навещали через несколько дней после родов ее ближайшие родственницы и

⁴⁹ Pullat, E. Eesti linnarahvastiku loomulik ja mehhaaniline liikumine ning vanuseline struktuur aastail 1917—1940. — «Изв. АН ЭССР. Общественные науки», 1969, т. 18, № 1, с. 40—41.

соседки — всего несколько человек. Из мужчин никого не было. Группа женщин (в возрасте примерно до 50 лет), живущих по соседству, была связана многолетними взаимными навидами («все ведь рожали»). Если соседка, ходившая в навиды, не рожала, то ей что-нибудь дарили ко дню именин. Каждая женщина пекла без сговора с другими сдобную булку или пирог: «... С пустыми руками в навиды не пойдешь, все что-то надо испечь». Принимала гостей свекровь, родиху из постели не выпускали, опасались, что она «облюдеет», заболит от сглаза. Свекровь ставила самовар, угощала гостей, и «ни песен, и ни басен...», как рассказывают, никаких не было.

Выбирала крестных обычно мать новорожденного, придерживаясь действующих здесь ограничений: звала женщину, которая крестит только мальчиков или только девочек, а если выбирала молодых, то обязательно «сродственников», чтобы кумовство не стало впоследствии препятствием для их брака.

Ко дню крестин кумовья особых подарков не готовили, дарили только ризки — 3 аршина миткаля, в который заворачивали ребенка после купели. В моленную несли ребенка крестные, их сопровождали родственницы матери ребенка (тетка, сестра). Сама мать считалась нечистой и не могла заходить в моленную. Когда крестные возвращались из моленной, их поили чаем.

Имя полагалось выбирать в святцах на восьмой день после рождения ребенка. Но если на этот день приходились неприемлемые имена (Ябгарий, Явгарий, Асташ и т. д.), родители могли выбирать имя из тех, что значились в святцах на восьмой день назад или вперед от дня рождения ребенка. Впрочем, считалось, что имя, данное новорожденному по имени ангела, значившимся в святцах в день его рождения, принесет счастье ребенку. По-видимому, этим и объясняется удерживание архаических женских и мужских имен в Причудье. Так, например, в «Регистре родившихся в Калласте с 1926 по 1944 г.» зафиксированы такие редкие имена, как Феопопт, Эпихария, Кириакия, Мастридия, Филумен, Филумена и др.

Крестных называли баткой и маткой. Подарки, которые они дарили крестнику, большей частью исчерпывались крашеным яичком на пасху. И лишь на время свадьбы народный обычай налагал на них, особенно на крестную мать невесты, определенные обязанности.

В 1920-е годы навиды стали называть *варушами* (от эст. *vargid*), приношения роженице стали разнообразнее и более «на городской манер».

Детей в Причудье также воспитывали в определенных тра-

дициях: их рано привлекали к труду, сначала к домашнему, а с восьми лет и по найму. Заработок дети отдавали отцу. Право на известную долю заработанных денег они получали лишь по достижении юношеского возраста. Впрочем, в конце XIX в. семьи были в этом отношении неодинаковы. В одних семьях разрешалось подростке дочери метать свою сетку на сига: за рыболовный сезон на Ладоге у нее скапливалось 6—7 рублей. В других семьях девушки, пробывшие на сезонной ловле в Ладоге или проработавшие на кирпичных заводах, часть денег оставляли себе — «одеваться хотелось». Но были и такие семьи, в которых дети по заведенному порядку, «все до копейки отдавали отцу». Просьба дочери, принесшей заработанные в помещичьем саду деньги, купить ей плюшевое пальто, вызвала такой гнев отца, что «он и деньги на стол бросил, закричал — купляйте и уходите». В таких семьях отец сам справлял приданое дочерям, покупал для них киот, одежду, комод.

Детей воспитывали в страхе перед родителями: «Раньше, знаешь, как отца и матери боялись? Розги и ремень так по плечам и ходили за послушание». Строго регламентировалось время, которым располагала зимой молодежь: «Гуляли только днем и только по воскресеньям или по праздникам. Как сумерки — будь дома. В 8 часов вечера, если огонь здынут, девушка не имела права выйти из дому. По субботам, после вечерни, тоже никто не выходил. Весь пост, семь недель, никакого веселья... И на супрядки матери не в каждый дом разрешали им ходить, говорили: — Там вольные девушки живут, зачем вам идти?».

Старики, или «отцы», всюду контролировали поведение детей и молодежи, и молодых, нарушавших требования деревенской морали, называли *нестепенными*, *вольными*, *вольницей*. Общество целиком и каждая семья в отдельности воспитывали у младшего поколения чувство уважения к старшим: «Стариков завсегда у нас почитали, уважали». Дети должны были относиться с уважением ко «всем отцам», т. е. к старшему поколению всей деревни. Замечаний стариков и их щелчков боялись дети, стоя в моленной. Присутствие стариков заставляло степенно вести себя молодежь и во время воскресных хороводов.

В том случае, если молодые поступали вопреки желанию родителей, общественная мораль требовала соблюдения известной церемонии — послушавшиеся должны были «покориться». Так, например, родителям не понравилась невестка. Отец выгнал сына из дому. Сын ушел с женой, снял квартиру. Родня посоветовала ему покориться отцу. Сын пошел к отцу, поклонился ему в ноги. Отец простил сына, а потом половину дома ему отдал. Дочь, убежавшую к жениху, несмотря на за-

прет отца, родители простили после того, как молодые покорились — упали в ноги родителям, и отец «вытянул ремнем зятя вдоль спины». А затем молодым устроили свадьбу и дочери выделили приданое.

Область воспитания была почти единственной, где четко проявлялись взаимоотношения микросоциальной среды и семьи. Каждая семья, например, сама заботилась о перекрещивании в «старую» веру зятя или невестки, вступивших в брак с кем-нибудь из ее детей. Без вмешательства деревенского общества развивались внутренние отношения мужа и жены, невестки и свекрови, родителей и детей. Выполнение обрядности, связанной с рождением ребенка и браком, также являлось внутренним делом семьи или «роды». Скромно и немногочисленно проходили крестины, свадьбу могли справлять, но могли обойтись и без нее.

Среди обрядов самым значимым был похоронный обряд. В проведении его участвовали не только члены семьи и родственники, но и вся религиозная община. Не случайно, правительственные власти, зорко следившие за тем, чтобы старообрядцы «не вводили в соблазн правоверных», обратили внимание на общественный характер этого обряда и определили стеснительные нормы для погребения.

Дело «о противозаконном погребении в Дерпте раскольниками мещанина С. Н. Панова» возникло в 1835 г. в связи с тем, что «полицмейстер приказал им совершить погребение ночью, без иконы и покрывала», а хоронили вечером, наставник Данилов «следовал за гробом с кадильницей», перед гробом несли икону, гроб был покрыт «покрывалом, какое носят русские женщины», и во время несения гроба от моленной до кладбища присутствующие пели «святой боже».

По этому делу в Петербурге было вынесено заключение: «Считать наставников провинившимися в том, что похороны совершены были публично и с церемониями, предоставленными исключительно православной церкви». Полицмейстеру был объявлен строгий выговор, а наставник Абрам Данилов был приговорен за совершенное им погребение к штрафу в 500 рублей⁵⁰.

В Причудье похоронный обряд проводился по сложившемуся издавна обычаю. Дом, где лежал покойник, навещали свои деревенские, над умершим трое суток непрерывно читали молитвы специальные читальщики. Во время отпевания в моленной приходили «отдать долг умершему» съезжавшаяся отовсюду родня и свои деревенские. После похорон семья покойного устраивала поминальный обед для наставника с

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, лл. 8, 32, 33, 37, 38, 39.

притчем, для родственников и соседей. Отмечались в течение года и все положенные панихиды.

Сложившийся у староверов Причудья семейный быт медленно поддавался внешним воздействиям, но начиная с первого десятилетия XX в. молодежь стала понемногу высвобождаться из-под деспотической власти старших. Однако и в 20—30-е годы в семье главенствующая роль принадлежала свекру (отцу) или свекрови (матери). Постепенно под воздействием социальных и экономических факторов влияние старших в семье стало ослабевать. Увеличилась доля детских заработков (пастушество, работа по найму у крестьян и др.) в бюджете семьи, и это придавало детям известную самостоятельность и смелость. Тем не менее молодые не осмеливались нарушать традиционный обычай заключения браков — инаковерующего зятя или невестку, попадавших в семью староверов, обязательно перекрещивали. И молодые подчинялись этому требованию, считаясь с общественным мнением деревни.

1945—1970 гг. За годы, прошедшие со времени окончания войны, в семейном быту староверов Причудья произошли изменения, вызванные социально-культурными преобразованиями, происходившими в Причудье. Примером того может служить Калласте.

В Калласте большая часть семей включает мужа, жену и их детей, меньшая часть — кроме того и родителей главы семьи или одного из них.

Для выяснения положения членов семьи и внутрисемейных отношений, существующих в настоящее время, рассмотрим семьи, состоящие из трех или двух поколений.

Доходы современной семьи складываются из заработков мужа и жены в общественном хозяйстве колхоза или на производстве, а также из сумм, полученных от продажи продуктов своего приусадебного участка. В отличие от прошлого, мужчины отходничеством не занимаются, а работают в колхозе, промкомбинате и на предприятиях обслуживания. Женщины также работают в колхозе, на производстве или в своем подсобном хозяйстве. Если в семье живет мать мужа (свекровь), то хозяйством занимается она, а жена работает.

Изменилось положение детей в семье — ранние детские заработки, особенно характерные для буржуазного периода, ушли в прошлое. Но при этом дети-школьники помогают колхозам в наиболее напряженные периоды, осенью — на уборке урожая, весной — при переработке снетка, а заработанные деньги тратят на свои нужды.

Изменились и внутрисемейные отношения. Главой семьи, хозяином, считается муж, однако теперь все деньги находятся у жены-хозяйки. В случае надобности дети просят денег

не у отца, а у матери. Муж также обращается к жене за деньгами. Жена в основном покупает все необходимое для дома (мебель, убранство) и членов семьи (одежду, белье, обувь и т. п.).

Старики-родители занимают теперь в семье иное положение. Если супружеская пара (с детьми) живет в доме мужа вместе с его родителями и если последние еще работоспособны, то хозяйство ведется обычно раздельно. Но если супруги живут с одним из стариков (свекром хозяйки), то хозяйство у них тоже раздельное, а если с матерью хозяина или хозяйки, обычно общее. Мать в последнем случае является равноправным членом семьи и в меру своих сил работает в хозяйстве. Общая работа, общие семейные интересы объединяют невестку и свекровь (в противном случае невестка настаивает на разделе), и бывает, что невестка добровольно отдает свекрови все деньги и советуется с ней о расходовании их. Но о принудительном подчинении воле свекрови уже почти не слышно. Положение стариков в семье сына изменилось: они лишились экономической власти, а с нею и непререкаемого авторитета во всех вопросах, касающихся семьи. Некоторые старики, чувствуя себя униженными, не могут примириться с подобной переменой в своем положении. В семье возникают столкновения, скандалы с невесткой, которые оканчиваются разделом имущества. Но чаще старики мирятся с наступившими переменами, активно участвуют в делах семьи, помогают молодым советами, делятся своим опытом. Они больше не требуют от членов семьи выполнения религиозных обрядов, настаивая в некоторых случаях лишь на крещении внуков. Следует отметить лишь общую для молодого поколения тактику в отношении стариков. Будучи неверующими, дети и внуки не высмеивают религиозные чувства стариков и не препятствуют им совершать обряды. Положение в семье хозяина до сих пор сохраняет традиционные черты. За хозяином сохраняется право решать основные семейные вопросы, сильна и традиция внешнего уважения к мужу — жена не осмеливается «позорить» мужа перед обществом.

У некоторых отцов в отношениях с детьми заметна манера поведения, характерная для отцов патриархальной семьи. Такие отцы держатся сурово, неулыбчивы, в особые разговоры с детьми не пускаются, до дружбы с ними не снисходят. Их боятся, что, впрочем, не мешает старшим детям поступать в жизни по своему разумению.

Особый интерес представляют положение детей в современной семье и взаимоотношения между родителями и детьми.

Одна немолодая женщина из Калласте закончила рассказ о своем нелегком детстве такими словами: «Теперь детям — царская жизнь». В пример она привела своего младшего сына:

«Ему уже 15 лет, а он лишь по хозяйству помогает, сетки складывает, в магазин сбегает... учись только».

Теперь необходимость зарабатывать с 7—8 лет на хлеб для причудских детей отпала. Но объем домашних работ в семьях не уменьшился, дети полют летом грядки, носят ведрами воду из колодца, колют дрова и выполняют другую посильную работу. Участие детей в этих работах обязательно. Однако наблюдения показывают, что по мере повзрелости они освобождаются и от домашних работ.

Образование теперь считается наиболее важным и необходимым для детей. И в этой области желание родителей и усилия учителей средней школы совпадают. Семьи прочно и многосторонне связаны со школой, а коллектив учителей — с семьями учеников, что, несомненно, имеет важное значение и в деле воспитания детей. К личности ребенка, к его занятиям относятся со вниманием и с известным уважением. После окончания школы дети, как правило, сами решают свою судьбу — остаются дома либо уезжают в город учиться или работать. Однако наряду с новыми тенденциями во взаимоотношениях родителей и детей сохранились и местные традиционные особенности. Главная из них — устойчивость семейных связей, которая особенно заметно проявляется при отъезде детей из дому. Родители помогают продуктами своего хозяйства и деньгами тем детям, которые учатся или работают в городе и «недостаточно крепко стоят на ногах». Денежная помощь зависит от доходов семьи и является лишь небольшим подспорьем к стипендии или к заработной плате, либо составляет разовую сумму, необходимую для покупки одежды, обуви, мебели. Весьма существенна помощь родителей при рождении ребенка в семье живущих в городе дочери или сына. Немало таких случаев, когда старая мать-вдова продает дом и переезжает в город к дочери или сыну. Если молодые родители испытывают затруднения с жилой площадью и не могут почему-либо поместить ребенка в ясли, то его отсылают к матери и отцу в Причудье, где он и живет до двух-трех-летнего возраста. Иногда для того чтобы помочь молодой семье, мать едет в город, живет там зиму, а весной возвращается к себе в деревню и берет с собой внука или внучку. Дети, работающие в городе, весной приезжают домой на два-три дня, чтобы вскопать огород, во время отпуска помогают родителям заготавливать дрова на зиму, ремонтировать дом, заменяют мать при поездке на рынок с овощами. Они помогают родителям не только своим трудом, но и стараются обеспечить их необходимыми для ремонта строительными материалами, транспортом, топливом, некоторыми продуктами, отсутствующими в сельских магазинах.

Устойчивость семейных связей проявляется и в традицион-

ных сборах родственников по случаю важных семейных событий (похороны, свадьба) и больших праздников (чаще новых, реже старых — успенья, крещения, пасхи, троицы).

За минувшее тридцатилетие в Причудье произошли известные механические сдвиги в структуре населения, что не могло не оказать влияния и на тенденции заключения брачных союзов у старообрядческого, в прошлом, населения. Это хорошо прослеживается на материале, собранном в Калласте.

По данным Тартуского районного отдела записей гражданского состояния, в 1941 г. было заключено восемь браков, обе стороны которых происходили из местных староверских семей. Начиная с 1946 г. стали заключаться и смешанные браки, такие, когда жених или невеста (условно назовем их пришлыми) не принадлежали к местной территориальной и религиозной группе. В первое послевоенное пятилетие (1946—1950 гг.) гомогамные браки всё же преобладали, но затем процент их стал уменьшаться. Процесс этот можно проследить по нижеследующим таблицам, составленным на основании данных Тартуского загса.

Необходимо отметить, что приведенные данные очень приближительны. В военные годы и позже, вплоть до настоящего времени, местное население Калласте пополнилось приезжими из разных районов Эстонской ССР и из соседних областей и республик, семейными и одиночками. За эти же годы (вплоть до 1965-го) Калласте покинуло 188 человек, которые разъехались по городам Эстонии (в Таллин — 30, в Тарту — 47, в Сланцевый бассейн — 15 человек и т. д.) или уехали в отдаленные края и области РСФСР.

Таблица 14. Количество браков за 1946—1966 годы

Годы	Муж и жена местные из Калласте или из соседних деревень Причудья		Муж не местный, жена из Калласте		Муж из Калласте, жена не местная		Всего браков
	Число браков	Процент	Число браков	Процент	Число браков	Процент	
1946—1950	34	72,4	4	8,6	9	19	47
1951—1955	20	40	6	12	24	48	50
1956—1960	30	57,7	13	25	9	17,3	52
1961—1966	15	30,6	23	47	11	22,4	49
Всего за 21 год	99	50	46	23	53	27	198

Из дому уезжают, как правило, молодые люди. Вступая в брак, они регистрируют его либо в Тарту, и в таком случае справляют свадьбу в Калласте, либо по месту нового жительства и работы. Таким образом, данные Тартуского загса отражают далеко не полно характер заключаемых браков, так как многие браки заключаются в других районах и республиках Советского Союза.

Таблица 15. Национальная принадлежность супругов

Национальность вступающих в брак	Муж не местный		Жена не местная	
	Число	Процент	Число	Процент
Русские из соседних «православных» деревень	7	15,5	12	31
Русские из других республик и областей РСФСР	17	40,4	10	25
Эстонцы из районов и городов ЭССР	10	23,8	10	25
Эстонцы из Псковской и Ленинградской областей	2	4,8	6	16
Люди другой национальности	7	15,5	1	3

Браки, смешанные в территориальном отношении, оказываются и национально смешанными, что показано на табл. № 15.

Как следует из приведенных в таблицах данных за 21 послевоенный год, половина новых семей в Калласте образовалась в результате браков местной молодежи из семей разной (в прошлом) конфессиональной принадлежности. При этом число мужей, приехавших из других районов, из года в год увеличивается, что объясняется преобладанием девушек среди причудской молодежи брачного возраста. Местные мужчины после службы в армии или по окончании учебы зачастую женятся и не возвращаются домой. Контингент местных женихов популяется юношами, окончившими Калластеское профтехучилище, родители которых живут или в Калласте, или в соседних областях РСФСР и районах Эстонской ССР. Иногда девушки «привозят» мужей из города, где они работали, с целины или с новостроек. Русские мужья из соседних «православных» деревень составляют сравнительно небольшой процент, так как обычно жена переезжает к мужу (ср. с высоким процентом жен, «взятых» из этих деревень, в табл. на с. 224). Довольно много браков заключается с эстонцами или с эстонками, родившимися в Эстонии. В целом в Калласте эти браки составляют 1/4 всех смешанных браков. Как уже отмечалось, браки с эстонцами заключались и раньше (до 1917 г.). И надо сказать, что в настоящее время

бабушки-староверки благосклонно относятся к тому, что их внучки выходят замуж за эстонцев, так как считают эти браки более прочными. Представляет интерес национальный состав мужей, приведенный в конце таблицы на с. 225: из семи мужчин — три украинца, один белорус, один чуваш, один армянин и один кабардинец. В этой же таблице указана лишь одна «пришлая» жена. Фактически жен нерусской и неэстонской национальности было больше, но некоторые из них в данные Тартуского загса не вошли, так как приехали в Калласте после регистрации брака в другом городе.

Значительное увеличение числа смешанных по вероисповеданию (гетерогенных) браков объяснить не трудно. Они являются результатом возросшей миграции населения Причудья, склада всей его современной жизни. Более показательным для сдвигов в религиозно-семейных нормах староверов, пожалуй, является изменение местного общественного мнения относительно этих браков. Смешанные браки, при которых в семью входит иноверец, не старовер, постепенно перестали быть причиной конфликтов в семьях, и «сельское общество» стало принимать пришельцев в свою среду, оценивая их по трудовым и моральным качествам, а не по религиозной принадлежности.

Следовательно, по сравнению с предыдущими периодами у жителей Калласте, в прошлом староверов, происходили следующие изменения:

1. Неуклонно сокращалось число браков, заключаемых между единоверцами.
2. У верующих, даже самых ревностных, вырабатывалось терпимое отношение к смешанным бракам.
3. Возрастало число смешанных браков, что указывает на ослабление религиозных предписаний вообще, а следовательно, и общей религиозности населения Причудья.

Не осталась неизменной у западных причудцев и свадебная обрядность. За тридцатилетие, прошедшее после окончания войны, традиционный свадебный обряд значительно упростился. Однако говорить о полном исчезновении традиционных черт народной свадьбы еще нельзя (см. схему на с. 227).

В первые послевоенные годы свадеб, как говорят сами жители, играли много, и в зависимости от материального достатка семей их справляли по-разному: отмечая скромным ужином в тесном семейном кругу либо «пышно», т. е. с большим количеством гостей, с подарками, опеванием сидящих за столом жениха, невесты и гостей, с последующим отзыванием молодых. И в эти, и в последующие годы четкое представление о свадебной церемонии сохранилось в памяти пожилых людей, и по мере возможности их наставлениям следовали.

Схема традиционной свадьбы у русских западного Причудья

Традиционная свадьба	Конец XIX — начало XX в.	1920—1940 гг.	1945—1960 гг.	1961—1970 гг.
Сватовство				
Невеста дает залог жениху				
Подружки приносят невесте красу (елочку, букет)				
Жених дарит невесте платье, невеста жениху — рубашку				
Невеста устраивает девичник, вечеринку				
Для невесты топят баню накануне свадьбы (песня «Растопляйся, красна байка...»)				
Невеста с близкой родственницей убирают в доме жениха комнату, предназначенную для молодых				
Свадебный поезд (жених, дружка и поезжане) едет за невестой				
Выкупают невесту и красу у подружек				
Поезжан угощают в доме невесты				
Родители невесты благословляют молодых иконой и хлебом-солью				
Венчание в церкви (православ.)				
Деревенские жители перенимают поезд, выставляют столы, требуют выкуп				
Дружка откупается вином				
Свекровь осыпает молодых житом				
Вместо венчания жениха и невесту благословляют наставник или родители жениха				
На молодую надевают повойник				
Молодая одаривает родню мужа				
Молодые приглашают гостей на свадьбу				
Родители невесты в первый день свадьбы не сидят за столом				
Женщины опевают гостей и молодых				
Испытывают молодую во второй день свадьбы				
Молодые ведут родителей новобрачной к столу				
Собирают среди гостей деньги «под кашу»				
Молодые идут к теще на яичницу				
Все присутствующие на свадьбе по очереди приглашают молодых в гости				

Для примера приведем рассказ коренной жительницы Калласте, жены местного рыбака, о своей свадьбе, состоявшейся в 1950 г. (дается в изложении).

После того как молодые люди договорились между собой о браке, жених пришел со своим братом свататься к родителям невесты. Их угостили вином, мужчины «погуляли», и стороны договорились о свадьбе. Брат жениха — сват никаких присказок не говорил, девушка «залог» жениху не давала. Вскоре молодые люди зарегистрировались, но ничем это событие не было отмечено. Оба дома стали готовиться к назначенному дню свадьбы. В последние дни недели перед свадьбой в доме невесты собрались девушки — ее подруги. Пили чай с печеньем, пели старинные («Отлетала тая лебедушка...») и современные песни. Парней на вечеринке не было. Накануне свадьбы родственницы невесты снесли в дом жениха половики, скатерти, занавески, покрывала и все необходимое для убранства комнаты молодых. В день свадьбы, часов в 12, жених с невестой пошли собирать по деревне гостей. Было приглашено около 30 человек — родственников невесты (рбда) и ее подруг. В 2 часа дня жених ушел одеваться. Пока накрывали на стол, невесту одели в белое свадебное платье, но никаких обрядов при этом не выполняли. Затем в доме невесты собрались гости; из родственников жениха были только его брат и сестра с мужем. Примерно с трех часов дня и до десяти часов вечера гостили у невесты. Гости приходили с подарками, дарили чайный сервиз, скатерти, покрывала, сервиз «под вилки» (мелкие тарелки) и другие вещи, которые преподносила каждая супружеская пара, приглашенная на свадьбу. Гости не кричали «горько», это у жениха в доме кричат. Когда отгуляли у невесты, собрались к жениху. Мать благословила молодых иконой, надела их хлебом-солью. К крыльцу подали грузовую колхозную машину. Лишь только молодая успела спуститься с крыльца, как около машины уже было поставлено три стола. Их выставили ближайшие соседи. На столах, накрытых скатертью, были поставлены цветы и пустые бутылки. Соседи стояли и молча разглядывали молодых. Дружка (брат молодого) тотчас же достал из ящика три бутылки водки и заменил пустые бутылки. Соседи взяли их и ушли домой. Сели опять в машину, молодые — в кабину, дружка — в кузов. Только машина тронулась, как снова у дороги был поставлен стол. Дальше машине перегородили путь веревкой — ставьте, мол, бутылку. Опять столы... Родители жениха поджидали молодых — как только невестка вошла в комнату, свекровь бросила ей в лицо горсть жита. Первым делом молодые помолились богу, затем поклонились родителям жениха. Сели за стол — молодых посадили возле «бога»,

рядом с ними разместились родственники. Мать и отец невесты на свадьбе не присутствовали. В то же время целого ряда старых обычаев не придерживались — не выкупали, не повязывали голову невесты повойником или платком, не опедали. Сидели за столом и веселились почти до утра, многие остались и ночевать, а молодые ушли к родителям невесты. Утром родители молодой пришли. Через неделю после свадьбы молодые были приглашены к теще на яичницу. Туда были созваны родственники молодых и соседи, и снова началось гулянье. Само блюдо — яичница — на стол не подавалось. Через несколько дней молодые перевезли к себе приданое — шкаф, трюмо, швейную машинку. Остальную мебель и имущество наживали сообща.

Следовательно, свадьба, сыгранная в 1950 г., содержала еще немало действий, имеющих много общего с действиями традиционной местной свадьбы у населения Причудья: сватовство, угощение вином, девичник, приготовление комнаты для молодых в доме жениха, разрыв во времени между днем регистрации и днем свадьбы, отдельные приготовления в доме невесты и в доме жениха, благословление молодых иконой и хлебом, перехватывание молодых на пути следования свадебного поезда от дома невесты к дому жениха, отсутствие родителей невесты в первый день свадьбы за столом в доме жениха, «яичница» у тещи через неделю после свадьбы. Но были здесь уже и новые моменты, присущие городским и эстонским свадьбам: подарки молодоженам, водка, принесенная на свадебный пир. Они заменили старинное отзывание. Следует отметить, что свадьбы справлялись подобным образом в том случае, если и жених, и невеста были местными жителями. Если же кто-нибудь из них был «пришлый», то свадьбу справляли только в одном доме, и многие элементы в ней опускались совсем, даже при широком праздновании и большом количестве гостей.

Изменения в свадебной обрядности произошли в начале 1960-х годов, и в этом определенную роль сыграл новый порядок оформления браков. Примерно с 1958 г. в городских загсах республики бракосочетания стали проводиться торжественно, будничная регистрация превратилась в событие, привлекательное и для молодежи, и для старшего поколения. В 1960 г. в Калласте было закрыто местное отделение загса, и браки жителей стали регистрироваться в Тарту. К этому событию готовятся весьма тщательно, чтобы было не «хуже, чем у людей». Как и раньше невеста дарит жениху рубашку, а жених невесте — ткань на платье или готовое свадебное платье. Во время поездки в Тарту молодых сопровождает сват и родственники, составляет свадебный поезд из двух-трех легковых машин. Ко дню регистрации стали приурочи-

вать и собственно свадьбу. Приготовление к ней идет в одном доме, чаще всего у невесты. Гостей приглашают заранее, и в то время, пока молодые едут в Тарту на регистрацию и обратно, в доме родственники той и другой стороны окончательно приготавливают столы. Обряд прощания невесты с домом не соблюдается, но мать обычно дарит дочери свою икону, и неверующие дочери отказываются от икон не часто. Возвращения молодых ждут с нетерпением многие жители: молодежь сооружает из зеленых веток высокие ворота (летом 1968 г. в Калласте во время одной свадьбы были устроены двое таких ворот: одни у дома невесты, вторые у городского детсада, где она работала воспитательницей). Сооружение «ворот» — связывание верхушек берез, стоящих по сторонам дороги, украшение зелеными ветками жердей, установленных П-образно на деревенской улице, — обычай, широко распространенный на свадьбе у эстонских крестьян. Подобным образом перенимали молодых и русские крестьяне Печерского района близ Псковского озера. И сейчас в деревнях Причудья в веселом обряде перенимания молодых участвуют многие жители деревни. При первом же известии о том, что едет свадебный поезд (молодая пара и родные, на легковых машинах), около домов выставляются пустые столы — требуют выкуп — водку. Машины останавливаются, дружка вынимает из ящика бутылку водки и ставит ее на стол. Так останавливаются иногда более 20 раз. Правда, стол выносят на улицу не у каждого дома, а лишь у тех, где живут родственники кого-нибудь из молодых. Уклониться от выкупа не удается. Рассказывают, что в 1962 г. шофер машины, в которой сидели молодые, попытался проехать в Калласте не по центральной улице, а кругом, по выгону. Но мужчины и подростки бросились бежать на выгон и заставили шофера повернуть машину на улицу, где стояли столы.

В свадебном доме (т. е. в доме жениха) свекровь осыпает молодых житом (ячменем) или рисом. Во время свадьбы около дома толпится народ, в основном женщины, которые заглядывают в окна, делятся впечатлениями. Сохранился и обряд одаривания родни молодого: его отец и братья получают от молодой по рубашке, мать — платье или ткань на платье. Подарки молодая раздает вскоре после приезда в свадебный дом. Она же встречает гостей и принимает от них подарки. Подношение молодым ценных подарков, купленных нередко в складчину, считается в Причудье новым городским обычаем. За свадебным столом рассаживаются компаниями по возрасту. Молодежь раньше выходит из-за стола и танцует современные танцы (летом — на улице перед домом). Сидят за столом и родители невесты. Теперь на свадьбах молодых и гостей не опевают («никто не заводится...») и деньги не

собирают, так как, по представлениям молодежи, это «некрасивый обычай и признак отсталости». Не сохранился и обряд испытания невесты на второй день свадьбы. Молодых не отзывают, а приглашенные на свадьбу гости преподносят им подарки.

Исчезновение народных свадебных обычаев не вызывает сожаления у стариков. По мнению очень старой жительницы Калласте, «свадьбы теперь намного красивее, чем раньше, — невеста и жених богато одеты...».

О прочности заключенных в послевоенное время браков можно судить лишь по высказываниям самих жителей, так как разводы не всегда оформляются через Тартуский загс. Местные люди считают, что семьи в Причудье более прочные, чем в городах, так как «мужики на других женщин не смотрят», а жены считаются с местным общественным мнением, не поощряющим разводы, и идут на этот шаг лишь в самом крайнем случае. В архиве Тартуского загса зафиксировано лишь шесть разводов между супружескими парами из Калласте, т. е. 3% от более чем 200 браков, заключенных в эти годы. В указанных шести случаях развелись три русские женщины из Калласте с «пришлыми» мужьями и три эстонки с калластескими мужьями.

Число детей в причудских семьях по сравнению с прошлым периодом заметно уменьшилось. Большинство семей имеет двух детей, а многодетные семьи встречаются редко, как и в городах.

Обряды, связанные с рождением ребенка, здесь частично сохранились. Так, в семьях, где оба супруга местные, бабушки хлопчут о крещении ребенка: зовут крестных договариваются с наставником. Однако выбор имени ребенку является бесспорным правом родителей, бабушки с выбранным именем охотно мирятся. Если внук или внучка рождаются в городе, то бывают случаи, что обряд крещения выполняется позже, в то время, когда ребенок гостит у бабушки.

Другой обряд, уходящий в прошлое, — навиды, или варуши, — претерпел некоторые изменения. Сохранился обычай навещать мать с новорожденным группой женщин. Собираются несколько близких родственниц и соседок, покупают сообща подарок матери (платок на голову, ткань на блузку или платье) и ребенку, приносят с собой заказной торт, цветы. Они говорят, что эту моду переняли у таллинцев. Мужчины при этом не присутствуют, и эта черта варушей сохранилась в традиционном виде. Но название «варуши» перешло и на новый обычай, связанный с появлением ребенка в семье. Жительница Калласте, вспоминая о том, как раньше ходили на варуши, сказала: «А теперь совсем другое дело, не поймешь, варуши это отводят или свадьбу справляют. У меня

внук родился, готовились очень, теленка купили, забили, рыбу коптили. 24 человека было названо. Теперь и родиха сидит за столом, да еще и вино пьет. Булок и кренделей не несут, по нескольку человек покупают в складчину дорогой подарок — детскую коляску, а то люстру, материал какой принесут...». В современном отведении варуш, пожалуй, больше, чем в других семейных обрядах, заметно влияние города: родители новорожденного устраивают богатый стол, а родственники и друзья приносят им коллективный подарок и вместо домашних кондитерских изделий дарят ценные вещи.

Оба вида варушей сосуществуют, но традиционный более обязателен, если семья и не отмечает широко рождение ребенка, то соседки и родственницы все же непременно навещают мать новорожденного.

Из обрядов дольше всего удерживаются похоронные обряды.

Гражданские похороны (их называют в Калласте похороны «с музыкой») мало чем отличаются от распространенных в городах республики.

Сохранилась до нашего времени и традиционная форма прощания с покойником. В 1880-е годы священник Носовской церкви отметил в качестве отличительной черты похоронного обряда, бытующего у русских жителей, следующее: «При проходах покойника голосят и причитают, стараясь изобразить в складной, рифмованной форме свою горькую печаль по умершему»⁵¹.

Теперь же, спустя почти столетие, как рассказывает жительница Калласте, «когда подходит время прощаться с покойником, ближайшая по матери родственница (доченька-горячая слезинка), начинает голосить. Ее уговаривают, а она голосит и просит: — да не унимайте вы меня... По старым не горазд и голосят, да и не каждый умеет. Я, например, по мужу так бы завела:

Ты мне не был удалая головушка,
А был ты мне родимый батюшка
И моя скорая посылочка...

Начинаешь его жалеть откровенно, слова так и идут...».

Женщина же, родившаяся и выросшая в д. Раскопель Псковской области, рассказывает: «Мать так много в войну голосила, что и я научилась. Теперь, смотрю, бабы здесь вовсе не умеют голосить». По-видимому, ей, как человеку пришедшему в Калласте, была заметна разница между уровнем мастерства «голосить» и псковских, и местных женщин.

⁵¹ Носовская летопись, л. 10.

В некоторых деревнях Причудья выделились и профессиональные плакальщицы: «У нас здесь есть одна женщина, все ее приглашают, так трогательно голосит. А еще Анна Мионовна жила, переезжала с места на место и все голосила».

Материал о семье и семейной обрядности у населения Причудья, охватывающий период более чем в сто лет, свидетельствует о том, что, независимо от принадлежности деревенских жителей к федосеевскому и поморскому согласию или к официальной церкви, с самого начала рассматриваемого периода существовали обычные крестьянские патриархальные семьи, главой в которых является старший мужчина (свекор, отец). При наличии развитого отходничества мужчины длительное время не жили в семье, и фактической главой семьи становилась старшая женщина — свекровь, мать. В этом случае она была основной хранительницей семейных устоев и религиозной обрядности. Известная самостоятельность женщины проявлялась в свободном выборе мужа, в ее активной роли при отделении от его семьи. Распад больших семей начался, очевидно, в первой половине XIX в., но особенно активно происходил в конце этого века, когда женское отходничество приняло наиболее широкий размах. Выделившиеся молодые семьи, впрочем, были тесно связаны с первичной семьей и поддерживали с ней всяческие контакты.

В Причудье наставники не требовали от жителей соблюдения безбрачия (за исключением «рабских» староверов) и архивные документы ничего не сообщают о каких-либо спорах по этому вопросу или о соответствующих религиозных предписаниях, хотя до середины XIX в. жители старообрядческих деревень значились федосеевцами, не приемлющими брака. Более того, имеется немало подтверждений тому, что уже в первой половине XIX в. почти все браки в деревнях скреплялись венчанием у наставников. Деревенская мораль допускала и невенчаные браки. В то же время выполнялось требование единства вероисповедания жениха и невесты. Гетерогенные браки запрещались.

Не был забыт населением Причудья и крестьянский свадебный ритуал со всей его обрядностью. Здесь был распространен вариант северновеликорусской свадьбы. У населения западного Причудья свадьба была менее архаична, чем у населения деревень северного Причудья, Принаровья, Гдовского и Печорского районов. В Причудье в конце XIX — начале XX в. некоторые из обрядов уже не исполнялись, но следы их проявлялись в терминологии: дымничать, на запой, в выражении «овцы мои, бойтесь меня...» и др. В то же время устойчиво сохранились залога, исключение родителей невесты из числа гостей в первый день свадьбы в доме же-

ниха, хождение молодых к теще на яичницу, отзывание. Различия в свадебной обрядности у староверов и православных жителей Причудья были настолько незначительны, что можно говорить о бытовании здесь единого местного варианта псковской свадьбы. А тот факт, что деревенское общество староверов не осуждало семью, не справлявшую свадьбу по всем правилам, и видела в свадьбе бесполезную трату денег, можно определить как отголосок федосеевских воззрений на брак. В настоящее время многие элементы старинной свадебной обрядности находятся в стадии исчезновения.

Заметные изменения в семейном быту и в семейной обрядности произошли в советский период. Взаимоотношения в семье демократизировались, но этот процесс еще продолжается. Положение детей в современных семьях Причудья мало чем отличается от положения городских семей. При заключении браков не принимается во внимание ни религиозная принадлежность, ни национальность, т. е. игнорируется былой религиозный запрет на браки с иноверцами. Число гетерогенных браков растет из года в год. Удерживается такая традиционная черта, как прочные семейные связи (в том числе и с уехавшими в город детьми и родственниками), о чем говорят сбор всех членов семьи по случаю важных семейных событий или праздников, а также экономическая взаимопомощь родственников.

Более устойчивой и консервативной у населения Причудья была обрядность, связанная с рождением и смертью. Даже при общем ослаблении влияния религии на жизнь людей в Причудье всё же бывают крестины и похороны с наставником, и этих обрядов придерживаются пожилые люди.

ГЛАВА VI. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

XIX — начало XX в. Земледельческая община, как хозяйственная и административная единица, в деревнях Причудья отсутствовала. В делах волостных правлений русские жители не участвовали, так как старшины избирались из числа дворохозяев-эстонцев. Единственными общественными должностями, которые по закону могли занимать раскольники, являлись сотник и голова каждой деревни, назначаемые помещиками. Эти должности были введены в Причудье в 1819 г.¹ Сотник и голова «по особо данной инструкции и под строгой ответственностью» следили за порядком в деревне, начиная от проверки у жителей «видов на жительство» и кончая проведением экзекуций за неуплату долгов и сборов, то есть осуществляли контроль за выполнением русским населением всех государственных и помещичьих повинностей. За сотниками в свою очередь «присматривали» помещики и арендаторы казенных мыз.

Жители каждой деревни представляли «всем обществом», когда заключали с помещиком сделки на аренду общего выгона или покоса, покупку леса, ремонт дорог. Участие всего населения было традиционным в таких общедеревенских делах, как покос, спасание рыбаков, терпящих бедствие на озере во время бури или заблудившихся в тумане, проводы весной и встреча осенью отходников. Население было объединено в различные по величине и значимости производственные объединения и группы, имеющие временный сезонный характер: артели каменщиков и рыбаков, компании девушек-кирпичниц и -садовниц. На временные мелкие объединения по ловле рыбы или разделки огородов дробилось и женское население, остававшееся дома на лето.

В то же время для населения, по характеристике самих жителей, была свойственна разобщенность, чем они и объясняют отсутствие толков при постройке дома, отказ в повсе-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 2.

дневной помощи своим деревенским беднякам: «... жили — каждый только для себя».

Старообрядческое население Причудья ощущало свою социальную общность в принадлежности к одной религии, противопоставляло себя людям «мирским», иноверцам, в первую очередь — православным жителям. Карательные полицейско-церковные меры против староверов усиливали групповые связи, вызывали у них стремление сохранить и утвердить свою веру. Большую часть населения составляли федосеевцы, кроме того были филипповцы, нетовцы, онуфриевцы и др.².

В каждой деревне имелось религиозное общество, или община, избиравшая себе наставника и старшин. На них возлагались такие функции, как контроль над нравами деревенских жителей, забота об образовании детей, предоставление убежища и оформление документов беглым староверам, контакты с властями, разрешение споров и тяжб³.

Из Донесения 1821 г. выясняется, что наставники, которые «знают грамоте — читать и писать, суть большей частью пришельцы из отдаленных мест и снабжены узаконенными паспортами». Избранный общиной наставник утверждался в своей должности только после благословления его старшим наставником. В Причудье центром федосеевцев была д. Варня с ее обширной моленной, время постройки которой относят к 1785 г. Воронежский наставник, мещанин г. Выру Федот Никитин считался «старшим между раскольниками в Дерптском уезде». Кроме обязанностей по своей деревне он осматривал другие моленные Причудья, в том числе и моленную в Тарту, приводил к исповеди наставников и по всем «делам до религии относящимся» сносился с «высшим наставником или батюкою Василием Ивановым, находящимся в с. Сольцы, 20 верст от Пскова на дороге к Порхову...»⁴. Ведущую роль в религиозных делах играла вся семья Никитиных: брат Федота — Давыд Никитин был «старшиной раскольников в Дерпте», наставником стал затем и его третий брат — Иван Никитин. В северных деревнях наиболее активным был в 1804—1823 гг. наставник Абрам Данилов (в Муствеэ).

Деятельность наставников заключалась в устройстве и оборудовании моленной, ведении «шнуровых» (метрических) книг, в исполнении полагающихся треб — крестин, венчаний, похорон. Наставники, несомненно, были заинтересованы в умножении численного состава своей общины. Присоедине-

² ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 1.

³ «Споры и тяжбы между ними разрешаются большей частью наставниками, которые без сомнения более своей пользы, нежели справедливости придерживаются» — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 1.

⁴ Там же, лл. 1, 2.

ние к расколу соседних православных жителей и новопришельцев происходило особенно активно в первые два десятилетия XIX века, что объяснялось не только местными благоприятными условиями, но и быстрым распространением беспоповского согласия в начале царствования Александра I⁵.

Методы, или «сокровенные средства», которыми пользовались при этом наставники, были разнообразны. Для нас они скрыты временем, и составить о них некоторое представление можно лишь на основе скурых записей показаний свидетелей, содержащихся в судебных делах.

Абрам Данилов был в 1835 г. судим за то, что «увлек в ересь более 100 человек за время с 1813 по 1815 г., но и в 1824 г. совершал перекрещения» (одна из перекрещенных эстонка-лютеранка). Из его показаний выяснилось, что в 1818 г., когда исправник приказал записать всех раскольников в список, «то он с прочими наставниками полагал, что всякий желающий переходить в раскольническую секту, ныне же должен явиться записаться». По свидетельству другого наставника, Абрам Данилов перекрещивал при этом всех, говоря: «Кто теперь не перекрестится, после жалеть будет»⁶. Бесспорна предприимчивость наставников Причудья, использовавших казенную перепись для достижения своих целей, но случай этот исключительный, и в обычное время они пускали в ход другие средства. Например, «исполненные изображениями в лицах богохульством» лицевые книги. В деле дается описание одной миниатюры: «...из причастной чаши в руке священника выходят семь змиев, священник в рясе, с волчьей головой, другой священник представлен проглатывающим человека и прочее. Книга эта в пол-аршина...». Была небольшая лицевая книга у здешнего жителя Ефима Тихонова. У последнего она пробыла всего трое суток... Была такая книга и в Красных Горах. Как следует из показаний мещанина Павлова, родственник уговаривал его перекреститься, «заставляя сына Савелия читать ту книгу и показывая находившиеся там изображения, говорил ему, Павлову, ты, крестивший детей своих в церкви, даешь их попу как волку на съедение». На следствии по делу о злоупотреблениях раскольников Дерптского уезда «касательно большой лицевой книги дерптский мещанин Вас. Иванов показал, что книга эта принадлежала отцу его и куплена лет 50 назад вместе с другими книгами для колецкой моленной. По смерти отца лицевая книга и «Поморские ответы» удержаны воронейским наставником Федотом Никитиным за 30 рублей, ко-

⁵ Кельсиев В. Сборники правительственных сведений о раскольниках, с. 22.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 143, лл. 1, 2, 17, 20.

торые были возвращены должником, но книг Никитин не отдал, говоря, что если хотят, то могут читать у него. Книги сии находятся у брата Федота — дерптского наставника Давыда Никитина... Вольноотпущенник Псковской губернии дворовый человек помещика Беклешова Петр Дмитриев объявил, что колецкий наставник Макар Васильев два года назад уговаривал его перекреститься, обещая показать ему лицевую книгу и сказал: при этом ты увидишь, как церковь и крещение ваше неправильно»⁷.

Общественная жизнь староверов, особенно ее религиозно-культурная сторона, находилась под неусыпным надзором властей. Сведения о поведении раскольников в Причудье, об их религиозном быте и семейной жизни доходили через полицейских, местных православных священников, уездную управу благочиния не только до генерал-губернатора Лифляндии, но и до министра внутренних дел и обер-прокурора синода.

Деятельность наставников была успешной. Число раскольников в Тартуском уезде с 1811 по 1821 г. увеличилось на 528 человек, из которых многие, как доносила канцелярия губернатора в Петербург, были перекрещены⁸.

«Успехи распространения беспоповского согласия» серьезно обеспокоили правительство, и для того чтобы воспрепятствовать распространению раскола, в начале 1820-х годов принимаются жесткие административные и иные меры. Главноуправляющий гражданской частью рижского военного губернатора в 1821 г. доносил в Петербург: «... Для проживающих в Дерптском уезде около Чудского озера вольных людей весьма полезным было бы устроить в средоточии тамошних береговых мест православную церковь, что обратило бы к истинной христианской вере многих заблудших и оставило бы раскольничьих наставников в действиях их. Графиня Штакельберг, владеющая многими прибрежными деревнями, согласна дать землю под церковь и на строительство 20 тысяч кирпичей, 1000 рублей и другую помощь»⁹. Местом для строительства была избрана деревня Нос (Нина), население которой составляли православные жители. В Петербурге идея устройства православной церкви нашла горячую поддержку: министр духовных дел и народного просвещения объявил о решении выдать на строительство церкви 29 тыс. рублей из суммы Комиссии духовных училищ, а на соответствующем докладе синода о предполагаемом основании церкви в д. Нос царь написал: «Быть по сему. — Александр»¹⁰.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, лл. 18—20, 27.

⁸ Там же, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 2.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 3.

¹⁰ Там же, лл. 7, 8.

Церковь была построена быстро и, как показали дальнейшие события, православный священник (А. Орлов), назначенный туда, наряду с миссионерскими выполнял и полицейские функции, надзирая за окрестными староверами и донося на них и светским, и духовным властям. Начал он с доноса псковскому епархиальному архиепископу Мефодию, в котором сообщал, что «усиленный надзор генерал-губернатора маркиза Пауллуччи над тамошними федосеевскими раскольниками есть по действиям его мнимый надзор...»¹¹. Особенно развернулась деятельность А. Орлова в начале 30-х годов, после издания правительственного постановления от 20 октября 1830 г., в котором говорилось: «... Раскольников, изблуженных в распространении своей ереси и привлечения к оной других, так же в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства... предавать суду»¹². Из канцелярии Лифляндского губернатора регулярно отправлялись в Петербург дела на мещан Дерптского уезда, обвиняемых в «крещении детей своих по расколу», в «блудно прижитых детях» (т. е. родившихся у супругов, не венчанных в православной церкви), «ругательствах на святую церковь и ее служителей». Эти дела возбуждались, несомненно, по доносам человека, знающего всех и каждого в округе, а в некоторых доносах содержится и объяснение самого А. Орлова.

Постановление 1830 г. противоречило «высочайше утвержденному закону от 9. I. 1826 г.», по которому «всех старообрядцев, кои издавна состоят в старообрядчестве, совершают браки, крещения младенцев и погребение умерших по своим обрядам, не входить ни в какие преследования, ибо от сего могут произойти большие беспокойства, а надлежит только наблюдать дабы они никого не совращали в свой раскол»¹³. Однако в 30-е годы, при Николае I, наступление на раскольников непрерывно усиливалось¹⁴. В обход ранее изданного закона уничтожались средства для исполнения обрядности: по высочайшему повелению запрещался колокольный звон, поступил приказ снять колокола и передать их в единоверческие церкви, в 1834 г. у наставников были отображены шнуровые (метрические) книги. В последующие годы в деревнях Причудья священники отнимали детей у родителей.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 197, 1827 г., ед. хр. 38, л. 70.

¹² Там же, ед. хр. 450, л. 12.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Во время царствования Николая I, с 1825 по 1855 год, было издано рекордное число тайных постановлений в отношении сектантов и старообрядцев — 495 (при Александре I — 59). Светские и духовные администраторы были обязаны немедленно проводить постановления в жизнь. Бонч-Бруевич В. Д. Сектанство и старообрядчество в первой половине XIX века. Избр. соч., т. 1. М., 1959, с. 303, 304.

перекрещивали их и отдавали затем на воспитание православным родственникам или опекунам¹⁵.

Местная администрация пыталась воздействовать на жителей и «мягкими» мерами. По сообщению военного генерал-губернатора Лифляндии, «Дерптский ордунгсгерихт Ф. Виллебуа сопровождал миссионера Левитского в д. Черную, где по приглашению его собрались проживающие там в окрестностях раскольники. Левитский кроткой назидательной речью пригласил раскольников обращаться в православие. Однако, к сожалению, цели и ожидание не достигнуты, им желательно остаться при прежнем своем обряде, принятом ими от отцов»¹⁶. А купец Рундальцов и мещанин Ласкобаев, услышав о присоединении к церкви, пришли в исступление и кричали: «лучше молиться в нужнике»¹⁷ и произносили слова, которые священник, доносивший на них, не осмелился написать.

Однако с помощью угроз, насилия, обмана присоединение раскольников к православной церкви происходило на протяжении почти трех десятилетий. Как видно из данных летописи Носовской церкви, число присоединившихся менялось по годам, в зависимости от усиления или ослабления репрессий. По числу обращенных в православие выделяются годы: 1835 (23 м. и 18 ж.), 1850 (17 м. и 20 ж.) и 1853 (19 м. и 16 ж.). Наибольшее число обращенных приходится на период 1850—1860 гг. — 132 человека. В промежуточные годы они были представлены единицами. Всего по Дерптскому уезду за 1850—1860 гг., как докладывал генерал-губернатору чиновник Шмидт, присоединилось 200 человек. По словам Шмидта, произошло это не только «от присоединения к православию, но и от перехода раскольников на жительство в другие места и от других причин. Даже наказания, которым некоторые из сектаторов подвержены были, не могли их склонить к возвращению в недра церкви, и так как нельзя заключить, чтобы означенные 4000 душ совершенно обратились в язычество, то с достоверностью полагать можно, что они втайне отправляют обряд своей секты»¹⁸.

Действительно, в этот период участились случаи перекрещивания православных жителей в старообрядчество. По-прежнему выполнялась старообрядцами и обрядность. В случае, если власти арестовывали наставника общины, староверы обращались к наставникам соседних деревень. После того, как у наставников были отобраны шууровые книги, жители Причудья перестали сообщать полицейским властям о рождениях и смертях.

¹⁵ Лесков Н. О раскольниках г. Риги..., с. 42.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., д. 106, л. 9.

¹⁷ Там же, ф. 1284, 1837 г., оп. 197, ед. хр. 450, л. 1.

¹⁸ Лесков Н. О раскольниках г. Риги..., с. 52.

Взаимоотношения староверов с властями зависели от обстоятельств, в споры они вступали редко. Если по доносу священника заводилось судебное дело, то на следствии староверы ни в чем не сознавались. На следствии по делу «О незаконном публичном погребении раскольников в Дерпте» (1828 г.) купец Е. Рундальцов заявил, что решительно ничего не помнит об обстоятельствах церемонии, не видел даже сына своего, который нес перед гробом икону. Если староверов уличали в «злонамеренных поношениях» церкви или православия, то на следствии они отговаривались тем, что были пьяны, ничего не помнят и не отвечают за свои слова.

Видимо, подкупалась полиция. Когда в Тарту шла подготовка к «публичному» погребению староверского наставника, полицмейстер приказал совершить церемонию ночью, без иконы и покрывала на гробу. Но после того, как купец Рундальцов «сходил к квартальному полицмейстеру», тот разрешил хоронить вечером¹⁹. Ревностное стремление дерптского священника предотвратить торжественное бракосочетание «купеческого сына из Пскова», старовера, и девушки староверки из Дерпта, о чем доносилось в градскую полицию, не увенчалось успехом. По объяснению полицмейстера, ходившего на квартиру невесты с тем, чтобы запретить свадьбу, он застал «только мать, невесту и жениха. Пришел наставник, я ему повторил запрещение о совершении брака и ушел, что было дальше — не знаю»²⁰. Как следует далее из текста судебного дела, свадьба состоялась при множестве гостей. По всей вероятности, полицмейстеру была дана взятка, что документами, естественно, подтвердить нельзя.

В тех крайних случаях, когда местная полиция была бессильна разрешить какой-либо вопрос, староверы решались на подачу прошений в Петербург, поскольку ступени бюрократической лестницы были им хорошо известны. От общества д. Кикита в 1837 г. было подано прошение на имя графа Канкрин, в котором оно просило разрешить постройку новой моленной. Сначала староверы обратились с этой же просьбой к крейсрихтеру Эттингу и окружному депутату ф. Липгарту, «последним даже на сей предмет дозволено было из дачи его отпустить строевого лесу». Но дерптский капитан-исправник ф. Виллебуа запретил строительство новой и ремонт старой моленной, которая «находится под открытым небом и от дождя гниет, но мы напротив сего находимся вовсе без молитвенного дома; как овцы разнесены без пастуха не имеем у себя никакого места, где могли бы принести малое свое жертвоприношение богу»²¹. В решении по этому делу ми-

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, л. 32.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1880, оп. 2, 1840 г., ед. хр. 1451, лл. 129, 131.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 197, 1837 г., ед. хр. 101, л. 2.

нистр внутренних дел Блудов привел статью закона, по которой решительно запрещались «как постройка новых раскольников церквей и часовен, но и переделка и починка старых... За силой его постановления просьба их никак не может быть удовлетворена»²². После того, как лифляндский губернатор Пален донес Блудову, что «в раскольниковых моленных, состоящих Дерптского уезда в д. Воронье, Кикита и Красные Горы сделаны починки и некоторые исправления, которые были произведены открыто», и предложил запечатать моленные, в 1838 г. министру Блудову было отправлено другое, покорнейшее прошение «Дерптского уезда деревень Черной, Красных Гор и Кикитова от жителей оных через избранных своих старшин» с жалобой на притеснения, чинимые земской полицией по доносам и наветам священника А. Орлова, и с просьбой распечатать моленные, чтобы в них «по примеру других старообрядцев, живущих в губерниях в управлении Вашего Высокопревосходительства вверенных дозволено было свободное отправление религиозных обрядов наших по исповедуемой нами секте»²³. Ответ пришел быстро и совершенно не по существу: «Его величеству благоугодно было изъявить Высочайшую волю: полезно бы было выстроить в середине сих селений церковь»²⁴. Спустя несколько лет, к середине 40-х годов, моленные были запечатаны. Во всей Лифляндской губернии осталось только две моленные — в Риге и в д. Казеля²⁵. Больше прошений староверы не подавали. Убедившись в тщетности своих просьб, они не обращались в высшие инстанции, а пытались уладить свои отношения с местными властями, тем более, что преследования усилились — с 1839 г. северные деревни подпали под надзор священников основанной в д. Черной православной церкви. К тому же обнаружилось разногласия в их собственной среде.

В 1841 г. началось дело «О дерптском мещанине Куткине, распространяющем новую ересь». Это дело стало достоянием гласности и впоследствии вошло в сочинения по истории старообрядцев (Надеждин, Кельсиев, Андерсон) в качестве примера образования новой секты скопцов, что, впрочем, не соответствовало истине. По-видимому, никому из указанных авторов не удалось ознакомиться с материалами следствия и суда.

Дело заключалось в следующем. «Сидор Куткин с давних лет у деревенских обывателей Чудского озера приобрел значимость как ревностный раскольник» и человек беспокойного

²² Там же, л. 3.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 197, 1837 г., д. 159, лл. 7—9.

²⁴ Там же, л. 12.

²⁵ Там же, оп. 201, 1846 г., д. 806, лл. 4—5, 9—10, 16—17.

характера. Он «весной 1839 г. при производимой священником Орловым вместе со смотрителем Чудского берега титулярным советником Карлсеном переписки жителей Чудского берега, подал повод жителям д. Вороньи к ослушанию начальства, и тогда уже почитался главным говоруном... И помещик мызы Кавасту фон Валь просил, что-бы для сохранения порядка в Воронье Куткина бы выслали». Староверы отправили Куткина в Петербург для защиты прав. Вернувшись оттуда, он отказался от раскола «по причине пьянства, распутства и других пороков раскольников», заявив, что «желает быть христианином и ныне живет по евангелию, ни в церковь, ни в моленную не ходит, а почитает бога в душе своей». К Куткину примкнуло семь человек, большей частью его родственники. В их поведении было много необычного: они не имели наставника, в праздничные дни собирались у Куткина и слушали чтения из его библии, не носили на груди металлического креста, а сами выделывали деревянные кресты, предварительно крестясь в течение трех дней, носили для удобства лапти и низко подпоясывались, «как предписано евангелием», во всякое время года носили овчинную шапку, глубоко надвинутую на лоб. По словам свидетелей, никаких паспортов им не нужно, ибо не берут таковых в руки, а приложенную к пашпортам печать называют антихристовой. Куткин и его «приверженцы отложились от прочих тамошних раскольников», Куткин не признавал наставника Ивана Никитина, поносил его нещадно и старался склонить людей не крестить у него детей, говоря, что и наставник, и священник — антихристы и волки (нанятые пастыри по евангелию), так как за святые тайны запрещается брать деньги. Куткин «своротил» феллинского мещанина Ивана Судака и его жену Авдотью Сидорову крестить собственную дочь их тайно, в ночное время в открытом Чудском озере.

Непосредственным поводом к окончательной ссоре Куткина с «собратами» явилось нежелание его участвовать в преподнесении подарка — 25 рублей православному священнику. К начальству по инстанции пошел донос на Куткина, содержащий показания староверов Г. Федорова — сотника д. Вороньи Н. Яковлева — деревенского головы и П. Антонова — обывателя, которые утверждали, что Куткин и секта его принадлежат к скопцам. Медицинское обследование Куткина этого не подтвердило, однако этот факт почему-то игнорировали, и на страницах печати удержалось именно это обвинение. Вместе с тем на дополнителном следствии и во время суда, который состоялся в январе 1842 г. в Дерптском ландсгерихте, выяснились интересные и важные подробности.

«Куткин и его приверженцы отложились от прочих тамошних раскольников, так как наставник Иван Никитин не со-

противлялся установившемуся с давних лет обыкновению, по коему с тамошних жителей ежегодно собирают по равной части 25 рублей ассигнациями в пользу священника соседнего Носовского погоста. Если на такой сбор добровольно не соглашались, то сотник Гр. Федоров производил сбор экзекуционным порядком, чему и сам наставник не сопротивлялся, и что вообще этот наставник не довольно строг в отношении с заблуждениями жителей этой деревни». А Иван Судак, давая показания на суде, сказал, что прежде он принадлежал к расколу, а теперь он христианин. Несогласие произошло потому, что с раскольников экзекуционным образом взыскивали деньги для подарка священнику, что было определено состоятельными жителями деревни, тогда как бедных вовсе не спрашивали о их желании. Дочь свою он крестил так, как наставник крестит законопротивно, за деньги»²⁶.

Дерптский ландсгерихт постановил: С. Куткина отдать на военную службу в Кавказский корпус или в арестантские роты, а в случае неспособности к тому, сослать на поселение в Закавказскую область. Всех приверженцев Куткина отправили к местному духовному начальству «для увещания к обращению в православие, пригрозив им, если не обратятся, — тюрьмой»²⁷.

Поведение Куткина и до поездки в Петербург носило черты «ереси», так как других форм борьбы он не знал. Куткин выступал против наставника, разоблачая его соглашательство и алчность, а значит, и против всей верхушки старообрядческой общины — сотника, головы, состоятельных жителей деревни. Неудивительно, что такое поведение вызвало неприязнь бывших его единоверцев, которые в преследовании Куткина объединились и с православным священником (дожившим, очевидно, о Куткине в канцелярию Лифляндского генерал-губернатора), и с местным помещиком, а также с дерптским уездным судом.

Секта Куткина, как новое религиозное образование, является примером возникновения «сектанства на почве сектанства», выявленного В. Д. Бонч-Бруевичем и А. И. Клибановым. Последний пишет: «Участники религиозных новообразований в сектанстве выступали во имя восстановления первоначальных норм религиозной жизни, с которыми они ассоциировали отсутствие эксплуатации имущих «братьев», всех форм зависимости от них»²⁸.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 199, 1842 г., д. 187, лл. 1 и 2.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 199, 1841 г., д. 76, лл. 1, 2, 4, 6; 1842 г., д. 187, лл. 1—4, 6, 9, 16.

²⁸ Клибанов А. И. История религиозного сектанства в России. М., 1965, с. 330.

Во второй половине XIX в. в Причудье, как и в Псковской губернии, и в Латгалии, федосеевцы отошли от основных положений вероучения своей секты — требования безбрачия и неприятия официальных светских властей. В ведомостях «О числе раскольников в Лифляндской губернии находящихся» за 1854 год указано, что в Дерптском уезде проживают 4790 человек, «признающих браки и молящихся за царя». А затем, в деревнях Причудья почти повсеместно распространилось поморское согласие.

В конце XIX в. поморцам, по словам стариков, запрещалось «делать убийство своему ребенку» (аборт), вступать в брак с инаковерующими, жить под одной крышей с православными, смотреть на похороны православных, есть из чужой посуды («едешь куда-нибудь, бери чашку с собой»), курить, пить чай с сахаром и есть скоромное по средам и пятницам, брить бороду, стричь волосы «под польку», ходить в моленную в камашах (ботинки со шнурками), а не в русских сапогах и т. д. У федосеевцев запретов было еще больше, так как они придерживались правил безбрачия. Их община делилась на две категории: божьих рабов (отсюда и название федосеевцев в Причудье — рабские) и мирских. Первую группу составляли люди пожилого возраста, прошедшие церемонию посвящения себя богу, и дети. Вторую — все остальные члены общины потенциально брачного возраста. Возрастная граница для перехода в раба божьего — примерно 60 лет. На человека, посвятившего себя богу, налагалась эпитемья — он должен был совершить определенное количество молитв с поклонами, поститься в течение шести недель. Во время службы в моленной рабские стоят впереди, «с баткой богу молятся», мирские же стоят сзади, «руки сцепивши». Не имеет права молиться в федосеевской моленной зашедший туда старвер поморского согласия, нельзя ему помолиться и на икону, висящую в доме рабских. Рассказывают, что у федосеевцев на входной двери были две ручки: одна для своих, другая для мирских. В гости шли обязательно со своей посудой. Вообще, поморцы сравнивая себя с федосеевцами, говорят: «рабские, те крепче нас в вере были».

По всей вероятности, некоторые из поморцев жили здесь издавна, что подтверждают конфискованные в 1835 г. в одной из деревень «Поморские ответы» (купленные в 1785 г.), а также рукописные книги, которые, как установили археографы, «свидетельствуют о своеобразной причудской школе письма и орнамента XVIII—XX вв., выработанной на основе поморского письма и орнамента»²⁹.

²⁹ Бегунов Ю. Древнерусская рукописная книга в Эстонии. — «Изв. АН ЭССР. Общественные науки», 1962, т. 11, № 2, с. 191.

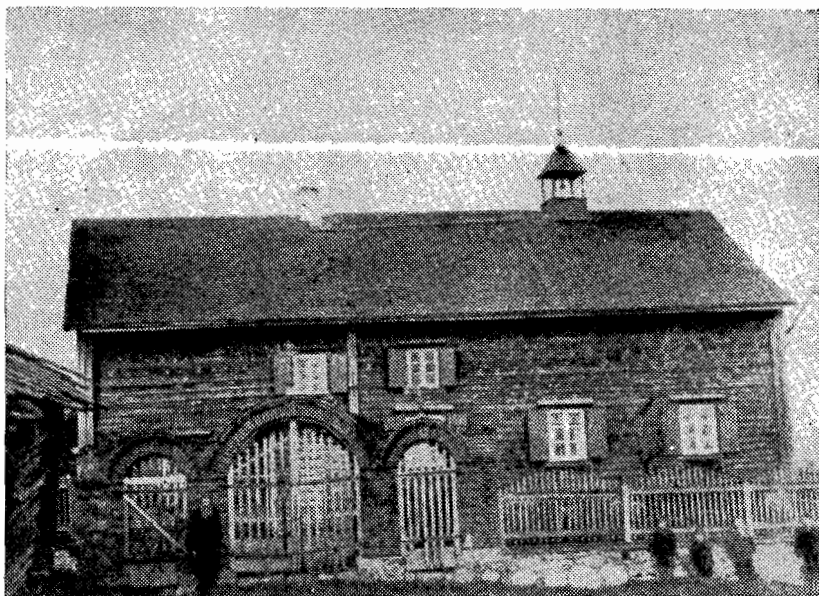

Рис. 76. Моленная в д. Кикита, построенная в 1865 г. и надстроенная в 1882 г.

В конце XIX в. подавляющее число староверов Причудья придерживалось поморского согласия, и только в деревнях Кикита, Колкья и частично в Муствез сохранились федосеевские общины и их моленные (см. рис. 76).

Во второй половине XIX в. политика репрессий в отношении староверов несколько ослабла, уговоры священников без полицейских мер были малоэффективны и число обращенных староверов уменьшилось. За 34 года (с 1857 по 1891-й), по данным ведомости, в Носовском приходе присоединившихся к православию оказалось всего 15 человек. Староверские же наставники вели себя в эти годы весьма активно. Они, как писал священник Носовской церкви, «всячески стараются умножить число своих овец за счет православных. И должно сознаться, отчасти преуспевают в этом, ибо полное невежество православного женского населения, малограмотность мужского, отдаленность православных храмов от приходских деревень, недостаточность школ и плохая их постановка, необязательность обучения, браки между православными и старообрядцами и т. п. много способствуют пропаганде раскола. Для совращения чад церкви расколоучители употребляют всевозможные средства: выписки, цветники, обличения в боль-

шой массе появились в последнее время; застраивания, заманивания обещаниями земных благ практикуются в изобилии»³⁰.

Старообрядческие идеи возбуждали интерес у православного населения. В той же летописи имеется запись начала 1880-х годов, в которой говорится, что многие жители д. Нина берут из школьной библиотеки главным образом сочинения о расколе, «дабы не явиться им, как говорят они, при случайных рассуждениях с раскольниками, невеждами и незнающими».

После издания правительственного закона 1883 г., по которому разрешалось строительство новых и распечатанье старых моленных, староверы Причудья на свои деньги строили и ремонтировали моленные, заботились об оборудовании: в Калласте, например, почти все 120 икон моленной пожертвованы рыбаками, которые они, возвращаясь с Ладоги, покупали в Петербурге. Моленные снова приняли на себя руководство религиозной обрядностью, возродилась и была роль их как центра общественной жизни деревни. В выступлениях 1905—1907 гг. причудцы среди других требований выдвигали и требование о защите своих моленных. Так, жители Калласте отправились выручать колокол, снятый у них еще во времена царствования Николая I и переданный православной церкви в д. Нина: «Мужики схватились за пешни, толпой направились в соседнюю деревню. С трудом остановил их урядник».

Правительственные законы 1905—1906 гг., разрешившие создавать староверам приходы и организации, вызвали активизацию деятельности старообрядческих центров Прибалтики. Получила распространение официально издаваемая старообрядческая литература. В Причудье из Латвии (г. Двинска) приезжали наставники, которые настаивали на ношении моленной одежды, организовывали певческие хоры и т. д.

Однако в эти годы наблюдались нарушения многих предписаний старообрядчества.

Деревенское общество так определяло людей по степени религиозности: «человек строгой веры», «человек нестрогий» и те, кто «махал на все рукой».

Люди строгой веры участвовали во всех делах моленной, пели на клиросе (крылошане), читали молитвы по покойнику (читальщики, книжники), ходили славить Христа с наставником (христославы) и т. д. Этой категории верующих тем не менее нельзя приписать «экзальтированную богомольность». Среди них не было ни «божких людей», ни странников, ни особых богомолков. Вряд ли можно квалифициро-

³⁰ Носовская летопись. Запись 1898 г.

вать как экзальтированную богомольность и «заповеди», которые давали мужчины — не пить, скажем, водки во время великого поста. Пьяницы «клали начал» и не пили вина. Это было добровольное решение самого человека, выполнение заповеди считалось его личным делом. Бытовавшая здесь формула — «присягнуть себя на бога», т. е. поклясться в чем-нибудь перед образами, совпадает с распространенной среди православных «божбой». Выделять ее как специфическое явление, присущее староверам, нельзя.

Люди нестрогой веры, как правило, отходники, не могли считаться с бытовыми старообрядческими запретами. Мужчины, живя по 5—6 месяцев в чужой среде, «и пост нарушали, и водку пили, и с мирскими под одной крышей жили». Но по возвращении домой «замирщенные» рыбаки, каменщики, кирпичницы и садовницы исповедывались наставнику, а затем отмаливали грехи молитвами и поклонами, число которых назначал наставник. В начале XX в. нарушали законы и женщины, которые оставались дома «... Прыгали со ступенек, да бочки тяжелые вздымали, что-бы ребенка выкинуть», обращались с этой же целью к деревенским бабкам, ели великим постом рыбу, пили чай с сахаром и т. д.

Нарушения нередко совершались тайком, чувство греховности было еще сильно развито в людях, поддерживалось старшими в семье, общественным мнением всей общины. И в целом влияние религии на все стороны жизни староверческого населения Причудья было значительным.

Ведущая, преобладающая роль религиозных идей в общественном сознании населения Причудья до известной степени обуславливалась уровнем и направлением школьного образования.

Пути развития школьного дела у русских и соседних эстонцев были неодинаковы. В конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. дети староверов обучались церковно-славянской грамоте и чтению духовных книг у старообрядческих наставников³¹. В деревнях с православным населением «... дети прихожан в малом количестве учились на домах у причетников одному только церковнославянскому чтению и письму»³². В это же время дети эстонских крестьян, живших по-соседству, ходили уже в волостные школы. В 1807 г. была отстроена школа близ Калласте, в ней обучали детей эстонцев письму, счету и священному писанию. В 1810 г. значи-

³¹ Вплоть до 1835 г. в Тарту при моленной была школа, в которой дети обучались за плату, а бедные и бесплатно. Наставник принимал в обучение не только детей староверов, но и православных. За что решением суда наставник был наказан тремя месяцами ареста, школа была закрыта (ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 196, 1835 г., ед. хр. 153, лл. 9, 10).

³² Носовская летопись, л. 8.

лось: в Алатскиви 6 учителей, в Кокора 2, в Кавасту 2 (один в Кооза, один в д. Варнья)³³. Хотя школу посещало немного детей и обучение азбуке, священной истории и духовным псалмам нередко происходило на дому, на протяжении первой половины XIX в. в эстонской деревне шло постепенное развитие школьного дела. В 1850—60-х годах в сельских школах дети обучались чтению, письму, элементарному счету. Начиная с 60-х годов развитие народной школы шло более успешно, «а в 70-х годах в волостных школах повсеместно велось обучение письму и арифметике, были введены уроки географии, истории...»³⁴. От десятилетия к десятилетию увеличивались тиражи газет, приложений к ним, календарей, журналов, научно-популярной литературы, выходящей на эстонском языке и находящей читателей среди крестьян. В конце XIX в. у эстонцев Лифляндии процент грамотности составлял 80,1, то есть самый высокий процент в России того времени³⁵.

Появление школ у русских Причудья находилось в прямой связи с постройкой православных церквей. Первые церковно-приходские школы были открыты в Муствезе, Лохусуу и Тихеда в 1839 г., в д. Нина в 1847 г. Школы были призваны воспитывать людей «полезных церкви и отечеству». Кроме того, как писал священник д. Нина: «Возникновение школы вызвано желанием оградить детей православных от влияния раскольников, сильных своей численностью...», а также через образование и школу знакомить раскольников с православным учением, и тем рассеивать их ложные взгляды на православную церковь»³⁶. Однако эти благие намерения очень слабо подкреплялись материально. Приспособленных помещений не оказалось, в д. Нина, например, школа ютилась в квартире, предназначенной для дьякона, была мала и темна. Школы в Муствезе, Тихеда и Рая размещались в наемных домах и поддерживались на средства родителей учащихся. Они располагали чрезвычайно скудными средствами для покупки учебников и пособий. Занимались обучением детей священники и псаломщики. Даже после 1863 г., когда появилась возможность приглашать более квалифицированных учителей, низкая оплата труда привлекала лишь своих же, деревенских выпускников Муствезского церковноприходского училища или людей, недоучившихся в Тартуской учительской семинарии. Учителя менялись часто, бывали среди них и местные эстонцы, с трудом говорившие по-русски. Священник записал в летописи: «О деятельности и пользе учи-

³³ Kodavere-Alatskivi kihelkonna ajalugu. Tartu, 1902, lk. 10, 11.

³⁴ История Эстонской ССР. Т. II. Таллин, 1966, с. 257.

³⁵ Первая всеобщая перепись населения 1897 г., с. 82.

³⁶ Носовская летопись, л. 18.

телей хорошего сказать нельзя, ибо без должного и сердечного участия относились к делу своего служения»³⁷.

Но и при всем несовершенстве преподавательского дела в церковноприходских школах, и несмотря на то, что в них преобладало заучивание часослова и катехизиса, известная польза от этих школ имелась, так как дети кроме прочего изучали светскую грамоту и арифметику. Грамотных среди всего православного населения Лифляндской губернии, по данным переписи 1897 г., насчитывалось 69,9%. И как отмечал священник д. Нина о состоянии грамотности среди деревенского населения: «В настоящее время из молодого поколения редко найдешь такого, который бы не умел читать и писать... некоторые даже выписывают газеты и журналы для чтения». Наиболее низкий процент грамотных в Лифляндии был зафиксирован у староверов Причудья: среди мужчин 33% и среди женщин 9%. Немногим выше был процент грамотных у тартуских староверов — соответственно 57 и 20³⁸.

Правительственным распоряжением 1832 г. старообрядческие школы были строжайше запрещены. Старообрядцам было предложено отдавать детей в церковноприходские школы или соединять свои школы с православными и брать учителя, рекомендованного министерством просвещения или своего старовера, сдавшего экзамен на звание приходского учителя. Но староверы категорически отказались отдавать детей в смешанные школы или поручать их учителю-«нововеру».

Однако было бы ошибочно считать староверов первой половины XIX в. темной, неграмотной массой. Книга ими высоко ценилась. Они покупали в Москве и Петербурге дорогие книги «старого письма» и переписывали их. В подавляющей части это были рукописи церковно-служебного характера и церковно-исторические, но среди них была и церковно-повествовательная, повествовательная, учебная и научная литература³⁹. Вместе с тем причудские староверы, сведущие в грамоте XVII в., не получали навыков в началах светского образования — в чтении «новопечатных» книг, в письме, арифметике, но ощущали настоятельную необходимость в светском образовании, поскольку торговля и ремесла, которыми они занимались, требовали основ грамоты и арифметики. После правительственного запрещения старообрядческих

³⁷ Там же, л. 9.

³⁸ Первая всеобщая перепись населения 1897 г., с. 82.

³⁹ Рукописные и печатные книги, датируемые XVI и последующими веками, собранные археографическими экспедициями в деревнях Причудья в 1950-е годы, составили Причудское собрание в 123 единицы. → Древиерусские рукописи Пушкинского дома. Л., 1965, с. 136—142.

школ в 1832 г. прошло примерно 30 лет. Чиновник Шмидт писал генерал-губернатору в 1861 г.: «... В Дерптском уезде дети раскольников решительно ничему не обучаются по неимению у них школ»⁴⁰. Во время николаевской реакции, когда велись непрерывные судебные преследования староверов за «злоупотребления», и в деревнях Причудья из восьми моленных семь было закрыто, о школах, в которых детей обучали бы свои же учителя-староверы, нечего было и думать. В 1860 г. причудские староверы решили, что наступил благоприятный момент, и, по выражению Н. Лескова, началось «искание школ раскольниками Остзейского края». В 1860 г. на имя дерптского ордунгстерихта от староверов Муствез, Калласте, Колкья, Казея и Варнья поступила просьба о разрешении «учредить в деревне Кикита первоначальную школу, в которой избранный из среды раскольников учитель мог бы обучать детей чтению, письму и арифметике». Однако в разрешении староверам было отказано. Рижский епископ, а вслед за ним и генерал-губернатор запретили и подобные школы. Один из доводов отказа был приведен епископом Платоном: «По дошедшим до меня сведениям, раскольники, живущие на Чудском озере, на самом деле не нуждаются в школьном деле для обучения своих детей, потому что их дети теперь свободно обучаются на квартирах всему, что им требуется. Школьный дом необходим им только для помещения моленной»⁴¹.

В 1870-е годы, когда в Эстонии открывались народные училища, волостные школы, а затем и волостные училища, традиционные формы обучения у староверов устойчиво сохранялись, хотя уже и раньше наметились некоторые сдвиги: «... В Дерпте некоторые раскольники посылают уже детей своих в немецкие училища, сами говорят по-немецки и по-эстонски». В это же время в списках Муствезского православного приходского училища встречаются имена детей старообрядцев: в 1876 г. здесь обучалось 8 мальчиков, в следующем году — 3, а в 1889 г. число их достигло 40 человек. Девочки начали ходить в училище с 1879 г., и в последующие годы девочек-староверок в среднем поступало по три в год⁴². Когда в 1894 г. открылась церковноприходская школа в д. Колкья, в ней числилось 32 ученика, причем, по словам очевидца священника д. Нина, «православных было меньше половины, остальные — раскольники и есты». Но в целом процент староверских детей, посещавших церковноприходские школы, был незначитель-

⁴⁰ Лесков Н. О раскольниках г. Риги ..., с. 41.

⁴¹ Там же, с. 64.

⁴² Данные об учениках за период с 1876 по 1890 г. с указанием их вероисповедания приведены в одном из приложений к Летописи Черносельской православной церкви.

ным, дети в основном ходили в тайные «тётенькины» школы, и этим ограничивалось их образование. В каждой деревне Причудья одновременно действовало по несколько таких школ. Учителем в них мог быть любой житель деревни, хорошо знавший богослужебные книги и располагавший временем (большей частью женщины-«тетеньки»). Получали они за каждого ученика 1 рубль в месяц и брали на обучение сразу 10—12 человек. Занятия велись ежедневно, кроме воскресений, с восьми часов утра до четырех часов дня, с часовым перерывом на обед. Почти все время занятий отводилось чтению псалтыря и часослова (из 16 месяцев один был отведен на чтение «по-русски»). Бывшая ученица такой школы в Калласте М. В. Соломина рассказывала: «В избе стоял шум, каждый читал вслух, а выучив, просил: — Тётенька, послушайте, правильно ли я читаю... Она строгая была, плетка лежала на столе, у мальчиков так и ходила по плечам. У тётеньки мы хорошо выучились. Когда приехал в деревню учитель, ее школа не закрылась, и тогда народ хотел и дети хотели учиться славянскому». В этом описании поражает сходство перечня предметов и стиля преподавания с таковыми в старообрядческих школах начала XIX в., описанных Н. Лесковым.

Сдвиги в школьном образовании у староверов произошли в самом конце XIX в. В 1897 г. было открыто первое одноклассное министерское училище в Калласте. Школа имела три отделения, и дети приобретали в ней элементарные знания по языку и арифметике. В 1899 г. открылось двухклассное (с пятилетним обучением) министерское училище в Муствеэ. Но, как рассказывают старики, полностью школу оканчивали лишь немногие из детей, главным образом мальчики. В семье каменщика Ноева из Калласте, например, из шести детей окончил школу лишь старший сын («ведь ему в армию идти»). Для девочек образование считалось излишним. Походит она две зимы в школу, а затем мать говорит: «Не ходи больше, доченька, дома надо помогать». В таких условиях грамотность распространялась медленно. Например, в записях о браке за 1915—1917 гг. пометка о неграмотности стоит против фамилии каждой второй девушки, вступающей в брак. С 1904 г. в Калласте работала уже шестиклассная школа. Директор ее, приехавший из Петербурга, и работавшие с ним шесть учителей были людьми молодыми, знакомыми с задачами, поставленными земством перед сельскими школами. Учителя убеждали родителей в необходимости образования для их детей, устраивали в школе чтения книг, ставили спектакли, однако и в дальнейшем сравнительно много детей оставалось вне школы.

Как уже отмечалось, открывавшиеся в Причудье училища

не вытеснили «тётенькины школы». Более того, грамотные, «пошколенные» учительницы пользовались особым уважением в деревнях. По-прежнему посылали на обучение девочек в старообрядческие центры: в богадельню на Волковом кладбище (Петербург), в Псков к богачу староверу Хмельницкому (затем к Батову), у которого имелась домашняя моленная и при ней два наставника. У Хмельницкого девочек учили на крылошанок, но кроме песнопений и чтения духовных книг они обучались и рукоделию. По прошествии нескольких лет крылошанки становились в деревнях самыми сведущими людьми в области религиозного культа.

Общественная жизнь русского населения Причудья была пронизана религиозными воззрениями, и вплоть до начала XX в. четкая граница между старообрядцами и православными жителями Причудья проходила в религиозной сфере. Менее резкой она была в сфере обрядовой. В Причудье называют 18 главных праздников: введение во храм, рождество богородицы, воздвижение и другие, которые отмечались службой в моленной, праздничной едой, досугом всей семьи. Иной характер носило проведение престольных праздников, сопровождавшихся большими гуляньями — игрищами. По традиции на престольный праздник в деревне собирались и «рода и чужняк» чуть ли не со всего Причудья. Так, в Муствеэ и соседних с ними деревнях на рождестве устраивались знаменитые катки на лошадях. На крещение «все приезжали в Калласте, на улице в 2—3 поезда гнали, через дорогу не перейдешь...». Три дня масленицы поочередно справлялись в близкорасположенных друг от друга деревнях Колкья, Казеля, Варнья.

Жители Причудья не справляли таких праздников, как петров и ильин день, их справляли только на острове Пийриссаар (петров день) и в удаленных от озера деревнях Вяльги и Костино (ильин день). Особое место занимало успенье (15 августа), которое широко праздновалось в Калласте. Успенье — популярный и древний осенний праздник у эстонских крестьян на северо-востоке (rukkiimaagjaräev) — так же, как и повсеместно у русских крестьян, был посвящен окончанию жатвы и началу сева озимой ржи. Его праздновали в деревнях, расположенных к северу от Чудского озера (Ийзаку), в приходе Кодавере. В Пюхтицком монастыре (Принаренье) в этот день служили молебен, после которого крестный ход с иконой богородицы шел по деревням Причудья⁴³. Неизвестно, когда успенье стало у жителей Калласте годовым праздником и почему неземледельческое население считало его также определенным временным рубежом в цик-

⁴³ Tampere H. Kirde-Eesti rahvakalendri iseärasusi I. — Rmt.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965, l. 217—221.

ле сезонных работ. К этому дню спешили домой рыбаки с Ладоги, приезжали издалека каменщики, чтобы, отгуляв на празднике, снова вернуться на строительство.

Наиболее развитой в Причудье была рождественско-новогодне-крещенская обрядность, сходная с распространенной у соседних русских крестьян. Однако у причудцев в святочных обрядах полностью отсутствовали гадания на урожай, в них входили лишь брачные гадания. Новогодний обряд — колядование (петь коляду) исчез примерно в 1880-е годы⁴⁴. Обходить дома, величать хозяев дома и желать им благополучия стали клирошане во главе с наставником. В рождество, сразу после ночной службы, наставник и крылошане-христославы начинали обход домов по деревне, в каждом доме славил Христа.

Молодежь колядовать не ходила, но вечером под Новый год обязательно собиралась «стайками комедовать». Подrostки Калласте, например, раскидывали поленицы дров, аккуратно сложенные хозяином еще с осени, угоняли со двора сани и сбрасывали их с откоса в озеро, затыкали трубы соломой, подпирали входную дверь колом, разливали воду в сених. Подобные новогодние обряды, известные у всех славян, как пишет В. И. Чичеров, были распространены, в частности, на русском севере, в б. Вологодской губернии, и представляли собой «негативную» форму новогодних действий⁴⁵. Бытовал здесь и обычай ряжения в первый день нового года: деревенские ребята рядились в чужую одежду, надевали маски или раскрашивали лицо и бегали с колокольчиком по улицам, плясали, пели, но в дома не заходили. Интересно, что русская молодежь заимствовала эстонский обычай наряжаться в мартынов (10 ноября) и катеринин день (25 ноября), называя ряженных «мардисандид и кадрисандид». Этот сравнительно поздний обычай (1880-е годы) был перенят, однако, не полностью: ряженные эстонских песен не знали, в дома не заходили, только стучали в окна, «строили рожи» и разбегались.

По содержанию и форме в весенне-летних праздниках, бытующих у населения Причудья, нельзя выделить какие-либо местные особенности. Масленицу отмечали блинами, которые пекли в последние три дня недели, и гуляньями в праздничных деревнях Колкья, Казепа, Варнья. В последний, «прощенный» день масленицы просили друг у друга прощения. Во время великого поста, наступающего вслед за масленицей,

⁴⁴ РКМ, Vene 1, lk. 203, 220.

⁴⁵ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. серия, т. X». М., 1957, с. 130, 131. ✓

строго придерживались положенных ограничений в пище, увеселениях, одежде.

Пасха, как и всюду у русских, считалась самым большим праздником, и праздновали ее три дня: в первый, тихий день все сидели дома, памятуя, что в этот день «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». Выходили только на кладбище, «христосовались» с родителями, крошили на могилу крашеное яйцо и освященную «пастку». Во второй день ходили «свои к своим». В третий день начиналось большое гулянье, и все население выходило на игрища. Играли в ерши, в рюхи, в «казата» (род бабок), в горелки, катали крашеные яйца — «каждый выказывал себя, свою силу и ловкость». Разнообразнее всего были молодежные гулянья: на деревенской площадке или на берегу озера водили по праздникам хороводы, пели старинные русские «долевые» песни, частушки-припевки, играли в разные игры.

К троице деревни пустели, гулянье устраивалось только в Муствез. В этот день украшали дома березками, красили яйца березовыми листьями в желтый цвет, шли на кладбище, где наставник служил на могилах панихиды (троицу называют еще могильным праздником). Летом же, вплоть до ушенья, в деревнях гулянья и игрища не устраивались.

В Причудье у старообрядцев не допускались веселые песни на супрядках, городские новомодные увеселения и танцы. Молодежь привозила из города лишь мещанские песни, вытеснившие постепенно старинные долевые. В то же время в соседних православных деревнях молодые ходили на вечеринки с танцами под гармонь. У староверов перемены в развлечениях молодежи наступили после 1905 г. Уже в 1910 г. в трактире «Красные Горы» (Калласте) зимой по праздникам днем водили хороводы, а вечером в трактире и в здании пожарного общества устраивали «танцовки» с гармонью или с духовым оркестром, танцевали польку, краковяк, кадрили и другие модные танцы.

Меньше всего сказало влияние старообрядческого быта на традиционных развлечениях, связанных с сезонными ярмарками, собиравшими в Муствез и Калласте множество народа из соседних и дальних деревень. Обычно на ярмарках устанавливались карусели, балаганы, иногда выступали бродячие актеры. Такие развлечения доставляли удовольствие не только детям, но и взрослым.

Представления о сверхъестественных явлениях и существах у русских жителей Причудья были одинаковыми независимо от вероисповедания. Особенно устойчивой была вера в злого духа. Гибельной для человека считалась нечистая, или неверная, сила — *вурган, вихорь*. 80-летняя Н. Д. Тю-

рикова из Калласте рассказывала, что когда она еще была девочкой, на Ладогe поднялась страшная буря. Лодки стояли на якоре. Отец привязал дочерей к мачте, а сам стоял на носу и против ветра держал острый нож, шепча заклинания. «Потом нож в крови оказался, это — ураган, нечистая сила шла. Сестре старшей в колено чуть-чуть попало, ногу искривило, и той же осенью, после покрова, она умерла». Другим проявлением нечистой силы были «беси», которые особенно активно действовали — ходили и портили людей. Глубоко укоренилась вера в дурной глаз, недаром в Причудье бытует такая пословица: «Лихой глаз взглянет, то и лес вянет». Сглазить, приглядеть, изурочить мог почти любой завистливый и злобный человек. Защитой против сглаза и нечистой силы наряду с предметами христианского культа (иконы, святая вода, свечи) служили различные обереги: острый нож против урагана, зашитая в тряпочку ртуть против сглаза, соль, огонь, через который проносили крылья нового невода или переступали рыбаки, собираясь в первый раз на озеро, на сезонную ловлю и другие работы. Если не помогали широко известные средства, то обращались к знахарям, которые умели ворожить, знали заговоры. В причудских деревнях собрано и записано особенно много заговоров против сглаза, порчи, болезней, видений и т. д.⁴⁶. Верили, что насильственная смерть, самоубийство или кончина человека, который обладал колдовскими способностями, угрожала населению всей деревни.

Как рассказывают, в Калласте была при смерти старуха, которая считалась колдуньей, «ветер такой поднялся, что деревья гнулись, стоянки ржи опрокинулись, крышу с мельницы сорвало, в Калласте принесло. Дочери ее в лесу были, сразу поняли: — Наша мать умирает... Побежали домой». Когда в д. Колкья утонул житель Ипат и его привезли из озера, двое суток не унималась гроза. Деревню охватила паника: «Ой, сожжет нас всех, скорее надо Ипата похоронить...» существовало поверье, что если «самоубийцу пронесут под крестом», (то есть на кладбище), то это вызовет другие самоубийства. В случае повторного самоубийства в деревне принималась такая мера: старухи обносили гроб с самоубийцей вокруг деревни, чем преграждали путь дальнейшим смертям. В 1919 г. в Муствее белогвардейцами было расстреляно шесть человек, трупы были спущены в прорубь, хоронить их было запрещено. Старухи обошли прорубь с кадиллом и молитвами, «замкнули круг», а месяца через два их вынули и похоронили. Подобные действия до некоторой степени напоминают известное у русских и украинцев «опа-

⁴⁶ КМ ERA, Vene 1, 2.

хивание», при котором магический круг, вспаханный сохой вокруг деревни, «препятствовал» проникновению холеры или других эпидемических болезней⁴⁷.

Смерть представлялась, как переселение в другой мир: о человеке, находившемся при смерти, говорили: «А он уже на божьей ладони лежит», или: «Когда человек убирается, то рядом с кроватью стоит чашечка и ложечка, душа отлетит и хлянет водички». О душах детей говорили: «Ведь если детенка сразу не покрестить, а он умрет, то будет век весь слепой там». А если во время крестин батька застудит ребенка, и смерть его возьмет, «то ребенок первый ангел у бога будет...»

Была распространена вера в приметы, в сны, в счастливые и несчастливые встречи и т. п. В них серьезно верили и женщины, и мужчины.

Магические действия и заговоры наряду с иррациональными методами включали и способы лечения больных, которыми занимались деревенские бабки. В Калласте, например, у кого болело горло, шел к бабушке Маше: «Она возьмет круглую деревянную ложку, погреет ее на лампе, потискает горло, погладит и слова какие-то приговаривает... Потом куделью замотает горло, вот оно и прошло». Бабки заговаривали грыжу у детей. Боли в пояснице лечили тем, что прикладывали к ней утюг, затем клали утюг на порог и стучали по нему топором. При воспалении суставов, к которым «скрип пристал», старались передать скрип, прикладывая большую руку или ногу к скрипящей двери. От рожи и лишая помогали, как верили люди, заговор и синяя бумага, на которой рисовали мелом кружок и прикладывали ее к больному месту, передавая болезнь бумаге.

К врачам русское население относилось резко отрицательно. В Донесении 1821 г. о староверах Тартуского уезда было записано: «Раскольники сии не употребляют врачей и лекарств, а также не допускают прививать детям их оспу»⁴⁸. И спустя 70 лет, в 1894 г., они все еще не прибегали к помощи врачей: «Появилась в Муствее холера, занесенная из Кронштадта снетными рыбаками... жертвами ее были большей частью раскольники... Население панически боялось врача, отказывалось лечиться»⁴⁹.

В конце XIX в. низкий уровень образования, устойчивость традиционного деревенского быта, праздничной обрядности, приемов народной медицины отличали русское население Причудья от соседнего эстонского населения. В эстонской деревне уже в 1880-е годы начались существенные сдвиги в общест-

⁴⁷ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.—Л., 1957, с. 79.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1, л. 2.

⁴⁹ Черносельская летопись, л. 17.

Рис. 77. Семья около умершего от оспы мальчика. Покойник по обычаю покрыт шелковым платком, на лбу подорожник с молитвой. Кикита, начало 20-х годов.

венном быту. Возникали различные общества: просвещения, трезвости, пожарные, складывались хоровые коллективы, духовые оркестры, театральные кружки⁵⁰. Ничего этого еще не было в русских деревнях Причудья. Наблюдая жизнь населения д. Воронья в конце XIX в., автор заметки, напечатанной в газете «Постимеэс», писал: «Общественная жизнь воронейцев находится еще в пеленках»⁵¹.

По существу не вышла она из пеленок и с организацией первых пожарных обществ в деревнях Причудья (в Калласте — в 1903 г.). Истинное пробуждение общественного сознания у русского населения наступило лишь в месяцы первой русской революции.

1905—1907 гг. Благодаря публикациям многочисленных документов революционные события в Причудье изучены хорошо. В качестве примера активности и размаха крестьянского движения 1905 года в южной части Эстонии эти документы неоднократно приводятся в специальных исследова-

⁵⁰ История Эстонской ССР. Т. II. Таллин, 1966, с. 675.

⁵¹ Газ. «Postimees», 1898, № 156.

ниях и трудах⁵². Совершенно противоположную оценку грозным событиям дал священник Носовской церкви: «Прихожане, несмотря на 1905 год, общественной разнузданности и тревоги, вели себя спокойно, твердо держались своей православной веры и были верны престолу и отечеству. Тогда как эстонцы нашей Алацкивской волости несколько раз громили свою мызу и поджигали строения местного помещика, носовские прихожане, не имея вовсе никакой земли и принужденные купить каждый прут из мызного леса, не принимали никакого участия в дебошах. Мало того, они с осуждением даже относились к бунтарям...».

Владелец мызы Кавасту Манфред фон Вольф, от которого батраки имения потребовали увеличения жалованья, а жители д. Воронья — уменьшения аренды, в целях раскола крестьян удовлетворил требования батраков-эстонцев, но отказал русским крестьянам. Однако даже беглый перечень событий 1905 года свидетельствует о сплоченности беднейшего населения Причудья, независимо от национальной и религиозной принадлежности.

Среди толпы людей, собравшихся 2 марта 1905 г. в мызе Алатскиви, находилось свыше ста жителей деревень Б. и М. Колкья, Софиювка и др. Русские «прунтовшики» обратились к владельцу мызы барону фон Нолькену с требованием уменьшить годовую арендную плату за земельные участки, прирезать им земли для выгонов и сенокосных угодий, отпустить из мызного леса дров за половину цены. Особенную ненависть питало местное население к лесничему, ему лишь чудом удалось избежать смерти. После бегства управляющего мызой и лесничего собравшиеся разгромили господский дом и сожгли пять больших сараев с сеном. Разошлись лишь на рассвете⁵³. На следующий день в Алатскиви прибыла воинская часть. В середине марта жители деревни Воронья «в самой резкой форме» потребовали от владельца имения Кавасту уменьшения арендной платы. Вместо ответа помещик вызвал солдат.

Крестьянское движение в этом районе приняло такой размах, что уездный начальник в середине апреля просил прислать войска для подавления волнений и сообщил, что роту солдат он намерен разместить в имении Кастер, откуда «в случае надобности легко двинуть войска в русские деревни,

⁵² Революция 1905—1907 годов в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1955, с. 105—107, 112, 115, 223—224, 235—236, 368—369, 355, 456, 590; Moosberg H. ja Lõhmus M. Talurahvaliikumine Eestis 1905—1907. a. revolutsiooni päevil. Тп., 1955, lk. 7, 8, 13, 20, 21; История Эстонской ССР, т. II. Таллин, 1966, с. 407, 408, 420; Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М., 1955, с. 372.

⁵³ Революция 1905—1907 годов в Эстонии, с. 105—107, 590.

расположенные на берегу Чудского озера»⁵⁴. Но и присутствие войск не останавливало жителей Причудья, так сильна была их ненависть к помещикам. В конце апреля между имениями Алатскиви и Кокора была повреждена телефонная линия, разрушена мызная корчма.

Расколоть население по национальному признаку ни властям, ни церкви не удалось. О сплоченности населения свидетельствуют документы. «При производстве дознаний по таким делам, — писал уездный начальник, — виновные обыкновенно остаются необнаруженными, так как большинство крестьян, действуя заодно, не выдают один другого»⁵⁵. В августе и сентябре на землях имений Кокора и Алатскиви горели скирды овса, ячменя, полыхали риги с находившимся там необмолоченным хлебом. И снова в рапорте сообщается: «Поджоги организуются местными крестьянами, не выдающими и укрывающими друг друга»⁵⁶.

В ноябре жители д. Воронья разгромили мызную корчму. В декабре на сходке безземельных крестьян Алаткивской волости обсуждался вопрос о распределении между крестьянами мызной земли. Жители д. Кикита вывезли из помещичьего леса 600 сажень дров. Для производства экзекуции над виновными «политического характера», как писал муствезский священник, был вызван отряд драгун.

Требования о прирезке земли, предоставлении права на рыбную ловлю, на пользование лесом, закрытие почти в каждой деревне мызной корчмы — свидетельствуют о пробуждении общественной активности, до этого несвойственной русским Причудья и особенно староверам. Впервые они стали сопричастны процессам общественно-политической жизни своего края и стойко противостояли тенденции национального раскола. На этом строило свою политику царское правительство, пытаясь затушить пламя первой русской революции как в центре страны, так и на ее окраинах.

Военно-полицейский террор, прокатившийся по всей Эстонии, не обошел и русские деревни Причудья. В 1906—1907 гг. здесь не зафиксировано ни одного крупного волнения или выступления русских жителей.

Наступили годы реакции. Возобновили свою деятельность пожарные общества. Значительно меньше населения привлекали культурно-просветительные начинания местных священников, такие, например, как чтение с волшебным фонарем. В 1910 году Тартуский комитет попечительства о народной трезвости снял в аренду корчму «Чорна» в Муствезе и организовал в ней чайную и библиотеку. Однако, как можно про-

⁵⁴ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, с. 228.

⁵⁵ Там же, с. 230.

⁵⁶ Там же, с. 235.

честь в Черносельской летописи, деятельность общества трезвости начала оживать лишь с 1911 г., когда улучшилась «библиотека при чайной, как приобретением книг, так и постановкой в деле выдачи их, завелись чтения, устраиваются спектакли»⁵⁷. В те же годы организовывались чтения с волшебным фонарем, ставились спектакли силами школьников, под руководством учителя Калластеской начальной школы.

1917—1920 гг. Февральская революция всколыхнула все население Причудья. По словам очевидца, «чувствуется подъем, оживление, в чайной усердно и жадно читают газеты, идут разговоры по текущей политике... чувствуется много таких желаний и ожиданий, которым осуществиться еще не пришло время...»⁵⁸.

В деревнях Причудья с 1915 г. резко вздорожали продукты питания, прекратился подвоз их из-за реквизиции паровозов. В деревнях не стало сахара, соли, керосина. К 1917 г. у неземледельческого населения, как и у горожан Эстонии, положение с продовольствием стало крайне острым. В то же время местные лавочники скупали продукты питания на ближайших хуторах и вывозили их в Нарву, где продавали по спекулятивным ценам. Местная милиция бездействовала или потворствовала спекулянтам. Представитель уездного продовольственного комитета также не мог упорядочить снабжение населения. Местные жители сами стали искать выход из создавшегося тупика. Возникали митинги, созывались собрания, толпы женщин осаждали представителя продовольственного комитета, в поимке спекулянтов принимали участие почти все жители деревень. Милиция, бессильная что-либо предпринять, обращалась за помощью в Тарту⁵⁹. В мае «для упорядочения беспорядков» приехала в Калласте комиссия с представителем прокуратуры и воинского начальника, сопровождаемая 15-ю конными солдатами⁶⁰. В июле на побережье Чудского озера и в прилегающие к нему волости был послан вооруженный отряд для оказания помощи начальнику участка милиции Муствезе, а «также для обследования продвопроса и улажения назревших в некоторых волостях конфликтов»⁶¹. В июле же в Калласте был пойман с поличным мест-

⁵⁷ Черносельская летопись, л. 26.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Весной 1917 г., когда происходили выборы в народную милицию, «политический» опыт трудящихся был еще недостаточен, и поэтому буржуазии в большинстве случаев удалось провести выборы в своих интересах, укомплектовав милицию из реакционных элементов». История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Изд. 2. Таллин, 1958, с. 393.

⁶⁰ «Известия». Газ. Юрьевского Совета рабочих, солдатских и студенческих депутатов, 1917, 11 мая.

⁶¹ Там же, 1917, 16 июня.

ный спекулянт-лавочник. Для участия в разделе конфискованных у него продуктов собралось несколько сот человек. Общее собрание жителей деревни постановило выдать вознаграждение лицам, задержавшим спекулянта, и отобрать у купца соль, которую тот намеревался продать в именье Вазула⁶².

В конце 1917 г. в Причудье стали возвращаться демобилизованные солдаты, многие из которых участвовали в революционных событиях в Петрограде или в Кронштадте. В Калласте, например, к концу 1917 г. их было уже более 30-ти. В русских и соседних эстонских деревнях состоялось переизбрание местных распределительных комитетов. По настоянию жителей деревень Причудья были смещены милиционеры, поддерживавшие спекулянтов или сами спекулировавшие продуктами. Активно прошли выборы в местные волостные Советы малоземельных и безземельных крестьян и депутатов в уездный Совет. В феврале 1918 г. начали формироваться отряды Красной гвардии. Русские солдаты входили как в эстонские отряды (в волости Алатскиви, например, отряд насчитывал 27 человек⁶³), так и в русские, сформированные в Калласте и деревнях. Отряды занимались наведением порядка и снабжением населения продовольствием. Красногвардейцы производили обыски, конфисковали у купцов излишки продовольствия, вывезенные тайком из леса дрова и продавали их жителям по твердым ценам. В своей деятельности отряды Красной гвардии руководствовались постановлением Съезда безземельных и малоземельных крестьян Эстонии (5—7 января 1918 г.). На съезде были сформулированы и условия приема в отряды Красной гвардии: «В нее предлагалось принимать только честных и преданных революции лиц с незапятнанным прошлым»⁶⁴. В отряд красногвардейцев местные жители шли в поисках социальной справедливости. В январе 1918 г. в волостях Причудья состоялись выборы в Советы безземельных и малоземельных крестьян. Но уже в конце января местные органы самоуправления должны были прервать свою деятельность из-за оккупации Эстонии немецкими войсками. Активные члены волостных советов и красногвардейцы ушли через озеро в Псковскую область и затем участвовали в боях против белых банд Булак-Балаховича. В конце 1918 г. германские оккупационные войска были выведены из Эстонии, однако вскоре перешла в наступление контрреволюция и начался массовый белый террор. В Муствезе, например, в январе 1919 г. вступил карательный отряд, который расправился с людьми, поддерживавшими связь с

⁶² ЦГАОР ЭССР, ф. R-1301, оп. 1, арх. № 79, л. 6.

⁶³ Там же, R-1222, оп. 1, ед. хр. 2, л. 23.

⁶⁴ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Часть I. Таллин, 1961, с. 298.

красногвардейцами. В ночь на 12 января по обвинению в поддержке красных было расстреляно шесть человек. Начались массовые аресты. Затем карательный отряд продвинулся на юг вдоль побережья и к началу февраля был уже в Кодавере (в 3 км от Калласте). Белогвардейцы задерживали молодых людей в возрасте от 17 до 20 лет, состоявших в отрядах Красной гвардии или в патрульных отрядах побережья по выявлению спекулянтов. В ночь на 8 февраля каратели увели из Калласте 11 и из д. Нина 14 человек и вместе с арестованными из соседних деревень расстреляли их близ кладбища Кодавере без суда и следствия⁶⁵. Похоронили казненных только весной.

К. Маркс писал о революционных событиях 1848—1849 гг.: «... В этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями»⁶⁶. То же можно сказать и о воздействии событий Октябрьской революции на общественное сознание русских жителей Причудья. Ускорился темп их общественного развития. В период революционных событий и в последующие годы в общественном сознании людей под воздействием информации политического содержания происходили изменения — оно активизировалось.

Активность причудских жителей в годы революции учитывалась и новыми властями. Надзор за беспокойным пограничным районом с русским населением не ослабевал в течение двадцатилетнего существования буржуазной диктатуры в Эстонии.

1920—1940 гг. В 1921 г. согласно новому административному делению в Причудье было образовано два волостных самоуправления (Причудская и Казепельская волости). Посад Муствез и Калласте, получившие права поселков, имели поселковые управы. До 1934 г. старосты и их помощники избирались населением. Эти должности стремились занять деревенские купцы, которые не жалели водки для подкупа избирателей во время выборов. Секретарь поселковой управы назначался уездной управой и, как правило, это был чиновник эстонской национальности. Бюджет управ был мизерный и состоял в основном из поступлений по налогам, собираемым с населения. Основная часть его расходовалась управами Причудья на содержание волостного или поселкового аппарата: в 1928/29 г. — 59%, в 1929/30 г. — 47% годовой

⁶⁵ Архив республиканского бюро ЗАГСа, ф. 951, арх. № 8237, лл. 16—20; Черносельская летопись, л., 39. Запись 1919 г.

⁶⁶ Маркс К. Классовая борьба во Франции 11—13 июня 1849 г. — В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-е, т. 7, с. 60.

сметы (в среднем по Эстонии за эти же годы — 34% сметы)⁶⁷. Чиновники органов самоуправления нередко совершали растраты⁶⁸. О чиновниках, посылаемых в Причудье, известный общественный деятель А. Янсон писал: «Целый ряд представителей администрации закончил свою карьеру на скамье подсудимых и в тюрьме»⁶⁹. «Волостное самоуправление, — по характеристике деятеля Союза русских обществ П. А. Богданова, — является агентом правительственной власти. . . При отсталом населении, при слабом культурном уровне гласных, при незнании ими своих прав, административная нагрузка в работе преобладает. Волостное самоуправление при таких условиях больше агент власти, администратор, коллективный чиновник, нежели орган самоуправления»⁷⁰. Население Причудья фактически было отстранено от участия в делах своей волости или поселка. Не питая особых надежд на управу, на улучшение материальной жизни и культурного развития, жители участвовали в выборах вяло. Из года в год снижалось их участие и в голосовании за русских депутатов в Государственное собрание буржуазной Эстонской республики, поскольку жители неоднократно убеждались, что «свои» депутаты ничего не могут изменить в материальном положении населения Причудья. Так, с 1923 по 1929 г. депутатом русской фракции в Государственном собрании состоял П. Баранин, родом из Колкья, поддерживающий тесные связи с Причудьем. Бедственное положение русских рыбаков было лейтмотивом всех его выступлений на заседаниях парламента. Баранин достаточно резко критиковал и правительство, которому «чужды интересы русского населения, и к его нуждам оно относится безразлично. . .»⁷¹, а также местную администрацию: «Зимой 1924 г. для борьбы с безработицей и в помощь пострадавшим от наводнения рыбакам министерство труда и призрения отпустило 1 млн. марок через уездную управу. Но почти ни один рыбак от устья Эмайыги до северной границы уезда ни гроша не получил»⁷². Говоря о настроениях населения, которое «выбилось из сил, обнищало, разорилось и упало духом»⁷³, Баранин сказал: «. . . Многие уже разочаровались в демократических принципах и причисляют их к категории трафаретных выражений»⁷⁴. Как правило, члены Собрания полностью игнорировали выступления Баранина и поднимаемые им вопросы. Видя это, население При-

⁶⁷ «Вестник Союза», 1923, № 10—11, с. 150—154.

⁶⁸ Газ. «Вести дня», 1933, 5 июля.

⁶⁹ Там же, 1929, 4 апреля.

⁷⁰ «Вестник Союза», 1923, № 10—11, с. 151.

⁷¹ II Riigikogu protokollid, 7. istungjäärk 1925. a., кол. 121. Tallinn.

⁷² Там же, кол. 124.

⁷³ Там же, кол. 2506.

⁷⁴ Там же, кол. 125.

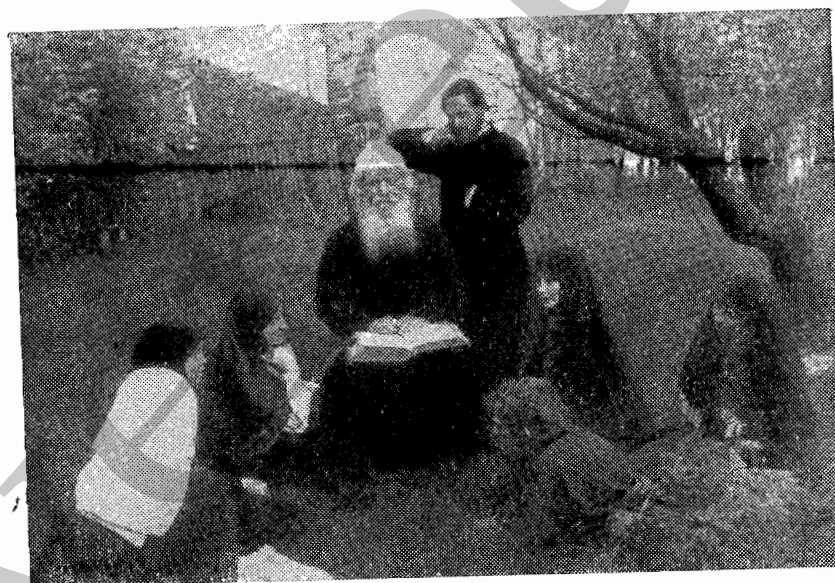

Рис. 78. Наставник поморской общины в д. Рая и группа верующих в моленных одеждах. 1928 г.

Рис. 79. Та же группа старообрядцев из д. Рая. 1928 г.

чудья уклонялось от голосования, проявляя тем самым пассивный протест против чужой власти. Дела чиновничьего аппарата, его структура со ставленниками буржуазного правительства и их деятельность мало интересовали трудовое население Причудья. У него была своя жизнь, в которой многое оставалось по-прежнему. В 1923 г., например, и староверы, и православные жители не приняли обязательного постановления всеправославного конгресса в Константинополе о переходе на новый стиль и продолжали справлять все религиозные праздники по старому стилю. Жители д. Нина, например, во время плебесцита 1923 г. в большинстве своем проголосовали за преподавание закона божьего в школе⁷⁵.

С начала 20-х годов активизируется деятельность старообрядческого центра в Риге. Деятели этого центра стремились сплотить разрозненные старообрядческие общины Прибалтики, направить их в единое русло, вернуть первоначальное содержание многим обрядам. С этой целью издавался журнал «Родная старина», в котором публиковались и статьи по истории старообрядчества. В Причудье направлялись образованные старообрядцы, которые устраивали открытые духовные вечера с чтением духовных стихов и пением по крюкам, закрытые собеседования по истории старообрядчества и общехристианской религии (см. рис. 78 и 79). К этим мероприятиям привлекались и дети (рис. 80). Особенно важным считала старообрядческая верхушка «пробуждение национально-религиозного самосознания среди староверческой молодежи»⁷⁶. Но объективные условия жизни и социальные сдвиги уводили молодежь от слепого следования вере отцов. Следует вспомнить здесь слова Н. Лескова, который писал: «Как бы не обучен был молодой раскольник, он будет ближе своего отца к современной среде и получит большую охоту к знаниям, в которых лежит сила, долженствующая непременно одолеть заблуждения, устоявшие против петровских крючьев, кнута и плахи»⁷⁷. В 1920-е годы в деревнях Причудья повышался, хотя и медленно, процент грамотных людей. Постепенно среди молодежи распространялось равнодушие к вере, игнорировались некоторые обряды; многие из молодых не молились уже по утрам, хотя матери и заставляли их, нарушали посты. В конце рассматриваемого двадцатилетия очевидец писал, что «у нынешних старообрядцев нет никакой устойчивости нравов», а сравнивая их с дореволюционными, он нашел, что нынешние старообрядцы похожи на прежних, «как телега на коло-

Рис. 80. Детский хор в моленной д. Тихеда.

кольню»⁷⁸. Об исчезновении «молитвенной ревности к храму» у населения д. Нина писал и священник Носовской церкви в 1927 г. Представляет известный интерес объяснение причин ослабления религиозности, содержащееся в летописи Носовской церкви: «Вольные, отрицательные идеи большевизма, пропагандируемые на фронте и в тылу, привились, как зараза, в умах воинов и молодых и старых; их они и принесли домой, почему, думается, и ослабили их религиозные верования... С 1917 г., со времени русской революции, религиозная жизнь прихожан стала заметно слабеть, падать»⁷⁹.

Общественная жизнь в деревнях в 1920—1930-е годы складывалась вокруг различных групп и организаций. К сравнительно новым формам относилась деятельность добровольных пожарных обществ. В 1920-е годы они повсюду окрепли как организационно, так и материально. В правлениях их состояли, как правило, зажиточные и влиятельные люди, нередко входившие и в органы самоуправления. Деятельность обществ стала значительно шире их основных задач. В Калласте, например, в зале «пожарки» регулярно устраивались танцевальные вечера, силами членов общества (оно включало 150 членов) ставились спектакли, при нем было создано спортивное общество, в помещениях которого молодежь играла в волейбол, корону, шашки, шахматы и другие игры. Годов-

⁷⁵ Носовская летопись, л. 62.

⁷⁶ «Родная старина», Рига, 1929, № 7.

⁷⁷ Лесков Н. Народники и расколоведы на службе. Собр. соч., т. XI, М., 1958, с. 620.

⁷⁸ Газ. «Вести дня», 1940, 29 января.

⁷⁹ Носовская летопись, л. 80.

шина основания пожарного общества была приурочена к успешью — деревенскому празднику. Все члены команды в этот день выходили на парад в мундирах и медных касках. Оглушительно гремел эстонский духовой оркестр (приглашенный из Кокоры). Команда маршем проходила по улицам, а затем выстраивалась у «пожарки» или на плацу у корчмы. Здесь проводилось ученье, вручались значки и награды отличившимся. Вечер заканчивался праздником, устраиваемом для всей команды в зале общества. Широко отмечались в пожарных обществах и другие события: в складчину устраивались семейные вечера, справлялись дни рождения членов команды, устраивались торжественные похороны и поминки по умершим пожарникам.

«Пожарники» пользовались различными льготами — в их распоряжении был беспощлиный винный буфет (т. е. без обложения налогом), их спектакли освобождались от зрелищных сборов и т. д.⁸⁰. Другая организация — Культурно-просветительное общество — была лишена доходов.

Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии был официально зарегистрирован в 1923 г., хотя на местах культурно-просветительные общества возникли раньше (в Калласте и Муствее в 1920 г.). В уставах этих обществ сказано, что они должны были заботиться «об умственном, нравственном и физическом развитии населения, развитии и распространении литературы, науки и искусства и об удовлетворении материальных нужд населения»⁸¹. Вскоре выяснилось, что для претворения в жизнь этих задач у общества отсутствовали такие немаловажные условия, как помещения и средства. К 1930 г. в Причудье, где значилось десять просветительных обществ, было только четыре народных дома: в Лохусуу, Калласте, Нина и Колкья, да и те находились в плачевном состоянии. В Калласте здание бывшей корчмы нуждалось в капитальном ремонте, в Колкья общество помещалось в тесном домишке. В Кикита в течение многих лет добивались передачи обществу здания корчмы⁸², в Муствее народного дома не было, и средства на его строительство собирались активистами общества вплоть до 1940 г.

Культурно-просветительные общества были чрезвычайно бедны. По замыслу организаторов, денежные средства должны были складываться из членских взносов, сборов, пожертвований, поступлений по завещаниям, пособий от отдельных лиц, учреждений и государства. На деле же никаких крупных денежных поступлений у общества не было. Членские взно-

⁸⁰ «Вестник Союза», 1937, № 4, с. 55.

⁸¹ ЦГАОР ЭССР, ф. 2769, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. 2873, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁸² III Riigikogu VIII istungjäärk 1929. a., кол. 357.

сы и сборы среди населения составляли мизерные суммы, поселковые и волостные управы, как правило, в пособиях им отказывали, так как поддерживали пожарные общества. Что касается пособий от государства, то в выдаче их буржуазное правительство придерживалось особой тактики. Оно отказало русской фракции Государственного собрания, которая ходатайствовала о выделении из сумм Культурного капитала республики 8% на культурные нужды русского населения (соответственно численности русских в Эстонии). В результате «до сих пор обращения русских организаций... ни разу удовлетворены не были. Кое-что удается получить из правительственной части Культурного капитала, но эти ассигнования не достигают и 1% к общей распределяемой сумме Культурного капитала. Но так как еще три года тому назад русские вообще ничего не получали из Культурного капитала, то даже получение 0,5% является некоторым достижением»⁸³. Суммы, получаемые от Министерства народного просвещения, с каждым годом уменьшались, ассигнования из сумм Пограничного капитала в 1933 г. были полностью прекращены⁸⁴.

Жестокие материальные затруднения лишали общества возможности даже минимально оборудовать свои дома и завести инвентарь. В 1923 г. правление Калластеского общества сообщало: «Здание нашего общества не вполне отремонтировано, из печей топится только одна, члены общества вынуждены работать в холодном зале, где температура +5, +8 градусов»⁸⁵. Спустя 15 лет, в 1938 г., художник Н. Роот писал: «Помещение просветительного общества в Калласте очень вместительное, но холодное и неопрятное, никогда, кажется, не проветривающееся. Оно настолько не приспособлено для общественной работы, что только в шубе и валенках возможно читать доклады»⁸⁶. Для того чтобы получить средства на ремонт, оборудование и выплату долгов, правления этих обществ сдавали помещения в аренду под чайные, устраивали доходные вечера с танцами под патефон и т. д. Деятельность большинства культурно-просветительных обществ сводилась к устройству сравнительно редких спектаклей и чтений, гораздо чаще — танцулек, и это почти все⁸⁷.

Но даже и в таких условиях велась какая-то работа. Союз русских обществ на свои средства нанимал постоянных инструкторов, которых посылал на места для проведения общественной работы. Благодаря этому с конца 1920-х годов в

⁸³ «Вестник Союза», 1930, № 2, с. 20, 21.

⁸⁴ Там же, 1933, № 8—9, с. 114.

⁸⁵ ЦГАОР ЭССР, ф. 2769, оп. 1, д. 6, л. 25.

⁸⁶ «Вестник Союза», 1930, № 2, с. 5.

⁸⁷ Там же, 1939, № 7, с. 99.

деревнях Причудья поочередно открывались курсы рукоделия, кулинарии, домоводства, кройки и шитья, читались лекции по огородничеству и рыболовству. Второй статьей расхода Союза обществ были детские площадки, которые открывались на летние месяцы в деревнях⁸⁸. К положительным результатам деятельности обществ следует отнести и работу народных библиотек. Как правило, выдачей книг занимались местные учителя, которые направляли и воспитывали вкусы читателей, главным образом молодежи. Через библиотеки часть населения смогла познакомиться с произведениями русских классиков и советских писателей.

Уровень образования населения Причудья в эти годы повысился. Многие дети, даже не взирая на материальные затруднения, которые заставляли их уходить в пастухи уже в апреле, а начинать учебный год в ноябре⁸⁹, заканчивали не два-три класса, как это было до революции, а пять классов шестиклассной общеобразовательной школы. Для продолжения учебы у них не было средств. Поэтому и через 15 лет после образования буржуазной Эстонской республики в Причудье, как писал об этом один из деятелей просветительного общества, «среди местного населения совершенно незаметно нарождение молодой интеллигенции. На целую волость едва ли найдется два гимназиста или студента, да и они с остальной молодежью не связаны»⁹⁰.

Но при этом часть деревенской молодежи стремилась к знаниям и общественной деятельности. Неудовлетворенная однообразной и скудной информацией, получаемой ею из местных русских газет или на вечерах «пожарки» и «культурки», она старалась найти другие источники информации. Появившиеся в то время детекторные приемники и советские газеты, которые попадали в Причудье через Тарту и Нарву, давали молодежи возможность знакомиться с жизнью населения Советской России. Сравнение было далеко не в пользу жизни русских жителей Причудья. Молодежь по-одиночке, а иногда и целые семьи переходили через озеро на «ту сторону», как об этом говорил в Государственном собрании П. Баранин⁹¹. В 1932 г. в Калласте организовалась группа в 12 человек, в которую входили 15—20-летние юноши: В. Орлов, А. Колбасов, П. Свинков, М. Феклистов, Н. Кусов, У. Плешанков и др. Задачи этой организации заключались в подготовке населения к встрече Красной Армии, в распространении сведений о событиях в СССР и о жизни советских людей. Члены этой

⁸⁸ Там же, 1931, № 3—7, с. 64, 65.

⁸⁹ ЦГАОР ЭССР, ф. 1108, д. 1351, л. 172; д. 1323, л. 165; д. 1432, л. 167.

⁹⁰ «Вестник Союза», № 3—4, 1935, с. 30.

⁹¹ II Riigikogu protokollid, 7. istungjärg, 1926. a., кол. 434.

Рис. 81. Члены Муствезского женского отдела вышивают знамя. Июль 1940 г.

группы, приговоренные военно-полевым судом в феврале 1934 г. к отбыванию тюремного заключения и к последующей высылке, позже активно участвовали в советском строительстве.

Тяжелое экономическое положение, полицейский режим и националистическая политика правительства в пограничных районах с русским населением постоянно поддерживали у жителей Причудья стремление к социальным изменениям. 21 июня 1940 г., когда началась социалистическая революция в Эстонии, в Причудье прошли демонстрации и митинги, в которых приняли участие тысячи жителей⁹². Революционные события 1940 г. следует считать вторым подъемом общественной активности населения Причудья, когда оно, выйдя из рамок замкнутости и обособленности, приняло живое участие в общественно-политических событиях своего времени. Показательно, что и первые колхозы в Эстонской ССР были организованы на побережье Чудского озера, в деревнях с русским населением.

1945—1970 гг. Большие социальные и культурные изменения произошли в жизни русского населения Причудья за послевоенное время.

В 1950 г. Муствез и Калласте становятся центрами вновь

⁹² Небывалые митинги в д. Казепа и Кольки. — «Советская деревня», 1940, 26 июля.

образованных районов. В связи с этим растет количество школ, открывается профессионально-техническое училище, организуются производственные цехи и филиалы промышленных предприятий, расширяется сеть лечебных и обслуживающих учреждений. Резко возрастает приток интеллигенции как русской, так и эстонской национальности. Повывсившийся спрос на специалистов самых разных профессий привел к усилению контактов с крупными городскими центрами. Наряду с приезжими специалистами появляются и свои кадры из числа молодых людей, уезжавших учиться в города и не потерявших связей с семьей и родными местами. Многие из них уже сейчас занимают ведущие места в экономике и культурно-просветительных учреждениях.

Все это, естественно, не могло не отразиться на развитии культуры и общественной жизни населения Причудья. Под руководством районных, городских и производственных партийных организаций широко развернулась работа профсоюзов и комсомола. Массовые мероприятия в этих организациях стали заметно влиять на общественный быт и социальные отношения. Немаловажную роль играли в воспитании подрастающего поколения пионерские организации школ. Идеологическое воспитание велось последовательно, начиная от звеньев октябрят и пионерских отрядов и кончая комсомольскими организациями в школах и на предприятиях. Вырастали молодые кадры коммунистов, принимающих все большее участие в руководстве производством, учебой и культурой.

В 1959 г. произошло укрупнение районов. Муствезский район был слит с Йигеваским, Калластеский — с Тартуским. Районные учреждения в Муствезе и Калласте были ликвидированы. Однако вся промышленно-производственная структура была сохранена, и общественные организации продолжали свою деятельность под руководством коммунистов.

В конце сороковых годов в Причудье были частью восстановлены, частью заново организованы колхозы — производственные коллективы, которые явились основой для создания новых производственных отношений и, следовательно, для возникновения нового типа устойчивых социальных связей.

Колхозы стали центрами производственно-общественной жизни. Под руководством партийных организаций не только сами рыбаки, но и их семьи принимают активное участие в разработке и выполнении производственных планов, в общественно-культурной жизни колхоза. На предприятиях все большую роль в выполнении планов, в организации социалистического соревнования играют профсоюзные организации.

Общественная жизнь населения Причудья принимает все новые и новые формы. В школах это выражается в активном

участии пионеров и комсомольцев в таких всесоюзных походах, как «Поиск», «Орленок», «Зарница». Комсомольцы едут на Всесоюзные комсомольские стройки, которые ведутся в пределах республики и далеко за ее границами. Их участие в субботниках, народных дружинах, «Комсомольском прожекторе» оказывает большое влияние на рост производства, на развитие новых морально-этических отношений, пришедших на смену старых, пронизанных религиозными догмами.

Также не остается в стороне от общественной жизни старшее поколение. Среди рыбаков и производственных рабочих появилось немало активистов профсоюзных организаций, членов местных Советов, депутатов Верховного Совета республики, партийных и советских работников. Не говоря уже о том, что большинство населения, особенно женского, активно работает в своих производственных ячейках (в цехах трикотажной фабрики «Марат», Тартуской гребеночной фабрики, в комбинатах бытового обслуживания, культурных и лечебных учреждениях, на предприятиях торговой сети и др.) и участвует не только в их общественной жизни, но и активно вмешивается в решение производственных задач.

Победа новой социалистической идеологии, научного материалистического миропонимания привела к качественным изменениям и в духовной жизни. Характерно равнодушное отношение к религиозному учению и догмам, проповедуемым наставником. Старобрядческая церковь не сумела ни оживить, ни осовременить богослужение. Воздействие рассказов о боге, которыми бабушки просвещают своих внуков, оканчиваются тогда, когда дети идут в школу. У подрастающего поколения формирование научного мировоззрения происходит в школе, затем пополняется благодаря средствам массовых коммуникаций.

Для распространения научного мировоззрения важное значение имеют печать, радио и телевидение. Газеты выписывает каждая семья, их читают люди всех возрастов (как сказал пожилой рыбак: «Я без газетки не могу, это у меня как болезнь»). Дома радифицированы, быстро увеличивается число телевизоров в Причудье. По данным опроса 1966 г., в Калласте смотрят телевизионные передачи 73% мужчин и 68% женщин. Не смотрят из-за слабого зрения, отсутствия телевизора, нежелания беспокоить соседей 23% мужчин и 25% женщин. Убежденных противников телевидения единицы: 4% мужчин и 6% женщин.

Потускнели и потеряли значение религиозные предписания, которых люди в своем поведении не придерживаются. И, что очень важно, исчезла былая изоляция от «инакововерующих», исчезает и само это понятие.

Изменились моральные оценки. Ценятся качества, прису-

щие честным труженикам, людям, получившим образование, поблек ореол верующих людей, хотя в семьях и относятся к ним без насмешек и критики.

В 1950—60-е годы, однако, еще давали себя знать и удерживались некоторые черты прошлого Причудья. В жизни населения определенное место занимали моленная и наставники, а также религиозные праздники. Устойчива еще была обрядность, поддерживаемая семьей и социальной средой деревни и малых городов, где известная часть населения не занята на производстве и где сохраняется традиционная структура общения людей, связанных семейными и соседскими узами. Например, справлялись старинные праздники, при этом по старому календарю. Черты нового, впрочем, проступали даже в традиционных общедеревенских увеселениях. Так, рождество, крещение, пасха, троица, успенье переместились с улицы, то есть из разряда общедеревенских праздников, в семью, реже в моленную, стали сугубо семейными праздниками. А новые праздники: 8 Марта, 1 Мая, День рыбака, годовщина Октябрьской революции проводятся не только в семьях, но главным образом в общественных местах, в доме правления колхоза, в Домах культуры, в школе, на улицах. Общие широкие гуляния сопровождают и такие народные праздники, как иванов день и Новый год.

Несмотря на то, что праздник 8 Марта приходится на время поста, когда, по прежним представлениям, веселиться было прех, он стал теперь любимым праздником, широко отмечаемым всеми женщинами Причудья.

На уровне бытового сознания обнаруживается еще известная социальная инертность. Сохраняются некоторые предрассудки. Верят в приметы: зеркало разобьется — к смерти, птица залетит в дом — семью посетит смерть. Воздерживаются, начиная какое-нибудь дело, дать соседям в долг деньги или вещь. Женщины, собираясь в Ленинград для продажи лука, стараются получить долг с соседей, чтобы торговля удалась. Верят, что если в канун поездки обидят в семье хозяйку — оскорбят словом или действием, то будет она «с товаром плакать», не продаст сразу лук. Верят, что ничего нельзя давать из дома в день первого выезда на озеро. Верят в счастливые и несчастливые встречи: «Иногда на озеро идешь, кого-нибудь со злым глазом встретишь и так потом караешься, так караешься...» На все Калласте была известна умершая несколько лет назад старуха, о которой старый рыбак говорил: «Если она встретится — поворачивай и не ходи в озеро; быть беде, погода испортится, буря будет». Это же подтвердил, смеясь, и колхозный шофер: «Едем в Ленинград с луком, встретили ее, лучше возвращайся до-

мой, обязательно что-нибудь да случится, шина лопнет или автоинспектор заберет».

Следует сказать, что большинство населения Причудья, не говоря уже о молодежи, не принимает эти приметы всерьез. Теперь, когда изменились социально-экономические условия и духовное содержание жизни, предрассудки у части населения с полным основанием можно считать рудиментами, анахроническими элементами структуры индивидуального сознания.

Воздействие религии на общественную жизнь населения в наши дни неизмеримо уменьшилось по сравнению с прежними временами, однако говорить о полном исчезновении обыденного религиозного сознания и традиционной обрядности еще рано.

Для определения роли религии в быту и общественной жизни автором в 1967 г. было проведено в Калласте обследование репрезентативной группы населения с целью выяснения 1) степени индивидуальной религиозности, 2) места традиционной обрядности в быту, 3) религиозного лидерства в семье⁹³.

Было обследовано 70 в прошлом старообрядческих, большей частью рыбацких семей (примерно 20% местных семей), включающих 166 человек в возрасте от 17 лет и старше. Полученные в результате устного опроса данные были разнесены в таблицы по четырем возрастным группам, в процентном отношении к общему числу опрошенных. По первому пункту опроса была составлена табл. 16.

Таблица 16. Показатели индивидуальной религиозности у населения Калласте в 1967 г.

Показатели индивидуальной религиозности	Мужчин				Женщин			
	Группы							
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	13—32 года	33—45 лет	46—55 лет	Старше 55 лет	13—32 года	33—45 лет	46—55 лет	Старше 55 лет
Исповедуются	—	23	66,6	82,6	—	36	73	98
Посещают моленную более или менее регулярно	—	4	11	25	—	11	13	32
Постятся	—	—	—	13	—	—	—	12

⁹³ Подробнее см. Рихтер Е. В. Опыт исследования религиозности у русского населения Причудья. — «Изв. АН ЭССР. Общественные науки», 1969, т. 18, № 1, с. 54—69.

Рис. 82. Момент похоронного обряда. Покойница лежит в большем углу, «лицом к богу»; окна занавешены. Тихеда, 1930-е годы.

Как следует из таблицы, наиболее устойчиво удерживается у населения хождение на исповедь. За семь недель великого поста у наставника побывало примерно $\frac{1}{3}$ мужчин и женщин в возрасте 33—45 лет, $\frac{2}{3}$ мужчин и почти $\frac{3}{4}$ женщин в возрасте 45—55 лет и 80—98% пожилых людей.

При опросе выяснилось, что мотивы у исповедывающихся разные: большинство идет на исповедь в силу социальной инерции, по привычке, унаследованной с детства, подчиняясь заведенному в семье порядку (родители, мол, ходили), по требованию матери или свекрови. Кроме того, в Причудье до сих пор принято отводить похороны по-церковному. Но наставник соглашается хоронить покойника лишь в том случае, если он и при жизни регулярно ходил исповедоваться. Поэтому ходят на исповедь почти все пожилые люди, а также рыбаки среднего возраста, главным образом те, традиционный промысел которых связан с риском и разными случайностями, или которые соглашаются на уговоры женщин своей семьи. Материалы опроса показали, что в выполнении этого религиозного обряда и в следовании ему значительную роль играют пожилые женщины. Впрочем, на молодое поколение (17—32 лет) их влияние уже не распространяется.

Посещение моленной в обычные дни резко сократилось. Ходить в моленную не считают обязательным теперь даже верующие старики: «Нет времени, плохо со здоровьем», — объясняют они.

Самым малозначимым в системе индивидуальной религиозности оказалось соблюдение постов. У людей еще сохранилось воспоминание об обязательности постов, но они отговариваются либо нездоровьем, либо мнимой нехваткой нужных продуктов («ведь теперь разве достанешь грибы, коноплю, толокно»).

У староверов Калласте сохранилась обрядность, связанная с важнейшими семейными событиями и религиозными праздниками. Родители ребенка уступали настояниям стариков окрестить его, не желая идти против их воли, находясь в некоторой зависимости от матери или свекрови, на попечении которых остается ребенок. Поэтому обряд крещения означал для молодых скорее пассивное соглашение со стариками, чем проявление религиозности.

Наиболее устойчивым обрядом, который почти без изменения передавался из поколения в поколение у староверов является похоронный. В Калласте в 1966 г. 80% всех похорон составили похороны с наставником (рис. 82). В табл. 17 приводятся данные по второму пункту вопроса.

Таблица 17. Отношение к похоронам населения Калласте

Отношение к похоронам	Мужчины				Женщины			
	Группы							
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Считают, что надо хоронить с наставником	—	28	67	87	9	54	67	98
Считают, что надо хоронить по гражданскому обряду	40	12	22	13	41	14	13	—
Не задумывались об этом или уклонились от ответа	60	60	11	—	50	32	20	2

Сравнение двух приведенных таблиц показывает, что у мужчин всех возрастов число исповедующихся у наставника и высказавшихся за «похороны с наставником», почти одинаково. Несколько иная картина наблюдается у женщин: из опрошенных за похороны с наставником высказались в первой группе 9%, во второй 54%; в первой группе никто не исповедует, во второй исповедует 36%. Следовательно, не придерживаясь религиозной основы (т. е. отказываясь от исповеди), женщины тем не менее предпочитают церковные похороны гражданским. Причиной этого является устойчи-

вость привычных стереотипов и сила эмоционального воздействия традиционного обряда. Это следует и из основных доводов, которые люди приводят в защиту церковных похорон:

1. «Человек не скотина, чтобы его просто в землю зарывать» (т. е. без исповеди и молебна).

2. «Невозможно совместить такую печаль, как смерть, с музыкой» (работница промкомбината «Калев» сказала, что у нее «волосы дыбом встают и сердце слабеет, когда она слышит музыку на похоронах»).

3. «Гражданские похороны в Калласте проходят не так торжественно и красиво, как в других городах Эстонии, поэтому пусть уж будут с батькой». После похорон устраивают поминки, приглашают родственников и знакомых «на 3—4 стола». Поминки вместе с похоронами обходятся семье в 300—400 рублей, но их устраивают непременно, чтобы и «покойнику была польза, и люди не осудили». Характерен, например, такой случай: в 1966 г. умер без исповеди 40-летний рабочий-строитель. Наставник отказался его хоронить. После гражданских похорон пошли толки. Осуждению под-

Таблица 18. Участие в подготовке к пасхе (в процентах к общему числу опрошенных)

Возрастные группы	Пекут пасху		Носят святить	
	Да	Нет	Да	Нет
Женщины				
I	9	91	—	100
II	53,6	46,4	24,2	32,1
III	80	20	20	80
IV	84	16	60	40
Мужчины				
I	—	—	—	100
II	—	—	8	84
III	—	—	33,3	66,7
IV	—	—	65	35

вергались не похороны без наставника, а вдова, которая не отвела поминки после похорон.

До некоторой степени сохранился обычай празднования пасхи. Однако такие обряды, как пост всей семьи перед пасхой, обязательное присутствие всех членов семьи в моленной в пасхальную ночь, «большой начал», на который ставил членов семьи отец по возвращении из моленной, и христосование, в настоящее время выполняются уже немногими.

По-прежнему в рождественскую ночь из дома в дом ходят христославы — наставник и четыре-пять певчих, поют «Славу» хозяевам дома. Предписание, запрещавшее вступать в дом, где живут мирские, теперь нередко игнорируется. Христославы идут не только в те семьи, где их ждут: горит лампада, не закрыта дверь всю ночь, но и туда, где есть «отпавшие» — некрещенные, коммунисты. Правда, в последнем случае наставник договаривается заранее и приходит днем, когда молодые хозяева на работе и дома остаются только старики. Не заходят христославы лишь в те дома, где живут молодые неверующие семьи и нет икон.

Среди категорий семейной обрядности определенное место занимают иконы. Заботятся о лампадном масле и зажигают лампаду в положенные дни старики. Более того, зажечь их молодым «замирщенным» людям не разрешается.

Пышно украшенный киот в большом углу имеет теперь чисто декоративное значение, и былой святости этот угол лишен; так, например, в углу под иконами нередко стоит телевизор. Но «в Калласте, наверное, нет дома, где бог не стоит, — сказала жена рыбака, — вот и у меня висят две иконы. И не верю, вроде, а вынести неудобно, люди ведь сколько верили...». Сохранению икон способствует преемственность поколений; живущих в одних и тех же домах. Семьи, получившие квартиры в коммунальных городских домах, икон не имеют, учащаются отказы молодых людей от принятия икон, которыми их наделяют в день свадьбы родители.

Привлекает внимание одна особенность быта старообрядческих семей, которая, по объяснению самих жителей, связа-

Таблица 19. Отношение к курению в доме

Отношение к курению	Мужчины				Женщины			
	Группы							
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Разрешают курить	20	24	23	9	18	21	26	7
Не разрешают курить	80	68	67	87	64	75	60	88
Безразличны		12	11	4	18	4	14	5

на с наличием в доме икон. На вопрос: «Разрешаете ли курить в своем доме?» были получены следующие ответы (в процентах к числу опрошенных лиц; см. табл. 19).

Запрет на курение табака нарушался и в 20-е, и в 30-е

годы. Особенно широко распространилось среди мужчин курение папирос и сигарет в послевоенные годы. Однако о запрете курения в доме помнят, и нарушают его лишь в редких случаях. Обычно хозяин курит, пуская дым в отдушину для самоварной трубы, посторонние, зашедшие в дом, выходят курить в коридор. Даже сын, приехавший из города, не осмелится закурить в комнате, обязательно выйдет. Следовательно, запрет на табак в известной мере действует и в наше время. Однако трудно определить — религиозное ли это явление, или чисто бытовое, лишенное религиозного содержания. Например, колхозник-рыбак (1926 г. рождения), который вообще не придерживался религиозных обрядов и в конце 40-х годов не разрешил окрестить своих двоих детей, сказал: «У меня от этой веры только и осталось, что я в комнате не курю...». Во время длительного собрания правления колхоза рыбаки один за другим выходят из комнаты председателя, чтобы покурить в коридоре. Молодые женщины не разрешают курить мужьям дома, даже если в комнате нет икон. В целом, как показал опрос, независимо от возраста и наличия религиозных людей, во всех группах населения численный перевес составляют люди, не допускающие курения в доме.

Материалы обследования семейной религиозности показывают, что лидерами в проведении всех религиозных обрядов являются пожилые и старые люди, в первую очередь женщины. Люди среднего возраста, если и выполняют некоторые из этих обрядов, то не столько из-за их религиозного содержания, сколько по привычке, соблюдая местные традиции деревенской общественной жизни. Среди старых людей по степени религиозности выделяются так называемые «божьи люди», затем «верующие для себя» и, наконец, «хладнокровные». Первые из них соблюдают посты (великий, рождественский, успенский, по средам и пятницам), регулярно исповедываются у наставника, активно посещают моленную, читают молитвы по покойнику, славят Христа, не смотрят передачи по телевизору. Эти старики образуют небольшую группу, сплоченную вокруг моленной. Большинство же людей старого поколения опускает в комплексе принятой обрядности многие предписания: не постятся, ходят в церковь только по большим праздникам. Местные жители выделяют среди стариков «хладнокровных», которые хотя и придерживаются традиционной обрядности, но выполняют ее равнодушно. Люди этой категории принимают участие в общественной жизни своего круга, живо интересуются делами всех членов семьи, охотно смотрят телевизионные передачи, читают газеты и журналы.

Правомерен вопрос: будет ли и впредь увеличиваться ре-

лигиозность у людей по мере того, как они станут перемещаться в старшие возрастные группы? Весь комплекс современной жизни населения Причудья отрицает такую возможность. Моленная утратила свой былой авторитет в сфере общественной жизни населения.

Ослабление религии в Причудье идет неотвратимо, являясь частью общего исторического процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русское население западного побережья Чудского озера представляет своеобразную группу, которая складывалась на протяжении примерно ста лет из переселенцев, разнородных по месту выхода и конфессиональной принадлежности.

Ядро ее составили спасавшиеся от церковных преследований староверы и бежавшие от помещичьего гнета крепостные. Всей этой группы был присущ неземледельческий, промысловый характер хозяйства. Направление хозяйственной деятельности и различия в религиозной принадлежности внутри этой группы обусловили особенности быта и культуры.

Федосеевские расколоучители стремились изолировать староверов от остального населения. Однако изоляция не состоялась в силу объективных экономических условий их жизни.

Связи местного населения (как православных, так и староверов) были чрезвычайно разнообразны и устойчивы. Тесными были контакты с эстонским населением выражавшиеся в обменной и посреднической торговле, арендных сделках, в работе по найму, во время сезонного рыболовства на малых озерах Эстонии, в отходе на каменное строительство. В сезоны рыболовства и отходничества староверы встречались с гдовскими и «талабскими» рыбаками, с крестьянами-отходниками Псковской и Петербургской губерний (вплоть до Ладоги), с населением Латвии, с прибалтийскими немцами-мастерами строительного дела.

Отходничество, благодаря которому устанавливались контакты, способствовало изменению традиционных форм быта также и у староверов. Постепенно разнообразные новшества проникали даже в область материальной культуры, строго ограждавшуюся религиозными запретами (одежда, пища). К концу XIX в. у населения Причудья основной формой семьи становится малая семья, разрушаются патриархальные отношения в семьях.

Быстрое развитие товарно-денежных отношений привело к изменению бытовой культуры населения Причудья (совер-

шение жилища, домашней утвари, одежды) и правового положения женщины.

Самыми важными вехами в истории этого края явились первая русская революция 1905—1907 гг., Октябрьская революция и Гражданская война, в которых принимали участие и староверы, а затем восстановление Советской власти в 1940 г. и Великая Отечественная война.

Быстрыми темпами развивалась экономическая и культурная жизнь Причудья после разгрома фашистской Германии. Колхозное строительство, развитие промышленности, подъем образования — все эти факторы способствовали привлечению причудского населения к активному социалистическому строительству.

Отмечается повсеместное ослабление религиозной идеологии, в том числе и старообрядческой. Наиболее существенным показателем отхода от религиозных норм, наряду с всеобщим светским образованием и устойчивыми социальными связями нового типа, является, на наш взгляд, признание обществом гетерогенных браков, что означает, по существу, глубинное изменение в психологии людей, разрушение рамок религиозной общины. Смешанные браки с эстонцами, русскими и с людьми других национальностей («иноверцами» в прошлом), несомненно, ускорили отход от религиозности, даже при сохранении некоторых традиционных обрядов, связанных с семейными событиями.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- агородья* 139
азям 161, 165, 177
аржанухи — ржаные лепешки 182, 197
Артель
рыболовецкая 35, 70, 92, 93
строителей 41, 42, 43, 71
асташки 155
ахлев 117
- бабка — повитуха 217, 257
балка нахлупная, 110
Баня 118, 135
батка — старообрядческий наставник 216, 278
Беспоповцы 11, 19, 199, 238
бисерный ремень 158
блицы — грибы 184
болтонка 183
баркан — морковь 51
Борона 60, 75
бочка 85, 87
теплицкая 86
северицкая 86
Брачные гадания 207, 208
бува — боа 146
бугры, забугриться 33, 34
будара — баржа для дров 45, 46
булыня — перекупщик рыбы 38
бульничать — перепродавать рыбу 38
бусы каменные (фарфоровые) 145
бут — фундамент 121, 122
бычки — колбаски из густого толкна 183
- варуши (в навиды)* — навещать роженицу 193, 194, 196, 218, 231, 232
вёрболки — потолочные балки 109, 110, 113, 130
верёх 61, 117, 118
верхошов — тип вышивки 149
ветровоз — ироническое название мелкого скупщика-торговца 44, 45, 58
- вечерина* — девичник 209, 213, 214, 228
визики — лапти 146
вихорь, вихор, вураган — синоним нечистой силы 255
в бурлаки идти, бурлак — сезонный рабочий 40
в мурну 40
в навиды 217, 218, 231
в натиску — способ засолки творога 187
в прищиплочку = закалывание платка 164
винкель — угол 121
волки — родня невесты 215
воложить 191
вольный двор 115, 117, 118, 120
ворсти, ворстики — домашняя колбаса 190, 194, 198
Воспитание детей 218, 219, 221, 222, 223, 234
вужина 189
вураган см. вихорь
выборка (лука) 52, 101
Выращивание лука 50—53, 97—102
Выращивание цикория 53—57
высадка — созревшая стрелка лука 53
вытукивать — молотить цепом 64
вытыканые кушаки — тканые 158
вытягальное корыто — прорубь 83
вязанки, венец сруба 110
- глазок* — камушек в серьгах 145
гнила — глина, глиняные сосуды 63, 179
Головные уборы
женские 142—144, 161, 164, 168, 170, 171, 173, 174
мужские 156, 175
гонт, гонот — кровельная лучинка 121
горожник — загородка для поросенка 117
горон, горн — очаг в лодке 33, 34

- гребень*, до гребня, середина грядки 51, 53
грунт — арендуемый участок земли 29
гуньба — тмин 188
густяха — каша из ржаной муки 182, 193, 198
- Дворы — 115, 118, 127
дом на двоих братьев — название пятистенка 119
дорожина — планка для заделывания пазов в лодке 84
дорожить — накладывать планки на пазы лодки 84
дошан — кадка 179
дровосека — вид подсеки 58
дружка 210, 212, 214, 228
духи — пряности для пищи
дымники, дымничать — осматривать хозяйство жениха 209, 214, 215, 233
дянки — варежки 155, 177, 214
- евель* — фронтон 110, 113, 136
ёлочь — жёлчь 185
- жердник* — старший в артели рыбака 35, 92
жерсть — орудие жердника 83
журавина — клюква 184
- залоба* — залог, даваемый невестой 208, 227, 228, 233
занога — место на шестке для тегана 111
застава —крытие от ветра 36, 70
Земледельческие орудия 58—66, 75
- Игры молодежи, *игрища* 207, 255
изурочить — сглазить 256
ишлаг — оборка рукава 139
- казавейка* — женская одежда 145, 146, 178
казачок — вид одежды 145, 178
калитки, калитовочки — покойничьи туфли 159, 161
камашки — ботинки 156, 178
камешки — грузила 32, 90
камзол, камзолец — вид одежды 151, 157, 178
капота — вид одежды 151, 157, 178
капустник — дальний огород 50, 57
карамель-кисель 194
картофка — карто⁺ель 183
картуз — головной убор 156, 178
карьямаа — выгон 66
- кятки* — рождественские катания 207
кашники — родня невесты 214
кикса, конкус — орудие для уборки картофеля 65, 66
килимат — лукошко, мера 61, 64, 66
клетники — родня жениха 215
клетка — приспособление для перевозки сена 61
клёчки — клецки 187, 197
кокоры — лепешки 182, 193
конкус, см. кикса 65, 66
Корзины
блинная 184
заплевная с поцопкой 53
корфки 55
люлька 55, 97, 192
корец — ковшик 180
корчаги — сосуд из глины 179
коса — земельная мера площади 57
краса, красота, красная красота 209, 213
кресла — дровни 82
кривой топор — вид тяти 57, 58, 75
крольщики, крыльщики 109
крупеня — суп с толченым ячменем 183, 197
крупизи — крупа из ячменя 194
крынки поливанные (глазурь) 179
кубыши — связки хвороста или соломы 55, 63, 65
куклики — булочки 192, 195, 197, 198
кярбицек, кярбик — деревянная корбочка 63, 65, 180
- латы* — жерди обрешотины 110
лемешница — часть сохи 59
лестовка — староверские четки 161, 162, 165, 166
летник — сезон найма работников 32
Лодки
лодьа 34, 92
лодьа-будара 45, 46, 47
сойма 34
троёнка 35
пятерня 35
четверенка 35
лошадник — владелец лошади 55, 58, 72, 75
луб — вид временного жилища рыбаков 35, 82
луда — каменная гряда в озере 32, 34
луко — лукошко 29, 61, 64
лянушка — лежанка 111, 126

макание — творог с молоком 187
матик — лукошко 61, 66, 179
межурядки 51, 53
монисто — бусы 145
мостовая — открытая площадка
вольного двора 115
мур 113, 121
мурлат — верхний венец сруба 110
мурна, мурная работа 39, 113
мурник, мурщик 40, 43, 113, 155
мурцовка — окрошка 190, 197, 198
мутник — невод 34, 36, 70, 78, 80,
81, 83, 90, 91, 92
мычка 53, 101

на́кваса 182, 197, 198
на приколку — способ связывания
женского платка в моленную 164
настягивать — облаживать сетку 32
на яичницу — визит к теще 213,
227, 229
небелёнка — бязь 139
Невод
закидной 69, 86, 89
ставник 87, 89, 90, 91
нечва, ночва 52, 53, 183
нёбо — свод печи 111
нор — ряд сеток 32, 69

обед — первые поминки 220
обжи — часть сохи 58
обливанка — творог с молоком 187
обсадка окон — оконная коробка
110, 126

Обувь
женская 146, 168, 174, 175
мужская 146, 155, 156, 175
Огородничество 49—57, 76, 77, 97—
102,
о́груди, см. женская одежда 139, 177
Одежда
женская 139—149, 166—170, 174
мужская 149—157, 170—171
детская 175, 176
моленная 162—166, 171, 172, 177,
178
обрядовая 160—162, 172, 177
праздничная 174, 176
производственная 155, 171, 174,
175

одеяло кусочное, сметочек — лос-
кутное 125
одоенье 61
ометья 62
опахивать — мести 65
опояхивание 157, 161
островья — жерди для сушки яро-
вого 63
открытый круговой двор 115

открытый с поветками двор 115
отзывание 213, 229, 234
Отходничество 25, 39—49, 71—73
мужское 39—47, 125, 126
женское 47—49
детское 49
о́чáхнуть — подсохнуть 185

панафида — панихида 193
парзылы — колосники в риге 62, 65
парчук — повойник 144
паска, пастка — обрядовый хлеб
191, 195

пастолы — обувь 156
паужина — полдник 41, 189
пеклец — 83
пелька — севок 64, 65
печники — мастера по сушке сетка
37
платья с кранолином 142, 149, 178
плотиво, плóтина — часть сохи 59,
65
поветерь — попутный ветер 32, 47
повойник 142, 144, 160, 161, 162, 173,
177, 215
под-едино — планировка двора
117
под едину крышу, под одну связь,
117

подорожник 161
подорывать — пропахивать карто-
фель 65
подрубать — замена венцов сруба
130, 131

подрюшник 165, 166
подряшник 160, 161, 162
по-задворью — вид планировки
усадыбы 117
позвонки — бубенчики 208
полати — помост для сушки лука
52, 101

подліна — подкладка 141, 149
поліна — полотнище фабричного
материала 162
полотнище — половики 113, 125
полупольтик 146, 167, 178
помáчка 187, 191, 197
поморцы 164, 202, 245, 246
посад — загруженная снопами рига
63, 65

посудник — кухонная полка 181
Праздники 253—255, 268, 274
пральная палка — валец 64, 65
привязь, приуз — цепь 64, 65
приглядеть — сглазить 256
припас — снаряжение рыбака 30
прихлёнывать — запивать 183, 187
припередок — предбанник 118
присóх — часть сохи 58

просветы — окна 109
прощание под ковши 214, 215
пружинка — железная борона 61,
66
прямызина — постное мясо 186, 198
пулька — зубец бороны 61, 66
пура, пурное место — мера земли
29, 61, 65, 74, 75
пядя — мера длины 51

разгнечать, загнетать — затапли-
вать 179
рассаники — пироги с творогом 183
раюша — межа 66
редель, редёлка — рама для сушки
ярового 63, 65, 118
рей, рья — рига 63, 65
ризец — сетная ловушка 38, 53, 80,
84, 85, 86, 87, 88, 92
ризки 160, 218
рòда — родственники 192, 193, 211,
212, 214, 228, 253
родиха — мать новорожденного 193,
217, 232

Рубаха
женская 139, 160, 161
залокотная рубашка 139, 140, 160
мужская 149, 160, 161
русская с подлинной 149
тельная рубашка 139
рукобитье 215
рушник — цепь 64
Рыболовство 26, 30—39, 68—71, 78,
79—94

сажать молодую в платки 215
сарафаны 139, 141, 171
с проймам 142, 177
подряшник 160, 162
картунник 142
широкоплечник 142
штофник 141, 142, 160, 162, 177
шубейка 142, 162, 177
саун — саван 160, 161, 162
Свадьба 202, 203, 207—215, 226—
231, 233
Сватовство 208, 209
свинух — 117
сікушка — блесна 35, 70
Скотоводство 66
слетьё — овощи 50, 111
сметочек — лоскутное одеяло 125
сойма — большая парусная лодка
34
солодуха 183, 198

солохи, солпы, сопёлки — штанины
149, 153, 177
Соха 58, 59, 75
сошило — багор; часть сохи 59, 83-
станушка, стануха 139
стожарье — основа стога 61, 65
стоянки — способ укладки снопов
65
с головой 62
со шляпой 62
стыр — стержень для стога 61
суковатка — вид бороны 60
сукромá 109
сусло, сулой — напиток 183, 187,
188, 197
сыта — кипяток с патокой 183, 187

тина — ботва лука 52, 53
толока 65, 100, 109, 235
тоня 88
трелка — лестница 122
трефель — колышек 121
трехтель — воронка 191, 198
троса — тросник 106
туфельцы фарфельные — прицеле-
вые 146, 147
тюпка — окрошка 190, 197
тюшки — проруби 83
тягухи — варежки 155

Фелосеевцы 11, 15, 16, 17, 18, 24,
162, 163, 164, 180, 200, 201, 202,
233, 236, 239, 245
фрыштик — завтрак 41, 189, 198
хвержь — мелкий щебень 121

чеж — кислый напиток 183, 187,
188, 197
чесание невесты 209, 214

шабёра — лещ 185
шáленки, кисейки 144
шафрей, шафрейка — чулан 122,
134
шерень — мелкий лед на озере 91
шиндарь — кровельный материал
121
широгалка — жабры 185
шленги — часть воротных петель
110, 113
шмунить лук — чистить его от ше-
лухи 53
шпáры — стропила 110
шубарки — варежки 155
шугай — вид одежды 145, 146, 178

НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ ПРИБАЛТИКИ И ТОПОНИМЫ ПРИЧУДЬЯ

Города	
эстонские и латвийские	немецкие и русские (до 1917 г.)
Валга	Валк
Валмиера	Вольмар
Вильянди	Феллин
Пайде	Вейсенштейн
Раквере	Везенберг
Слока	Шлок
Таллин	Ревель
Тарту	Дерпт, с 1893 по 1917 г. Юрьев
Цесис	Венден

Топонимы Причудья

эстонские	русские (бытующие и теперь)
Варнья	Воронья
Васкнарва	Сыренец
Казепя	Казепель
Калласте (город)	Красные Горы (молодые называют Калласте)
Кирепи	Костино
Колкья	Кольки
Кюкита	Кикита
Лохусуу	Логозы
Муствез (город)	Черный
Нина	Нос
Пийриссаар	Желачек
Рооскиюла	Ротчина
Тихеда	Тихотка

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Условные сокращения: вол. — волость, г. — город, губ. — губерния, д. — деревня, зал. — залив, им. — имение, м. — мыза, обл. — область, оз. — озеро, о. — остров, прих. — приход, р-н — район, р. — река, с. — село, ст. — станция, у. — уезд.

Географические названия: Варнья (Воронья), Казепель, Калласте (Красные Горы), Кикита, Колкья (Б. и М. — Кольки), Лохусуу, Муствез (д., пос. Черный), Нина (Нос), Рая (Раюша), Причудье, Тихеда, Тарту, Чудское озеро и Эстония в указатель не включены.

Авинурме д. 60, 102, 124, 179	Гдовский у. 22, 26, 40, 45, 182, 200
Алатскиви им., вол. 12, 19, 22, 30, 43, 44, 74, 75, 127, 128, 206, 249, 259, 260, 262	Германия 69, 283
Алутагузе 15	Дерпт, см. Юрьев (Тарту) г. 24, 49, 61, 202, 205, 220, 241, 251
Араву д. 17	Дерптский у. 12, 200, 236—240, 242, 245, 251
Архангельская губ. 26	Двинск г. 162, 247
Белоруссия 161, 173, 191	Ерпеперре д. 21
Береговая Луневщина д. 32	Зазыбенье д. Псковского у. 16
Браславский р-н 113	Залит о-в (см. Талабские о-ва) 86
Вазула им. 262	Зигоска д. Псковской обл. 180, 214
Вайвара прих. 16	Иваново-Болого д. Печорского р-на 117
Валга г. 22, 24, 26, 48	Изборск г., с. 42, 45, 211
Валмиера 45, 49	Ийзаку д. 64, 65, 253
Варшава 37, 69	Ильмень оз. 40
Васкнарва 81, 82, 155	Иыгева г., р-н 45, 205, 271
Великолуцкий у., обл. 16, 62	Иыэпере д. 17
Ветвенник д. 180, 213, 214	Кавасту м., вол., д. 20, 22, 26, 44, 127, 243, 249, 259
Везрксу (Б. и М.) д. 16	Казепельская вол. 74, 127, 263
Вильянди г., оз. (Виллянкское) 22, 24, 31, 48	Карьенде д. 21
Витебская губ. 24, 26, 40, 151, 192	Капорский у. 200
Вологодская губ. 254	Кастер им., Кастре вол. 20, 22, 259
Виртсъярв оз. 31, 48, 68	Ковенская губ. 26
Выру г. 22, 24, 42, 57, 236	Кодавере прих. 65, 253, 263
Выханду р. 16	Кокора им., д. 19, 43, 44, 249, 260, 268
Вяльги д. 61, 253	
Гдов г. 35, 45, 81, 180	
Гдовский р-н 32, 38, 62, 65, 93, 115—117, 135, 139, 142, 144, 153, 177, 182, 187, 192, 198, 213, 233	

Кокораская вол. 75, 122, 127
Колоколово д. Псковского р-на 117
Кооза д. 249
Костино д. 61, 63, 74, 146, 253
Кронштадт г. 31, 33, 257, 262
Курляндия, Курляндская губ. 14, 21, 26
Куукси д. 16
Лавры с. 117
Ладожское оз., Ладога 30, 31, 32—34, 40, 47, 48, 68, 147, 180, 183, 186, 247, 254, 256, 282
Латвия 24, 65, 72, 79, 174, 177, 247, 282
Латгалия сев.-вост. у. Латвии 9, 21, 25, 39, 62, 64, 109, 111, 113, 115, 139, 142, 148, 157, 161, 191, 198, 203, 245
Левашово Ленинградской обл. 48
Ленинград г. 97, 99
Ленинградская обл. 65, 111, 177
Лимбажи г. 26
Литва 21, 22, 173
Лифляндия, Лифляндская губ. 7, 12, 14, 17, 19, 20, 45, 108, 200, 202, 206, 238, 240, 242, 245, 249, 250
Лодейнопольский р-н 177
Локса д. 68
Лондон г. 11, 12
Лядский р-н 65, 182, 198
Межа д. Лифляндской губ. 18
Мехикорма д. 17, 78
Морье д. 33, 34, 39, 147, 206
Москва 26, 250
Муравьевка Первая и Вторая д. 75, 106
Мустайыэ (Черная речка) д. 15, 16
Муствезский р-н 8, 271
Нарва г., см. Ругодив 15, 16, 37, 63, 108, 109, 146, 199, 261, 270
Нарова (Нарва) р. 14, 15, 18, 33, 106, 155
Наха д. 17
Нева р. 33
Невельский р-н 62
Новгород г. 14, 15, 17
Новгородская губ. 32, 39, 161
Обозерье — зап. побережье Псковского озера 17, 63
Омеду д. 118, 121
Онежское оз. 34
Опочецкий у., р-н 177
Остзейский край, Остзейские провинции 188, 251
Островский у., р-н 110, 111
Пайде г. 22, 24, 42, 44
Пала м. 20, 43, 44
Палдиски г. 22, 74
Педаспя д. 31
Петербург, Петроград, Питер, г. 31, 33, 34, 37, 47, 48, 50, 146, 180, 238, 239, 241, 243, 244, 247, 250, 253, 262
Петербургская губ. 19, 49, 200, 282
Печорская вол. 17
Печорский р-н 61, 64, 111, 116, 117, 124, 142, 144, 145, 153, 198, 211, 214, 217, 230, 233
Печорский у. 50, 76, 182
Пийриссаар о-в, см. Межа 18, 31, 35, 37, 79, 200, 253
Подлинье д. Псковской обл. 44, 93
Польша 14, 16, 17, 69
Поморье 34
Порхов г. 236
Прибалтика 8, 9, 13, 21, 25, 27, 29, 39, 131, 149, 247
Принаровье 8, 15, 16, 51, 61, 62, 76, 122, 137, 141, 144, 192, 215, 233, 253
Причудская вол. 75, 76, 78, 127, 263
Пруссия 14, 21, 202
Псков г. 13, 14, 20, 36, 37, 42, 43—45, 48, 81, 179, 236, 241, 253
Псковская губ., Псковщина 18, 19, 25, 26, 32, 39, 42, 47, 59, 62, 65, 109, 122, 141, 144, 148, 150, 153, 161, 177, 182, 187, 202, 203, 209, 238, 245, 282
Псковская обл. 62, 65, 86, 104, 110, 111, 115, 117, 153, 158, 177, 193, 232, 262
Псковский у. 16, 17, 211
Псковское оз. 17, 36, 45, 50, 68, 74, 78, 79, 230
Пунгерья д., см. Ранна-Пунгерья 86
Пушкиногорский р-н 110, 111
Пыталовский р-н 111
Пярну г. 45, 78
Пярнуский зал. 45
Раквере г. 22, 24, 44, 57, 72
Ранна-Пунгерья д., см. Пунгерья 18, 82, 126
Раннаская вол. 122, 127
Раскопель д. 45, 232
Рига г. 13, 22, 24, 26, 42, 43, 162, 171, 242, 266
Рижский зал. 48
Россошь р. 33
Роотсикула, Ротчина д. 27, 28, 38, 40, 105, 180
Ругодив, см. Нарва 15
Рыуге прих. 42
Ряпина м., д. 16, 17, 44, 199

Сааремаа о. 44
Санкт-Петербургская губ. 19, 63
Сараквере им. 42
Себежский р-н 62, 110, 177
Сельсте д. 21
Середкинский р-н 117, 139, 177
Скамья с. 33, 155
Слока г. 22
Солдина м. 5
Сольцы с. 22, 236
Сонда д. 72
София д. 104, 105, 106, 259
Стародубье 201
Стругоокрасневский р-н 65
Сууре-Яани прих. 44
Сыренец с., см. Васкнарва 33, 155
Талабские о-ва (см. о. Залит) 35, 179
Таллин г. 13, 22, 24, 28, 43, 57, 71, 197, 224
Тартуский р-н, Тартумаа 65, 271
Тартуский у. 20, 22, 25, 26, 29, 31, 121, 188, 204, 238, 257
Тверская губ. 62, 155, 187, 211
Теплое оз. 36, 79
Торма прих. 74, 151

Тоосте д. 117
Тюри г. 42
Финляндия 77
Финский зал. 31, 33, 48, 87
Флемминсгоф им. 20
Фонтанка р. 33
Цесис г. 22, 45
Черная речка м. (см. Мустайыэ) 15
Швеция 69
Шлиссельбург (Шлошино) г. 33
Шлокский у. 26
Эмайыги р. 17, 39, 69
Эстляндия 18, Эстляндская губ. 19, 26
Юрьев г., см. Дерпт 37, 45
Юрьевский у. 12, 16, 206
Ямбургский у. 200
Яма д. 110, 155
Ямы д. 45

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
История изучения, источники и материалы	7
Основные этапы формирования русского населения западного Причудья	13
Глава I. Занятия и хозяйство	29
Глава II. Поселения и постройки	104
Глава III. Одежда	137
Глава IV. Пища и утварь	179
Глава V. Семья и семейная обрядность	199
Глава VI. Общественная жизнь и духовная культура	235
Заключение	282
Предметно-терминологический указатель	284
Названия городов Прибалтики и топонимы Причудья	288
Географический указатель	289

Академия наук Эстонской ССР. Институт истории. Елизавета Владимировна Рихтер. Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры). На русском языке. Художник-оформитель О. Херодес. Издательство «Валгус». Таллин. Редакторы А. Скворцова, Т. Ронгнен. Художественный редактор А. Сяде. Технический редактор Л. Крикманн. Корректор И. Пикнер. Сдано в набор 29 I 1976. Подписано к печати 29 IX 1976. Бумага 60×90/16. Печатных листов 18,25. Учетно-издательских листов 18,38. Тираж 1500 экз. МВ-05642. Издательство «Валгус». Таллин, Пярнуское шоссе 10. Типография им. Ханса Хейдемманна, Тарту, Юлякооли 17/19. II. Заказ № 481.

Цена руб. 1.94